

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Попова Галина Евгеньевна

РЕЛЕВАНТНОСТЬ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Специальность 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор А.В. Алферов

АСТРАХАНЬ 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МЕТАКАТЕГОРИИ.....	31
1.1. Концепт РЕЛЕВАНТНОСТЬ в языковом воплощении.....	32
1.2. Феноменология релевантности в дискурсе философии и социальной психологии.....	36
1.3. Дискурс социальной интеракции и права.....	41
1.4. Логика и теория аргументации.....	43
1.5. Теория информации.....	49
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	53
ГЛАВА II. КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ИНТЕРАКЦИЯ: СТАТИКА И ДИНАМИКА.....	56
2.1. Дифференциальная и интегральная модели коммуникации.....	56
2.2. Релевантность в семиозисе: семантика и прагматика интерпретанты.....	59
2.3. Когнитивно-коммуникативная интеракция: структурная типология.....	70
2.3.1. Концептуальная система и ее составляющие.....	70
2.3.2. Конструирование собеседника.....	84
2.3.3. Понимание как установление смысла: рефлексия и интерсубъективность.....	89
2.4. Контекстуальная ментальная модель и релевантность.....	100
2.5. Когнитивная среда как основание интерпретативной инференции: иллюстративный анализ.....	111
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	139
ГЛАВА III. ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОГНИТИВНО- СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕРАКЦИИ (РЕДУКЦИЯ И СХЕМАТИЗАЦИЯ).....	143

3.1. Концептуальное картирование семио-когнитивной модели речевой интеракции.....	145
3.2. Взаимное знание и взаимное понимание. Консонанс в речевой интеракции.....	151
3.3. Когнитивно-коммуникативный диссонанс	169
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III.....	184
ГЛАВА IV. КОНТЕКСТЫ РЕЛЕВАНТНОСТИ В ОБЫДЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ	190
4.1. Интеракциональная парадигма исследования релевантности ..	190
4.2. Неаддитивные контекстные модели в обыденно-профессиональной коммуникации: иллюстративный анализ.....	193
4.2.1. Импликативный дискурс (намёк и ирония).....	198
4.2.2. Метафора и уклонение.....	208
4.2.3. Прецедентные феномены	213
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV	234
ГЛАВА V. МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ МАНИФЕСТАЦИИ РЕЛЕВАНТНОСТИ В РЕЧЕВОЙ ИНТЕРАКЦИИ	238
5.1. Когнитивные метарепрезентации и метаречевая экспликация релевантности РВ	242
5.2. Семиотика полимодального маркирования релевантности речевого взаимодействия.	260
5.3. Маркирование (не)релевантности в речевой интеракции. Речезыковые механизмы образования дискурсивных маркеров релевантности	267
5.3.1. Структурно–семиотическая типология дискурсивных маркеров релевантности (ДМР). Иллюстративный анализ: французский язык.	271

5.3.2. Функциональная характеристика французских дискурсивных маркеров релевантности.....	278
5.4. Метаречевой динамический семиозис: полимодальное когнитивно-интеракциональное измерение релевантности.....	283
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ V.....	300
ГЛАВА VI. РЕЛЕВАНТНОСТЬ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ. ЭКСПЛИКАТУРЫ И ИМПЛИКАТУРЫ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЛИБЕРАТИВНОСТИ.....	303
6.1. Когнитивная динамика парламентской дискурсивной формации: объекты дискурса	303
6.2. Контекстуальные и речезыковые доминанты парламентской дискурсивной формации: событийно-фактуальный, риторико-аргументативный и конвенционально-конклюдивный аспекты	308
6.2.1. Релевантность пропозиции как единицы коллективной ментальности в политической и парламентской институциональности	311
6.2.2. Контрадикторность и контражность парламентской пропозиции	323
6.3. Полемическая (не)релевантность и репликативный дискурс в парламентской институциональности. Иллюстративный анализ	328
6.3.1. Репликативные маркеры релевантности и согласия (когнитивного резонанса)	337
6.3.2. Репликативные маркеры полемики и когнитивного диссонанса (не- и иррелевантности)	342
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ VI	346
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	351
БИБЛИОГРАФИЯ	357

ВВЕДЕНИЕ

Работа выполнена в перспективе лингвокогнитивной теории значения и рассматривает факторы *речевого взаимодействия* (РВ) на естественном языке в рамках сопряжения когнитивных, семиотических и интеракционных процессов в сознании и речи коммуникантов.

Такой подход определяется интегративностью методологии антропоцентрической парадигмы в её междисциплинарных связях [Златев, 2016; Кибрик, 2015; Кравченко, 2004; Langacker, 2013 Zima, 2015; Zlatev, 2012]. Соединение когнитивного, семиотического и интеракционно-прагматического подходов необходимо в исследовании механизмов смыслообразования и смыслообмена в рамках коммуникативного события – речевого взаимодействия (ср. [Болдырев, 2019; Григорьева, 2007; 2018; 2019; Moeschler, 1988]).

В интеракционной когнитивной системе¹ [Демьянков, 1996а,б; 2015; 2016] **значимость** некоего содержания определяется потребностью в знании, которая рождает потребность в трансфере знания, в когнитивной трансакции [Демьянков, 2016; Йокояма, 2005; Фещенко, Бочавер, 2016]. Отсюда вытекает семиотическое представление релевантности как «ценности» (*valeur*) в информационном обмене, в референциальном конструировании и формировании смысла (ср. *negotiation of meaning* [Bourdieu, 1977; Halliday, 1973]). Речь идёт, в конечном счете, о качестве информации, адекватности её интерпретации для понимания как смыслообразования [Демьянков, 1983;

---

¹ «Когнитивная система (К.с.) – компонент сознания/разума человека и его общей человеческой когниции, обладающий собственными механизмами и сферами действия, характеризуемый как результат взаимодействия определенного набора модулей <...> Определяющие признаки К.с.: выразительность (вербализуемость средствами системы языка), эффективность (нацеленность на быстрое и эффективное решение практических задач), алгоритмичность (основанность на алгоритмах), усваиваемость (эти системы усваиваются человеком в результате научения) и адаптируемость <...>]. Разные К.с. объединяются в единую инфраструктуру, именуемую **архитектурой когниции**» [Демьянков, 1996а: 74] (выделено в оригинале – Г.П.).

1989а,б]. Релевантность интерпретации состоит в получении максимальной «выгоды» (смысла) с наименьшими «затратами» (интерпретационными усилиями) [Sperber, Wilson, 1986/1995].

В коммуникативной интеракции понимание обусловлено intersубъективным взаимопониманием. Взаимопонимание есть первичная цель речевой интеракции [Демьянков, 1989б]. В основе взаимопонимания лежит *интерпретация* речевого действия коммуникатора, выявление «значения говорящего» (speaker's meaning [Grice, 1991]), которые необходимы адресату для успешного осмысления речедеятельностного континуума. Во многих ситуациях обыденного общения, в профессиональной делиберации – обсуждении и принятии решений, – в манипуляции, пропаганде и информационном конфликте – *критерий истинности* дефокусируется и уступает место принципу релевантности (эффективности) в контексте речевой интеракции [Ирисханова, 2014а: 260; Микиртумов, 2021]. Изучение процессов импликации и инвокации (вложения смысла, подразумевания) и инференции (понимания, исчисления смысла) становится особенно актуальным в перспективе категории *делиберации – процесса обсуждения проблемных, спорных вопросов и акта принятия решения как в обыденной, так и в институциональной политической делиберации (дискуссии, дебатов и т.п.)* [Johnston, 2005; Badouard, 2016].

Актуальность исследования состоит в необходимости разработки полиаспектного интегративного междисциплинарного подхода к когнитивным, в частности, интерпретационным процессам коммуникации в совокупности с рассмотрением её дискурсивных и интеракционных аспектов, лежащих в основе речекогнитивной делиберации (диалога-обмена мнениями) с целью достижения договоренностей, взаимопонимания, принятия решения в повседневной и профессиональной деятельности.

Следуя интересубъективной перспективе описания ценностных характеристик информации, системное исследование релевантности смыслообразования позволит моделировать когнитивные и контекстуальные эффекты речевого взаимодействия и воздействия в обыденной и профессиональной коммуникации. Актуальность исследования основывается на фундаментальной проблеме, рассматриваемой в теоретически новом ракурсе – разработке методологических аспектов анализа когнитивного и коммуникативного механизмов понимания и взаимопонимания как условия концептуализации смыслового объекта в процессе интересубъективной интеракции в рамках осуществляемой деятельности. Перспективность и актуальность социокогнитивного подхода определяется фундаментальностью языка в формировании, закреплении и развитии структур социальных знаний, возникающих в процессе коммуникативного взаимодействия с целью регуляции жизнедеятельности [Ирисханова, 2014б; Шюц, 2004; Madgic, 1973].

Многие ученые отмечают фундаментальность феномена релевантности для теории коммуникации (ср. «*Relevance is a fundamental aspect of human communication*» [Saracevic, 2007a: 324]). Концептуальные способности людей позволяют обрабатывать очень ограниченный спектр информации. С другой стороны, люди постоянно стремятся совершенствовать свои знания о мире в отношении количества, качества и организации. Поэтому обработке подвергается наиболее важная информация, оптимизирующая знания о мире. Оптимально релевантная информация относится к информации, которая вносит максимально возможный вклад в когнитивную систему при наименьших затратах на когнитивную обработку. Настройка на максимизацию релевантности происходит рефлекторно [Ирисханова, 2014а; Talmy, 2007] и даёт «ключ к человеческому познанию» [Sperber, 2000:120; Tomasello, 2009]. Поиск релевантности рассматривается как результат эволюционных процессов: в филогенетическом отборе когнитивная система

человека развивает механизмы повышения эффективности восприятия. Механизмы перцепции и памяти имеют тенденцию автоматически активировать потенциально релевантные интерпретации и смыслы, а инференциальные механизмы вывода имеют тенденцию спонтанно обрабатывать их наиболее продуктивным способом [Fauconnier, 2005; Fodor, 1986; Snowden, 2002; Sperber, Wilson, 2015]. Из бесчисленного количества стимулов лишь релевантные подвергаются когнитивной обработке [Talmy, 2007].

Будучи когнитивным и психологическим феноменом [Sperber, Wilson, 1995], релевантность относится к когнитивно-интеракциональным универсалиям и не зависит напрямую от системной организации национальных языков, но отражает этно-социальные, культурологические и когнитивные детерминанты, накладывающиеся как на сам язык, его лексическую и фразеологическую семантику [Алефиренко, Корина, 2011; Апресян, 2004; Болдырев, 2018], так и на речезыковое поведение [Залевская, 2005; Стернин, 2000; 2003; Стернин, Куркина, 2018]. Поэтому механизмы *понимания* как исчисления смысла и реализации когнитивной и коммуникативной *релевантности* отслеживаются нами на материале французского, английского и русского языков, чтобы проследить корреляции в национальных типах речевого сознания [Залевская, 2015; 2018; Astington, 2005; Vaars, 1997; 1988] и поведения [Стернин, 2003].

Не связанный напрямую с дискретными единицами языка, когнитивно-коммуникативный механизм релевантности принадлежит глубинной грамматике [Хомский, 1972; Chomsky, 2000; 2006; 2009], реализующейся в двух языковых ипостасях:

– во внутреннем (интериоризированном) языке (*I-language*²), отражающем языковую компетенцию и когнитивно-психические процессы языковой способности (тж. [Выготский, 2008; Гальперин, 1966]), и

---

² «I – internal, individual, and intentional» [Chomsky, 2000].

– во внешнем (экстериоризированном) языке (*E-language*) – языке социального взаимодействия и коммуникативной компетенции [Dijk, 2014; Hymes, 1972].

В когнитивном измерении языка (*I-language*) релевантность обеспечивает процессы понимания высказывания и дискурса, их содержательную (пропозициональную, информационную) *наполненность* и *состоятельность*. В семиотическом и интеракционном аспектах (*E-language*) под релевантностью необходимо понимать *значимость* структурного элемента для функционирования всей семиотической системы (*valeur*) [Соссюр, 1990: 67] в процессе реализации языка в речевой интеракции. Тогда в семантико-прагматическом плане релевантность определяется как оценка (процесс и результат) приемлемости (истинности, актуальности, аргументативности и т.д.) того или иного значения/понимания для коммуникантов.

Релевантность речевого взаимодействия зависит от внутреннего, когнитивного тезауруса (знаний), и внешнего функционального контекста, отражающихся в смысловой когерентности дискурса в ситуации его порождения и интерпретации [Mann, Thompson, 1988; Unger, 2006]. Релевантность «передаваемого и получаемого» знания обусловлена *сознанием коммуникантов*, в частности, совпадением – *резонансом* – когнитивных программ и интенциональностей отправителя и получателя (интерпретатора), которые в свою очередь зависят от ситуации общения, различных параметров речевого обмена, контекстуального эффекта, обусловленных условиями и предписаниями (ограничениями) речевого взаимодействия [Ирисханова, 2018; Sperber, Wilson, 1989; Sperber, 2007] .

В рамках релевантного подхода к речевому взаимодействию процесс «передачи» знания, или «когнитивная трансакция» [Йокояма, 2005], как прототип коммуникации в модели «кодирования-декодирования» дополняется концептом *коммуникативно-когнитивной среды* [Sperber,

Wilson, 1986/1995], что уравнивает коммуникативную функцию языка с его биологической функцией адаптации организма к среде с последующим переходом к её регуляции. Такая концепция определяется как принцип «взаимной каузальной связи» в системе «человек – среда» [Кравченко, 2008: 190; Maturana, Varela, 1992]. То есть процесс передачи информации представляется **не как** прескриптивное навязывание однозначного смысла сообщения (кодирование – декодирование), а как приведение в действие определенных структур в когнитивной области речевого взаимодействия, носящих *ориентирующий* характер. Как отмечает А.В. Кравченко,

*«признание интерсубъективной природы языкового значения, возникающего в универсуме интерсубъективного дискурса, приводит к закономерному выводу о многофакторности значения как когнитивного феномена, т.е. феномена, порождаемого областью когнитивных взаимодействий организмов, или **консенсуальной областью**». В связи с этим необходимо отказаться от взгляда на языковую коммуникацию как передачу "смыслов" (ментальных репрезентаций), и рассматривать ее как усилия по установлению общих ориентиров в той или иной ситуации взаимодействия (консенсуальной области)» [Кравченко, 2008: 140-141].*

Консенсуальная область речевой интеракции – это когнитивное пространство собеседников, основанное на взаимной адаптации и адаптации к окружающей (социальной) среде [Ирисханова, 2014б; Попова, 2020]. М.М. Бахтин отмечал:

«Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют – притом, так сказать, изнутри – структуру высказывания» [Бахтин, 2000: 421].

В работе релевантность рассматривается в трех коммуникативных ипостасях:

– как *категория лингвокогнитивная* (метаязыкового мышления) в преломлении к пониманию и передаче смысла в процессе межличностной коммуникации;

– как категория *когнитивно-дискурсивная* – в аспекте формирования смысла и взаимопонимания в речевом взаимодействии и в его жанровых реализациях;

– как *категория когнитивно-регулятивная* в преломлении к социально-политической коммуникативной системе в различных жанровых имплементациях (межличностное речевое поведение в *профессиональной коммуникации*).

Объектом исследования становится речевое взаимодействие как воплощение интересубъективной когнитивно-коммуникативной симметрии / асимметрии (ассонанс, консонанс, резонанс / диссонанс) в процессе создания обоюдного смысла, проявляющегося в трёх полярных прототипических манифестациях: понимание / непонимание; вера / неверие; согласие / несогласие, функционирующих в интенциональных прагматических стратегиях как определенных когнитивных моделях³ и последовательностях речевых актов⁴:

– **аддитивных**⁵, направленных на:

– *обеспечение успешной речезыковой интеракции в общении (диалоге) посредством уменьшения интерпретационного усилия собеседника;*

– **неаддитивных**, направленных на:

– *обеспечение максимального когнитивного эффекта в общении (диалоге) посредством усложнения интерпретационного усилия собеседника;*

– **адаптивных**:

– *выработки консенсуса в обыденной и профессиональной делиберативной когнитивно-коммуникативной интеракции, направленной на адаптацию когнитивных моделей и образование общего смысла в рамках*

---

³ См. ниже, а тж. [Кубрякова, 2012; Dijk, 2008; 2009]

⁴ «Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 1999: 54].

⁵ См. ниже, а тж. [Ирисханова, 2014а: 248-251].

определенной дискурсивной ситуации. Адаптивные стратегии реализуются на метакогнитивном и метаречевом уровнях речевого взаимодействия.

Предметом исследования выступают базовые механизмы *дискурсивной реализации* релевантности в совокупности когнитивно-речевых интеракций посредством разноуровневых средств их оязыковления.

За **единицу анализа** дискурса принимается речевая **интеракция** – отрезок коммуникативно-деятельностного континуума, ограниченный когнитивными пространствами взаимодействующих коммуникантов в рамках определенной когнитивно-деятельностной ситуации взаимодействия и взаимной адаптации индивидуальных программ по достижению определенных целей. Интеракция как сложная рекурсивная единица дискурса состоит из элементов – речевых актов-высказываний, объединяемых в диалогические единства в рамках дискурсивного обмена большей или меньшей протяженности (ср. [Бахтин, 2000; Борисова, 2007; Григорьева, 2018; Goffman, 1987; Kerbrat-Orecchioni, 1990; 2005]). В самом общем виде релевантность определяется как *соответствие* одного элемента интеракционального отношения другому взаимодействующему с ним элементу в рамках определенной задачи.

Гипотезой представляемого исследования является следующее положение: в адаптационных механизмах коммуникантов есть два взаимодействующих «когнитивных модуля» (Дж. Фодор) – один ориентирован на собеседника, другой на адаптацию к внешней (социальной) среде. Первый модуль взаимодействует со вторым, подчиняясь ему. Координация «внутренних релевантностей» собеседников (А. Шюц) в речевом взаимодействии происходит опосредованно – через ориентацию на общее когнитивное пространство – социальную и интерсубъективную среду, в которой существуют коммуниканты. Общая релевантность речемышлительной интеракции зависит от когнитивного ассонанса (инференциальной настройки собеседников), консонанса (формирования

общего смысла) и резонанса (взаимопонимания и согласия) коммуникантов в процессе взаимной адаптации обоих модулей.

Гипотеза исследования конкретизируется в трёх положениях о релевантности в адаптационных механизмах речевого взаимодействия:

1) релевантность как фундамент intersубъективного смыслообразования и смыслообмена отличается *универсальностью, множественной типологией и градуальностью*, функционируя в пространстве речевого взаимодействия в этно- и социокультурных вариациях языкового воплощения;

2) релевантность высказывания превалирует над категорией истинности в особых контекстах, ситуациях и жанрах речевого взаимодействия. Градуальность релевантности имеет скалярное воплощение в интерпретационных процедурах понимания;

3) релевантность взаимной адаптации субъект-объектной и субъект-субъектной когнитивных сред достигается и маркируется разноуровневыми мета-организаторами речевого контакта: паравербальными, лексико-грамматическими, речеактовыми, дискурсивно-интеракциональными.

Цель исследования – системное описание интеракциональной природы феномена релевантности как когнитивно-дискурсивной доминанты в её функциональных реализациях речевого взаимодействия в обыденном и профессиональном дискурсах.

Цель работы предполагает **решение следующих задач:**

1) определить сущностную – семиотическую и когнитивно-коммуникативную – природу феномена релевантности;

2) рассмотреть в свете теории речевого взаимодействия феномен *релевантности* в следующих ипостасях:

а) когнитивно-коммуникативный и дискурсивный механизм формирования речевых стратегий;

б) когнитивно-интеракциональная доминанта речевого взаимодействия;

в) когнитивно-дискурсивная доминанта речевых практик;

3) выявить и описать манифестации релевантности как когнитивно-коммуникативной категории;

4) установить поведенческую природу и телеологию релевантности, закономерности соблюдения и/или нарушения принципа релевантности субъектами коммуникации;

5) обосновать лингвокогнитивную универсальность феномена релевантности в её коммуникативных этнолингвистических манифестациях в речевой интеракции;

6) разработать критерии и стратегии системного описания релевантности как прагмакогнитивной доминанты интеракционального дискурса;

7) обосновать множественное представление релевантности как совокупности коммуникативных типов понимания в речевой интеракции;

8) выявить и описать структурную, лингвопрагматическую, социолингвистическую и этнолингвистическую специфику типов интеракциональных релевантностей в *ассонансных vs диссонансных* речевых интеракциях;

9) определить интеракционально-коммуникативные и речезыковые характеристики релевантности как категории межличностной и профессиональной интеракции в рамках обыденной и институциональной (парламентской) дискурсивных формаций.

Степень разработанности проблемы. Системных предметных исследований релевантности как коммуникативно-интеракционального феномена и когнитивной доминанты в обыденно-профессиональном (медицинском) и институциональном (парламентском) дискурсах в отечественной и зарубежной лингвистике до сих пор не предпринималось.

Настоящее исследование направлено на восполнение данной теоретической лакуны, на критический анализ существующих концепций релевантности, выявление закономерностей функционирования релевантности в речевом взаимодействии в обыденном и профессиональном дискурсах.

Разнообразные исследования речекогнитивного феномена релевантности восходят к философским концепциям Э. Гуссерля и А. Шюца, прагма-логической теории Г.П. Грайса [Грайс, 1985; Grice, 1957; 1971; 1991], к «Теории релевантности» (далее – «ТР») Д. Спербера и Д. Уилсон [Шпербер, Уилсон, 1988; Sperber, Wilson, 1986/1995] и др.

В зарубежной лингвистике различные подходы к изучению феномена релевантности составляют разветвленную парадигму (framework) междисциплинарных исследований, номенклатура которых, по нашим данным, насчитывает более 5500 наименований (статьи, тезисы докладов, рефераты, диссертации и т.д.) ([Попова, 2019а; 2021а; Clark, 2013; Yus, 2022: URL]). В течение последних 35 лет теория релевантности была и остается до сих пор одним из ведущих научных направлений в области когнитивной прагматики [Попова, 2021а].

Это направление представляется как развернутая исследовательская программа (research program) [Allott, 2013; Zvolenszky, 2015], опирающаяся на фундаментальные положения и понятийно-терминологический аппарат [Sperber, Wilson, 1986/1995], дополненный Д. Блэкмор [Blakemore, 1987; 2002], Р. Карстон [Carston, 2002] и др.

Идеи «ТР» реализуются в теории информации и информатике [Ferro, 2018; Saracevic, 2007a,b,c; Tokimoto, 2015], теории сознания (Theory of Mind), теории ментальной архитектуры, метарепрезентаций и т.д. [Becker, 2014; Recanati, 2004; 2008; 2010; Tiercelin, 1995; Wearing, 2010; Wilson, 1999], семиотики [Clark, 2013; Tiercelin, 1995], в лингвистике в различных аспектах: стилистике и риторике [Pilkington, 2000; Sperber, 2007; Unger, 2006], переводе

[Gutt, 2004; 2010], морфологии [Wałaszewska, 2017], грамматике (наклонение и модальность, аспект и др.) [Berbeira Gardón, 1998; Moeschler, 1993; Wilson, Sperber, 1990]; лексикологии [Blakemore, 1987; Wałaszewska, 2015; Wilson, Carston, 2007], дескриптивной лингвистике [Berbeira Gardón, 1998; Unger, 2006; Wałaszewska, 2017], социокогнитивном подходе [Dijk, 2008; 2009; Santibàñez, 2012; Sperber, 2012], теории коммуникации [Cruz, 2016a; Tokimoto, 2015], медийной дискуртологии [Blakemore, 1992; Yus Ramos, 1999], лингводидактике [Salins, 1992], в предметных исследованиях: метафора [Allott, 2013; Carston, 2010; Sperber, Wilson, 2008; Tendahl, 2009], юмор, ирония [Wilson, 2006; Yus, 2016], аргументация [Walton, 2004], теория вежливости и фатическая коммуникация [Alba Juez, Mackenzie, 2016; Cruz, 2007a,b; 2012; Santibàñez, 2012; Watts, 2003], прагма-дискурсивные маркеры [Blakemore, 2002; 2006; Fraser, 2005; 2015; Waltereit, 2007], гендер [Turnbull, Berryman, 2016] и др.

Одним из отмечаемых ограничений множественных трактовок и теорий релевантности, их разнообразных приложений к различным речекогнитивным явлениям (аргументация, ирония, метафора, перевод и т.д.) является умозрительный характер рассуждений, основанный, как правило, на отдельных, часто сконструированных примерах, не связанных ни с реальным функционированием языка в речевом взаимодействии, ни с корпусным анализом дискурсивных реализаций релевантности (см. [Попова, 2021a; Dijk, 2008]). Такие подходы упускают многие аспекты речевой интеракции, когда коммуниканты фокусируют релевантное или нерелевантное (речевое) поведение, оспаривая или оценивая его релевантность, объясняя причины использования тех или иных дискурсивных стратегий.

В отечественном языкознании «тренд» «Теории релевантности» не был активно подхвачен лингвистами, что отмечено в работах [Ирисханова, 2014a; Кубрякова, 2012; Кульмухаметова, 2006; Правикова, 2002]. Однако существование идеи релевантности и связанные с ней проблемы разрабатывались В.З.

Демьянковым в его «Теории интерпретации» и другими российскими учёными, во многом в корреляции с исследованиям Г.П. Грайса, Дж. Серля, Д. Спербера, П. Стросона и др. [Демьянков, 1979а,б; 1985а,б], а в дальнейшем в работах отечественных ученых в ракурсе справочных обзоров [Кильмухаметова, 2006; КСКТ; Макаров, 2003; Сузов, 2006], в аналитических исследованиях, предметно раскрывающих суть «Теории релевантности» [Попова, 2004; 2019а; 2021а; Правикова, 2002] и некоторых частных аспектов категории релевантности в тематически сопряженных исследованиях языковых феноменов в свете «ТР» [Алферов, 2005; Антошина, 2019; Барель, 2022; Болдырев, 2017а,б; Воронина, 2020; Голубева, 2019; Гусаренко, 2014; Ерещенко, 2015; Ирисханова, 2014а; Иваненко, 2014; Кудряшов, 2021; Минеев, 2021; Россихина, Икатова, 2021; Солнцева, 2018; Харитончик, 2019].

Основные гипотезы «ТР» были выдвинуты на базе обработки языковых фактов и категорий, таких как прагматические коннекторы [Алферов, 2001; Blakemore, 2002; 2004]; референтная и кореферентная салиентность, (де)фокусирование [Ирисханова, 2014а; Matsui, 2000;]; модальность речевых актов [Jary, 2007]; грамматикализация и прагматизация [Алферов, 2001; Ирисханова, 2014а: 214-244; Кустова, Попова, 2017; Dostie, 2004]; риторико-стилистическая и жанровая когерентность [Алферов, Попова, 2017; Попова, 2019а; Muschard, 2002].

Многие коррелирующие вопросы были подняты в разработках по тематике коммуникативных неудач (КН) [Ермакова, Земская, 1993; Йокояма, 1998; Кънева, 1999; Смирнова, 2003; Мустайоки, 2015; и др.], изучению имплицитности [Анохина, 2010; Арустамян, 2011; Бондарко, 2006; Ермакова, 2010; Имплицитность, 1999; Нефедова, 2001; и др.], непрямо́й коммуникации [Гоготишвили, 2006; Дементьев, 2000; 2001 и др.], когнитивной лингвистики, в частности, проблемам инференции [Водоватова, 2007; Дроздова, 2003; 2015; Кубрякова, 2004; 2012; Молчанова, 1988; 2017; Петрякова, 2014; и др.] и аттенциональности [Ирисханова, 2014а; Петрова, 2017; 2019; Тэлми, 2006 и

др.], психолингвистическим проблемам языкового сознания [Залевская, 2005; 2012; 2018; Седов, 2016; Хахалова, 2016; 2017 и др.], интеракциональной парадигме [Актуальные аспекты, 2013; Алферов, 2007а; Попова, 2004 и др.]. Субъективность релевантности проявляется в понятийном аппарате теории эмпатии и интеракциональной категории «точки зрения» [Thompson, 2005].

Таким образом, феномен релевантности значительно шире, нежели перспектива, заданная «Теорией релевантности» Д. Спербера и Д. Уилсон (см. [Попова, 2019а; 2021а; Dijk, 2008; 2009]).

Презумпцией исследования становится положение о *недостаточном* проникновении в разносторонние механизмы **интеракциональной природы** феномена релевантности, реализующиеся в речевом взаимодействии, учитывая множественность ипостасей феномена релевантности в междисциплинарном антропоцентрическом научном знании.

Результатом проведенного диссертационного исследования являются **следующие положения, выносимые на защиту:**

1. Релевантность – функциональное свойство речевого взаимодействия, отражающее закономерности речевого поведения, – является когнитивно-прагматической категорией, реализуемой когнитивными и поведенческими (социо-психологическими) механизмами в порождении и интерпретации высказывания в рамках речевой интеракции.

2. Релевантность как фундамент intersубъективного смыслообразования и смыслообмена отличается *универсальностью, множественной типологией и градуальностью*, функционируя в пространстве речекогнитивной деятельности человека, речевого взаимодействия в социокультурных вариациях понятийного и языкового воплощения (дискурсивных формациях).

3. Релевантность речевого взаимодействия, субъективная и градуальная, регламентируется как институциональными нормами, так и индивидуальными интенциональными состояниями коммуникантов.

4. Релевантность характеризует процесс порождения и восприятия речи. В речевом взаимодействии реализуется релевантность *порождаемого смысла высказывания* и релевантность *интерпретации*, что в совокупности образует общий смысл речевой интеракции через механизмы понимания и взаимопонимания. Нарушение релевантности рождает когнитивно-коммуникативную асимметрию и диссонанс.

5. Релевантность лежит в основе акцептации и достижения согласия как когнитивного *ассонанса* и *консонанса* в аргументативных и делиберативных речевых интеракциях, в дискурсе принятия решения. Объективно-субъективные противоречия коммуникантов могут повлечь нарушения успешности речевого взаимодействия. Категория релевантности есть воплощение коммуникативной оппозиции: *речекогнитивного ассонанса, консонанса и резонанса*, с одной стороны, и когнитивно-коммуникативного *диссонанса* в субъект-субъектной и субъект-объектной векторности системы «адресант – объект – адресат».

6. *Пертинентность* как персональная релевантность участника акта коммуникации рассматривается как соответствие информативной, иллюкутивной, интерперсональной, аргументативной интенциональностей *адресанта* интенциональным потребностям *адресата*. Взаимная *пертинентность* коммуникативного акта рождает когнитивно-коммуникативный *резонанс* когнитивных моделей коммуникантов, коммуникативно-психологическое взаимопонимание. *Пертинентность* может нарушать принцип оптимальной релевантности (уменьшения интерпретативных усилий) для получения максимального контекстуального эффекта (метафора, юмор, прецедентность и др.). Высшая степень пертинентности – *когнитивный катарсис* («радость понимания»).

7. Отсутствие пертинентности (конклюдивной релевантности) приводит к когнитивно-коммуникативному *диссонансу* в его градуальных манифестациях *нерелевантности* и *иррелевантности* речевого акта

(поведения). *Нерелевантность* трактуется как слабая степень манифестации коммуникативного диссонанса, как категория «коммуникативного безразличия», не затрагивающая напрямую интересов партнера по коммуникации. *Иррелевантность* акта речи (информации) понимается как наносящая ущерб коммуникативным (и др.) интересам собеседника (диффамация, «фейк» и т.п.).

8. Релевантность высказывания намеренно актуализируется и фокусируется в метакоммуникативной интеракции при употреблении определенных речезыковых форм, несущих акцентированное имплицитное содержание (непрямая коммуникация, фигуральное значение): *намёк, аллюзия, подтекст, метафора, ирония, юмор, интертекст (прецедентность)*. Такие не прямые формы референции становятся когнитивными доминантами в некоторых жанрах и жанровых деривациях, но и широко представлены в обыденном дискурсе.

9. Релевантность может рассматриваться как одна из категорий дискурсивной грамматики, отражающей когнитивно-прагматическую компетенцию участников речевого взаимодействия. Обеспечение механизмов релевантности в речи достигается при помощи разноуровневых дискурсивных маркеров релевантности (полиmodalных: жестовых, просодико-фонетических, синтактико-грамматических, лексико- и фразеосемантических) – «тетических» элементов высказывания, регуляторов речевого взаимодействия, выполняющих роль триггеров и коммуникативно-прагматических манифестаций речевого поведения, представляемых в исследовании как *дискурсивные маркеры релевантности*.

10. Релевантность пропозиции лежит в основе консенсуса как прототипической основы делиберативной институциональности. Достижение консенсуса основано на когнитивно-прагматическом механизме установления релевантности пропозиций, взаимодействующих посредством высказываний в дискуссионном поле коллективного ментального

пространства акторов парламентского делиберативного процесса. Концептуализация в парламентском дискурсе отличается противонаправленными пропозиционально-аргументативными векторами, которые возникают в трех тесно связанных аспектах – событийно-фактуальном, риторико-аргументативном и конвенционально-конклюдивном. Последний определяется механизмом корпоративной (партийной, групповой) релевантности и в условиях парламентских дебатов не достигает, как правило, статута парламентского консенсуса.

11. Наряду с выделяемой *интерпретативной* макрофункцией языка – необходимо причислить к языковым макрофункциям – **адаптивную функцию языка** как функцию регуляции и гармонизации речевой интеракции, инструментом которой являются описанные в работе механизмы релевантности.

На основе выдвинутых положений мы приходим к следующему определению релевантности в речи:

Релевантность – категория дискурсивной грамматики, динамическая и субъективно-компетентностная⁶, отражающая степень успешности речевого взаимодействия с точки зрения участников речевой интеракции, процесса и результата взаимодействия, когнитивных и коммуникативных компетенций коммуникантов, имеющая разноуровневые средства реализации – регулирования и вербализации.

В основу **методологии исследования** ложится метод дискурсивной *интеракциональной когнитивной* семиотики (ср. [Болдырев, 2019; Демьянков, 2017; Заботкина, 2002; Златев, 2016; Ирисханова, 2014в;

---

⁶ Релевантность отражает когнитивно-прагматическую компетенцию субъекта речевого взаимодействия [Болдырев, 2019; Гак, 1972; 1982; Грайс, 1985; Гордон, Лаков, 1985; Демьянков, 1989; 1994; 2017; Йокояма, 2005; Кравченко, 2008; 2011; Кубрякова, 2004; Леонтьев, 1975; Bach, 2005; Brown, Levinson, 1978; Chomsky, 2006; Goffman, 1987; Gumperz, 1982; Hymes, 1972; Ifantidou, 2014; Langacker, 2013; Leech, 1983].

Кравченко, 2008; Кубрякова, 2001; 2004; Пирс, 2000; Langacker, 2013; Moeschler, 1988; Peirce, 1978; Tiercelin, 1995; Tokimoto, 2015; Zima, 2015; Zlatev, 2012]). В методологической перспективе исследование направлено на дальнейшую разработку общей проблематики взаимоотношения языка и мышления [Кацнельсон, 2002; Кибрик, 2015; Павилёнис, 1993; Потеня, 1999; Серль, 2002; Шюц, 1988; 2004; 2008; Astington, 2005; Baars, 1997; Chomsky, 2000; 2006; Fodor, Pylyshyn, 2015; Récanati, 2008; 2010; Searle, 1985], теории интерпретации [Болдырев, 2011; Григорьева, 2018; 2019; Демьянков, 1989а; 1994; Растье, 2001; De Brabanter, 2009; Halliday, 1978; Recanati, 1989; 2004; 2010], теории импликации и имплицитности [Анохина, 2010; Арутюнова, 1999; Кубрякова, 2004; Никитин, 1988; Павилёнис, 1993; Ducrot, 1879; 1984; Grice, 1957; Haider, 1992; Kerbrat-Orecchioni, 1986; Leech, 1983], интеракционально-инференциальной модели речевого взаимодействия [Алферов, 2007б; Попова, 2019а; Grice, 1991; Sperber, Wilson, 1986; 1995 и др.].

В рамках общей интегративной (когнитивно-семиотической и интеракциональной) методологии применялись традиционные и *инновационные* (технологии) исследования: дефиниционный анализ (метод словарных дефиниций), метод когнитивно-концептуального картирования; *метод полярной монологизации (нарративизации) речевой интеракции*, технология выявления типичных контекстов; *метод пропозиционального моделирования*, лингвопрагматическое сопоставление языковых и речевых средств; полиаспектный анализ, включающий дистрибутивные, оппозитивные, интерпретативно-имплицативные, типолого-квантитативные технологии и др.

Теоретической базой исследования становятся работы по когнитивной концепции дискурса и речевого взаимодействия Н.Н. Болдырева, Г.П. Грайса, В.З. Демьянкова, О.К. Ирисхановой, В.И. Карасика, А.А. Кибрика, Е.С. Кубряковой, Т. Ван Дейка, Д. Герертса, Р. Гиббса, Ф. Реканати, Д.

Спербера, Д. Уилсон, Н. Хомского и др.; исследования структурно-функциональной и дискурсивной парадигмы В.Г. Борботько, В.Г. Гака, М.Л. Макарова, М.А.К. Халлидея, П. Шародо, Е.И. Шейгал и др.; социокогнитивной парадигмы П. Бурдые, В.И. Карасика, Р. Карстон, Ж. Фоконье, М. Фуко, В.И. Шаховского, А. Шюца и др., когнитивной семиотики Р. Лэнекера, Ч.С. Пирса, У. Эко и др.; интеракциональной парадигмы языка и речи М.М. Бахтина, Д. Гампертса, Э. Гофмана, Дж. Лича, К. Кербрата-Ореккиони, Ж. Мёшлера, Дж. Серля, Д. Хаймса и др.

Исследование базируется на интеракционально-когнитивной парадигме, разрабатываемой в отечественных и зарубежных междисциплинарных исследованиях речевой интеракции [Алферов, 2001; 2007; 2009; 2011; 2013; Арустамян, 2011; Баделина, 1997; Баранов, 1992; Борисова, 2007; Григорьева, 2018; Гюрджян, 2009; Демьянков, 1989а,б; Ермакова, Земская, 1993; Земская, 1983; 2004; Йокояма, 1988; 2005; Кустова, 2009; Кустова, 2015; Попова, 2012; 2013; 2015; 2019а; 2020; 2021а; Смирнова, 2003; Черенков, 2011; André-Larochebouvy, 1984; Drew, 2018; Grice, 1991; Goffman, 1981; Gumperz, Hymes, 1991; 1987; Hymes, 1972; Ilie, 2003; Kasher, 1976; Kerbrat-Orecchioni, 1990; 1992; 1994; 2005; Lauerbach, Aijmer, 2007; Langacker, 2013; Moeschler, 1986; 1993; Mustajoki, 2012; Newcomb, 1965; Sacks, 1974; Schegloff, 1982; Zima, 2015; Zlatev, 2014].

Материалом исследования послужил созданный при участии автора речезыковой корпус объёмом более 10 000 контекстов⁷, зафиксированных в трех форматах:

– корпус текстов, собранных в процессе исследования (2004–2022 гг.) из французских, русских и английских литературных произведений и их переводов, отраженный частично в монографиях [Попова, 2013; 2017;

---

⁷ Все корпуса собраны и обработаны в рамках исследований межуниверситетского Центра интеракциональной лингвистики и институциональной коммуникации (рук. А.В. Алферов) при Пятигорском государственном университете [https://pgu.ru/information/structure/centers/detail.php?ELEMENT_ID=11553].

2019а,в], в том числе электронный корпус *Etude Linguistique de la Communication Parlée* (ELICOP), корпус FRANTEXT (5415 статей, 254 млн. слов); Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и параллельный русско-французский подкорпус;

– корпус транскриптов популярного телесериала «House, MD», в объеме около 100 000 реплик, из которых отобраны и проанализированы релевантные – около 1500 реплик в сопоставлении с русским переводом (телекомпания «Lost Film»⁸).

Новизна исследования. Впервые в рамках проблематики речекогнитивного феномена релевантности были предложены корреляции интеракциональной перспективы в виде стадияльной концепции когнитивно-коммуникативного ассонанса (*консонанс, резонанс*) и диссонанса (*коммуникативный сбой, коммуникативная аномалия* и т.д.). Научная новизна работы определяется следующими полученными автором практическими и теоретическими результатами:

1) проведён междисциплинарный анализ категории релевантности, выполнено когнитивное картирование межпредметных корреляций релевантности в преломлении к речекогнитивному взаимодействию;

2) показана имманентная семиотическая сущность релевантности, заложенная в речезыковом знаке, доказана корреляция между релевантностью и интерпретантой знака;

3) выявлен механизм градуальности проявлений релевантности с дифференциацией понятий *релевантности* и *пертинентности*, *нерелевантности* и *иррелевантности* в приложении к процедуре лингвистического анализа;

4) выработана модель реализации трёх типов речекогнитивных стратегий: *аддитивных*, *неаддитивных* и *адаптивных*;

---

⁸ Составители – Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова; использован частично в монографиях [Попова, 2019; Тамразова, 2021].

5) разработан понятийный аппарат для моделирования и описания категории релевантности в речевой интеракции (*внешняя и внутренняя релевантность; вторичная релевантность; личностная релевантность; сложно-релевантная форма; оппозиция нерелевантность/иррелевантность; интерактивная / интеракциональная релевантность; речекогнитивная пертинентность; стадильность речекогнитивного консенсуса: ассонанс, консонанс, резонанс; регулируемый / нерегулируемый диссонанс; аддитивные, неаддитивные и адаптивные речекогнитивные стратегии; интенциональные субъектные знаки vs неинтенциональные объектные знаки; когнитивно-коммуникативный шифтинг; метарефлексы и метарефлективы и др.*);

6) представлены схемы когнитивного картирования релевантных аспектов речевого взаимодействия;

7) определен функциональный статус личностной релевантности – *пертинентности* – в когнитивно-коммуникативной структуре речевой интеракции;

8) смоделирован способ иллюстрации и экспликации социокультурных контекстов релевантности на материале русского, французского и английского языков, выявлены их функциональные характеристики и языковая специфика;

9) создан метод анализа дискурсивной релевантности в интеракциональной структуре разножанрового дискурса;

10) раскрыт семиотический механизм формирования полимодальных триггеров и маркеров (рефлексов и рефлексивов) релевантности в речевом взаимодействии.

Теоретическая значимость основных результатов исследования обусловлена существенным вкладом в разработку теории языкового и дискурсивного значения, интеракциональной лингвистики, грамматики речи, теории дискурса и профессиональной коммуникативной интеракции (делиберативный диалог), выработана методика определения дискурсных

конститутивных релевантных признаков. Теоретическая значимость исследования состоит также в выдвижении концепции сравнительной релевантности обыденного и профессионального дискурсов, в частности, делиберативной коммуникации. Когнитивно-семиотический подход, представленный в работе, позволил выработать системное представление (модель) коммуникативной релевантности как **релевантной структуры** делиберативного (обыденного и профессионального) дискурса.

В методологической перспективе исследования обыденного и профессионального дискурсов использованы оригинальные методы и технологии когнитивно-интеракционного анализа: получила развитие теория релевантности, теория речевого взаимодействия, когнитивно-дискурсивный метод, когнитивная семиотика и др.

Основные выводы работы способствуют углублению представлений о феномене релевантности, взаимопонимании, моделировании процессов смыслообразования и смыслообмена. Предлагаемая в работе концептуализация и категоризация релевантности как теоретического конструкта, позволяет, с одной стороны, обобщить речезыковые явления, рассматриваемые в отрыве друг от друга, а с другой, – дифференцировать лингвистические механизмы, рассматриваемые в рамках онтологически общих и полипарадигмальных категорий (успешность коммуникации, интерпретационное усилие, коммуникативная неудача, когнитивный диссонанс и др.).

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования результатов анализа в дальнейших разработках когнитивно-прагматического метода, в изучении разножанрового дискурса с точки зрения теории релевантности. Следуя интерсубъективной перспективе описания ценностных характеристик информации, теория релевантности, представленная в работе, помогает выявить в речевом взаимодействии механизм антиципации и факторы оценки

качества информации, её эффективности и интенциональности, что, несомненно, будет востребовано в журналистике и пропаганде, политологии и политтехнологиях, рекламе и PR-менеджменте. Материалы исследования могут пополнить методологическую и фактуальную базу дидактических курсов по теории языка, когнитивной лингвистике, теории текста и дискурса, теории и практики лингвистической аргументации, интеракциональной перспективы когнитивно-дискурсивной парадигмы, а также в политической лингвистике, в изучении манифестаций релевантности в различных видах дискурса (деловом, рекламном, педагогическом и др.).

Апробация положений и выводов исследования осуществлялась в форме докладов, отраженных в материалах XI Международного конгресса по когнитивной лингвистике (Москва, 2022); VI международной научной конференции «Язык и действительность» (Москва, 2022); Всероссийской научной конференции с международным участием «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках» (Новосибирск, 2022); Международной научной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме» (Москва, 2021); Международного лингвистического конгресса «Языки мира – мир языков» (Пятигорск, 2022); Международной научной конференции «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (Нижний Новгород, 2021); Круглого стола «Методы когнитивной лингвистики: гордость или предубеждение?» (Москва-Тамбов, 2021); Международной научной конференции «Антропологический поворот: теории и практики» (Орёл, 2021); Международной научной конференции «Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты» (Воронеж, 2021); Международной научной конференции «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы» (Тамбов, 2020); Круглого стола «Языки, культуры, модальности: интеграция методов когнитивных исследований языка» (Москва, 2019); XVI Березинских чтений «Языковое

бытие человека и этноса» (Москва, 2019); Международной научной конференции «Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы» (Казань, 2018); 62-й Международной научной конференции Астраханского государственного технического университета (Астрахань, 2018); Международной научной конференции «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 2018); Международного конгресса «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество» (Пятигорск, 2004; 2010; 2013); Международной научно-практической конференции «Личность, речь и юридическая практика» (Ростов-на-Дону, 2012; 2013); Международной научно-практической конференции «Романская филология в контексте современного гуманитарного знания» (Краснодар, 2013); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы языкового образования» (Майкоп, 2011); Международной научной конференции «Прагмалингвистика и практика речевого общения» (Ростов-на-Дону, 2009). Результаты исследования прошли апробацию в рамках научного проекта, поддержанного РГНФ (грант № 14-04-00029) «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза: Великобритания, Германия, Франция. Европарламент. (2014-2016 гг.)».

По теме проводимого исследования опубликовано 76 работ общим объемом около 60 п.л., в том числе, статьи в научных журналах и сборниках научных трудов (6,5 п.л.), тезисы докладов (8 п.л.), 4 монографии (33 п.л.) и 24 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК (12,5 п.л.).

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, 6 глав, выводов и Заключения. Работа содержит 9 схем, 3 рисунка и 10 таблиц.

В **первой главе** проводится междисциплинарный анализ категории релевантности, раскрывается феноменологическая сущность релевантности, рассматривается философское воплощение релевантности в работах Э.

Гусерля и А. Шюца; раскрывается понятийный диапазон метакатегории релевантности в различных областях знания – юриспруденции, теории аргументации, теории информации; выполняется когнитивное картирование межпредметных корреляций релевантности в преломлении к речекогнитивному взаимодействию; выводятся фундаментальные свойства когнитивно-коммуникативного феномена релевантности. **Вторая глава** посвящена семиотической и лингво-коммуникативной природе релевантности, отражающейся в статике и динамике когнитивно-коммуникативной интеракции. В ней рассматриваются корреляции категорий семиотической значимости и интерпретанты в преломлении к процессу смыслообразования в коммуникации; показана имманентная семиотическая сущность релевантности, заложенная в речезыковом знаке, доказывається корреляция между релевантностью и интерпретантой знака; представляется структурно-функциональная типология параметров когнитивно-коммуникативной интеракции, рассматривается типология характеристик контекстуальной ментальной модели как функциональной среды когнитивно-коммуникативной релевантности. В **третьей главе** рассматриваются процессы интерпретативной инференции в обоюдной когнитивной среде субъектов речевого взаимодействия, приводятся факторы формирования обоюдной релевантности, доказывається интуитивно-рефлексивный механизм релевантности, иллюстрируются основные положения теории релевантности в преломлении к концепции, предлагаемой в диссертационном исследовании. Представлена динамическая модель когнитивно-семиотической интеракции, осуществлено концептуальное картирование семио-когнитивной модели речевой интеракции, установлена интенциональная телеология релевантности, выявлены закономерности соблюдения и/или нарушения принципа релевантности субъектами коммуникации. В **четвертой главе**, в русле интеракциональной парадигмы, разрабатываются критерии и стратегии системного описания релевантности как когнитивной доминанты

интеракционального дискурса; методом иллюстративного анализа раскрываются контексты релевантности в обыденно-профессиональной коммуникации; выявляется и описывается социолингвистическая и этнолингвистическая специфика типов интеракциональных релевантностей в *ассонансных vs диссонансных* речевых интеракциях. В **пятой главе** выявляются мультимодальные метакоммуникативные манифестации релевантности, осуществляется семиотическое моделирование системы маркеров дискурсивной релевантности, даётся их функциональная характеристика, исследуется полимодальное когнитивно-интеракциональное измерение маркирования релевантности в речевой интеракции. В **шестой главе** рассматриваются имплементации релевантности в парламентской коммуникации. В **Заключении** подводятся итоги и намечаются возможные пути дальнейшего исследования интеракциональной релевантности.

ГЛАВА I. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МЕТАКАТЕГОРИИ

Мы постулируем, что объединяющей категорией – *суперкатегорией* [Степанов, 2001], способной цементировать содержательность и эффективность коммуникации в интегральной – кодово-инференциально-интеракциональной модели коммуникации, является междисциплинарная по сути **метакатегория релевантности**, рассматриваемая в преломлении к речевому взаимодействию как прагма-когнитивная категория дискурса [Алферов, 2005; Барель, 2022; Водоватова, 2007; Волкова, 2014; Воронина, 2020; Гоготишвили, 2006; 2017; Грайс, 1985; Гусаренко, 2014; Ерещенко, 2015; Иваненко, 2014; Ирисханова, 2014а; Каменский, 2015; Кварталова, 2004; Крестинский, Голубева, 2019; КСКТ; Кудряшов, 2021; Кулик, 2020; Лисанюк, 2020; Макаров, 2003; Нарьян, 2020; Нефедова, 2001; Петрякова, 2014; Попова, 2019а; Правикова, 2002; Россихина, Икатова, 2021; Солсо, 2006; Сусов, 2006; Харитончик, 2019; Шюц, 1988; Allott, 2013; Berbeira Gardón, 1988; Blakemore, 1987; 2002; Clark, 2013; Cruz, 2007a,b; 2016a,b; Dijk, 2008; 2009; Eemeren, 1992; Gabbay, Woods, 2010; Gorayska, Lindsay, 1993; Gutt, 2010; Hjørland, 2010; Horn, Ward, 2005; Ifantidou, 2014; Jary, 2009; MacKenzie, 2002; Madgic, 1973; Matsui, 2000; Mizzaro, 1997; Moeschler, 1988; Muschard, 2002; Oswald, 2020; Saracevic, 2007a,b,c; Schutz, 1970; Sperber, Wilson, 1986; 1987; 1989; 1995; Wałaszewska, 2017; Yus, 2022 – эл. pec].

Междисциплинарная метакатегория релевантности в системе языка-речи [Болдырев, 2001] становится категорией высказывания и дискурса и принадлежит *грамматике речи* [Гак, 1982; 1998], то есть *дискурсивной грамматике* [Heine, 2013], отражающей наиболее общие закономерности онтологии речезыкового взаимодействия [Шюц, 2004; Récanati, 2008].

Релевантность в речевом взаимодействии становится когнитивной

доминантой, направленной на достижение успешности речевой интеракции⁹.

1.1. Концепт РЕЛЕВАНТНОСТЬ в языковом воплощении

Категория релевантности в лингвистике признается когнитивной и прагматической категорией, связывающей *смысл адресанта* и *интерпретацию адресата* (аудитории) с ситуацией речевого взаимодействия и интеракциональностью речевого действия, погруженного в социум [Болдырев, Дубровская, 2015; 2016; Гладышев, 2013; Гордон, Лакофф, 1985; Гофман, 2003; Дубровская, 2015; Ирисханова, 2014б; Schutz, 1970; Sperber, Wilson, 1986; 1989; 1995].

Её эпистемический статус соответствует уровню лингвокогнитивной метакатегории, отражающей наиболее общие закономерности концептуализации и функционирования языка и речи в пространстве социально-коммуникативной интеракции [Болдырев, 2018; Дубровская, 2015; Ирисханова, 2014б]. Кроме того, релевантность относится к метаязыковому спектру речезыковой деятельности, направленному на регуляцию языкового употребления и речевого поведения, возникающему в результате когнитивно-языковой рефлексии [Вепрева, 2003; Иванников, 2017; Рябцева, 2017; Sperber, 2013], восходящей к узуальной модели языка (*Usage-Based model*) [Barlow, 2000; Bybee, Beckner, 2010; Langacker, 1988; Tomasello, 2003] и к *непрескриптивным правилам* организации речевого взаимодействия [Грайс, 1985; Grice, 1991; Leech, 2014].

---

⁹ «В качестве когнитивных доминант могут выступать конкретные концепты и категории, концептуально-тематические области, системы ценностей и оценок, стереотипы, модели и схемы восприятия и репрезентации мира в языке. Они могут иметь коллективный (общечеловеческий, национальный, культурный, территориальный, социумный) или индивидуальный, личностный характер в зависимости от тех структур знания, которые вовлечены во взаимодействие. *В речевом взаимодействии, предполагающем интеграцию разных типов знания каждого из его участников, в качестве таких доминант могут выступать сами принципы его построения в зависимости от роли предмета (темы) общения, субъекта, социокультурных, интенциональных и языковых факторов*» [Болдырев, Григорьева, 2018: 15-16 – выделено нами – Г.П.].

В основе концепта «релевантность» лежит «бытовое» значение, пришедшее из языка-источника – *relevance / relevancy* (англ.) – *актуальность, уместность* и т.д. (чего-л.) [Oxford Dictionary, 2010: 1455], – ставшее к тому же «модным словечком» (*a buzz word*), часто употребляемым сегодня в самых различных контекстах.

Термин «релевантность» полифункционален, что является недостатком для термина, но говорит о его понятийной ёмкости и, соответственно, потенциально широкой концептуальности. В качестве термина, обозначающего «*значимость соответствия чего-либо*», лексическая единица (ЛЕ) *релевантность* впервые была употреблена в 1854 году в работе Дж. Ф. Феррье «Метафизика в теории знания и бытия» [Ferrier, 2010].

Это же самое общее (инвариантное) значение слова выявляется через анализ толковых одноязычных и общезыковых переводных словарей и может быть определено как «обозначение *субъективной степени соответствия чего-либо в конкретный момент времени*» [Азимов, 2010; Булыко, 2005; Ефремова, 2000; Шведова, 2008; Cassell's, 1977].

В исходном английском языке выявляется множество коллокаций, относящихся к различным предметно-терминологическим областям: *relevancy criterion* – критерий смыслового соответствия; критерий отнесенности к делу; *demonstration relevancy* – актуальность наглядного показа; демонстрационная актуальность; *payroll relevancy* – релевантность расчёта; *relevancy of appeal* – актуальность мотива и др., относящиеся к разным профессиональным тезаурусам (информатика, статистика, экономика, юриспруденция и проч.) [Oxford Dictionary, 2010: 1455; WoordHunt – URL: <https://woordhunt.ru/>].

Во французском языке лексическим эквивалентом *relevance* является лексема *pertinence* [Cassell's, 1977: 432; Sperber, Wilson, 1989] с тем же функционально-понятийным диапазоном [НСИС, 2006].

В русских словарях «релевантность/релевантный» маркируется как заимствование (англ. *relevant* – существенный; франц. *relever* – отмечать, выделять) и трактуется в значении «важный, существенный» [Епишкин, 2010]; как «мера соответствия получаемого результата желаемому результату»; «соответствие анонса содержания, собственно содержанию» [Финам – эл. рес.]. А также: «Релевантный – 1. Существенный, важный для чего-либо; 2. Способный служить для различения языковых единиц; различительный (в лингвистике)» [Ефремова, 2000].

По данным рассмотренных нами словарей, теоретических штудий и текстовых корпусов, синонимический ряд ЛЕ и лексико-семантическое поле (ЛСП) *релевантность* в русском языке (в сопоставлении с английскими и французскими коррелятами), образуется следующими лексемами:

значение, важность, значимость, обоснованность (напр., аргумента), *степень соответствия, адекватность, масштабность, своевременность, представительность, первостепенность, актуальность, острота, необходимость, кардинальность, успешность, приемлемость, эффективность, доказанность, доказательность, ценность, уместность, адекватность, достоверность, резонность, весомость, взвешенность, продуманность, правомерность, относимость (к теме), значительность, применимость, интерес, современность, яркость, логичность, четкость, выделенность, наглядность, предпочтительность, оправданность, целесообразность, состоятельность, убедительность, понятность, валидность, годность, частотность* и нек. др. [Ахманова, 1969; Булыко, 2005; Ефремова, 2000; Жеребило, 2005; Ивин, 1998; Розенталь, 1976; КСКТ; ЛЭС; НКРЯ; НКРЯ/ПФР; НСИС; СЗФ; СРЛФЯ; СРЯ; ФС; Cassell's, 1977; Oxford Dictionary, 2010; TLFi; WoordHunt] (жирным шрифтом выделены наиболее частотные – ядерные лексические эквиваленты).

Употребительность термина *релевантность* обусловлена его полифункциональностью и понятийной и дискурсивной интерференцией между узуальным и терминологическим значениями данной ЛЕ. Например, только в двух работах Т. ван Дейка [Dijk, 2008; 2009], рассматривающих проблему дискурсивной релевантности (см. ниже), мы находим более 200

вхождений лексемы *relevance/relevant*, терминологическое и узусуальное употребление которой соотносится как 2:3 [Попова, 2019а].

Термин *релевантность* (англ. *relevance*, фр. *pertinence*) междисциплинарен. Функциональные области понятия релевантности – это и есть различные употребления термина в контексте той или иной «дискурсивной формации» (по М. Фуко), начиная от обыденного общения и кончая глубокими научными спекуляциями.

Примеры обыденного употребления слова даёт Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Они подтверждают достаточно размытую семантику употребления лексических единиц *релевантность* и *релевантный* в русском разговорном языке. К ним относятся контексты, характеризующие скорее стиль речевого поведения, его «современность», даже «претенциозность» (источник примеров [НКРЯ]):

(1) *Как только начинаешь думать о том, как сохранять релевантность, так сразу же и оказываешься списанным на пенсию и никому не нужным.* [Беседовал Денис Рузаев. «Мне нравится быть монстром» // lenta.ru, 2016.12];

(2) *Я употреблял такие слова, как «философема», «экстраполяция», «релевантный».* [Сергей Довлатов. Филиал (Записки ведущего) (1988)].

На основе анализа путем сплошного поиска по ключевому слову (Yandex, Google) в более 400 научных работах, вошедших и не вошедших в библиографию диссертации, нами отмечено функционирование термина в таких областях, как психология, философия, когнитивная психология, логика, лингвистика (когнитивная, функциональная, дескриптивная, теория перевода), лингводидактика, коммуникативистика, информатика, статистика, право, теория принятия решений и др. (ср. [Hjørland, 2010; Mizzaro, 1997]). *Релевантность* как термин также возникает и в совершенно особенных ракурсах в преломлении к конкретным областям знания (дискурсивных формациях [Тюпа, 2010; Фуко, 1996]): менеджмент, консалтинг, дидактика,

реклама, здравоохранение, политология, социология знания, психология восприятия, обучения и способности к запоминанию и др.

Следуя междисциплинарному принципу анализа, остановимся на функциональных *дискурсах о релевантности*, которые в наибольшей степени близки задачам исследования и оказываются значимыми для раскрытия объема и содержания понятия семантико-когнитивной интеракциональной релевантности в коммуникативном взаимодействии.

1.2. Феноменология релевантности в дискурсе философии и социальной психологии

По мнению философов, релевантность есть свойство познания определять приоритеты когнитивной и эпистемической деятельности, неосознанной и осознанной, обыденной и научной [Madgic, 1973]. Релевантность становится предметом социальной феноменологии.

По словам Э. Гуссерля,

«человек живет в своих действиях, направленных на предметы и явления, и тем самым он в какой-то степени владеет их релевантностями. Он живет не только в своих актах, направленных на предметы, но и в соответствующих релевантностях, с помощью которых он отличает переживаемое без вопросов от того, что вызывает вопросы. Требуется рефлексивный поворот, чтобы увидеть сами эти релевантности и их деление в зависимости от различных систематических связей. Осуществление этого поворота отнюдь не предполагает незаинтересованного наблюдателя, не говоря уже об ученом или философе» [Гуссерль, 2009: 292].

В ходе своей деятельности человек генетически ориентируется в потоке событий, определяя наиболее релевантные из них, сталкивается с непрерывным континуумом выборов, обладающих мотивационной ценностью для «жизненного плана». Теоретическое осмысление феномена проективной деятельности и принятия решений неразрывно связано с анализом систем релевантности в человеческой деятельности, что делает теорию релевантности «фундаментально важной для теоретического обоснования социальных наук» [Шюц, 2008: 86].

Понятие релевантности в философии и феноменологии связано, таким образом, с общей проблемой соотношения восприятия, мышления и языка. Изначально понятие релевантности связывается с **теорией перцепции**.

По Э. Гуссерлю, любое восприятие уже содержит проблему выбора. В любом перцептивном поле необходимо выделяются элементы, которые становятся «темой» рассуждения и оценки («тематизации» и «интерпретации») [Гуссерль, 2009: 139]. Одна и та же перцепция может интерпретироваться по-разному одновременно. Эти альтернативные интерпретации могут конкурировать между собой, создавая «проблематичные возможности» актуализации [Там же: 141].

Субъект-объектный и субъект-субъектный подход к проблеме релевантности как когнитивной, так и коммуникативной категории предлагает в своих работах Альфред Шюц (Шютц) (Alfred Schütz) [Шюц, 1988; 2004; 2008; Schutz, 1970].

В работах А. Шюца «Принцип релевантности» рассматривается сквозь мозаичную призму философии, социальной психологии и социальной философии. Последователь феноменологии Э. Гуссерля, А. Шюц выдвинул идею о *релевантности* как феномене, лежащем в основе стратификации «жизненного мира» [Шюц, 2008: 74]. В общей «стратификации мира» Шюц вывел три основные взаимозависимые составляющие психосоциальной (когнитивной) *системы релевантности*: **актуальные релевантности, мотивационные релевантности и интерпретационные релевантности**.

1). Актуальная (тематическая) релевантность – выделенность того или иного объекта в перцептивном поле, его «проблематизация»:

«Проблематизировать объект, сделать его темой нашего мышления – означает не что иное, как представить его двусмысленным и подлежащим вопрошанию, отделить его от фундамента непроблематизируемого и хорошо знакомого – того, что само собой разумеется» [Шюц, 2004: 256].

Проблематизация определяет характер познаваемого объекта:

- объекты сходные или подобные уже знакомым объектам;
- объекты незнакомые, уникально-индивидуальные;
- объекты, принадлежащие к какой-либо категории средств или инструментов и т.д.

Помимо *интенциональных* тематических *релевантностей*, возникают **навязанные релевантности**, такие как *психологический шок*, **воздействие извне** во всех его проявлениях. Таким образом, тематические релевантности могут быть *внутренними*, исходящими из *аттенциальной интенции* самого субъекта, или *внешними*, которые навязываются посредством «*социального взаимодействия*, обусловленного либо поступками наших партнеров, либо нашими собственными, либо действиями социальных групп» [Там же]. В каждом сознании в определенный момент существует иерархия тем и подчинение локальных «подтем» главенствующей теме (*paramount theme*).

Это подчинение и определяет релевантность локальных структур (подтем) в тематической системе. Совокупность интенциональных релевантностей, определяемых вниманием, интересом и предрасположенностью самого субъекта, А. Шюц называет «*внутренними тематическими релевантностями*» субъекта, в отличие от *внешних*, навязанных проблемных *релевантностей*. Внутренние релевантности – это «набор насущных интересов», зависящий от «*биографических и ситуационных обстоятельств индивида*» и т.п. [Шюц, 2004: 262].

2). Интерпретативная релевантность включает в себя имеющийся *запас знаний* для понимания **смысла** того, что воспринимается – «*для понимания и интерпретации реально воспринимаемого сегмента мира*». Тематизируемый объект, который привлек внимание, начинает интерпретироваться по его **релевантным**, то есть *привлекающим внимание и позволяющим проблематизацию*, признакам. В концептуальном поле субъекта, основанном на предыдущих интерпретациях, знаниях и опыте, с

одной стороны, есть совершенно не связанные с объектом, *нерелевантные области*, – не релевантные для проблематизации объекта и интерпретации.

«С другой стороны, – отмечает А. Шюц, – предыдущий опыт содержит несколько взаимосвязанных типов, с которыми данный объект может быть сравним, т.е. сходен или взаимосвязан. Такие элементы наличного запаса знания мы можем назвать *релевантными* для интерпретации новых восприятий; но совершенно очевидно, что этот тип релевантности совсем другой, чем ранее рассмотренная тематическая релевантность. Мы предлагаем назвать ее *интерпретативной релевантностью*» [Там же: 264 – выделено нами – Г.П.].

Интерпретативная релевантность приближает внешние релевантности, навязанные сознанию, во «*внутренний тематический горизонт*», причем интерпретация, интерпретативные релевантности **не связаны с предикативным уровнем**, то есть речь идет не о языковой, а о когнитивной интерпретации [Шюц, 2004: 268]. Полученные в жизни навыки интерпретации складываются **в интерпретативную компетенцию**.

Интерпретативная компетенция человека основана на богатстве ассоциативных связей и позволяет познавать действительность. В этой концепции *интерпретация* и есть «мышление об объекте», а **релевантность есть условие успешности интерпретации** («*relevance is an act of interpretation*» [Schutz, 1970: 92]).

3). Мотивационные релевантности вытекают из тематических и интерпретационных и предназначены для окончательного решения проблемы интерпретации проблематизируемого объекта. Они определяют дальнейшее **поведение субъекта** по отношению к воспринимаемому фрагменту действительности. Так, для того, чтобы окончательно определиться в интерпретации и идентификации объекта, субъект, заметивший в углу сарая предмет, похожий на моток веревки или змею, может ударить по нему палкой. Предполагаемое отсутствие или наличие движения исключит одну из альтернативных интерпретативных гипотез. Таким образом, мотивационная релевантность относится к релевантности (уместности, предпочтительности)

поведения. Мотивационная релевантность основывается на *проектируемой цели, идее, которая заставляет нас действовать* (мотив).

Однако интерпретативная компетенция может стать препятствием для такого действия в силу знания об опасности, вытекающей из свойств поведения змей. Здесь возникает еще одна, сопутствующая мотивационной, – **причинная релевантность** [Шюц, 2004: 275], определяющая предпосылки и основания для (не)реализации той или иной мотивированности.

Еще одна фундаментальная презумпция лежит в основе социопсихологической релевантности – категория **интерсубъективной интенциональности** и социальной **мотивированности**. Пока субъекты не сталкиваются с **проблемной ситуацией**, определяющей их социальные роли и поведение, у них не возникает мотивационных релевантностей. Хотя последовательность включения трех типов релевантностей, по Шюцу, может быть произвольной и начинаться с любого типа релевантности, как правило, именно значащий контекст **социальной интеракции** является актуализатором тематической проблематизации, определяет проблемные фреймы, концептуальные схемы и сценарии, заставляет пересмотреть имеющиеся общие знания, общепринятые пресуппозиции, конституирует рамки всех возможных решений, интерпретативно релевантных для решения проблемы, мотивационно релевантных для принятия решения.

Из концепции социальной феноменологии, помимо операциональных понятий терминов, вытекают два фундаментальных когнитивных механизма психосоциального феномена релевантности – **проблематизация** и **интерпретация**, то есть постановка релевантной проблемы и её рассмотрение с целью оценки причин и последствий для дальнейшего принятия решения. Инструментом этого процесса лежит **когнитивная интерпретация**, отражаемая в мышлении и языке¹⁰ и выраженная в вербальной коммуникации.

---

¹⁰ Ср. «интерпретативная функция языка» [Болдырев, 2011].

Третьим условием релевантности является **интеракция** как субъект-объектное и субъект-субъектное взаимодействие (см. ниже).

Эти три механизма релевантности в социальном взаимодействии рождают, в частности, **делиберативную коммуникацию – обсуждение темы (проблемы) и её релевантности** в широком смысле этого слова.

Субъект-субъектная релевантность определяется, по А. Шюцу, наличием согласованности «внутренних релевантностей» субъектов интеракции (интересы знания, интенции и т.д.). Здесь напомним, что автор теории когнитивного диссонанса Леон Фестингер в свою очередь выделял два вида отношений между когнитивными элементами:

– нерелевантные отношения – два когнитивных элемента не имеют между собой никаких пересечений;

– релевантные отношения (*диссонанс* и *консонанс*) – диссонансные отношения возникают, если отрицание одного элемента следует из другого, а консонантные – если один из элементов приводит к подтверждению значения другого (ср. [Фестингер, 2000: 52]).

1.3. Дискурс социальной интеракции и права

Социо-психологические корни (ср. [Нарьян, 2020; Gorayska, Lindsay, 1993]), выделенные феноменологической философией и социальной психологией, трансцендентальность феномена релевантности, прорастают в понятийном аппарате многих актуальных отраслей знания. Релевантность становится распространенной категорией в социальных науках.

В целом, в социальном знании термин релевантность связывается с принципом логического исчисления, математической вероятности, и принципом правдоподобия, например, в социологических опросах и статистике [Woods, 2008]. В макроэкономике понятие релевантности связано с определением факторов экономического риска, с праксиологией анализа индивидуального выбора и действия, с теорией принятия решений [Голиков, 2002; Звягин, 2016; Кузнецова, 2016; Плаус, 1998; Трухаев, 1984; Цветков,

2001; 2016; Dominicy, 2008; Sinclair, 1986]. Релевантность определяется как степень вероятности события и значимости «прошлых действий для принятия следующих», что связано с оценкой релевантности (judgments of relevance) вложенных средств и полученных или предполагаемых эффектов [Mises, 1998].

В одной из центральных социальных «дискурсивных формаций» (по М. Фуко [Foucault, 1969]) – *дискурсе права* [Крапивкина, 2019] – определяются три типа релевантности – **вероятностная**, или логическая, **юридическая**, основанная на законоположении или прецедентных судебных решениях, и **релевантность доказательств** [Gabbay, Woods, 2010]. Последняя определяется как «способность доказательства доказывать или опровергать один из юридических элементов дела, иметь доказательную ценность, чтобы сделать один из элементов дела более вероятным (или нет)» [Романов, 2014].

В американской судебной системе существует федеральное правило (*Fed. Rule 402*), определяющее допустимость доказательства, только если оно имеет релевантность (Article IV. Relevance and its limits. Rule 401 – «Test for relevant evidence») [Federal Rules of Evidence – URL]. Условия релевантности доказательств прописаны в «Федеральных правилах доказывания» (*The Federal Rules of Evidence*) – это свод юридических правил, регулирующих представление доказательств в ходе гражданских и уголовных процессов в федеральных судах первой инстанции США [Idem; Walton, 2016: 20-23].

Важное новое понятие в современном правоведении выдвигает О.В. Кулик – «Принцип ценностной релевантности в правотворчестве» [Кулик, 2020], который предполагает не только ориентацию на абстрактные ценности, на которых может основываться право вообще, но и формирование правовых норм, *релевантных ценностям конкретного общества*. «Принцип ценностной релевантности» предполагает также «предпочтение ценностей интересам, что обеспечивает универсальность и общепризнанность права, а также минимизирует влияние на правотворческий процесс отдельных групп

и элит, лоббирование ими своих интересов» [Там же: 455]. Это правило становится особенно актуальным в институциональном делиберативном дискурсе парламентских слушаний.

Таким образом, функционирование юридической релевантности коррелирует с правилами логического рассуждения и аргументации, с одной стороны, и, с другой, составляет **правовую презумпцию** построения институционального дискурса, коим является не только судебный, но и любой дискурс делиберации (обсуждения), напр., парламентский дискурс – предметная область нашего исследования.

1.4. Логика и теория аргументации

Поворот от классической к неклассической логике породил суждения о свойствах посылок, аргументов и выводов, в частности, об их достоверности и релевантности [Брюшинкин, 2008; Ивин, 2005; 2009; Уолтон, 2002; Фанян, 2000; Eemeren, 2013; Walton, 2004; 2016]. Ограничение логического исчисления строгими формальными рамками «релевантной логики» не решало проблемы философской неклассической логики, для которой недостаточно было ограничиться только уместными (релевантными) принципами логики, исключая парадоксы импликации [Войшвилло, 1988; Ивин, Никифоров, 1998; Сидоренко, 2000]. В возникшей позднее философской версии «обобщенной релевантной логики» главной перспективой является моделирование аргументативных рассуждений. Объектом в таком подходе «становятся естественные (аргументативные) рассуждения, используемые в широких полемических контекстах» [Зайцев, 2012: 6].

Если в релевантной логике¹¹ в основу доказательств положен принцип непротиворечивости посылки и следствия, то в логике высказывания, приближающейся к естественной аргументации, вывод, имеющий характер вероятностного отношения, допустим из правдоподобного высказывания, когда посылка лишь с той или иной степенью правдоподобия подтверждает заключение¹² [Ивин, 2005].

Тем не менее, основополагающим принципом логического рассуждения в «логике высказывания» остается принцип истинности / ложности дедукции, когда логическая импликация¹³ «учитывает все случаи распределения значений истинности и считается ложной только тогда, когда ее антецедент истинен, а консеквент ложен» [Рузавин, 1997: 48-49]. Отсюда следует, что *«из истинных посылок нельзя получить ложное заключение <...>. Этот фундаментальный принцип лежит в основе всей дедуктивной логики и сохраняется при определении операции импликации»* [Там же: 50]. Это логическое условие истинности высказывания, как известно, легло в

---

¹¹ «В релевантной логике (Р. л.) формальным аналогом условного высказывания является релевантная импликация, учитывающая содержательную связь, существующую между основанием (антецедентом) и следствием (консеквентом) такого высказывания. Выражение «Утверждение А релевантно имплицирует утверждение В» означает, что В содержится в А и информация, представляемая В, является частью информации А. В частности, А не может релевантно имплицировать В, если в В не входит хотя бы одно из тех утверждений, из которых слагается А» [Ивин, Никифоров, 1998: 297]. Этот принцип коррелирует с языковым принципом семантического согласования, предполагающего наличие общих сем в словосочетаниях [Гак, 1998: 149] в более жестком варианте. Принцип семантического и прагматического согласования лежит в основе понятия *когерентности* (дискурса) [Галич, 2015; Григорьева, 2007; Гусаренко, 2009; Ерещенко, 2015; Кибрик, 2003; Ракитина, 2007; Терентий, 2016; Unger, 2006].

¹² «В Р. л. не имеет места принцип, позволяющий из противоречия выводить какое угодно высказывание. Эта логика является, таким образом, одной из паранепротиворечивых логик, не отождествляющих противоречивость опирающихся на них теорий с их тривиальностью, т.е. с доказуемостью в них любого утверждения. В Р. л. логически истинное высказывание невыводимо из произвольно взятого высказывания [Ивин, Никифоров, 1998: 297].

¹³ О различных значениях и междисциплинарных употреблениях понятия и термина *импликация* см. [Антошина, 2019].

основу языковой семантики [Павлов, 2010], когда смысл (значение) высказывания определяется непосредственно объективной реальностью [Петров, 1986: 17] (ср. денотативно-референциальная теория истинности [Куайн, 1982; 1986; Фреге, 2000]).

Смысл высказывания, таким образом, определяется как *пропозиция* («информация»), обладающая главной характеристикой *истинность / ложность* [Арутюнова, 1990; 1999]. Однако, как отмечал В.В. Петров, лингвистический анализ не ограничивается логической семантикой и «никакие исследования в области восприятия и построения текста не могут быть признаны удовлетворительными, если в их основу не будет положена идея взаимодействия лингвистических знаний со знаниями о мире, с социальным контекстом высказываний, умением извлекать хранящуюся в памяти информацию, а также планировать и управлять дискурсом и многое другое» [Петров, 1988: 41].

На самом деле важность высказывания не ограничивается параметром истинности / ложности. В понимании и оценке высказывания и речевого взаимодействия принимают участие множественные когнитивные механизмы, когнитивные модули [Fodor, 1986], работающие самостоятельно и дающие каждый свою разновидность знания, детерминирующего поведение человека. Но решающее значение (релевантность) для мыследеятельности¹⁴ имеет совокупность этих знаний, обработанных в центральном аналитико-прагматическом модуле (центральная обрабатывающая система), фильтрующем актуальное знание (нужное здесь и сейчас) от фоновых знаний, отправляемых обычно в подсознание долговременной памяти [Выготский, 2008; Лурия, 1998; Fodor, 1986].

Теория аргументации оформляется на стыке логики и риторики [Мигунов, 2006; Фанян, 2000; Perelman, 1983], прорастая когнитивными подходами, включающими в себя проблематику аргументативной

---

¹⁴ См. [Щедровицкий, 1997].

релевантности, теории понимания, дискурсивной прагматики [Oswald, 2016; 2020; Sperber, 2007].

В теории аргументации основными положениями, связанными с понятием аргументативной релевантности, становятся требования к **допустимости** и **эффективности** аргумента. Оценка аргумента проводится по разным критериям, в том числе по его *интеракциональной надежности*: «насколько успешно аргумент, поддерживающий положение, может быть защищен от контраргументов» [Лисанюк, 2020; 2022].

Неприемлемый аргумент поддерживает **мнение**, для которого в данном диалоге не найдется приемлемого аргумента [Лисанюк, 2020]. Критерий *приемлемости* (acceptability) охватывает корректность умозаключения и истинность его посылок и заключения. Другой критерий релевантности – *достаточность* (sufficiency) аргумента для убеждения других агентов диалога (обсуждения, делиберации) [Там же].

По мнению ван Еемерена, один элемент аргументативного дискурса релевантен другому элементу дискурса, если между ними устанавливается интерактивное отношение в виде функциональной зависимости в свете достижения определенной цели [Eemeren, 1992; 2004]. Другими словами, речь идет о ценности (значимости) одного элемента дискурса по отношению к другому и о соответствии интенциональностей участников речевого взаимодействия (устного или письменного) [Еемерен, Гроотендорст, 1994; 2002; 2006; Eemeren, 2013].

В теории аргументации **нерелевантными, как правило, признаются аргументы** из класса *Ignoratio Elenchi* (подмена тезиса), построенные на логических ошибках, паралогизмах и уловках (*fallacies*), так называемых **ad-**аргументах.

В работах, посвященных исследованию паралогических девиаций (*fallacies*) [Уолтон, 2002; Eemeren, 2004; 2009: 52; Hamblin, 1970: 41; Walton, 1995; 2004], указываются многочисленные разновидности *ad-fallacies*, среди

которых на первом месте так называемый «переход на личности» (*ad hominem* / *ad personem*) и ссылка на общепринятость факта *ad rem*.

В различных аргументативных целях употребляются также такие паралогизмы, как *ad absurdum* – рассуждение от абсурдного предположения; *ad verecundiam* – использование авторитетного мнения; *ad crumenam* – ссылка на материальные потери; *ad ignorantiam* – «обратное не доказано»; *ad antiquitatem* – «хорошо известно»; *ad baculum* – возможная угроза и др.» [Тамразова, 2021; Eemeren, 2009].

Тем не менее, их нормативная «нерелевантность» не приравнивается к их узуальной (не)релевантности. Многие из них применяются достаточно регулярно, например, в политической коммуникации, и рекомендуются к применению в отдельных контраргументативных ситуациях [Тамразова, 2021; Eemeren, 2009]. Более того, их нарочитое употребление имеет **вторичную релевантность** в деструктивной стратегии по разрушению логической последовательности аргументации, в манипулятивных и полемических (эристических) целях [Тамразова, 2021].

Их осмысленное употребление (манипуляция) может дополняться естественными или намеренными когнитивными предубеждениями (*cognitive bias*) [Haselton, 2006; Sloterdijk, 1988; Sperber, Mercier, 2012; Turner, 1991; Zagzebski, 1996; Zlatev, 2014].

Кроме того, есть узкоспециальная категория нерелевантной аргументации, к которой относятся аргументы, нарушающие тематическую релевантность («отношение к делу») и не относящиеся к обсуждаемой точке зрения (*ignoratio elenchi*) [Eemeren, 2009; Woods, 2008].

Еще один вид нарушения релевантности имеет место, когда «точка зрения защищается риторическими уловками вместо аргументации», например, «игрой на эмоциях или предрассудках аудитории» [Eemeren, 2013]. Такие нарушения определяются ван Еемереном и Грутендорстом как нерелевантные [Eemeren, 1992; 2004].

По мнению Д. Уолтона, проблема состоит в том, что нерелевантность может принимать различные формы в аргументации, и слишком многие аргументативные уловки и заблуждения (fallacies) классифицируются как нарушения релевантности. Так, Хэмблин называл категорию нерелевантности «мусорной корзиной», в которую отправляются практически все логико-аргументативные нарушения [Hamblin, 1970]. При этом теория релевантности Спербера и Уилсон, по мнению Уолтона, «относится к информативному содержанию высказывания и не проверена на аргументации в диалоге убеждения» [Walton, 1995; 2004; 2016].

В других источниках приводятся различные виды релевантности, необходимые для оценки аргументации. На фоне сложных взаимодействий различных проявлений релевантности в аргументации Е.Н. Лисанюк выделяет четыре основных типа аргументативной релевантности:

- **тематическая релевантность** (отношение к делу);
- **субъективно-психологическая релевантность** (эмоционально-оценочная убедительность);
- **доказательная релевантность** (относимость доказательств по делу в суде – см. выше);
- **диалектическая релевантность** (аргумент должен вносить вклад в обоснование или опровержение точек зрения, обсуждаемых в делиберативном диалоге) [Лисанюк, 2021].

Согласно Р. Джонсону [Johnson, 2000], релевантность в аргументации в основном связана с тремя аспектами:

- 1) **актуальной тематической релевантностью**, т.е. имеют ли приводимые аргументы отношение к обсуждаемому предмету;
- 2) **внутренней релевантностью**, т.е. соответствуют ли положения, понимаемые как посылки, выводам, выдвинутым одной из сторон;

3) **релевантностью аудитории**, т.е. имеют ли послылки и аргументы отношение к слушателю или слушателям, на которых направлено аргументативное воздействие [Johnson, 2000: 42-43].

Таким образом, в социальных науках релевантность представляется как:

1) феномен градуально-относительный (он сильно привязан к контексту, что означает, что то, что может быть релевантным для пропонента, может быть менее релевантным для аудитории);

2) феномен процессуально-динамический (зависит от обмена мнениями между участниками дискуссии, поскольку то, что может показаться неуместным в начале диалога, может стать важным на более поздней стадии);

3) феномен процессуально-проблематический, который можно проиллюстрировать как бытовыми, тривиальными обменами, так и институциональными речевыми взаимодействиями [Idem: 45-46].

1.5. Теория информации

По частотности употребления термина «релевантность» лидирует информатика. Термин отражает одно из фундаментальных понятий теории и практики информационно-поисковых процессов. В теории информации релевантность понимается в техническом смысле как «эффективность поиска» и как «соответствие полученной информации информационному запросу»:

«Системы информационного поиска сконструированы для извлечения релевантной информации по запросу пользователя. В критерии поиска, как правило, используются два основных показателя: *recall* – Полнота и *precision* – Точность. В совокупности они обозначают значимость соответствия данного запроса, что и является понятием «релевантность» [Kent, 1995 – перевод наш – Г.П.].

В русской терминологии поиска информации фигурирует квазисиноним «релевантности» – пертинентность (*фр.* – *pertinence* [Cassell's 1977: 432; Sperber, Wilson, 1989]).

В русском, как и в английском терминологическом употреблении, пертинентность (*pertinence*) определяется как «соответствие полученной информации информационной потребности (субъекта)»¹⁵. По словам теоретика информационной релевантности Т. Сарацевича:

«Критерий эффективности информационно поисковых систем (пертинентность) измеряет степень соответствия между релевантностью, извлекаемой системой (формальная релевантность) и субъективной релевантностью для данного пользователя (содержательная релевантность)» [Saracevic, 2007a: 1920 – перевод наш – Г.П.].

Отсюда термины «релевантность» и «пертинентность» соотносятся как формальная и содержательная стороны обработки информации, становясь ядерными в терминосистеме информатики [Волкова, 2014].

Разграничение и контрастивное использование понятий **релевантности** как соответствия внешних (объективных) параметров коммуникативной потребности (институциональность, модальность, тон) и **пертинентности** как соответствия личностным (субъективным) смыслам коммуникантов [Manning, 2008], до сих пор отсутствовавшее в лингвистических исследованиях, **составляет один из важных принципов методологии нашего исследования.**

Принципиальное различие между релевантностью в **информатике** и принципом релевантности в **социальных науках** в том, что первая функционирует исключительно в рамках информационно-кодовой **интерактивной модели** (поисковой системы) коммуникации (семантика, ключевые слова и т.д. [Цветков, 2001]), а лингвистическое понятие

---

¹⁵ Поиск и распространение информации. Термины и определения». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200004733>.

релевантность (и/или *пертинентность*¹⁶) осознается прежде всего антропоцентрично, во взаимодействии когнитивных моделей коммуникантов в деятельности (интеракции). Лингво-коммуникативная (интерсубъективная) *релевантность* осложнена контекстом, когнитивными предубеждениями (включая аффекты, эмоции и т.д.) участников коммуникации и является **интеракционной**.

Дихотомия *интерактивности* и *интеракционности* интенциональности субъектов РВ постулируется нами так:

Интерактивная модель отражает *субъект-объектные отношения* (субъект ↔ информация), **интеракционная модель** строится на *субъект-субъектной интеракции*, включающей интенциональность коммуникантов.

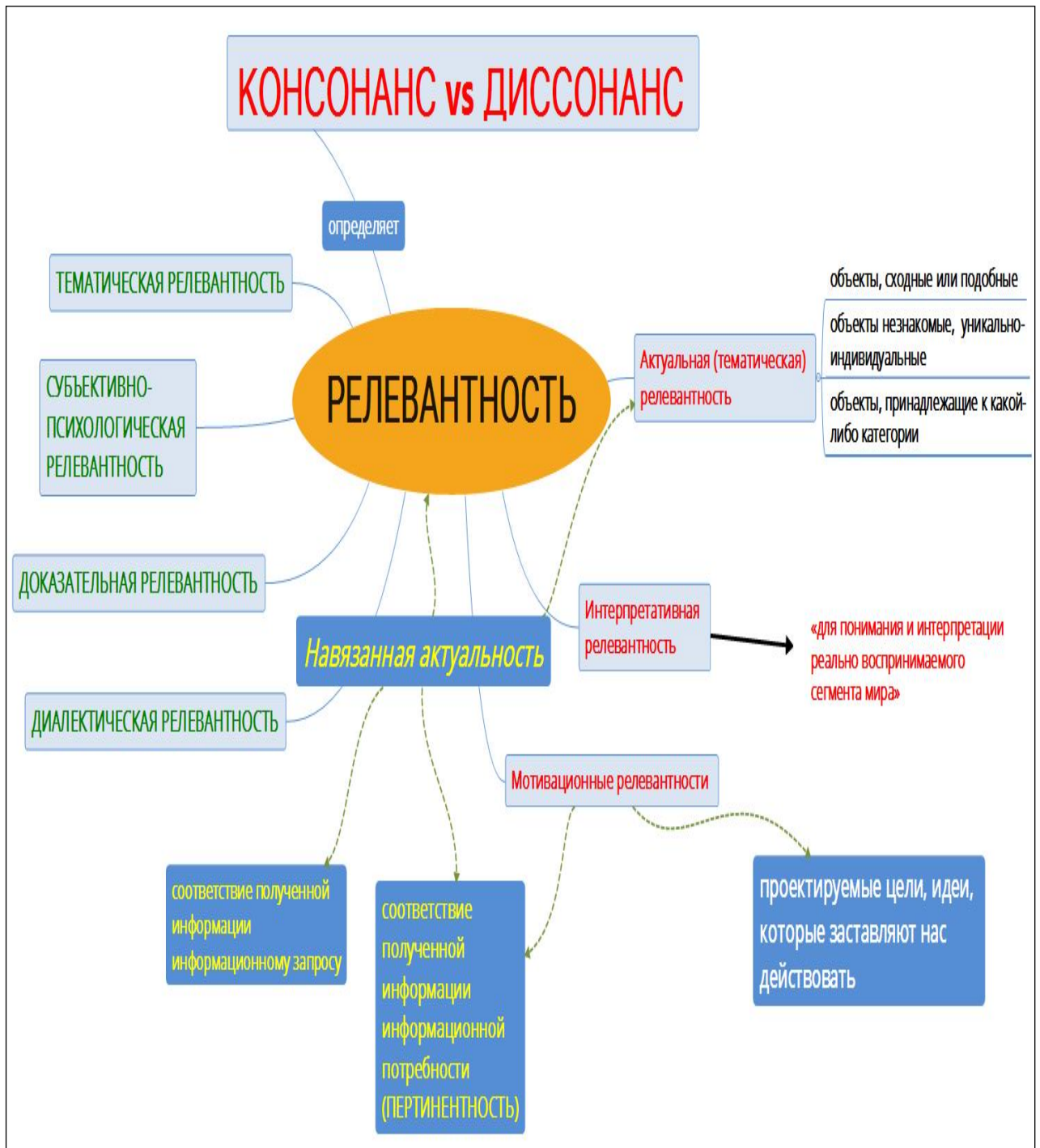
Элементы инференционной (компьютационной) модели (*исчисление и выведение смысла*), несомненно, присутствуют в субъект-объектной машинной коммуникации, но не могут (пока) достичь сложности *наведения многоуровневых смыслов*, присущих человеческой коммуникации (включая «искусственный интеллект» и «нейросеть») [Цветков, 2016].

Таким образом, на основе анализа и синтеза различных аспектов концептуализации и дефиниций релевантности в различных областях знания можно утверждать, что специальные терминологические значения релевантности существенно разнятся и являются конвенциональными в рамках каждой дискурсивной формации (социальная феноменология, право, теория аргументации, информатика и т.д.), обогащая концептуальное значение понятия. Концептуальная карта позволяет объединить и представить типы релевантности на основе проанализированного

---

¹⁶ Применяемый нами операциональный термин **пертинентность** в значении личностная релевантность до сих пор не применялся в лингвистике (в этом значении) и имеет некоторые межъязыковые ограничения (во французском языке), поэтому мы рассматриваем возможность дескриптивного варианта (дублета) в переводе **релевантность – пертинентность**: *relevance – pertinence* (англ.) и *pertinence – pertinence personnelle/individuelle* (франц.) (ср. [Moeschler, 1988]).

междисциплинарного пространства метаконцепта РЕЛЕВАНТНОСТЬ (Рис. 1.):

Рис. 1. Концептуальная карта междисциплинарного поля РЕЛЕВАНТНОСТЬ

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

1. Категория релевантности является одной из фундаментальных когнитивно-прагматических категорий в современном научном знании. Релевантность как фундамент intersубъективного смыслообразования и смыслообмена отличается *универсальностью, множественной типологией и градуальностью*, функционируя в пространстве речекогнитивной деятельности человека, речевого взаимодействия в социокультурных вариациях понятийного и языкового воплощения (дискурсивных формациях).

2. Междисциплинарный анализ позволяет выявить как интегральные, так и дифференциальные признаки концептуализации феномена релевантности в разных областях знания. Изучение функционального диапазона метакатегории релевантности приводит к выделению основных когнитивно-коммуникативных дискурсивных практик, в которых релевантность является доминирующим методологическим принципом. К ним относятся в первую очередь когнитивная философия (феноменология), теория права, теория аргументации, теория информатики.

3. В психосоциальной когнитивной *системе релевантностей* выделяется три основных типа: актуальная релевантность, мотивационная релевантность и интерпретационная релевантность:

Актуальная (тематическая) релевантность представляет собой выделенность того или иного объекта в перцептивном и интенциональном поле, его «проблематизацию»; тематическая релевантность может быть внутренняя (интенциональная) и внешняя (навязанная). Интерпретативная релевантность включает в себя имеющийся *запас знаний* и опыта, определяющий понимание смысла того, что воспринимается – «для понимания и интерпретации реально воспринимаемого сегмента мира» (А. Шюц). Мотивационная релевантность определяет поведенческие перспективы и реакции, направленные на объекты актуальной релевантности в контексте

проблемной ситуации; мотивационная релевантность социально и интеракционально обоснована.

4. Релевантность как метакатегория отражает субъективное когнитивно-психологическое, интенциональное состояние субъекта (наблюдателя или группы наблюдателей), направленное на восприятие окружающей действительности, связанное с оценкой степени её соответствия определенным критериям (представлениям, знаниям, нормам, потребностям, целям, качеству, количеству, состоянию и т.д.).

5. Концептуальная интеграция и *междисциплинарный подход* позволяют, помимо отличий, выделить интегральные черты – факторы, составляющие понятийное ядро коммуникативной (информационно-лингвистической) релевантности. В него входят следующие категориальные признаки релевантности:

- **Отношение** (*Relation*): Релевантность возникает при появлении (выражении) отношения к определенным объектам и свойствам, часто в коммуникативных обменах, в которых участвуют люди, информация и информационные объекты. *Релевантность относительна, субъективна и скалярна* (имеет степени реализации).

- **Интенциональность**: Появление и выражение отношения релевантности предполагает интенциональное состояние (направленность на объект) и намерения – цели, роли, ожидания. Здесь большую роль играет мотивация. Интенциональность предполагает отношение к объекту, субъекту или процессу – реальному (он-лайн) или нереальному (офф-лайн) в пространстве и во времени, материальному или нематериальному, свойства которого определяют степень его релевантности, то есть значимость, уровень его адекватности, соответствия, необходимости, применимости с точки зрения наблюдателя в моменте времени.

- **Контекст**: Намерение в выражении релевантности всегда исходит из контекста и направлено на этот контекст. Релевантность не может рассматриваться без контекста:

- ***Внутренний контекст***: Релевантность включает когнитивные и аффективные состояния.

- ***Внешний контекст***: Релевантность направлена на ситуацию, задачу, текущую проблему. Также могут быть задействованы социальные и культурные компоненты.

- **Выводное знание**: Релевантность предполагает оценку и создается или «выводится» на логической и аксиологической основе.

- **Отбор**: Вывод предполагает отбор из конкурирующих инференций, направленный на максимизацию результатов и/или минимизацию усилий по обработке результатов.

- **Взаимодействие**: Вывод осуществляется как динамичный, взаимодействующий процесс с постоянным изменением соотношения и структуры в зависимости от изменения контекста.

- **Градуальность**: Релевантность включает в себя поэтапную качественную или количественную оценку эффективности или **степени максимизации** заданного отношения, например, оценку значимости некоторой запрашиваемой информации для намерения, ориентированного на контекст.

6. Одним из фундаментальных следствий информативного и социально-интеракционного осмысления субъективности и градуальности феномена релевантности является выделение категории **пертинентности** как *окончательной релевантности*, формирующей индивидуальное восприятие действительности, определяющей речевое и неречевое поведение каждого, и субъективно-объективную, социальную обусловленность, приемлемость, успешность и нормативность конкретного проявления феномена релевантности.

ГЛАВА II. КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ИНТЕРАКЦИЯ: СТАТИКА И ДИНАМИКА

2.1. Дифференциальная и интегральная модели коммуникации

В основе концептуализации релевантности лежат две концепции речезыковой коммуникации – **дифференциальная** и **интегральная**. Дифференциальная концепция различает три подхода в представлении коммуникативной функции языка:

- 1) информационно-кодовая модель,
- 2) инференционная модель и
- 3) интеракциональная модель коммуникации [Макаров, 2003].

Информационно-кодовая модель, наиболее разработанная и распространенная, представляет коммуникативный процесс как кодирование и декодирование информации, передаваемой от отправителя к получателю [Винокур, 1993; Волкова, 2014; Цветков, 2016; Якобсон, 1975]. Следуя этой модели, смысл сообщения есть производное от его семантики – значения языковых составляющих.

При этом сами процессы кодирования и декодирования описываются как «выражение мысли средствами языка» у отправителя и «понимание мысли посредством языкового кода» у получателя сообщения [Петров, 1986; Фещенко, Коваль, 2014; Якобсон, 1975]. Когнитивные подходы, применяемые в рамках информационно-кодовой модели, можно охарактеризовать как *когнитивную семантику*, широко представленную в отечественном языкознании [Болдырев, 2001; 2016; 2019; Демьянков, 1983; 1989а,б; Ирисханова, 2014а; Йокояма, 2005, Кубрякова, 2004].

Когнитивно-кодовая модель представляет коммуникацию как интеграцию концептуальных когнитивных структур коммуникантов [Болдырев, Григорьева, 2018; Кибрик, 2015; Кравченко, 2011; Кубрякова, 1991; 2012]. Поэтому в когнитивных исследованиях декодирование

представляется не столько как семантический «внутренний перевод» (Р. Якобсон), сколько как интерпретация полученного содержания, выполняющая регулятивную функцию в соответствии с деятельностным контекстом [Болдырев, 2011; Кравченко, 2011]. При этом интерпретация трактуется как выдвижение цепочки предположений для выведения смысла, вложенного в сообщение говорящим, включая не выраженное кодом, неявное содержание [Sperber, Wilson, 1995]. Следовательно, понять сообщение – означает проникнуть не только в информационное намерение говорящего («что говорится»), но и осознать его коммуникативное намерение («зачем, почему говорится»), которое логически и/или контекстуально выводится посредством *инференций*¹⁷ – *когнитивных операций* получения смысла (выводного знания) [Grice, 1991; Sperber, Wilson, 1995].

Поэтому *инференционная* модель коммуникации, предложенная, в частности, Г.П. Грайсом, переносит акцент с декодирования эксплицитного выражения на имплицитное содержание смысла сообщения (пресуппозиции, фоновые знания, импликации/импликатуры и т.д.). Смысл информации при этом не отделим от субъективной совокупности значений не передаваемых, но выводимых, исчисляемых адресатом на основе *остенсивных* сигналов, в том числе и речезыковых. Остенсивные сигналы позволяют *понять*, то есть *распознать* и *присвоить*, информативное и коммуникативное намерения

---

¹⁷ Ср.: «Когнитивная лингвистика, используя термин «инференция» применительно к пониманию текста, определяет последнюю как операцию обыденного сознания, в своей основе рационального, но в то же время не столь связанного с формальными способами доказательства истины. Инференция сопряжена с догадками на базе имеющегося опыта, с интуицией. <...> Инференция представляет собой такую мыслительную (когнитивную) операцию, которая позволяет человеку выходить за пределы буквального значения единиц, видеть за анализируемой языковой формой большее содержание, чем зафиксировано ее отдельными частями. Это операция извлечения смысла или информации из текста или дискурса, которые в них, казалось бы, напрямую, непосредственно не представлены» [КСКТ: 29; 33-34] (см. тж. [Ирисханова, Киосе, 2016]).

партнера по речевому взаимодействию [Fodor, Pylyshyn, 2015; Searle, 1982; 1985].

Таким образом, смысл сообщения есть функция и продукт обоюдного когнитивного взаимодействия и образующейся при этом когнитивной среды участников коммуникации [Кравченко, 2008; Шюц, 2008; Sperber, Wilson, 1995].

Этот результирующий смысл (ср. «финальная интерпретанта», в терминах Ч.С. Пирса) не столько передается, сколько эмерджентно возникает во взаимодействии когниций и обоюдно осознается обоими коммуникантами в процессе речевого взаимодействия [Кравченко, 2001; Эко, 2007; Peirce, 1978]. Понимание из «декодирования» превращается в «чтение мыслей» (*mind-reading*) участников речевой интеракции [Apperly, 2018; Astington, 2005; Sperber, Wilson, 2002; Turner, 1991].

Кодовая (языковая) составляющая когнитивного процесса понимания взаимодействует с основным смыслообразующим пространством – контекстом, который определяется деятельностной ситуацией. Главным источником понимания становится не то, «что в твоей голове», а то, «в чём твоя голова» [Залевская, 2000; Tiercelin, 1995]. При этом получают развернутое описание процедуры, совершаемые говорящим и слушающим *в процессе* речевой интеракции.

Поэтому третья, **интеракциональная** модель ставит во главу угла социальную детерминированность речевого взаимодействия [Бахтин, 2000; Болдырев, Дубровская, 2015; 2016; Гофман, 2003; Дубровская, 2015; Ирисханова, 2014б,в; Шюц, 1988; Kerbrat-Orecchioni, 1990; 1992; 1994; 2005; Dijk, 2008; 2009; Langacker, 2013]. Смысл, возникающий в коммуникации, определяется вытекающими из социального взаимодействия *интерпретациями преднамеренного и/или непреднамеренного (речевого) поведения* участников коммуникации [Болдырев, 2017а,б; Карасик, 2009;

Стернин, 2000; Goffman, 1987; Schegloff, 1982; Gumperz, Hymes, 1982; Sperber, Mercier, 2012].

Все три модели коммуникации предполагают свой понятийный аппарат, методологические решения и преимущественные объекты исследования [Макаров, 2003].

Развитие всех трёх перспектив исследования речезыковой коммуникации естественным образом рождает **интегральную концепцию коммуникации**, предполагающую дополнительность рассмотренных моделей. Основанием для интеграции служит очевидная корреляция и тесная взаимосвязь между семиотическими и когнитивными механизмами *дискурса* как челночного движения между мыслью (содержанием) и текстом (выражением), интегрирующим в себе когнитивные, дискурсивные и интеракционные параметры коммуникации [Болдырев, 2017б; Кубрякова, 2001; Alba-Juez, L., Mackenzie, 2016; Langacker, 2013].

Интеграция кодовой, инференциальной и интеракционной моделей зиждется на взаимной дополнительности когнитивно-дискурсивного метода и метода интеракционной семиотики [Болдырев, 2013; 2017б; 2018; Демьянков, 2017; Дроздова, 2003; Кибрик, 2003; Кубрякова, 2004; Ракитина, 2007; Цурикова, 2001; Dijk, 2008; 2009; 2014; Langacker, 2013; Peirce, 1978; 1978; Zima, 2015]. Такая интеграция предполагает имманентность дискурсивной прагматики, заключенной в интерпретанте знака и воплощающейся в интерпретирующей функции языка [Болдырев, 2011; Болдырев, Григорьева, 2018]. С этой точки зрения объектом изучения являются **когнитивные процессы**, лежащие в основе успешной или неуспешной языковой *коммуникативной интеракции*, и способы и средства их выражения в **семиозисе** дискурса [Фещенко, Коваль, 2014].

2.2. Релевантность в семиозисе: семантика и прагматика интерпретанты

Релевантность как имманентное условие восприятия языкового сообщения, интерпретации (понимания) и усвоения (знания), так или иначе,

прямо или косвенно затрагивалась в исследованиях вопросов взаимодействия сознания и разума, чувства и знания в языковом значении (Н.Н. Болдырев, К. Бюлер, Л. Витгенштейн, В. Гумбольдт, В.З. Демьянков, О. Дюкро, А.А. Залевская, С.Д. Кацнельсон, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Р.И. Павилёнис, В.И. Постовалова, К.Ф. Седов, Дж. Серль, Ф. Реканати, Ю. Хабермас, Н. Хомский и др.).

Многие положения, связанные с релевантностью, входят в концепции когнитивных исследований языка и речи [Болдырев, 2019; Демьянков, 1994; 1989; 2017; Златев, 2016; Кибрик, 2003; 2015; КСКТ; Кубрякова, 2004; 2012; Gallagher, Zahavi, 2007].

Идея релевантности отражается в теории семантического сдвига [Зализняк, 2006; Geeraerts, 2010], теории контекстуального значения [Болдырев, 2018; 2019; Болдырев, Дубровская, 2016], теории *ad hoc-концептов*¹⁸ [Болдырев, 2017; Barsalou, 1983; Carston, 2010; Casasanto, Lupyan, 2015; Wilson, Carston, 2007], теории аттенциональности и (де)фокусирования [Ирисханова, 2014а; Тэлми, 2006; Simons, Chabris, 1999; Talmy, 2007]. Релевантность актуализируется в концепции «возможных миров», ментальных пространств и концептуализации картины мира [Бабушкин, 2001; 2003; Карасик, 2012; Сидоренко, 2000; Fauconnier, 1995; Jaru, 2009], а также в рассмотрении отношений между субъективной и объективной реальностями [Бабушкин, 2001; Радбиль, 2005; Тэлми, 2006].

Н.Н. Болдырев отмечает:

«В любом когнитивном процессе, обеспечивающем саму возможность коммуникации, его концептуальную основу, необходимо выделять две его стороны, или аспекта: *статический* и *динамический*. <...> Статический аспект познавательной деятельности отражает определенные результаты этого процесса (система знаний в виде концептуальной или категориальной систем). Динамический аспект связан с самими мыслительными операциями,

---

¹⁸ *ad hoc* (лат.) – к этому случаю

ведущими к достижению этих знаний, а также направленными на их интерпретацию или переосмысление» [Болдырев, 2019: 202-293].

При этом оба аспекта тесно связаны: в статике (концептуально-семиотической) системы отражается динамика в виде результата, влияющего на организацию и преобразование системы. Организация системы позволяет ей функционировать в динамике взаимодействия со средой. Таким образом, в статике системы имманентно заложена её динамика – динамические свойства, позволяющие адаптироваться к окружающей среде [Кравченко, 2009].

Статика системы отразилась прежде всего в системно-структурной парадигме и представлена в двух наиболее известных семиотических моделях – в концепции Ф. де Соссюра и в логической семиотике Ч.С. Пирса. В них, помимо дихотомии *означающее / означаемое* и *репрезентант / объект*, наличествует третий элемент: в системе Соссюра – *значимость*, а в концепции Пирса – *интерпретант* как связь между «телом знака» – репрезентантом – и его содержанием [Моррис, 1983: 151-152; Пирс, 2000; Соссюр, 1977; 1990].

Семиотическое отношение (семиозис) Ч.С. Пирс провёл через интерпретанту: знак вбирает в свою структуру значение (смысл) посредством «внутреннего свойства знака быть интерпретируемым» и способности знака к внутреннему *динамическому изменению* [Пирс, 2000].

В этом заключается *имманентная прагматика* знака, проявляющаяся в его интерпретанте [Залевская, 2018; Моррис, 1983].

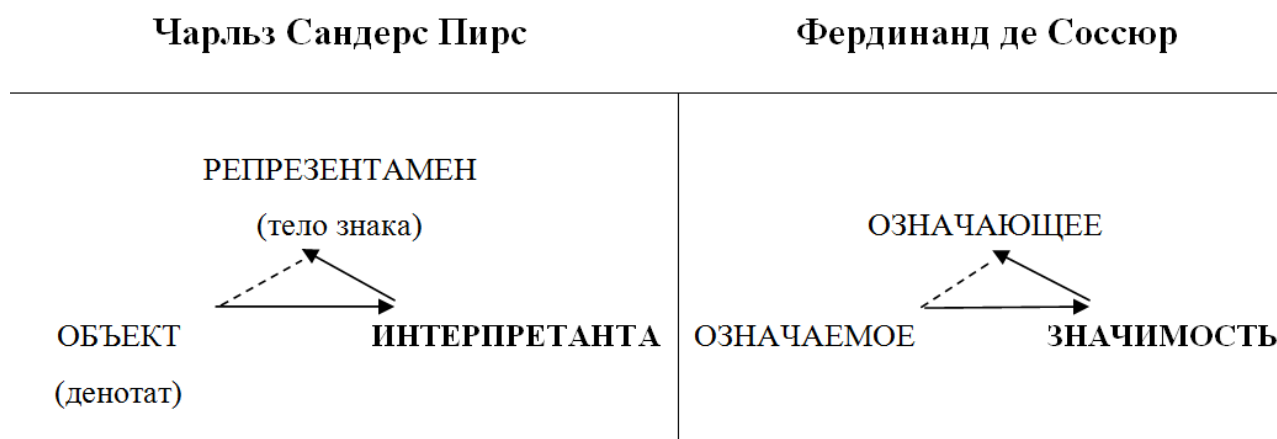
В основу осмысления прагматической *интерпретанты* может быть положена идея корреляции, реализованная Ф. де Соссюром в понятии *значимость*.

Значимость языкового элемента определяется в системных релевантных оппозициях во взаимодействии с другими элементами системы [Соссюр, 1990: 193]. *Значимость* – *релевантность* знака в интерпретативном

сопоставлении с другими знаками кодовой системы. Трактовка значимости как «интерпретанты», как интерпретативной корреляции принадлежит самому Ф. де Соссюру:

«...для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием, то есть что оно имеет то или иное значение; **его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значимостями, то есть с другими словами, которые можно ему противопоставить.** Его содержание определяется как следует лишь при поддержке того, что существует вне его. Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще главным образом значимостью...» [Соссюр, 1977: 148 – выделено нами – Г.П.].

Свойства значимости и интерпретанты обеспечивают связь и функциональное единство плана выражения и плана содержания в семиотической триаде знака, представленной в Схеме 1:

Схема 1. Семиотическая трихотомия Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра

Таким образом, между формой и содержанием лежит относительная (релевантная) «величина» – **интерпретанта**, определяющая степень рациональности (значимость) объединения данного содержания с данной формой, позволяющая этому объединению успешно функционировать в речи [Эко, 2007; Peirce, 1978].

Релевантность знака закрепляется в его «функциональной истории», которая определяет диапазон употребления знака – тот регистр речи, функциональный стиль и жанр, наконец, ситуацию, для которых

употребление данного знака будет наиболее релевантным. Речевой узус закрепляет релевантность знака в определенной дискурсивной формации в соответствии с его семантической и стилистико-прагматической значимостью (ср. *Usage-based modal* [Barlow, 2000; Bybee, Beckner, 2010; Langacker, 1988]).

Свойство функциональной относительной значимости (*релевантной относительности*) речезыкового знака является фундаментальным свойством, определяющим динамику отношений между планом выражения (ПВ) и планом содержания (ПС), которая сводится к балансу их (а)симметричности в функционировании системы языка-речи [Гак, 1980; Ельмслев, 2006; Карцевский, 1965].

Например, употребление какого-нибудь авторского окказионализма нарушает баланс системы, и релевантность этого нового элемента должна быть обоснована его ценностью (значимостью / релевантностью) «здесь и сейчас» относительно установившейся системы. Нарушения симметрии ПС и ПВ – наличие полисемии, метафоры, гиперболы, иронии, подтекста (ср. *loose talk*) и т.д. – приводят в действие семиотическую динамику: значение выходит за рамки буквальной семантики языковой единицы, приобретая значимость в результате когнитивных исчислений, интерпретаций во взаимодействии со средой – контекстом и ситуацией употребления [Гоготишвили, 2017; Дементьев, 2000; Pilkington, 2000; Recanati, 2004; Sperber, Wilson, 1995].

В дискурсе, помещенном в деятельностный контекст (дискурсивную формацию [Фуко, 1996]), релевантность языкового знака зависит от произведенного эффекта: чем эффективнее его функционирование (в т.ч. речевое воздействие), тем более релевантным становится употребление знака в данном коммуникативном событии (а тж. *внешнем* и *внутреннем* контексте [Barlow, 2000; Dijk, 2008; 2009; Sperber, Mercier, 2012]). Этот узус

закрепляется в системе и норме того или иного функционального диапазона языка [Bybee, Beckner, 2010; Langacker, 1988; Tomasello, 2005].

Значимость как внутренняя форма опознаётся в речевом взаимодействии благодаря когнитивно-интерпретативной компетенции коммуниканта. В речи происходит конвергенция (convergence) семантики и прагматики знака [Апресян, 2004; Береговская, 2015; Вольф, 2002; Ганеев, 2005; Grice, 2001; Sperber, Wilson, 1995], или *прагма-семантическая конверсия* [Алферов, Кустова, 2014а; Алферов, 2018; Nonaka, Krogh, 2009], то есть окказиональное или узуальное переосмысление и соединение («бленд») прямого, буквального значения высказывания (конвенциональная интерпретанта) с контекстом употребления знака (контекстуальная, или ad hoc-интерпретанта) [Coulson, 2001; Fauconnier, Turner, 1996]. Кроме того, понимание (интерпретация) речезыкового знака (высказывания) – это процесс и результат взаимной «подгонки» (ad-hoc концептуализации) эксплицитного и имплицитного в знаке [Эко, 2007; Carston, 2002; 2010; Peirce, 1978; Wilson, 2009; 2012; 2013; Sperber, Wilson, 2002, 2004].

Таким образом, релевантность интерпретанты языкового знака определяется актуальными (релевантными) сторонами семантики и прагматики языковой единицы (контекстуальными значениями употребления). Окказиональная семантика может войти в узус и даже в норму определенного функционального употребления или стиля. Например, переосмысление значения слова может связать любую узуальную семантику, например, [катиться] или [валить] с понятием [уходить], которое в сочетании с грамматической семантикой императива и конвенциями русского речевого узуса интерпретируется как невежливая форма «отсыла»: «*Катись! Вали!*». Здесь языковая форма приобретает своё значение благодаря двум внутренним (имманентным) свойствам знака – интерпретанте и функциональной значимости. Релевантность (значимость) такого

употребления определяется функционально-стилистической компетенцией носителя языка.

Кроме того, в некоторых проявлениях релевантности отражается синергетическая эмерджентность и эвристичность динамической языковой системы: семиозис «здесь и сейчас» требует постоянного смыслообразования (интерпретации, переосмысления) в когнитивном и интеракционном пространствах дискурса [Герман, Пищальникова, 1999; Гоготишвили, 2006; Кравченко, 2008].

Внутренняя семиотическая релевантность знака, как производная от свойства знака быть интерпретируемым, приобретает актуальность в более широкой системе «языка-речи» [Болдырев, 2001]. Системно-структурные характеристики знака, ранее пройдя этапы становления: от **употребления** – через **узус** – к закреплению в языковой **норме**, – «проверяются на релевантность» в употреблении, опосредованном узусом. В речевой интеракции выявляется способность знака адаптироваться к нуждам речекогнитивного взаимодействия (коммуникации). При этом происходит коррекция каждого из трёх этапов непрерывной динамики языка (употребление – узус – норма) [Barlow, 2000].

Таким образом, любой речезыковой элемент характеризуется той или иной степенью релевантности в употреблении в силу *имманентности* своей значимости в системе и структуре языковых знаков, в том числе в их функционировании в системе языка-речи. В конце концов актуальная релевантность языкового элемента обеспечивается не закреплённой кодовой семантикой, а употреблением в контексте речевой интеракции [Гак, 1989]. Ведь ещё А.А. Потебня, вслед за В. Гумбольдтом, выдвинул идею актуального значения слова в речи, когда значение поворачивается той или иной своей семантической составляющей: в значении слова фокусируется *ad hoc*-семантика, актуальная для данного речевого акта и когнитивного

контекста [Гумбольдт, 1994; Потебня, 1999; ср. Barsalou, 1983; Carston, 2010; Casasanto, Lupyan, 2015; Wilson, Carston, 2007].

В процессе речевого взаимодействия происходит согласование смыслов, то есть когнитивных репрезентаций (то есть *интерпретаций*) коммуникантов [Болдырев, 2011; Кубрякова, 2012]. Происходит проективная метарепрезентация и коррекция (см. [Клепикова, 2008; 2009]), направленная на проверку *когерентности* ПВ и ПС языкового знака и контроль за возможными сбоями (девиациями) в декодировании и инференциальном выводе (понимании), в согласованности репрезентаций, в адекватности выбора средств выражения для достижения взаимопонимания и т.д. [Дроздова, 2003].

Поэтому интерпретация есть имманентное свойство языковой системы¹⁹, такое же, как и значение [Болдырев, 2011; Демьянков, 1985б; КСКТ: 31-33]:

«Интерпретация речи человеком – это вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты обладают разветвленной типологией и насквозь пропитаны личностными характеристиками» [Демьянков, 1994: 21].

Динамическая составляющая интерпретанты основана на механизмах сопряжения знаний (энциклопедического и контекстуального) через связующую последовательность интерпретант – выдвижение интерпретативных гипотез, которые оканчиваются «финальной интерпретантой» [Эко, 2007; Peirce, 1978: 42; Sperber, Willson, 1986/1995].

Выбор этой конечной интерпретанты обусловлен её релевантностью, т.е. конклюдивной значимостью в процессе сопоставления возможных *интерпретационных допущений* (*assumptions*) [Шпербер, Уилсон, 1988:

---

¹⁹ Н.Н. Болдырев вносит интерпретативную функцию в основные функции языка [Болдырев, 2011; 2019].

212]) – интерпретаций транслируемого знака, будь то жест, слово или высказывание в контексте речевой интеракции.

Идея интерпретанты, включающей в сам знак когнитивные (логико-инференциальные) и интеракциональные (прагматические) смысловые валентности (слоты), является основой *интеграционной* – интеракционально-когнитивно-семиотической – концепции коммуникации (см. выше), которой мы придерживаемся в работе. У. Эко отмечает:

«Знак, вызывая ряд непосредственных реакций (энергетических интерпретантов), постепенно создает некую привычку (a habit), некую регулярность поведения у интерпретатора (или пользователя) этого знака. Поскольку привычка – это «склонность... вести себя сходным образом при сходных обстоятельствах в будущем». <...> Окончательный Интерпретант знака – это и есть данная привычка. Иными словами, соотношение между значением и репрезентаменом приобретает форму закона (закономерности)» [Эко, 2007: 321].

По своей сути этот подход лежит в основе современной когнитивной лингвистической семиотики [Златев, 2016; Карасик 2012; Кубрякова, 2001; Самигуллина, 2007; 2008; Langacker, 1999; Zlatev 2012].

Если в конвенциональном знаке интерпретанта существует латентно как «свойство знака быть интерпретируемым», а *связь* означающего и означаемого («две стороны листа бумаги») неразрывна, взаимообусловлена и синкретична, то в актуальном **динамическом речевом языке** «здесь и сейчас» эта связь становится фокусируемой, экспрессивной, а интерпретанта становится главным элементом семиозиса.

Связь между планом выражения и планом содержания такого знака подвижна, динамична. Поэтому под **динамическим языковым знаком** может пониматься любой языковой знак, в котором отношение между означающим и означаемым подвижно, на данный момент освобождается от конвенциализации, требует интерпретации. В основе создания такого знака, т.е. в основе его семиозиса, лежит интенциональная асимметрия плана

выражения и плана содержания. Эта асимметрия может быть окказиональной, а может быть узуально-системной с точки зрения жанровой нормы (языковая игра, каламбур, шутка, анекдот, загадка, рекламный слоган и т.п.). Имплицитная информация выполняет в этих речевых жанрах смыслообразующую функцию. Контекстуальная зависимость значения такого знака требует больше интерпретативных усилий, когда вместо прямого «готового» значения конвенционального знака возникает «высказывание», несущее подразумевание [Гоготишвили, 2017].

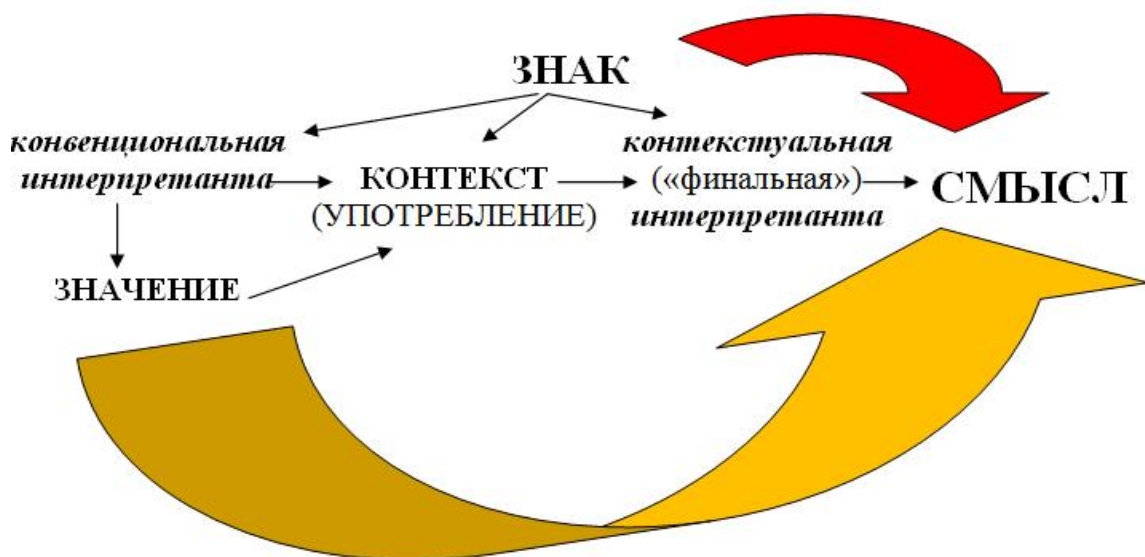
Таким образом, интерпретанта есть имманентная динамическая характеристика знака, входящая в структуру когнитивно-коммуникативной семиотической единицы (иконической, индексальной и символической, – в терминах Ч.С. Пирса). Знак как интеракционально-интерактивная сущность, помимо «значения», предполагает когнитивно-коммуникативный *трансфер*, превращая имманентную интерпретанту в поле имплицитивно-инференциональной трансферизации²⁰ (процесса согласования когнитивных сфер коммуникантов).

Интерпретанта знака в речевом взаимодействии лежит между конвенциональным значением (*конвенциональной интерпретантой*) языковой формы и её коммуникативным значением (*контекстуальной интерпретантой*)²¹, в совокупности определяющими «финальную интерпретанту», или **актуальный СМЫСЛ** речезыкового знака (слова, высказывания) «здесь и сейчас» (Схема 2):

---

²⁰ Термин В.И. Постоваловой [Постовалова, 2016].

²¹ Ср.: *implicature conventional / implicature conversationnel* [Grice, 1991].

Схема 2. Конвенциональная и контекстуальная интерпретанты языкового знака

В интеракционном аспекте когнитивного пространства речевого взаимодействия *интерпретация* представляется не просто как обработка концептуальной семантики и прагматики высказывания и дискурса-текста (*когнитивно-дискурсивная интерпретанта*), но и как согласование личностных смыслов, «чтение мыслей» собеседника (*mind-reading*) «здесь и сейчас» [Apperly, 2018; Astington, 2005; Sperber, Wilson, 2002], выявление актуального «значения говорящего» (*speaker's meaning*) [Grice, 1991; Schiffer, 1972; Searle, 1975; 1982; Recanati, 1989; 2004; 2008].

Таким образом, система когнитивной интеракции представляется в статическом и динамическом (процессуальном) аспектах. В статическом аспекте это прежде всего структура знаний (полаганий²²), которыми обладает индивидуум, вступающий в коммуникацию. Знания составляют ядро (структуру) когнитивной системы человека, базирующейся в долговременной и оперативной памяти [КСКТ; Michaux, Dominicy, 2006; Récanati, 2010].

В динамическом аспекте возникает общее когнитивное пространство

²² Заблуждения, предубеждения (*cognitive biases*) или неясные (интуитивные) представления нельзя назвать в полном смысле знаниями [Haselton, 2006; Sloterdijk, 1988; Sperber, Mercier, 2012].

коммуникантов как процесс взаимодействия их персональных когнитивных структур.

2.3. Когнитивно-коммуникативная интеракция: структурная типология

Отталкиваясь от довербальной, нерасчлененной ментальной формы – гештальта, – сознание в онтогенезе приходит к концептуально-категориальной структуре (фрейм, сценарий, концепт и т.п.) [Бабушкин, 2003; Гофман, 2003; Карасик, 2006; Langacker, 2002b; Rosch, 1978; Zlatev, 2012].

Как было отмечено, релевантность ментальных репрезентаций имеет **интерактивную** субъект-объектную и **интеракционную** субъект-субъектную векторности [Алферов, 2001; Попова, 2021б] (см. ниже). В субъект-объектном отношении релевантность определяет адекватность репрезентации отражаемой действительности (информационная, или пропозициональная релевантность). В интеракционном – субъект-субъектном – «модифицирует поведение организма, направленное на взаимодействие с другим организмом как компонентом мира, с которым первый организм находится в состоянии взаимной каузации» [Кравченко, 2001: 233].

Взаимодействие концептуальной системы, сложившейся в сознании («долговременная память»), с актуальной реализацией этой системы в процессе мыследеятельности и коммуникации приводит к взаимной адаптации концептуальной системы к общей ментальной репрезентации «здесь и сейчас».

2.3.1. Концептуальная система и ее составляющие

Р.И. Павиленис предлагает различать «объективную концептуальную систему» и «индивидуальную концептуальную систему». Он подчеркивает:

«Отличие концептуальной системы как коллективного феномена, отражающего весь познавательный опыт человека во всем его разнообразии,

от индивидуальной концептуальной картины мира субъекта (носителя языка) как системы полаганий. Индивидуальная картина мира, с его точки зрения, воплощает выбор, предпочтение, отдаваемое определенному концепту или концептуальной структуре в качестве составляющей системы полаганий конкретного носителя языка» [Павиленис, 1993: 209].

Н.Н. Болдырев подчеркивает субъективность когнитивно-речевых процессов в речевой деятельности как отражение концептуальной системы автора высказывания. Высказывание отражает структуру его речевого сознания и строится на основе **субъектного принципа**:

«Структура и содержание языковых и неязыковых знаний в значительной степени определяют речевую деятельность человека, ее соответствие языковым нормам, поскольку любое высказывание, как и знания человека, антропоцентрично. Оно ориентировано, прежде всего, на концептуальную систему автора высказывания, отражает ее структуру и содержание, т.е. строится на основе **субъектного принципа**. Данный принцип заключается в том, что человек сам выбирает объект познания и фокусирует свое внимание на определенных его качествах и характеристиках, осмысливая и закрепляя в языке определенные его аспекты, а также сам выбирает языковые средства его репрезентации. При этом данные процессы всегда сопровождаются интерпретацией или оценкой объекта в рамках всей концептуальной системы человека, его системы знаний» [Болдырев, 2013: 9 – выделено нами – Г.П.].

В рамках речевой интеракции происходит взаимодействие двух субъектных когнитивных структур, которое представляется как **когнитивная трансакция** [Йокояма, 2005] или **трансфер знаний** [Демьянков, 2016].

Представление об индивидуальной структуре знаний зависит от критериев, лежащих в основе моделирования. В коммуникативной модели «кодирования-декодирования» говорящие обладают когнитивно-лингвистическими матрицами и слотами, заполняемыми по принципу соответствия референциальной и коммуникативной ситуации. Так, по модели О. Йокояма, в процессе коммуникации на первый план выходит **актуализированная когнитивная (знаниевая) матрица**, которая состоит из определенной номенклатуры знаний. Она выделяет следующий набор основных знаний:

« – *экзистенциальное знание* (представление о существовании – области бытия – некоего объекта-терма X);

– *предикационное знание* (определенные представления о состояниях и свойствах Y объекта X);

– *пропозициональное знание* (глубинная синтаксическая структура, связывающая экзистенциальное и предикационное знания тип «X (есть) Y»);

– *специфицирующее знание* (заполнение абстрактных термов X и Y конкретными референтами);

– *референциальное знание* (общее знание о мире, реализующееся в конкретном деятельностном фрейме);

– *знание кода* (умение передать ту часть когнитивного множества средствами, доступными обоим говорящим, по определенным правилам кода-языка)» [Йокояма, 2005: 51-52].

Универсальность матрицы *когнитивного множества* предполагает наличие данных типов знаний у участников интеракции (общее знание) и составляет **кодovou** (лингвосемиотическую) **компетенцию** коммуникантов.

Взаимная трансакция (обмен) обозначенными типами знаний представляет собой *трансакционную когнитивную модель дискурса* [Там же].

Информативность коммуникации определяется асимметрией когнитивного множества коммуникантов (наличие/отсутствие) знаний. При этом говорящий может только строить предположения о состоянии когнитивного множества собеседника [Йокояма, 1998].

Однако на общее знание кода накладывается умение правильно активировать имеющееся знание, умение осуществлять выдвижение наиболее актуального знания в когнитивный фокус речевого действия (ср. [Ирисханова, 2014a]), участвовать в мене ролей говорящего и слушающего и т.д. Это умение получает название **процедурной компетенции** [Йокояма, 2005: 208].

Поэтому, по мнению О. Йокояма, необходим еще один навык – *навык поведения* в речевой трансакции – *метаинформационное знание дискурсивной ситуации*, то есть способность определять тип коммуникативной ситуации и моделировать конкретного адресата [Там же: 54], его речевые и неречевые

интенциональности (ср. «внутренние релевантности», по А. Шюцу) «здесь и сейчас», обеспечивающие в сумме интегральную релевантность речекогнитивной трансакции. Совокупность кодовой и процедурной компетенций представляется как **коммуникативная компетенция** (ср. [Hymes, 1972]), включающая знание дискурсивной ситуации.

Коммуникативная компетенция, по О. Йокояма, осуществляется в двух дискурсивных модальностях: *информационной* и *метаинформационной*. Первая реализует основные (информационные) знания, связанные с предметом обсуждения, вторая включает метаинформационные знания: знание дискурсивной ситуации, процедурное знание и *требование релевантности* [Йокояма, 2005: 59]. Последнее выступает в виде некоего *метакоммуникативного императива* – правил поведения говорящего и «правильного» использования информационных знаний, применения всех компетенций в речевой интеракции: правил информативности, уместности, кооперативности и т.д. (ср. [Грайс, 1985; Leech, 1983; 2014]).

Модель успешной когнитивной трансакции предполагает *симметрию в наличии знаний* и **добросовестность участников** речевой интеракции в обмене знаниями. Так, отсутствие *специализирующего знания* у одного из участников интеракции должно восполняться вопросом относительно отсутствующего знания: «*Куда уехала Женя?*». При отсутствии у собеседника *экзистенциального знания* произойдёт непонимание, которое приведёт к встречному вопросу: «*Кто такая Женя?*». Отсутствие *знания кода* приведёт к вопросу о значении неизвестного слова, к его **метаязыковому обсуждению** и т.д. (см. ниже о категории «общего знания»).

Понятие коммуникативной компетенции включает в себя, помимо когнитивной компетенции как навыков логического вывода, импликаций и инференций [Грайс, 1985], прагматическую компетенцию, связанную с «грамматикой личного участия» в речевом взаимодействии [Halliday, 1973; 1978]. Прагматическая компетентность определяется как «знание

лингвистических ресурсов, доступных на данном языке для реализации конкретных иллокуций, знание последовательных аспектов речевых актов и, наконец, знание соответствующего контекстуального использования лингвистических ресурсов конкретных языков» [Barron, 2003]. Чтобы предотвратить возможные ошибки в межкультурном общении, изучающие язык должны не только повышать свой общий уровень владения языком и точность его использования, но и стремиться развивать прагматическую компетентность на изучаемом языке (ср. [Болдырев, 2019; Гак, 1982; Грайс, 1985; Гордон, Лакофф, 1985; Демьянков, 1989а,б; 1994; 2017; Йокояма, 2005; Кравченко, 2008; 2011; Кубрякова, 2004; Леонтьев, 1975; Сковородников, 2014; Bach, 2005; Brown, Levinson, 1978; Chomsky, 2006; Goffman, 1987; Gumperz, 1982; Hymes, 1972; Ifantidou, 2014; Langacker, 2013; Leech, 1983]).

Асимметрия в структуре знаний собеседников и различие конфигураций когнитивных множеств приводят к когнитивному диссонансу и коммуникативным неудачам²³, сбоям, конфликтам и потребности в их исправлении посредством *метакоммуникативной* (метаязыковой) *интеракции* и интерпретации смысловой интенции собеседника (ср. [Ермакова, Земская, 1993; Йокояма, 1998; Мустайоки, 2015; Падучева, 1997]).

Здесь на первый план выдвигается *субъектный принцип* формирования высказывания (Н.Н. Болдырев), и происходит передача не только знаниевой (когнитивной), но и эмоционально-оценочной информации (ср. [Желтонова, 2000; Желтухина, 2004; Карасик, 2009; Шаховский, 2008; 2016]).

Идея несоответствия когнитивных пространств и программ когнитивного обмена находит отражение в работах, подчеркивающих многоаспектность условий (не)успешной когнитивной интеракции:

«...основные проблемы концептуального взаимодействия в ходе речевого общения сводятся к следующим основным моментам:

---

²³ Условность традиционного термина «коммуникативная неудача (КН)» относится к разным случаям нерелевантной коммуникации (о дифференциации КН см., напр. [Кънева, 1999; Mustajoki, 2003]).

- 1) структурное соответствие концептуальных систем участников коммуникации,
- 2) содержательное соответствие этих систем,
- 3) адекватность оценки концептуальной системы собеседника,
- 4) степень владения коллективным знанием и языковым опытом, включая их социокультурную и национальную специфику,
- 5) соответствие используемых коммуникантами принципов, механизмов и когнитивных контекстов формирования и понимания смыслов» [Болдырев, 2017: 7] (выделено в оригинале – Г.П.).

Совокупность данных презумпций составляет **интеракционную когнитивную компетенцию** коммуниканта (в речевом взаимодействии) (ср. [Кибрик, 2008]).

В приведенном положении под структурой концептуальной системы понимается «совокупность знаний человека в виде определенных концептуально-тематических областей знания как элементов его картины мира, которые и формируют его сознание» [Болдырев, 2017: 7].

По Н.Н. Болдыреву, в речевом взаимодействии происходит «интеграция когнитивных структур коммуникантов», и **когнитивная релевантность коммуникации** определяются **когнитивными доминантами**, регулирующими динамику речевой интеракции:

«К таким доминантам относятся: 1) **тематическая доминанта** (знание темы диалога, предмета общения, «тематическое оформление дискурса за счет репрезентации соответствующих концептов, которые содержатся в сознании говорящего, с ориентацией на нормы и правила используемого языка»); 2) **субъектная доминанта** (представление о своем собеседнике: его профессии, характере, привычках, манере общения; многоуровневый характер организации когнитивной системы дискурсивной личности: пол, возраст, профессия, социальный статус, культурный уровень, уровень жизни, среда обитания, ментальное состояние, включая целевые установки, ценностные ориентации, личные интересы; лингвокреативность дискурсивной личности); 3) **социокультурная доминанта** – знания, полученные в контексте определенного социума или культуры, а также связанное с ними понимание статусно-ролевых отношений: личностное и статусное речевое взаимодействие; наличие «базового стереотипного ядра

знаний» – прецедентные культурные феномены, речевые клише и т.д.; 4) **инструментальная доминанта** – использование определенных стратегий и тактических приемов для достижения поставленных целей; тональность дискурса; правила коммуникативного обмена речевыми актами, связанные с принципами кооперации, вежливости, интереса, иронии, и определяющие стратегию речевого поведения; понятия о том, как надо попросить, как потребовать, как поблагодарить, как извиниться, как оправдаться, принцип кооперации и максимы Г.П. Грайса. Наличие таких коммуникативно релевантных знаний в виде когнитивных моделей, схем, сценариев речевого и неречевого взаимодействия и раскрывает принцип инструментальности речевого общения как одной из когнитивных доминант его организации; 5) **интенциональная доминанта** – организации речевого взаимодействия требует соответствия между намерениями участников общения и языковыми средствами их реализации с целью достижения этих намерений. Результат взаимодействия непосредственно зависит от взаимной координации или, напротив, конфликта намерений разных участников, а также от выбора соответствующих языковых структур» [Болдырев, 2017: 16-20].

При вступлении коммуникантов в речевое взаимодействие названные доминанты со всей очевидностью предопределяют релевантность той или иной доминанты для обоих участников интеракции в каждый определённый момент речевого взаимодействия. Таким образом, мы наблюдаем частичное пересечение интегративной системы доминант с приведённой в первой главе системой релевантностей А. Шюца, в корреляции с аргументативно-правовой и информационной релевантностью.

Концепцию «интегративности формата речевого взаимодействия» продолжает В.С. Григорьева, подчеркивая интегративность взаимодействия выделяемых Н.Н. Болдыревым доминант в рамках «когнитивной матрицы, объединяющей соответствующие области знания в качестве ее компонентов, или координат, раскрывающих основные характеристики диалогического дискурса» [Григорьева, 2018: 14].

«Интегративность» матрицы обеспечивает «эффективность понимания и убеждения в диалоге» [Там же: 15]. Автор утверждает, что

«в ходе речевого взаимодействия включаются такие когнитивные механизмы как: установление тождественности когнитивных систем говорящего и слушающего, механизм активизации знаний в сознании говорящего, механизм адаптации знаний собеседника знаниям говорящего, аддитивный механизм (пополнение знаний), механизм субституции интерпретации и оценки событий и убеждений, профилирования и перспективизации. При этом названные механизмы могут использоваться как адресантом, так и адресатом. Эффект коммуникативного взаимодействия в некоторых случаях непредсказуем» [Там же: 157].

Другими словами, взаимодействие двух когнитивных систем и тем более их «интеграция» предполагают прежде всего **понимание** и **взаимное понимание** [Демьянков, 1989а; Дроздова, 2003], что, тем не менее, не предполагает *согласия* собеседников и *интерсубъективного когнитивно-коммуникативного консонанса* (см. ниже).

Поэтому В.З. Демьянков выделяет ряд дополнительных презумпций и стратегий, которые необходимо учитывать и применять для «достижения взаимопонимания» («в неконфронтирующем дискурсе»). Он приводит следующие постулаты:

«1). **Знание общего языка:** *«Не преувеличивайте степень своей компетентности в языке, старайтесь посмотреть на нее критично и будьте снисходительны к тому, что вам представляется отклонением от стандарта в речи собеседника».* 2). **Построение и проверка гипотез о значении речи собеседника:** *«Старайтесь выдвигать по возможности разумные и наименее экстравагантные гипотезы о том, что вам предстоит услышать. Это позволит с меньшей болезненностью отказаться от неоправдавшихся ожиданий».* 3). **Освоение сказанного:** *«Не скупитесь на свои внутренние ресурсы при построении модельных миров»* (согласуйте свой внутренний мир с миром собеседника). 4). **Установление замысла говорящего:** *«Не жалейте сил на узнавание личности своего собеседника, такое знание сэкономит ваши усилия в установлении истинных замыслов его речи».* 5). **Осознание различий между внутренним и модельным мирами:** *«Обращайте внимание на те моменты в речи собеседника, где нарушается целостность и связность получаемой вами картины о сообщаемом им. Ведь, возможно, эти нарушения – только в вашем модельном мире...».* 6). **Осознание отношений внутри модельного и внутреннего миров:** *«Постарайтесь*

держат в фокусе внимания то, что вам пытаются сообщить, следите за перемещением этого фокуса внимания у себя и не сосредотачивайтесь на своих любимых мнениях...». 7). **Соотнесение модельного мира с запасом знаний интерпретатора:** «Если по ходу общения вы не чувствуете никаких изменений в своих знаниях, постарайтесь найти причину... общение, где вы все время только занимаетесь распознаванием, для вас лично бессмысленно». 8). **Соотнесение понимания с линией поведения адресата:** «Не бойтесь положиться на говорящего» (доверяйте искренности собеседника). 9). **Выбор тональности понимания:** «Стремитесь воспринять обращенные к вам слова как сказанные с добрыми намерениями в ваших же интересах» [Демьянков, 1989б: 8-10].

Нетрудно заметить, что данный свод правил представляет собой не только «отдаленное приближение к идеалу доброго человеческого общения» [Там же]. Но, как доказано когнитивными исследованиями, эти **эмпатические** механизмы (речевого) поведения глубоко когнитивны и, как показал Грайс, а затем и более поздние когнитивисты, лежат в основе развития человеческой цивилизации и являются основой когнитивного и речевого взаимодействия [Томаселло, 2011; Geeraerts, 2020; Tomasello, 2009; Thompson, 2005; Zlatev, 2014].

Как известно, вытекающие из принципа эмпатии (кооперативности) имплицатуры речевой интеракции (*conversational implicatures*) – это компоненты содержания высказывания, не входящие в собственно смысл предложения и в то же время с достаточной надежностью определяющие когнитивно-коммуникативную интеракцию – от говорящего к слушающему и обратно. Надежность их обеспечивается постулатами, позволяющими собеседникам не оговаривать каждый раз эксплицитно то, что будет понятно в силу «Принципа кооперации» (ПК).

Известно также, что коммуникативные постулаты Грайса делятся на четыре группы («максимы»):

1) постулаты **информативности** (*максима Количества*) регулирует объем передаваемой информации: «Твое высказывание должно содержать не

меньше и не больше информации, чем требуется для выполнения текущих целей диалога» [Grice, 1991]²⁴;

2) постулаты **истинности** (*максима Качества*) – «Говори правду» или, по крайней мере, не говори того, что ты считаешь ложным»; «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований» [Грайс, 1985: 222]. Данные частные правила близки по существу, и Дж. Лич предлагает объединить их в одно: «Избегай говорить неправду» [Leech, 1983: 16];

3) постулат **ясности выражения** (*максима Способа*) («Избегай неясных выражений»; «Избегай неоднозначности»; «Будь краток»; «Будь последователен» [Грайс, 1985: 223].

4) постулат **релевантности** (*максима Отношения*) – «Будь релевантен», т.е. «Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу» [Грайс, 1985: 233].

Взаимосвязь постулатов позволила Р.М. Харнишу объединить их в единый постулат количества-качества: «Твое утверждение должно быть наиболее полным и соответствующим ситуации, а также оправданным известными тебе фактами» [Harnish, 1976: 331].

Максимы Грайса – это узуальные неконвенциональные нормы, которые коммуниканты, в силу своей речевой компетенции, пытаются соблюдать, чтобы адекватно общаться. Тем не менее, эти правила усваиваются и применяются интуитивно, но не прескриптивно, и могут нарушаться для достижения определенного эффекта (вежливость, манипуляция, коммуникативная ситуация и т.д.) [Ларина, 2009; Barlow, 2003; Brown, Levinson, 1978; Langacker, 1988].

Причем нарушение максим Грайса также регламентировано речевым узусом [Barlow, 2000], эти нарушения имеют свою номенклатуру, причину и

---

²⁴ П. Грайс не исключал возникновения сомнений по поводу целесообразности выделения максимы количества. Первым источником сомнений, по его мнению, мог явиться сам факт, что лишняя информация является лишь способом структурирования времени (напр., фатические стратегии), а не нарушением Принципа Кооперации. П. Грайс подчёркивает, что **любое нарушение Принципа**, в частности, лишняя информация, приводит к предположению о существовании скрытого смысла, что требует от реципиента включения механизма *инференции* (исчисления смысла) [Grice, 1991: 66].

свой функциональный диапазон [Mustajoki, 2003]. Так как аудитория опирается на интуитивное знание ПК при идентификации интенциональности говорящего, его «этоса» (личностных качеств) и «пафоса» (риторической компетенции), влияющих в конечном счёте на смысл высказывания, то соответствующие нарушения ПК также становятся основанием для корректировки интерпретации и понимания [Тарасова, 2013; Laar, 2010].

Нужно учитывать также, что сами типы условий «успешной коммуникации» не всегда являются однопорядковыми, вступают в определенную иерархию и имеют функциональные предпочтения. Например, постулат Грайса «будь искренним» нарушается, по всей видимости, чаще, чем соблюдается, и противоречит целому ряду постулатов вежливости [Ларина, 2009; Леонтьев, 2016; Watts, 2003], соблюдению баланса «позитивного и негативного лица» собеседников [Goffman, 1987], наконец, его нарушение служит злонамеренной манипуляции и лжи (ср. [Gilsenan, 1976]).

Интерпретативные импликатуры, которые вытекают из соблюдения максим, могут корректироваться, заменяться новыми, их нормативность может изменяться со временем, с обстоятельствами или социокультурным контекстом [Heinich, 2017]. Поэтому концепция импликатур успешного речевого взаимодействия Грайса была подвергнута критике [Демьянков, 1995], в частности, в пункте о количестве и иерархии максим (см. тж. [Leech, 1983; 2014]), составляющих Принцип Кооперативности: предлагалось объединить максимум количества (избытка информации) и максимум релевантности («говори по делу») в один постулат и т.д. [Horn, Ward, 2005]. Как следствие, в качестве главного принципа успешного общения предлагалось общее *мета-правило*: «выбирай такое речевое действие, которое, при прочих равных условиях, наиболее эффективно и *наименьшей ценой* достигает заданной цели» [Kasher, 1976: 205].

Такая редукция была окончательно воплощена Д. Спербером и Д. Уилсон в их «Теории Релевантности», постулирующей единый Принцип Релевантности, который определяет механизмы выведения актуального смысла высказывания в речевой ситуации [Sperber, Wilson, 1986/1995].

Поэтому взамен комплексным типологиям условий «успешности речевых актов» [Серль, 1986; Searle, 1975], постулатам кооперативности и вежливости, Д. Спербер и Д. Уилсон, вслед за Харнишем, предложили идею генерализации максимы отношения «*be relevant*», создав свою «Теорию релевантности» (1986/1995) и «осуществив когнитивный поворот в лингвистической прагматике, теории познания и коммуникации» [Cruz, 2016a,b; 2017; Wearing, 2010].

В основу этой теории легли принципы объединения динамических процессов интерпретации как эксплицитных, так и имплицитных, как прямых («буквальных»), так и переносных значений высказываний. Отмечается единство прагматических и когнитивных механизмов интерпретации и смыслообразования в контексте речевого взаимодействия [Ирисханова, 2014а; Правикова, 2002; Muschard, 2002].

Следуя «ТР», любое сообщение несет в себе презумпцию собственной релевантности, – то есть сам факт производства и адресации сообщения подразумевает, что оно имеет *значимость*, с точки зрения его отправителя. Другими словами, если говорящий обращается к слушателю, последний может предположить, что информация, которую он намеревается передать, заслуживает внимания и имеет значение (значимость), связанное с существующими и актуальными представлениями слушателя о мире, т.е. является потенциально *релевантной* информацией. Максимальная релевантность достигается при наименьшем усилии по обработке реципиентом поступающей информации и максимальном когнитивном эффекте (новое знание) от получаемой информации [Sperber, Wilson, 1986/1995]. Другими словами, чем *легче* (быстрее) мы воспринимаем (усваиваем)

входящую информацию и чем *более востребованным* является передаваемое знание (*когнитивный эффект*), тем более *релевантным* будет для нас получаемое сообщение [Idem].

Если в узком смысле (Г.П. Грайс) *релевантность* понималась как уместность речевого действия («говори по делу»), то в «ТР» эта категория приобретает универсальность общего алгоритма инференции – исчисления смысла – не только косвенных (имплицитных), но и *остенсивных* (эксплицитных) знаков-сообщений, «завязанных» на контекст, полимодальных и семантически сложных знаков коммуникации (интонация, мимика, взгляд, речевые маркеры) [Sperber, Wilson, 2015].

Пропозициональная форма не всегда исчерпывает сказанное (“what is said”) [Recanati, 1989; Tendahl, 2009]: слушающему обычно приходится дополнять, восстанавливать полную пропозицию (смысл) высказывания. Например, высказывание «Остынет!» (It'll get cold), как правило, означает еду и приглашение к трапезе. А «Доигрались!» означает не объявление об окончании игры, а плачевный исход рискованного поступка. Поэтому, следуя «ТР», *экспликатуры* также подвержены инференции (исчислению смысла) и энталамированию (логическому следствию, выводу – *entailment*), как и косвенные речевые акты или другие *импликатуры* (интенциональное имплицитное подразумевание).

Таким образом, «Теория релевантности» приобретает следующие характеристики:

i) она является инференционной (логической): интерпретация высказывания – результат дедуктивного процесса логической природы, действующего на когнио-прагматическом уровне, а не на семантическом уровне (непосредственно связанном с языком);

ii) она контекстуальна: прагматическая интерпретация изложения как результат совокупного смысла, содержащегося в высказывании и в

контексте; контекст из ситуации говорения превращается в часть (смысла) высказывания;

iii) она является когнитивной: прагматическая интерпретация изложения есть результат когнитивного процесса на уровне «центральной системы» мысли, основанной на создании и на подтверждении поступающих в нее стимулов-«гипотез» [Fodor, 1986]. Центральная система управляет сообщениями, переданными специализированными модульными системами («системы входа»), среди которых – лингвистическая система как один из модулей.

Внешняя очевидность данных положений в своё время явилась актуальным обобщением и утверждением инференциальной теории коммуникации, противостоящей модели «кодирования-декодирования» [Sperber, Wilson, 1986].

С когнитивных позиций Д. Спербер и Д. Уилсон не только объясняют, почему мы понимаем *неявную* информацию, но и почему мы пытаемся интерпретировать *все виды* информации, даются ли они неявно (имплицитно) или явно (остенсивно):

«Люди обращают внимание на одни явления, а не на другие; они представляют себе эти явления так, а не иначе; они обрабатывают эти представления в одном контексте, а не в другом. Что определяет этот выбор? Наше предположение состоит в том, что люди склонны обращать внимание на наиболее релевантные, важные явления, что они склонны строить наиболее релевантное возможное представление этих явлений и обрабатывать их в контексте, который максимизирует их релевантность. Релевантность и максимизация релевантности – ключ к человеческому познанию» [Sperber, Wilson, 1986: 10 – перевод наш – Г.П.].

Это свойство релевантности приобретает особое значение в контексте убеждающей и делиберативной (совещательной) коммуникации, когда условие релевантности становится необходимым условием аргументирования, убеждения, принятия решения [Голиков, 2002; Звягин,

2016; Кузнецова, 2016; Лисанюк, 2022; Плаус, 1998; Трухаев, 1984; Цветков, 2016; Dominicy, 2008; Sinclair, 1986].

В трактовке «ГР» принцип релевантности Грайса имеет более глубокий характер относительно других постулатов, так как **его нельзя нарушить** [Brabanter, 2009]. По определению Д. Спербера и Д. Уилсон, каждый акт остенсивно выраженного сообщения, т.е. любое высказывание, «обладает презумпцией своей собственной релевантности» [Sperber, Wilson, 1986/95: 162]. *Любая конечная интерпретанта (смысл) будет обладать для отправителя своей субъективной релевантностью.* При этом релевантность интерпретатора может либо совпадать с релевантностью отправителя в той или иной степени (ассонанс), либо диссонировать с ней – относительно (**нерелевантность**) или критически (**иррелевантность**) (см. тж. [Newcomb, 1953]).

2.3.2. Конструирование собеседника

В случае несовпадения релевантностей отправителя и получателя сообщения, коммуниканты пытаются выяснить смысловую интенцию собеседника путём взаимных экспликаций своих *метарепрезентаций – представлений о ментальной модели собеседника* (recipient design²⁵ [Blokpoel, 2012; Newman-Norlund, 2009]) на метакоммуникативном уровне. Для иллюстрации приведем примеры одного из наших корпусов (“House, MD”) речевого взаимодействия:

(1)

A.	
<u>Cameron</u> : The shooter turns out to be a guy who ...	– Стрелок оказался...
<u>House</u> : <i>Don't care.</i>	– <i>Плевать.</i>
<u>Cameron</u> : <i>You don't care why a guy</i>	– <i>Вам плевать, почему человек</i>

²⁵ “Recipient design” (или “audience design”) «reflects the speaker’s way of conducting interaction» [Blokpoel, 2012: 2; Mölders, 2014; Mustajoki, 2012; Sacks, 1974; Schegloff, 1982].

<p><i>walked into a hospital and shot a doctor?</i> <i>Shot you?</i> <u>House</u>: I assume his reasoning was faulty [HMD: 2/24]²⁶.</p>	<p><i>пришёл в больницу и стрелял во врача? В вас?</i> – Думаю, он ошибся в выводах. (перевод «Lost film» – здесь и далее)</p>
<p>Б. <u>Woman</u>: Carny Gilman's a good player. And a widow. <u>Henry</u>: I should take her out because she can play bridge? You're a true romantic [HMD: 2/24].</p>	<p>– Кони Гиллман хорошо играет. И она вдова. – <i>Раз играет в бридж, нужно пригласить её на свидание?</i> Ты так романтична.</p>
<p>В. <u>House</u>: You don't like people. You hide on that ice cube so... <u>Cate</u>: <i>Stop projecting.</i> <i>You're anti-social,</i> <i>so you assume I'm anti-social.</i> [HMD: 4/11].</p>	<p>– Не любите людей? Прячетесь в этой морозилке, чтобы ... – <i>Строите проекции?</i> <i>Вы –</i> <i>антисоциальны, и предполагаете,</i> <i>что и я такая же?</i></p>

В приведённых примерах метакоммуникативный обмен строится на основе стратегии координации ментальных моделей и поиска согласования метарепрезентаций собеседников. При расхождении моделей диалог может приобретать полемический характер, если ментальные модели собеседников не совпадают, что и вызывает метакоммуникацию. При этом расхождение (*интеракциональная дивергенция* [Goffman, 1981]) проявляется, когда, например, в (1) в фокус внимания интерпретатора попадает (см. примеры выше):

1.А. – пропозициональная релевантность (релевантность содержания – «мне не интересно» (релевантность в узком смысле));

1.Б. – отрицание аргументативной силы высказывания (недостаточное аргументативное основание);

1.В. – интерперсональная (психологическая) релевантность (перенос собственной ментальной и поведенческой модели на собеседника).

²⁶ Сериал «Доктор Хаус» («House, MD»). Первая цифра обозначает сезон (второй), вторая – серию (двадцать четвёртая). Перевод – телекомпания «Lost Film» (ср. [Гамразова, 2021]).

При этом нередко встречается прямая или косвенная оценка метарепрезентации собеседника, например, ирония в 1.Б.: «Ты так романтична».

Большинство когнитивных стратегий участников РВ, основанных на презумпции когнитивной совместности и совместимости, направлены на максимализацию релевантности и снижение процедурных интерпретативных усилий собеседников (*аддитивная стратегия*, по [Ирисханова, 2014а; тж. Gibbs, 1999]).

Классические теории коммуникации рассматривают «конструирование получателя» (recipient design), то есть *метарепрезентацию его когнитивной модели*, как неперемнную составляющую интенциональной коммуникации [Грайс, 1985; Шюц, 2004; Mustajoki, 2003; Sperber, Wilson, 1995]. Тем не менее, случайные или ненамеренные формы передачи информации и речевой интеракции также могут сформировать образ (языковой) личности собеседника [Караулов, 1987; Стернин, 2018]. Например, акцент или выбор лексики, построение фраз, риторическая компетенция партнёра по коммуникации могут скорректировать речевое поведение его собеседника. Как показывают нейролингвистические исследования [Blokroel, 2012], важным аспектом конструирования собеседника является состояние «проспективного ожидания» [Allport, 1937; 1958; 2013.] – планируемая интерпретация собеседником интенции говорящего и состоятельность ожидаемого перлокутивного эффекта высказывания при правильной интерпретации со стороны собеседника.

Метарепрезентация когнитивной модели собеседника позволяет следовать «принципу наименьшего усилия» – опускать речевую манифестацию понятных обоим собеседникам интенциональных состояний партнёра. Лишь в некоторых случаях происходят метакоммуникативные уточнения правильности интерпретации ментальной модели собеседника:

(2)

<p><u>Cameron</u>: We biopsied his tongue.</p> <p><u>House</u>: And it was negative. And the blood tests were negative.</p> <p><u>Cameron</u>: <i>I didn't say we did blood tests.</i></p> <p><u>House</u>: <i>You don't biopsy a tongue unless you have to biopsy a tongue and you don't have to biopsy a tongue unless you've already come up with nothing on a routine battery of tests which don't involve torturing the patient [HMD: 2/24].</i></p>	<p>– Провели биопсию языка...</p> <p>– И она отрицательна. <i>И анализы крови тоже.</i></p> <p>– <i>Я не сказала, что мы их делали.</i></p> <p>– <i>Ты не станешь делать биопсию языка, без крайней необходимости. А вынудить тебя может только нулевой результат по всем обычным тестам, в которые не входят пытки пациентов.</i></p>
--	---

В примере (2) мы можем увидеть экспликацию опущенной цепочки логических посылок, приведших к эксплицитному заключению ***The blood tests were negative.***

При неправильной интерпретации высказывания происходит коррекция речевого поведения говорящего по отношению к собеседнику, учитывая характер «ошибки» в «конструировании собеседника» (его интеллектуального уровня, наличия общих знаний, совместимости картин мира и проч.).

Происходит адаптация к личностным параметрам собеседника с учетом анализа характеристик его ошибочной интерпретации. Некоторые из этих адаптаций могут рассматриваться как форма «пояснения / объяснения» и/или стратегии «устранения двусмысленности». Говорящий осознаёт, какая «двусмысленность» вызвала ошибку получателя, и корректирует сообщение (сигнал), чтобы гарантировать, что та же ошибка не повторится вновь [Blokroel, 2012].

Контекстно-зависимый характер (не)понимания «двусмысленностей» предполагает также, что ошибки интерпретации могут не повторяться, а возникать каждый раз в новом качестве, при новом стечении коммуникативных обстоятельств и событий. Таким образом, конструирование собеседника – это не столько заданный и задаваемый

алгоритм, сколько мгновенный анализ и поиск решений в коррекции поведения в (речевой) интеракции [Idem].

В результате создается когнитивный динамический стереотип, определяющий тип языковой и психологической личности собеседника, его механизма восприятия и интерпретативной перспективы (доминанты, по Н.Н. Болдыреву), но не *a priori* догматический (как приводимые в некоторых исследованиях типы «речевых персонажей» [Ковалев, 2007]), а тип операциональный, динамический, актуализирующийся в той или иной ситуации общения [Карасик, 2009], адаптивный к среде [Кравченко, 2001]. Поэтому всяческие попытки типологии параметров «правильного» речевого взаимодействия, типа максим Г.П. Грайса, – это лишь возможные модели речевого «нормативного» поведения, с непредсказуемыми (допустимыми) нарушениями и вариациями.

Желание воздействовать на собеседника, креативность и фасцинация плана выражения [Дзялошинский, 2012; Соковнин, 2005] приводят к усложнению интерпретативного замысла говорящего, к *неаддитивным стратегиям* [Ирисханова, 2014а] в регулировании (не)релевантности.

О.К. Ирисханова отмечает:

«Неаддитивные стратегии направлены не столько на передачу некоторого объема информации, сколько на запуск самостоятельного порождения новых смыслов со стороны реципиента. <...> Цель данных стратегий – максимизировать инферентные усилия слушающего для достижения некоторого когнитивного (эмоционального) состояния, что предполагает создание определенных «помех» – семантических пропусков, референтных сдвигов, нарушения языковой конвенции. Преодоление этих помех создает у реципиента эффект творческой фасцинации, игровой эффект. <...> Одновременно реализуется стремление говорящего минимизировать эксплицируемый объем информации и негативную реакцию реципиента на излишнюю предсказуемость и конвенциональность. На когнитивном уровне неаддитивные стратегии предполагают установление нетривиальных метафорических, метонимических, категориальных и иных связей между устоявшимися и временными когнитивными структурами (концептами,

фреймами, ментальными пространствами – сокращенно МП), включая процессы концептуальной интеграции ментальных пространств. На уровне языковых значений чаще, по сравнению с аддитивными текстами, предпочтение отдается фигуральным, а не прямым значениям» [Ирисханова, 2014а: 250-251].

Тем не менее, в основе кооперативного взаимопонимания лежит прежде всего *понимание как доминирующий когнитивный механизм коммуникации*.

2.3.3. Понимание как установление смысла: рефлексия и интересубъективность

Т.В. Дроздова предлагает различать два уровня понимания – коммуникативный (психолингвистический) и когнитивный²⁷, на котором понимание трактуется как «когнитивная деятельность (разновидность речевой деятельности), **результатом которой является установление смысла** некоторого объекта (обычно текста или дискурса)» [Дроздова, 2003: 285 – выделено нами – Г.П.].

Результатом понимания становится новое знание, обогащающее концептуальную структуру коммуниканта. Однако для этого нужны определенные предварительные условия.

Т.В. Дроздова, исследуя научный текст и проблемы его понимания, отмечает:

«...понимание оказывается связанным и с процессом познания, а точнее с его результатом – знанием, представляющим *смысл, содержание текста*, и лишь условно – с коммуникативным процессом. <...> ... понимание невозможно без осознания, осмысления (т.е. знания) объекта понимания, каковым для специалиста оказывается при чтении текста не только сам текст, как языковой феномен, но и тот реальный или воображаемый мир, который этот сложный языковой знак замещает. Иными словами, понимание специального текста невозможно без наличия какого-либо «исходного», «первичного» знания, на

---

²⁷ Ср. приведенное выше положение А. Шюца о разделении когнитивного и предикативного уровней интерпретационной релевантности.

основании которого и осуществляется указанный процесс; понимание требует «предпонимания» (Г. Гадамер), или определенного «предзнания» (Е.С. Кубрякова)» [Там же: 290 – выделено нами – Г.П.].

Из этого положения следует разделение понимания на *эпистемическое* – интеллектуально-рефлексивное (осмысленное, научное) – *офф-лайн-понимание* и *когнитивно-обыденное, интуитивное, эвристическое он-лайн-понимание*, «быстрое мышление» [Канеман, 2021].

Путём необходимого *эпистемического усилия* получатель пытается смоделировать смысл сообщения (текста) через преодоление принципа «оптимальной релевантности»²⁸, пытается пройти от «ближайшего» значения языковой формы (высказывания, текста) к «дальнейшему» значению (А.А. Потебня), определить значимость (релевантность) этого смысла для себя и для деятельностной ситуации [Дроздова, 2003: 119].

Это свойство понимания-мышления реализуется лишь в некоторых жанрах речевого взаимодействия «он-лайн» (научная дискуссия, совещательный диалог, аргументация и персуазия дебатов и т.д.).

Т.В. Дроздова рассматривает процесс когнитивной адаптации метальных репрезентаций как соотношение между *познанием* (знанием «что»), *знанием прагматическим* (знанием «как») и *пониманием*, которое «предполагает только осознание содержания, ценности, смысла какого-либо объекта или явления, представляя собой, таким образом, лишь часть познания, которое, безусловно, начинается с процесса осмысления и понимания, но фактически есть путь к истинностному знанию, истинностному положению дел» [Дроздова, 2003: 284].

Именно поэтому понимание-познание существует лишь в специфических контекстах «**поиска истины**», *отрефлексированного* знания,

---

²⁸ Принцип оптимальной релевантности состоит в том, что адресат стремится к *максимальной релевантности*, с одной стороны, и к *минимальным интерпретативным усилиям*, с другой. Поэтому оптимальная релевантность – это та степень понимания, которая удовлетворяет интерпретатора на данный момент времени (коммуникации) [Sperber, Wilson, 1986/1995; Sperber, 2000] (см. ниже).

в рамках иногда обыденного, но чаще институционального (научного, юридического, медицинского, парламентского) **делиберативного взаимодействия**²⁹ (см. ниже).

Представление об интерпретации не только как о декодировании, но как о когнитивном процессе понимания и взаимопонимания, как о механизме идентификации и пополнении «знаниевых слотов», лежит в основе инференциальной концепции коммуникации [Grice, 1991]. Понимание (ведущее к знанию) рассматривается как инференция (исчисление смысла), так или иначе включающая в финальную интерпретанту речезыкового знака (высказывания) логическую импликацию, формальную имплицитность (эллипсис) и контекстуальность [Дроздова, 2003; Имплицитность, 1999; Кубрякова, 2012; Скрытые смыслы, 2007].

М.М. Бахтин отмечал, что «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом...» [Бахтин, 1979: 134]. Взаимному обогащению соприкасающихся сознаний предшествует процесс адаптации и гармонизации контактирующих внутренних смыслов. Под внутренним смыслом обычно понимается рефлексивное отражение действительности субъектом познания [Щедровицкий, 1997; Baars, 1997]. Структура внутреннего, или (в психологии) личностного смысла [Залевская, 2000] практически не поддается исчерпывающему (не редуцированному) описанию, так как соткана из многочисленных разветвленных подструктур: перцептивных особенностей памяти, потенциала когнитивных операций (когнитивная компетенция), знания, операционального рассуждения (логики), установок и

---

²⁹ Делиберативный диалог нами понимается как дискуссия, процесс обсуждения (коллективного обдумывания) при наличии разных точек зрения на истинность и/или оценку исходной обсуждаемой пропозиции [Еемерен, Гроотендорст, 1994; Eemeren, 2013; Fernros, Schaffer, 2014; Kettner, 2007; Lewiński, Mohammed, 2013; Walton, 1993; Wright, Street, 2007].

интенциональностей в отношении к отражаемой действительности (ср. [Залевская, 2000; 2005; 2012; 2015; Леонтьев, 2003; Récanati, 2008]).

В результате формирования этой многогранной совокупности, постоянно модифицируемой и обогащаемой познавательной деятельностью в процессе коммуникации, возникает уникальность контролируемых и неконтролируемых ментальных репрезентаций, составляющих мыслительный тезаурус и ментально-психологическую структуру личности [Асмолов, 2003; Allport, 1958]. Однако объективная уникальность каждой личности (образ себя, Я-концепция) опирается на свое отражение в других людях и в обществе в целом [Карасик, 2009].

Окружающая среда преломляется сквозь призму самосознания как осознания своего нахождения в среде. Отражение действительности (среды) в сознании представлено, как известно, в когнитивной парадигме как «ментальная репрезентация» [КСКТ]. При этом рефлексивное осознание такой концептуальной репрезентации становится в условиях (речевой) интеракции *метарепрезентацией*, диалогически охватывающей оба коммуницирующих сознания [Cruz, 2007; Gutt, 2010; Sperber, 2012; Sperber, Wilson, 1995; Wilson, 1999; 2009].

Возникающая связь между двумя сознаниями имеет сложную уровневую организацию, оформленную как общее когнитивное пространство (интерьеризированная среда) [Sperber, 2012], получившее также название *интерсубъективности*:

«...intersubjectivity will be taken to be the sharing of affective, perceptual and reflexive experiences between two or more subjects. Such – sharing can take different forms, some more immediate, while others more mediated by higher cognitive processes» [Zlatev, 2014: 255].

В то же время, структурные элементы (знания) находятся в постоянном движении, взаимодействии, возникновении и исчезновении в силу информационных (перцептивных) и мнемонических процессов сознания [Baars, 1988].

Рефлексивно отражаясь в сознании и концептуальной системе, воплощаемой в языке, когнитивные процессы получают интуитивно и научно обоснованные наименования состояний и процессов когнитивного поля человеческого мышления [Гак, 1998: 662-663]. Из концептуального (допредикативного) состояния процессы мышления превращаются в предикаты, отражающие основные элементы сознания через единицы ментального поля языка.

Пользуясь методом словарных дефиниций, мы можем представить основные операционные смыслы, составляющие когнитивную сферу человека в концептуализации языка.

Помимо «твёрдых знаний» («знать») и полаганий («полагать, верить»), в ядро ментального поля входит *процессуальный аспект операций со знаниями* – «думать» (*to think; penser*) в связанных значениях (по данным словарей): 1) *мыслить, размышлять*; 2) *иметь мнение*; 3) *полагать, считать, предполагать, догадываться*; 4) *замышлять*; 5) *помнить* [МАС; СРЯ; Cassell's, 1977].

Отметим наиболее значимые для нашего рассуждения элементы ментального поля человека, отображаемого в языке (ср. [Гак, 1987; 1998: 664-665; Клепикова, 2008]):

– познание и его результат: *узнавать, придумать, выдумать, знать, помнить*;

– соотнесение фактов, причинно-следственные связи: *различать, сравнивать, обобщать, опознавать, идентифицировать, классифицировать, понимать, делать вывод, объяснять*;

– степень адекватности действительности:

а) истинность (верность): *знать, истина, правда*;

б) неопределенность (объект/источник недостоверен): *сомневаться, подозревать*;

в) правдоподобие (признание истинным): *считать, полагать, предполагать, верить, судить, иметь мнение (убеждение);*

г) несоответствие действительности: *лгать (врать), ошибаться (заблуждаться), не верить, иметь предубеждение.*

Модификация отрицания может касаться всех вышеприведенных предикатов (*знать – не знать/сомневаться; верить – не верить; считать – не считать*), функционирующих в двух взаимодействующих векторах: субъект-объектной направленности (истинный/ложный объект) или субъект-субъектной направленности (верный, надёжный/ложный, недостоверный источник).

Релевантность когнитивной информации (как обобщающего понятия) определяется рефлексивным отношением когнитивного субъекта к происходящим в сознании когнитивным процессам, а вступая в интеракцию, субъект проецирует свою когнитивную систему на когнитивную систему («пространство») собеседника, определяя релевантность его когнитивной системы. В социально-когнитивном измерении в систему добавляются деятельностные ориентиры: мотивы, интересы, интенциональности, чувства, аффекты, эмоциональные оценки, составляющие «внутренние» и «мотивационные» релевантности субъектов (коммуникативной) интеракции (см. выше, тж. [Шюц, 2004]). По мнению Т. ван Дейка,

«помимо знаний существуют также иные формы социальной информации, такие как «групповые позиции» (включая предрассудки), идеологии, нормы, ценности. Если культурологическими критериями *знания* являются его основанность на фактах, объективность и правдивость, то *позиции* имеют гораздо менее высокий истинностный статус и рассматриваются как нечто оценочное или субъективное (интерсубъективное) в силу различий в критериях истинности у различных групп и обществ» [Dijk, 2008: 51 – перевод наш – Г.П.]

Когнитивные операции взаимодействуют с эмоциональной сферой человека, психическими и психологическими доминантами, обусловленными индивидуальными и социальными условиями развития и существования

[Шаховский, 2016]. Так, известны когнитивные искажения (предубеждения), вызванные различными причинами, рождающие когнитивно-коммуникативный диссонанс и проч. [Haselton, 2006; Walton, 1995].

Характерно, что все отмеченные предикаты пропозиционального отношения (модуса), постоянно употребляясь в речи, несут модусные функции [Арутюнова, 1990; 1999] лексикализованных прагматических маркеров, выполняющих метаречевую функцию операторов процесса когнитивной интеракции [Алферов, 2001; Богданова-Бегларян, 2015; Рябцева, 1994; 2017; Leech, 1976]. Они отмечают все указанные выше признаки когнитивных отношений, в частности, релевантность передаваемых знаний, степень их завершённости (ср. «Я не думаю, я знаю») и др., совмещая диктальные и модусные функции. Лексикализовавшись, они приобретают функцию дискурсивных маркеров – регуляторов релевантности речевого взаимодействия [Алферов, 2001; Кустова, 2009; Попова, 2019а]. Более того, вводя модусные категории [Болдырев, 2016; 2018а; 2019], такие операторы, превращаясь в речевые рефлексы, могут выражаться не только вербально, но и сопровождаться паравербальными (полимодальными средствами) [Кибрик, 2018а,б] (см. ниже – Глава V).

Таким образом, можно констатировать, что (взаимо)понимание как взаимная релевантность адаптации когнитивных систем коммуникантов определяется: *актуальной тематической релевантностью* данного объекта (дискурса, текста) для коммуниканта; его *интерпретационной релевантностью*, основанной прежде всего на владении кодовой матрицей языковых знаний (О. Йокояма), когнитивной и кооперативной компетенцией (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков), на «предзнании» (Е.С. Кубрякова) и «предпонимании» (Т.В. Дроздова), т.е. энциклопедических и предметных знаниях, опосредующих процесс понимания в определенной дискурсивной формации (М. Фуко) или дискурсивном контексте (В.И. Карасик, Т. ван Дейк). Наконец, *мотивационная релевантность* заставляет преодолевать

барьеры тематической и интерпретационной релевантностей, подчиняя процесс понимания целям речемыслительной и социально-коммуникативной деятельности [Карасик, 2000; 2009; Шюц, 2004; Dijk, 2008; 2009].

Однако остаётся вопрос о том, как понимать **интерсубъективное знание**: как совокупность фактов, имеющих истинность для субъектов коммуникации или как способность воспринимать, анализировать и принимать (или не принимать) определённый (предлагаемый) информативный материал как часть «концептуально-тематической области» обоих собеседников.

Рассмотренные выше модели когнитивных множеств, концептуальной структуры и энциклопедического «предзнания» предполагают наличие набора знаний (полаганий) одного коммуникативного субъекта, сопрягаемого с набором знаний (полаганий) другого когнитивного субъекта (собеседника или текста). Существует представление о (взаимо)понимании, как функции *общего знания* (*common knowledge*) [Lewis, 1983], *разделяемого знания* (*shared knowledge*)³⁰ [Snowden, 2002] или *взаимного знания* (*mutual knowledge*) [Schiffer, 1972], основанных на фактическом **предзнании** [Дроздова, 2003; Кубрякова, Александрова, 1999] того или иного кода (языкового, когнитивного, эпистемического) и массы релевантных языковых и энциклопедических знаний (О. Йокояма). Наряду с этим мы можем также оперировать и понятием «здравого смысла» (*common sense*) [Cislaru, 2019], несомненно, являющимся основой **предпонимания** в обыденной мыследеятельности (и не только) и имеющим логические пересечения со всеми остальными категориями.

---

³⁰ О схожести, различиях, размытости значения и употребления терминов «знание», «мнение/полагание» (*belief*) и о расхождении точек зрения на пересечение их объемов см. [Дмитровская, 1988]. Основным различием между знанием и мнением автор признаёт фактуальность знания: «для верифицируемых суждений знание и мнение отличаются друг от друга по параметру истинности пропозиции» [Там же: 20] (ср. [Wilson, 2010]).

С другой стороны, результатом речекогнитивного взаимодействия становится новое знание (*постзнание, постпонимание*), совместное знание коммуникантов, не всегда соответствующее критерию истинности, но релевантное для момента взаимодействия. Достаточно часто такое «совместное знание» оказывается ошибочным и не переходит в разряд «всеобщего знания», т.е. «объективной концептуальной системы» (по Павилёнису – см. выше).

Как отмечает В.З. Демьянков, следует отличать «совместное знание» (*с.з.*) от «общего» или «разделенного знания» (shared knowledge vs. common knowledge):

«*С.з.* – не то же, что общее знание (common knowledge). Общее знание – то, что собеседники знали еще до конкретного акта общения в силу общности культурного фона, образования и т.п. *С.з.* – знание, *выработанное ими по ходу конкретного акта общения* с целью дальнейшего использования в конкретном эпизоде, для экономии времени и усилий при *интерпретации речи*» [Демьянков, 1996б: 175 – выделено нами – Г.П.].

В.З. Демьянков видит в совместном знании два подтипа: «знание о мире, его устройстве, о фактах и связанных с ними последствиях; метаязыковое знание – знание кода, учёт особенностей собеседника как языковой личности» [Там же]. Формирование такого знания можно представить как динамический взаимный трансфер знаний, предполагающий субъективное преобразование исходных знаний о фактах [Демьянков, 2015].

Формулу совместного, т.е. взаимного знания (mutual knowledge) выводят Г. Кларк и К. Маршалл (1981). Эти авторы предполагают, что при некоторых обстоятельствах говорящие и слушающие могут судить о наличии у них взаимного знания. В этих ситуациях им не нужно проверять бесконечное число «условий успешности», достаточно быть уверенными, что у них есть «надлежащее основание G, которое удовлетворяет требованиям «схемы индукции» [Clark, Marshall, 1981: 33]. Схема индукции выглядит так:

А и В взаимно знают, что р тогда и только тогда, когда выполняется некоторое положение дел G, такое, что:

- 1) у А и В есть основания полагать, что G имеет место;
- 2) G указывает А и В, что у каждого есть основания полагать, что G имеет место;
- 3) G указывает А и В, что р [Idem].

Совместное (или взаимное) знание возникает и/или проявляется, как минимум, в трёх ситуациях:

А. Физическое совместное присутствие А, В и G. Любой объект, находящийся в непосредственном, потенциальном или предварительном присутствии говорящего и адресата, может быть частью их взаимного знания.

Б. Ситуация лингвистического соприсутствия. Всякий раз, когда два собеседника могут предположить, что они оба подверглись воздействию одного и того же лингвистического стимула (что-то сказанное или что-то написанное), они могут легко предположить, что они оба извлекли из этого идентичные представления и что эти представления принадлежат их взаимному знанию.

В. Ситуация, в которой гарантированно оправдываются предположения относительно взаимного знания определенной информации. Это ситуация, например, общей принадлежности к социальной (политической) группе, когда все собеседники знают, что они являются частью одного и того же сообщества, и что это сообщество частично характеризуется определенными знаниями.

Возможны комбинации этих трёх типов взаимного знания, их совмещение или взаимное замещение.

Как отмечал Т. ван Дейк, знаниевый механизм (K-device) контекстуальной ментальной модели касается одновременно и **внутреннего** (семантического) **контекста** («знания о мире» – служат для понимания того, о чем идет речь в дискурсе), и **внешнего** (прагматического) **контекста**

(«знание о текущей коммуникативной ситуации» – об участниках и их соответствующих свойствах, отношениях и действиях в текущей обстановке) [Dijk, 2008; 2009]. Адаптация семантики к прагматике заключается, в частности, в том, что существует презумпция, «договоренность» о том, что «в каждый момент коммуниканты: а) опираются на знания, которыми обладают члены одного и того же эпистемологического сообщества (диады, группы, нации, культуры) и б) сообщают новые *релевантные знания*, которые другие участники, возможно, еще не приобрели (например, личный опыт, новости, новые открытия и т.д.)» [Dijk, 2008: 79].

При этом Г. Кларк трактует взаимное знание как «общую точку зрения», которая связана не столько с истинностью и достоверностью набора утверждений, сколько с понятием **взаимной веры** или взаимных полаганий и предположений (*beliefs & assumptions*) [Clark, Marshall, 1981]. Презумпцией взаимопонимания А. Шюц считал совпадение («резонанс») «внутренних релевантностей» участников социальной интеракции (см. выше, тж. [Шюц, 1988; Schutz, 1970: 43]).

Очевидно, что такому обоюдному доверию противопоставлен режим «эпистемической бдительности» (*epistemic vigilance*), контролирующей источник информации и его объективность [Клепикова, 2014; Cruz, 2012; Sperber, 2010; 2013]: «*Speakers are honest because hearers are vigilant*» [Sperber, 2013]. Этот когнитивный механизм защищает от нерелевантных (ложных, неуместных, некомпетентных) рассуждений и коммуникативных актов [Sperber 2010; Sperber 2013]).

По мнению Т. ван Дейка, поскольку содержание речи определяется не столько социальной (деятельностной) ситуацией, сколько субъективной интерпретацией её ситуативной модели, дискурсы отражают не сам социальный контекст (действительность), а субъективные ментальные модели контекста, конструируемые агентами коммуникации [Dijk, 2009: 59].

2.4. Контекстуальная ментальная модель и релевантность

Одним из базовых концептов социокогнитивного подхода является *социальная среда*, определяющая мыслительные процессы индивидуумов – субъектов социальной деятельности. Факторы среды проявляются в речевом взаимодействии в виде когнитивного макроконтекста – ментального моделирования социальной среды как совокупности социокогнитивных моделей [Ирисханова, 2014б]. Лингвистическая социокогнитивная семиотика позволяет поместить в поле наблюдения процесс превращения когнитивных репрезентаций в символические механизмы, такие как возражение, согласие, эмоциональность, кооперативность, обсуждение, объяснение и проч. [Болдырев, 2016].

Функциональный социальный контекст ограничивается пространством дискурсивной формации (см. [Foucault, 1969]), регламентирующей особенности коммуникации в рамках определенной социальной сферы – обыденной или институциональной.

По данным когнитивной психологии, субъективные интерпретации коммуникативных событий, или контекстов существуют в сознании как «контекстные ментальные модели (КММ)» [Кубрякова, 2012].

Теория контекстуальных моделей, по выражению Т. ван Дейка, – это учение о представлениях (репрезентациях) и механизмах, позволяющих «делать релевантными» когнитивные и социальные свойства ситуаций социального взаимодействия. В этом смысле эта теория созвучна интеракциональным подходам, свойственным различным направлениям социальной науки [Dijk, 2008].

Повторим, что один из основных тезисов, выдвигаемых ван Дейком, заключается в том, что контексты – это не объективная социальная ситуация, а социально обоснованный, но субъективный конструкт коммуникантов, отражающий релевантные для них свойства социальной ситуации, то есть *ментальная модель*.

Дейк отмечает, что участники конструируют два разных типа моделей текущей речевой интеракции. Понимание предполагает построение семантической ментальной модели того, о чем идет речь. Референция, ко-референция, когерентность текста и дискурса определяются этими субъективными контекстуальными моделями событий, формируемыми коммуникантами. В то же время создаются модели соответствующих аспектов коммуникативного события, «грамматики личного участия в разговоре» [Halliday, 1978], которое требует «бокового мышления», то есть прагматической метамодели самого происходящего коммуникативного события [Cruz, 2007b].

Предполагается, что такие контекстные модели управляют многими аспектами производства и понимания текста и речи. Это означает, что пользователи языка не просто участвуют в обработке дискурса; они в то же время участвуют в рефлексивном динамическом построении своего субъективного анализа и интерпретации коммуникативной ситуации *on-line*.

КММ динамичны – они конструируются для каждой новой коммуникативной ситуации, а затем постоянно обновляются и адаптируются к субъективной интерпретации текущих изменений ситуации, включая предшествующий дискурс и нюансы интерперсонального взаимодействия. Другими словами, контекстуальные модели развиваются непрерывно и линейно, то есть параллельно речевому взаимодействию и во взаимодействии с другими КММ. Они позволяют участникам адаптировать дискурс или его интерпретации к коммуникативной ситуации, поскольку она меняется каждый момент с каждым новым высказыванием на протяжении всего речевого взаимодействия.

КММ не только отражают референтное содержание, но имеют также прогностическую функцию. Построенные на основе приобретенного жизненного и коммуникативного опыта, они имеют ретро- и проекционную ориентацию. Особенно это относится к письменному и институциональному

общению, но также касается и спонтанной речевой интеракции. Контекстные модели объясняют, как и почему использование языка является социально, личностно и ситуативно изменчивым³¹.

Контекстуальные модели превращают ментальные модели событий (референты) в дискурсивные модели (пропозиции) и обеспечивают решающее недостающее звено в когнитивной теории обработки сообщений «Теории релевантности» [Dijk, 2008]. КММ определяют условия *релевантности дискурса в его социальном функционировании*. В теории ван Дейка КММ показывают, как контекст может контролировать скрытые аспекты текста и устного общения, которые касаются **этоса** участников интеракции [Dijk, 2008: 54], их формального и неформального статуса, отношения к предмету обсуждения, отношения к социальной ситуации и т.д.

Как отмечалось выше, одним из базовых концептов социокогнитивного подхода является социальная среда, определяющая мыслительные процессы индивидуумов – субъектов социальной деятельности. Факторы среды проявляются в речевом взаимодействии в виде когнитивного макроконтекста – ментального моделирования социальной среды как совокупности социокогнитивных моделей (см. [Ирисханова, 2014б; Dijk, 2008; 2009]).

Функциональный социальный контекст представляет собой более узкое пространство дискурсивной формации (см. [Foucault, 1969]), ограниченной

---

³¹ «...в ментальных моделях представлен не только способ интерпретации или планирования дискурса, но и, в более общем плане, все наши личные переживания, как они представлены в эпизодической памяти. Мы можем рискнуть и предположить, что наша повседневная жизнь, как последовательность переживаний, представляет собой сложную структуру ментальных моделей, которые мы можем просто назвать моделями опыта. Эта сложная структура нашей повседневной жизни может быть организована многими способами, но кажется вероятным, что эти личные переживания структурированы такими основными эмпирическими категориями, как время (периоды), места (например, города, в которых мы жили), участники (например, люди, с которыми мы жили или работали), причинность (причины, условия, последствия), уровень (микро-и-макро события), значимость (что более или менее важно) и актуальность (что наиболее полезно в нашей повседневной жизни), среди других измерений» [Dijk, 2008: 66-67 – перевод наш – Г.П.].

особенностями коммуникации в рамках определенной социальной сферы – обыденной или институциональной.

Необходимо выделить следующие характеристики контекстной ментальной модели (КММ), опираясь на работы в общей теории контекста [Дубровская, 2011; Ирисханова, 2014б; Карасик, 2000; Кубрякова, 2012; Dijk, 2008; 2009; Eluerd, 1985; Fodor, Pylyshyn, 2015; Hymes, 1972; Recanati, 2008; 2009 и др.]:

1) междисциплинарность категории контекста, вовлеченность разных научных направлений в философию и эпистемику «контекстуализма» [Recanati, 2008; 2009];

2) более широкий объем значения термина «контекст», включающий в качестве «гипонимических» его специфические репрезентации, связанные с пониманием высказывания или определением значения той или иной речезыковой единицы («ко-текст») [Eluerd, 1985: 177];

3) отличие контекста как субъективной ментальной модели от реальной ситуации, в которой проявляются объективные параметры (место, время, возраст, гендер и т.п.) дискурсивного взаимодействия, отражающиеся в речи (ср. модель SPEAKING [Hymes, 1972]) и представленные в контекстной модели сквозь призму индивидуальной значимости (релевантности) [Шюц, 2004];

4) контекст как (ежедневный) деятельностный континуум, в который вовлечены субъекты речевой интеракции, образует субъективную когнитивную базу, хранящуюся в долговременной памяти индивидуума, его когнитивный опыт, актуализирующийся в операциональной памяти в процессе речевого взаимодействия [Fergier, 2010];

5) субъективные (индивидуальные) контекстные модели как когнитивные репрезентации (скрипты) социальных объектов (событий, действий, акторов) пересекаются в процессе общения, образуя общее

контекстуальное пространство субъектов интеракции (ср. [Ирисханова, 2014б]);

6) контекст включает в себя не только обстоятельства интеракционного дискурса, но и предмет общения (референтную событийную ситуацию), объединяя в себе прагматику и семантику плана выражения [Recanati, 2008];

7) контекстные ментальные модели динамичны: они модифицируются с каждым высказыванием («what has already been said or learned» [Dijk, 2009: 249]), изменяющим индивидуальные знания субъектов интеракции (СИ), делая предшествующий дискурс частью контекста; происходит адаптация структуры существующих в сознании моделей к новой поступающей информации;

8) ментальная карта КММ ежесекундно меняется в процессе речевой интеракции, обеспечивая динамическую вариативность когнитивных схем коммуникантов, контролируя их взаимную координацию, наряду с множеством других (параллельных) функций (“many other tasks involved in discourse processing” [Dijk, 2009: 250]), с другой стороны;

9) контекстные модели отличает «структурная сложность в сочетании с удобством в использовании» [Ирисханова, 2014б: 8]: их многомерное содержание получает форму устойчивой ментальной репрезентации (концепта) и не требует постоянного переосмысления;

10) в сознании субъектов интеракции есть постоянные (универсальные) и вариативные (лингвокультурные) категории: «хронотоп», роли и отношения, обеспечивающие салиентные актуализации их когнитивных активов – знаний, полаганий, целей («Knowledge, Beliefs and Goals») [Dijk, 2009: 56];

11) В.З. Демьянков, Т.А. ван Дейк и другие считают основополагающим для категории интеракционного контекста понятие «общее знание» («Knowledge as a Common Ground»), позволяющее

определить, что содержится в когнитивных активах субъектов интеракции для понимания (интерпретации) пресуппозиций, имплицитности, интертекстуальности, кореференции, стратегий (де)фокусизации и проч.; под общими знаниями понимаются разделяемые (shared) знания, существующие у подавляющего большинства членов данного эпистемического сообщества [Демьянков, 1989а; Clark, Marshall, 1981; Dijk, 2008; 2009]; коммуниканты должны (осо)знать (must, may, should know) текущую событийную (референциальную) и дискурсивную ситуации и уметь отразить их в своей речи (слово, словосочетание, предложение-пропозиция, речевой ход и т.д.) [Dijk, 2008];

12) интеракционный контекст имеет иерархическую структуру и состоит из микро-, мезо- и макро- контекстов (напр., выступление – парламентский дискурс – парламентская коммуникация) [Дейк, 2013; Попова, 2019а];

13) контекстные модели могут институционализироваться, становиться ритуальными, с планируемой структурой (место, время, цель, характеристики участников, характер (жанр) речевой интеракции) [Карасик, 2000; Hymes, 1972];

14) контекстные модели – это социальные и коммуникативные модели, позволяющие предсказать и регулировать социальные и коммуникативные действия субъектов интеракции, подверженных социопсихологическому и антропологическому анализу для закрепления и воспроизводства тех или иных схем ментальных контекстных моделей [Ирисханова, 2014б; КСКТ];

15) КММ формируются на основе разделяемых социальных репрезентаций (знаний, полаганий, норм, ценностей, идеологий), достаточно стереотипных, позволяющих СИ взаимодействовать [КСКТ; Кубрякова, 2012];

16) КММ формируются на основе предыдущего и последующего контекста, анализа социальной и коммуникативной ситуаций, выводов

(инференций) из предшествующих и текущих КММ, личных и общественных целей СИ [Sperber, Wilson, 1995];

17) КММ могут отличаться индивидуальной и культурной вариативностью при общей универсальности механизмов образования и функционирования [Карасик, 2000; 2009];

18) вариативность КММ зависит от доминирующих факторов в социокультурной интеракции (возраст, пол, властный статус, принадлежность к ин- и аут- группам, этническая, идеологическая, политическая принадлежность) [Докторов, 1979; Dijk, 2008];

19) отношение между КММ и дискурсом неоднозначны и взаимно детерминированы, они контролируют друг друга и подчиняются целям и намерениям субъектов интеракции, определяют тональность и индивидуальность/стереотипность речевой интеракции [Карасик, 2008; Кубрякова, 2012];

20) взаимная координация контекста и дискурса проявляется (маркируется) на всех уровнях речепроизводства – фонетического, лексического, сентенциального, риторического, полимодального [Кибрик, 2003; 2008; Кубрякова, 1991; 2012];

21) основные функции контекста (субъективных КММ) определяются их ролью интерфейса в отношениях между социальной ситуацией и коммуникативной ситуацией, между индивидом и обществом, персональным и коллективным знаниями, отражающимися в речезыковом выражении [Dijk, 2009: 248-254].

По мнению ван Дейка, понятие релевантности является одним из центральных понятий социальной дискурсивной теории контекста. Критикуя теорию релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, он считает, что объем КММ шире рамок отдельного текста или речевого обмена, как это представляется в «конструктивистских» и «формалистских» концепциях, к которым Дейк относит теорию Спербера-Уилсон [Dijk, 2008: 11, 13].

Тем не менее, Дейк подчёркивает, что контексты по определению субъективны, даже если они обладают социальными и интерсубъективными свойствами, определяющими понимание дискурса³².

Второе главное свойство контекстной ментальной модели, как уже отмечалось, – субъективность релевантности контекста: то, что социально значимо для одного участника в данный момент, может не быть таковым для другого участника или для того же участника в другой момент [Idem] (ср. «внутренние релевантности» А. Шюца).

Таким образом, КММ – это модели взаимодействия *личностной* (внутренней, психологической) и *интеракциональной* (внешней, социальной) релевантностей [Гофман, 2003; Шюц, 2004].

Социальная объективность КММ взаимодействует с внутренними релевантностями ее участников (ср. [Шюц, 2004]). И если «ГР» пытается вскрыть механизмы когнитивных ходов и инференций в речевом и когнитивном взаимодействии индивидуальных концептуальных систем «здесь и сейчас», то в работах ван Дейка и других «контекстуалистов» представлена детальная таксономия (классификация) составляющих структуры контекста, начиная с модели SPEAKING Д. Хаймса (см. тж. выше пп. 1–21), как «объективной концептуальной системы» (по Павилёнису – см. выше).

Эвиденциальность КММ в представлении Дейка ориентирована на внешние факторы речевого взаимодействия, тогда как теория Спербера-Уилсона обращена во внутренние инференциальные операции:

---

³² «Contexts do not represent complete social or communicative situations, but only – schematically – those properties that are *ongoingly relevant*. In other words, a context model theory is at the same time a theory of the *personal and of the interactional relevance* of the situation interpretations of participants (in Chapter 3, we shall see how such a theory is related to, but different from, the theory of relevance of Sperber and Wilson, 1995)» [Dijk, 2008: 19 – выделено нами – Г.П.]

Ср.

Д. Уилсон и Д. Шпербер:

«Интерпретация релевантна в контексте тогда и только тогда, когда она имеет некоторый *контекстуальный эффект* в этом контексте» [Sperber, Wilson, 1995: 122 – перевод наш – Г.П.].

Т. ван Дейк:

«Факт и, следовательно, *знание факта важно (или релевантно)* по отношению к контексту или в целом к ситуации, если это является *непосредственным условием для вероятного события или действия* (или предотвращения их) в этом контексте или ситуации» [Dijk, 1977; 2008: 132].

Релевантность «ТР» **интенциональна** и обращена к процессу *интерпретации и понимания* высказывания, к значимости семиотической интерпретанты в когнитивной модели речевой ситуации, определяющей **смысл высказывания** (ср., напр., ирония, намёк, острота, игра слов, как, впрочем, и все др. высказывания). Релевантность Дейка **перформативна** и *a priori* фактологична (истинна), то есть *имеет определённые последствия* по отношению к функциональному контексту речевого взаимодействия. Очевидно, что здесь имеют место *две релевантности* КММ – внутренняя и внешняя, **когнитивно-семиотическая** (прагма-семантическая) и **когнитивно-интеракционная** (прагма-деятельностная).

Тем более, что сам Дейк различает семантическую релевантность и прагматическую релевантность – первая есть релевантность знаний (убеждений и т. д.), необходимых для осмысленности высказывания, а вторая (прагматическая) – уместность и соответствие условиям успешности речевого акта [Dijk, 2008: 79].

При сопоставлении двух концепций – Спербера-Уилсон и Т. ван Дейка – *инференциальная модель* (понимание) коммуникации сопоставляется с *фактуальной моделью* коммуникации как передачи (трансфера, трансакции) знаний (см. выше, тж. [Демьянков, 2015; 2016; 2018; Постовалова, 2016а,б; Фещенко, Бочавер, 2016 и др.]).

Мы полагаем, таким образом, что *инференциальная модель* – модель процесса понимания, ведущего к образованию знаний; *фактуальная модель* –

модель когнитивной трансакции – использования наличествующих знаний, имеющих причинно-следственную значимость в коммуникативном обмене (трансфере) и в деятельностной ситуации. Та и другая модели сосуществуют в *интегральном семиотико-когнитивном интеракционном подходе* к процессу речевого взаимодействия, предполагающем имманентность интеракционных (социальных) и когнитивных процессов, отражающихся в интерпретации речезыкового знака [Алферов, 2001; Ирисханова, 2014б].

Таким образом, контекст не является статичным ментальным представлением, а динамически изменяющейся моделью, управляющей «онлайн» (А.А. Кибрик) текущим процессом коммуникации в каждый конкретный момент. В этом отношении интегральная теория контекста является в то же время **интегральной теорией релевантности**, поскольку она определяет, что является ситуационно релевантным (*понятным и важным*) для каждого участника «здесь и сейчас».

Это социокогнитивное *теоретико-модельное представление* категории релевантности объединяет как социокультурные, так и социокогнитивные стороны контекста и объясняет многие аспекты традиционных концепций контекста и дискурса:

1) **относительность контекста**: то, что является релевантной особенностью контекста для одного участника, не обязательно должно быть релевантным для других участников; или то, что актуально для меня сейчас, не обязательно должно быть релевантным для меня раньше или позже;

2) **субъективность контекста**: контексты не существуют объективно, а являются результатом личного, субъективного понимания коммуникативной ситуации. То есть контексты – это личные конструкции;

3) **пристрастность контекста**: субъективная, сконструированная природа ментальных моделей допускает, что контексты являются пристрастными и «игнорируют» большую часть социальной ситуации. Таким

образом, создавая контекстные модели, участники постоянно и гибко выбирают то, что сейчас актуально для них;

4) **недостающее звено между социальной ситуацией и дискурсом:** поскольку контекстные модели являются когнитивными, они позволяют явно соотносить их с когнитивными процессами производства и понимания дискурса. Один социальный (интеракционный) аспект контекста не смог бы установить такой интерфейс или был бы ограничен более поверхностным, интуитивным или просто корреляционным описанием связи между социальной структурой и дискурсом.

Таким образом, в концепции «ТР» когнитивная среда включает в себя процесс извлечения (исчисления) релевантного контекста. Поэтому *интерпретация состоит в выборе контекста* для определения релевантного смысла планируемого и получаемого высказывания. Исходя из этой презумпции, коммуникация представляется как постоянный динамический процесс мгновенного, рефлекторного (подсознательного) *выдвижения гипотез о когнитивной среде собеседника* (адресата) как совокупности контекстов, которые он способен использовать при интерпретации сообщения, порождаемого говорящим (адресантом).

На основе проведенного анализа основных положений «ТР» и их следствий для общей картины речекогнитивной интеракции, мы констатируем, что интерпретационные контексты делятся на два вида: инференциальные контексты и эвиденциальные контексты. Первые обеспечивают внутреннюю (ментальную) релевантность обоюдной когнитивной среды, а вторые формируют внешнюю релевантность когнитивного пространства собеседников. Взаимодействуя друг с другом, они формируют обоюдную когнитивную среду речевого взаимодействия.

Если процесс понимания как исчисление выводных смыслов в совокупности со стратегиями трансфера знаний обеспечивает *интеллектуальную составляющую* когнитивной среды коммуникантов, то

эвиденциальные контексты обращены к *социально-интеракциональным* феноменам речевого взаимодействия.

2.5. Когнитивная среда как основание интерпретативной инференции: иллюстративный анализ

Представление о понимании не только как о декодировании или идентификации и пополнении «знаниевых слотов»³³ лежит, как уже отмечалось, в основе инференциальной концепции коммуникации [Grice, 1991]. В данной концепции понимание (ведущее к знанию) рассматривается как инференция (исчисление смысла), так или иначе включающая логическую импликацию и контекстуальность в финальную интерпретанту речезыкового знака (высказывания) [Дроздова, 2003; Имплицитность, 1999; Кубрякова, 2012; Скрытые смыслы, 2007].

Учитывая предметность и статичность концептов «общее знание», «разделяемое знание» и в силу их типологической и операциональной сложности и многоаспектности (см. выше), Д. Спербер и Д. Уилсон выводят, как уже отмечалось, понятие «**обоюдная когнитивная среда**» (*mutual cognitive environment*), определяя её как совокупность логико-инференциальных операций с явными и неявными полаганиями и впечатлениями (*beliefs and impressions*) [Wilson, 2010].

Полагание (или предрасположенность к полаганию – *belief*) – ментальное состояние, складывающееся из явных и неявных представлений о мире (ср. выше «концептуальная структура»), которые нельзя назвать в полном смысле знаниями в силу их «размытого» информационного фона [Ирисханова, 2014a]. Полагание находится в каузальных связях со своим

---

³³ Ср.: «...человек обнаруживает способность к инференции, выводному знанию, в языковой деятельности: способность догадываться о том, что явно не выражено, достраивать высказывание по его началу, прогнозировать взаимосвязи предметов, событий и их признаков на основе определенных связей языковых форм и, в конечном итоге, решать проблемы теоретического и практического характера» [Болдырев, 2018: 213].

объектом, то есть должно иметь основания. Например, обыденное знание о том, что «солнце всходит и заходит», противоречит «гелиоцентрическому знанию», но **очевидно** (по впечатлению) и помогает отличать и предвидеть светлое и темное время суток и т.п. Такое «общее “знание”» и большая часть субъективных впечатлений есть основная база когнитивных операций интуитивного «быстрого мышления» в речевом взаимодействии и источник когнитивных искажений (*cognitive biases*), лежащих в основе когнитивного диссонанса (см. [Гюрджян, 2009; Дроздова, 2011; Канеман, 2021]).

Неявное (латентное) «знание» как предпосылка к умозаключению (инференции) составляет обширнейший фон для актуальных «знаний», имплицитно находящихся в логической, но не в концептуальной системе человека. Например, полагание («знание») о том, что «бабушка Н. Хомского никогда не играла в шахматы с Наполеоном» и т.п. Это знание *a priori* отсутствует в концептуальной системе, но кажется очевидным. Тем не менее, такое «знание» зависит от экзистенциального знания о Наполеоне, Н. Хомском и его бабушке, о том, что, *очевидно*, его бабушка ни территориально, ни во времени не могла играть в шахматы с Наполеоном. Такое знание может быть никогда не фокусируемым (кто подумает о том, играла ли бабушка Н. Хомского в шахматы с Наполеоном), но при необходимости может стать частью фонового знания, на которое опирается логическое исчисление смысла (инференции, по [Суворова, 2016]).

Человек, который не имеет референциального знания о Наполеоне и, тем более, о Н. Хомском, не сможет оценить правдоподобность такого утверждения. В этом случае Спербер и Уилсон предлагают понятие «*слабого знания*», но это понятие, как мы видим, все еще предполагает фактическую истину (экзистальное и референциальное знание, по [Йокояма, 2005]).

Другая составляющая когнитивной среды – **впечатления** – это остенсивная перцептивная входящая информация (визуальное восприятие, звуковая, тактильная, ольфакторная перцепция и т.п.), схватываемая

перцептивными модулями человека [Fodor, 1986]. Будучи обработанной в *центральной аналитической системе*, поступающая информация даёт основание сделать определенный вывод (умозаключение) («Погода портится, останусь дома») и оценку данной перцептивной информации. Кроме того, впечатления как интуитивные неструктурированные «знания» могут касаться и вербальной информации, воспринимаемой по параметру релевантности – нерелевантности («Кажись, врёт» и т.п.).

К тому же **впечатления** могут формироваться не только на основе остенсивной перцепции, но в воображении (в «полагании») – перцепции «возможных миров», имеющих умозрительную и спекулятивную природу [Бабушкин, 2001; Ягу, 2009].

Поэтому система полаганий и впечатлений – это когнитивная среда коммуниканта (ментальное пространство, «картина мира» и т.д.), операциональная система *понимания как интерпретации и инференции* (ср. [Дроздова, 2003; 2013; Ирисханова, 2014а; КСКТ; Кубрякова, 2012]).

Таким образом, когнитивной средой субъекта обрабатывается также информация, которая не является (пред)знанием, но обладает когнитивным признаком *проявленности (manifestness)*, **очевидной для коммуникантов «здесь и сейчас»** [Sperber, Wilson, 1986/1995].

Таким образом, обоюдная очевидность-проявленность (*mutual manifestness*)³⁴ выступает в «ТР» концептом, заменяющим в интеракции «онлайн» понятия «общее знание», «совместное знание», «разделённое знание» и т.д. (см. выше).

При этом манифестность / очевидность в сочетании с фоновыми знаниями (явными и латентными), реализуясь в высказывании, составляет

---

³⁴ Термин *manifestness* может переводиться как *проявленность, очевидность* [Cassel's, 1997]. И.П. Сусов передает это понятие в своем анализе теории Спербера-Уилсон как «манифестируемость» и «взаимная манифестируемость» [Сусов, 2006: 143]. Мы употребляем полное заимствование – «манифестность», но склоняемся к более узуальному модусному «очевидность», так как модусное наречие «очевидно» (в известных нам языках) так же амбивалентно, как и понятие *manifestness* у Спербера-Уилсон.

СМЫСЛ речевой интеракции – концептуальное и эмоционально-аффективное содержание обоюдной когнитивной среды собеседников (ср. [Cislaru, 2019]).

Очевидность смысла информации – это категория, которая предназначена для редукции сложных взаимоотношений номенклатур различных типов знаний в процессе коммуникации «здесь и сейчас» [Talmy, 2007].

Степень очевидности определяется силой полаганий (верой, убежденностью, объективным знанием) и **выделенностью-салиентностью** предмета интерпретации (физического объекта, высказывания, текста и т.д.), то есть его визуальной, семиотической и т.п. салиентностью-выделенностью и релевантностью – когнитивной и деятельностной **значимостью** (см. [Ирисханова, 2014а; КСКТ: 24; Павиленис, 1993]).

Кроме того, большая часть поступающей в коммуникации информации не является, строго говоря, знанием и не оформлена в виде «концептов». Это может быть выражение чувств, состояний, оценка собеседника и т.п. Приведём пример из нашего французского корпуса (см. Материал исследования):

(3)

«– Tu pues, eh <i>gorille!</i>	«–Эй ты, <i>горилла</i> , кончай вонять!
– Répète un peu voir!	– Ну-ка повтори поотчетливей!
– Répéter quoi ?	– Повторить что?
– <i>Skentadittaleur ?</i> » [QZ: 8].	– <i>Точттытокчтоскзал</i> » [КЗ: 6]

Этот *эристический* диалог, по классификации Д. Уолтона [Тамразова, 2021; Walton, 1992], не является обменом знаниями, носит метаязыковой характер обсуждения релевантности метафорического употребления *ad hoc-концепта* [горилла] и его интерперсональной (не)релевантности (агональности, агрессии). Такой мета-информационный обмен вызван интерперсональным диссонансом внутренних релевантностей собеседников, выраженным в инициальной реплике-инвективе «*Эй ты, горилла, кончай*

вонять!»). Когнитивные среды коммуникантов работают не на «трансфер знаний», а на эристическую оценку и **экспликацию** речевого поведения собеседника, на оценку нарушения принципа кооперативности (вежливости) общения, на речевую агрессию и т.д. [Тамразова, 2021]. Диссонанс в когнитивных средах коммуникантов в (3) основан на *критической нерелевантности*, или, в нашей терминологии, – **иррелевантности** полаганий одного коммуниканта для другого или для обоих коммуникантов обоюдно.

Полагания – это выдвигаемые предположения, или гипотезы (assumptions) и извлекаемые следствия (entailments) из поступающей перцептивной (в т.ч. вербальной) информации, сопровождаемой **модусными** [Арутюнова, 1990; 1999; Гак, 1998] **эксплицитными маркерами и операторами**, указывающими на *степень релевантности* по мета-оценке самого говорящего («Я полагаю, ...»; «Следовательно,...»; «Я не думаю, что...») (ср. [Алферов, 2001]).

Такие операторы формируют эмоционально-оценочную и дискурсивно-коммуникативную рамки речевого взаимодействия [Алферов, 2007б; Гак, 1998]. В номенклатуру таких модусных маркеров (не)релевантности входят полимодальные [Кибрик, 2018 а,б; Cosnier, Vaysse, 1997], паравербальные и вербальные элементы: взгляд, мимика, жест, поза, движения, интонация, междометия, разнообразные речевые лексические маркеры (дискурсивные слова) [Баранов, 1993; Инькова-Манзотти, 2001; Каменский, 2015; Матько, 2008; Buchi, 2007], грамматические наклонения, синтаксические и дискурсивные парентетики [Александрова, 1987; Алферов, 2001; Ирисханова, 2014а; Berrendonner, 2016; Blakemore, 2004; Dostie, 2004] (см. ниже гл. V).

Перцептивные впечатления (impressions) (ср.: «У меня такое впечатление,...»), составляющие в совокупности с полаганиями когнитивную среду субъекта в данный момент времени, в когнитивно-речевой интеракции

могут стать частью разделяемой (общей) когнитивной среды, состоящей из высказываемых коммуникантами *пропозиций* (смыслов) [Арутюнова, 1990]; ср. [КСКТ: 137-140]³⁵.

Именно на основе полаганий («мнений»³⁶) и впечатлений коммуниканты создают в процессе интеракции обоюдную, взаимную когнитивную среду (*mutual cognitive envirement*), состоящую из совокупности возможных интерпретативных гипотез (*assumptions*), формирующих операциональный **интерпретационный тезаурус** коммуникации «здесь и сейчас» (ср. [Sperber, Wilson, 2004]).

Следуя Г.П. Грайсу [1985], в процессе интеракции коммуниканты руководствуются двумя коммуникативными интенциями: *информационной* и *коммуникативной*.

Информационная интенция – намерение адресанта **сделать явным** (очевидным – *manifest*) **для собеседника** некий набор *I (Info)* релевантных интерпретаций той пропозиции (смысла), которую передает адресант адресату. *Коммуникативная интенция* – намерение адресанта сделать очевидным для адресата его информативное намерение [Sperber, Wilson, 2015], то есть «показать», что действие адресанта нужно рассматривать как информационное сообщение (т.е. интерпретировать и понимать).

Определяющим в этой ситуации (интеракции) выступает непреходящая прагматическая константа – **интеракционный контекст** (*contextual implication*) (физическая ситуация и/или смысловой контекст высказывания) (ср. [Alba Juez, Mackenzie, 2016]).

---

³⁵ «Пропозициональные содержания и мнения увязываются между собой. Обычно такая «увязка» является результатом совместных усилий говорящего и слушающего, обменивающихся мнениями по этому поводу. В каждый данный момент интерпретатор не в состоянии перед своим мысленным взором иметь весь спектр своих мнений. Есть иерархия существенности, релевантности этих мнений, сказывающаяся и на оценке существенности в интерпретируемых высказываниях» [КСКТ: 24]

³⁶ См., напр., [Дмитровская, 1988].

Например, открыв настежь окно и шумно вдохнув полной грудью, можно просто получить порцию свежего воздуха, а можно дать понять своему спутнику, что место, куда мы приехали, прекрасно. Описать такую конкретную ситуацию в терминах «общих знаний» представляется затруднительным, так же, как и трактовать само это «сообщение» в терминах конвенционального «кода». Здесь в действие вступают **впечатления** – знаниевые механизмы первого порядка [Сонин, 2005], интуитивно формируемые «здесь и сейчас», на основе игры импликаций и инференций, взаимосвязи перцепций и полаганий, интерпретаций коммуникативного хода в контексте среды, окружающей интеракцию [Гадамер, 1991].

Остается сделать так, чтобы собеседник истолковал открытие окна как сообщение информации (*Info* – см. ниже схема 3). Эта задача упрощается в контексте *речевой интеракции* (диалога): на предложение прогуляться, можно указать на окно, за которым сгущаются тучи, и накрапывает дождь. Здесь вступают в силу конвенции интерпретации и импликаций в полимодальной и не прямой коммуникации [Дементьев, 2000; Кибрик, 2018а,б; Ирисханова, 2014в; Сонин, 2005]. Коммуникант должен выбрать предполагаемую прямую / не прямую интерпретацию коммуникативного действия партнёра, которая в основном связана с (а) принятием решения о том, является ли предполагаемая интерпретация прямой (явной) или не прямой (исчисляемой), и (б) принятием решения о том, в какой степени эта интерпретация является явной или неявной, учитывая, что интерпретации могут быть более или менее явными и более или менее неявными в зависимости от контекстуальной информации, необходимой для восстановления смысла (коммуникативного) акта.

Отметим, что ономаσιологическая интерпретация (от контекста и ситуации – к смыслу) косвенного сообщения является более остенсивной (явной), по сравнению с семасиологической интерпретацией речезыкового сообщения (от языковой формы – высказывания, дискурса, текста – к

смыслу). **Интерпретация** высказывания в рамках инференциальной концепции коммуникации **есть поиск контекстов**, в которых данное высказывание имеет смысл (если он не равен буквальному значению), то есть соответствует тому, что хотел сказать его отправитель (speaker's meaning) [Grice, 1991; Sperber, Wilson, 2015].

Однако коммуникативное намерение также может выражаться имплицитно, что подтверждает приводимый в [Sperber, Wilson, 1986/1995] пример:

(4)

«Мэри хочет, чтобы Питер починил её сломанный фен, но не хочет прямо просить его об этом. Что она делает? Она начинает разбирать свой фен на части, как будто бы собирается его чинить. Она и не думает, что Питер в это поверит: если бы он действительно полагал, что она способна починить фен, он, вероятно, не стал бы вмешиваться. Она ожидает, что он поймет, что это сделано, чтобы сообщить о том, что ей нужна помощь. Здесь ничто не указывает на информативное намерение *‘просьба о помощи’*, кроме наличия (факта) разобранного фена (который она оставляет на видном месте). Само коммуникативное намерение Мэри парадоксально: имплицитно, но остенсивно. Но и такая сложная интенциональная комбинация в принципе жизненна и доступна интерпретации. Разобранные части фена служат Питеру остенсивным указателем (знаком-индексом), ведущим его к инференции (исчислению) имплицитного призыва о помощи. Вопрос в том, чтобы этот знак-индекс был прочитан адресатом (Питером)» [Sperber, Wilson, 1995: 35-36]. (– перевод-пересказ наш – Г.П.).

В терминах «знаниевой интеракции» мы можем представить следующую последовательность интерпретативных презумпций так:

1) Взаимодействия личных фоновых знаний (background knowledge) собеседников (I и II) и их метарепрезентаций о разделяемых с партнёром знаниях (shared knowledge) (III– VI):

I. *‘М. не разбирается в технике’;*

II. *‘П. разбирается в технике и способен починить фен’;*

III. *‘М. знает, что П. знает, что (I)’;*

IV. 'П. знает, что М. знает, что (II);

V. 'М. знает, что П. знает, что (III)';

VI. 'П. знает, что (V)' и т.д.

2) Следующим уровнем метарепрезентаций становятся *разделяемые смыслы* (shared senses), актуальные (релевантные, очевидные) в данной ситуации:

Is. 'М. знает (полагает), что П. увидит разобранный фен («сообщение»), который

а) послужит остенсивным триггером для инференции (вывода) о противоречии его фонового знания (I) с разделяемым знанием (III-VI), то есть знания о способностях М. со знанием о знаниях и действиях (значении «остенсии-высказывания») М;

б) послужит стимулом для оказания помощи';

Is. 'П. знает, что (Is)';

Is. 'М. знает, что (Is)' и т.д.

Представленная здесь модель уровней метарепрезентаций отражает только малую часть когнитивной модели, которую строит Мэри в отношении Питера и Питер – в отношении Мэри (*recipient design* [Newman-Norlund, 2009] и др.).

Ввиду сложности металингвистического описания такого когнитивного взаимодействия, авторы «ТР» вместо «омута» умножающихся инференций и рефлексий об «общих знаниях» (или непрекращающихся вопросов, по О. Йокояма – см. выше), предлагают, вслед за Г.П. Грайсом, модифицированный принцип «бритвы Оккама»: говорящий всегда поступает так, чтобы его речевой вклад выглядел достаточно релевантным для адресата и надежно гарантировал бы положительный эффект, получаемый от интерпретационного усилия реципиента. Из этой же презумпции исходит и реципиент (адресат), приступающий к интерпретации высказывания [Sperber, Wilson, 1995: 38]. Именно поэтому, как уже отмечалось, вместо «дурной бесконечности» *исчисления разделяемых знаний*, «ТР» предлагает ввести

понятие **обоюдной (общей) когнитивной среды** (*mutual cognitive environment*) (ОКС), включающей и фоновые, и разделяемые в процессе коммуникации знания (смыслы).

Интуитивно-рефлексивная процедура интерпретации является атрибутом *внутренней* когнитивной среды субъектов интеракции и фундаментальна для успешности коммуникативной инференции. Такая инференциальная «информация» должна учитываться в анализе и описании межличностного коммуникативного взаимодействия³⁷. Здесь по-прежнему определяющим является знание Питером «внутренних релевантностей» Мэри, её способности к ремонту техники и др. качеств (см. тж. выше [Болдырев, 2017; Демьянков, 1989; Йокояма, 1989; 2005]).

При неудавшейся интерпретации уловки Мэри («коммуникативной неудачи»), партнеры по интеракции могут прибегнуть к метакоммуникативному разбору поведения друг друга, и тогда интерпретации будут подвергнуты все детали поведения каждого субъекта интеракции, который становится объектом анализа и критики. В этом аргументативном обсуждении главным инструментом – аргументом в виде упрека и осуждения – будет аргумент *ad personam / ad hominem* и другие манипулятивные стратагемы [Eemeren, 2009; Sloterdijk, 1988; Walton, 1992; 1993; 1995; 2004]. Деятельностная релевантность субъекта-объекта становится предметом **мета-аргументативной делиберации** (обсуждения когнитивного и речевого поведения партнёра и т.д.).

---

³⁷ В социальной психологии важной концепцией представляется теория коммуникативных актов Т.М. Ньюкома, объясняющая влияние субъект-субъектной эмпатии (консонанса) на субъект-объектную синхронизацию (резонанс) в интерпретации обсуждаемого предмета (референта) и обратную зависимость: различные мнения относительно объекта рождают когнитивно-коммуникативный диссонанс и межличностный конфликт. В ситуации поиска решения проблемы – делиберации – коммуниканты стремятся к устранению дисбаланса либо изменением отношения к объекту коммуникации, либо к партнёру по коммуникации [Newcomb, 1965].

Интерпретативный навык в понимании окружающей действительности и в (речевой) интеракции Д. Спербер и Д. Уилсон объясняют стремлением человеческого сознания к **максимальной релевантности** – осознанию (пониманию) всего, что происходит (**когнитивный принцип релевантности**) [Sperber, Wilson, 1986: 260].

В (речевой) интеракции (ситуации интерпретации), как отмечалось выше, каждое «сообщение» содержит презумпцию своей собственной релевантности (**коммуникативный принцип релевантности**) [Idem: 263]. Это значит, что любой *салиентный объект*, потенциально подверженный интерпретации, любое действие партнера в интеракции, все, что попадает в интерпретативный фокус, становится сообщением только в силу его *потенциальной релевантности* (значимости) (ср. [Ирисханова, 2014а]). Неряшливый вид может интерпретироваться как характеристика человека, если ему «придавать значение» (значимость) и т.д. (см. [Dijk, 2008; 2009]).

Однако не всё, что привлекает внимание, становится «сообщением» (т.е. знаком с интерпретантой). Только то, что мы интерпретируем для себя как знак (сигнал), становится релевантным в текущей ситуации (контексте). Субъект либо сам находит интерпретанту знака, то есть приписывает объекту релевантность знака-сигнала (например, наличие дождя в контексте возможной прогулки – субъект-объектная релевантность), либо понимает из ситуации адресатности, то есть обращенности к нему как адресату: поднятый пустой стакан, сопровождаемый мимикой и кинесикой адресности в сторону бармена, означает, что клиент просит наполнить бокал (*контекстная импликация*, субъект-субъектная **навязанная** апеллятивная релевантность – см. выше Рис. 1).

Задача собеседника – понять коммуникативную и информативную интенции собеседника. Для этого, определив, что действие партнера по интеракции есть «сообщение», коммуникант приступает к выдвижению гипотез, устанавливая набор интерпретационных предположений

(потенциальных смыслов), которые вложил (имплицировал) в своё (не)речевое действие адресант. В случае семасиологического сигнала (высказывания) интерпретатор выдвигает гипотезы (контексты), в которых данное высказывание имеет смысл, то есть соответствует коммуникативному намерению говорящего. Это хорошо демонстрируют косвенные речевые акты [Серль, 1986] и все достаточно изученные механизмы непрямого общения (ср. [Дементьев, 2001; Имплицитность, 1999; Скрытые смыслы, 2007; Kerbrat-Orecchioni, 1986 и т.д.]).

Распознавание намерений говорящего в речевом взаимодействии *он-лайн* (А.А. Кибрик) осуществляется при помощи моделирования собеседника и *метарепрезентаций* как особого модуля когнитивной перцепции высшего уровня и инструмента лингвокогнитивного анализа (ср. [Клепикова, 2009]).

Следуя развивающейся междисциплинарной теории эмпатии [Томассело, 2011; Thompson, 2005], метарепрезентация основывается прежде всего на телесном образе человека, который участвует в коммуникативной интеракции [Goodwin, 2007]. Затем эмпатия как уникальный вид интенционального акта направлена на опыт (знание) другого человека и, следовательно, имеет своим интенциональным коррелятом intersubjectное полимодальное представление об адресате (*recipient design*), его опыт, когнитивную модель картины мира, поведенческий тип и т.д., – всё, что со времен античной риторики получило название *этнос* [Аристотель, 1978; Тарасова, 2013; Maingueneau, 2002].

Метарепрезентации служат для когнитивной рефлексии – «понимания (не)понимания» – представления о когнитивной системе собеседника и его предполагаемой интерпретации отправляемого ему сообщения.

Один из главных механизмов метарепрезентаций – это упомянутый выше принцип эпистемической бдительности [Sperber, 2010; 2013]. Этот принцип диалектически дополняет *компетенцию интерперсональной кооперативности* (В.З. Демьянков – см. выше), что выражается простой

формулой: «Доверяй, но проверяй». Этот принцип ставит в критический фокус внимания речевой этос собеседника – его языковую и дискурсивную компетентность, мнение, знания и т.д. [Караулов, 1987; Тамразова, 2021; Cruz, 2012; Sperber, 2010; 2013].

По мнению многих исследователей, метарепрезентации постоянно сопровождают когнитивную (инференциальную) и коммуникативную интеракцию [Ведрева, 2003; Гуревич, 2011; Иванников, 2017; Йокояма, 2005; Клепикова, 2008; 2009; Кравцова, 2012; Рябцева, 1994; 2017; Тамразова, 2014].

П. Стросон предлагал ввести в анализ метарепрезентаций речевого поведения понятие *интенция третьего порядка*, то есть дополнить анализ *мета-коммуникативным* намерением, добавляемым к двум отмеченным Грайсом намерениям – информативному и коммуникативному [Strawson, 1971]. Однако сложность подобных исчислений в описании не прямой коммуникации может возрасти, и потребуются категоризация дополнительных *мета-мета-мета-...интенций* [Blakemore, 2002; Langacker, 2002a].

Отсюда вытекает главный принцип когнитивно-коммуникативной релевантности, который **мы сформулируем так:**

релевантность сообщения (мимики, жеста, слова, высказывания) прямо пропорциональна получаемым когнитивным эффектам (смыслам) и обратно пропорциональна затрачиваемым адресатом интерпретационным усилиям по исчислению финальной интерпретанты (смысла) знака-сообщения (ср. [Растье, 2001; Эко, 2007; Peirce, 1978; Sperber, Wilson, 1986/1995; 2004]).

Положительный эффект определяет положительную релевантность и наоборот. Все лингвистические и нелингвистические (полимодальные) элементы любого акта остенсивной коммуникации либо усиливают эффект (делают интерпретацию эффективной и/или эффектной), либо помогают

сократить усилие, необходимое для процесса интерпретации (делают интерпретацию легче). Один из способов сократить *процессуальное усилие* – это дать специальные процессуальные инструкции адресату [Blakemore, 1987; 1992; 2002; Sperber, Wilson, 1986/95 и др.], выступающие в виде полимодальных маркеров релевантности (см. ниже – гл. V).

Для проникновения в информационную интенцию адресанта адресат затрачивает усилия на процедуру интерпретации, поэтому собеседник пытается предоставить ему опоры (триггеры) для облегчения интерпретативной задачи. Такие триггеры в речевом взаимодействии могут иметь невербальное выражение (мимика, интонация, кинесика). Вербальные триггеры, как правило, рассматриваются и исследуются как «дискурсивные маркеры» релевантности [Каменский, 2015; Blakemore, 2002; 2004].

На основе проведенного анализа, мы считаем целесообразным выделить в свете вышесказанного два типа знаков: **интенциональные – субъектные знаки**, сознательно направленные в виде сообщения, и **неинтенциональные – объектные знаки**.

Неинтенциональные объектные знаки (в речевом взаимодействии) – это топосно-этосные знаки, поставляемые коммуниканту не самим адресантом, а ситуативным контекстом, касающимся как социальной среды, так и самого партнёра (уверенность, адекватность, приличествующая одежда, причёска vs дрожащие или скованные руки, бегающий взгляд, агрессивная тональность и т.д.) (ср. [Dijk, 2008; 2009]). Но прежде всего интерпретации подвергается релевантность событий (речевых и неречевых), совершённых либо участниками интеракции, либо салиентных (релевантных) событий в диахроническом деятельностном континууме, имеющих аргументативное значение (значимость) для интеракции (ср. выше – Рис. 1): **актуальная тематическая релевантность** [Шюц, 2004] и **аргументативная тематическая релевантность** [Лисанюк, 2020].

Интерпретация интенциональных и неинтенциональных знаков

включает два типа когнитивных операций говорящего – *экспликатуры* и *импликатуры* [Sperber, Wilson, 1986/95].

Экспликатура опирается на остенсивный семиозис – семантику эксплицитного сообщения и этос собеседника (адресанта), но она *не есть* полностью конвенциональное *декодирование*. Конечно, экспликатура как процесс понимания (интерпретации) включает в инференциальную модель значительный *элемент* декодирования («знания кода») [Sperber, Wilson, 1995]. Однако смысл передаваемого сообщения определяется все-таки взаимодействием семантики и прагматики (контекста) высказывания, взаимной дополнительностью субъектных и объектных знаков.

Можно назвать как минимум пять операций (ср. [Йокояма, 2005]), которые обязаны произвести коммуниканты в процессе понимания экспликатуры сообщения: 1) идентификация референта, 2) концептуальная адаптация (*conceptual adjustment*), 3) идентификация интенции говорящего, снятие двусмысленности (*disambiguation*); 4) выведение заключения (инференция) и 5) определение (оценка):

- **контекстуальных эффектов высказывания**, то есть степени релевантности высказывания в контексте речевого взаимодействия;
- **контекстуальных моделей субъектов интеракции** в плане:
  - *новизны* (информативности) *пропозиции*,
  - *соответствия иллюкутивной и аргументативной направленности и силы*,
  - *интерсубъективной значимости* (межличностный аспект),
  - *дискурсивной когерентности* и
  - *деятельностной эффективности* в рамках РВ и обоюдной когнитивной среды субъектов интеракции.

Экспликации и импликации как ментальные репрезентации делятся на сильные и слабые. Сильные ментальные репрезентации – *более очевидны* для интерпретатора, слабые – *менее очевидны*.

Сильная экспликация – это интерпретация (*assumption*), в наибольшей степени ориентированная на «буквальное» значение:

«An assumption communicated by an utterance is an explicature if and only if it is a development of a logical form encoded by that utterance» [Sperber, Wilson, 1986: 182] (ср. [Carston, 2002: 116-125]) (Интерпретативная форма высказывания является экспликацией, если и только если интерпретация вытекает из логической формы самого высказывания – Г.П.).

Пример экспликации (Ф. Реканати) – родительный падеж (р.п.): *Книга Петра* – это: книга, принадлежащая Петру; книга, о которой говорил Петр; Евангелие от св. Петра; книга, которую я обещал дать Петру и т.д. (ср. [Recanati, 2010: 213]). Экспликация – это алгоритм выявления актуального значения языкового знака с опорой на знание его многомерной семантики.

Таким образом, общее пропозициональное содержание (смысл), передаваемое экспликациями, не всегда формируется посредством простого декодирования языкового выражения, но и посредством выводов относительно контекста высказывания и конвенций общения. Обязательное присутствие формального или собственно языкового компонента и определяет уровень эксплицитности получаемых выводов (инференций). Наше понимание конструкций родительного падежа зависит не только от лингвистических знаний, но и в определенной степени от нашей способности использовать контекст. В частности, это зависит от интуиции о *значении говорящего* (Ф. Реканати), то есть о том, что наш собеседник может иметь в виду. Этот тип контекстной зависимости Ф. Реканати сравнивает с дейктическими элементами (ср. [Алферов, 2001]). Как в конструкциях с р.п., так и в индексальных выражениях (знаках-индексах) *высказывание как концепт* (пропозиция) включает те слоты, которые должны быть заполнены в контексте, т. е. экспликация (эксплицитное высказывание) запускает **поиск**

релевантной контекстуализации (см. выше концепцию Спербера-Уилсон о контексте). Заполнение этих слотов значениями – это *восходящий когнитивный процесс (bottom-up process)*, который Реканати называет *насыщением* (saturation) [Recanati, 1989: 299]. Сатурация происходит как естественный процесс интеграции семантических и прагматических элементов.

Таким образом, интерпретация является своего рода «умножением знания», если под знанием подразумевать соединение сложных метальных репрезентаций, возникающих в общей когнитивной среде [Болдырев, 2017; КСКТ].

Оценка релевантности происходит в контексте речевого взаимодействия (контекстуальных моделей субъектов интеракции) в плане новизны (информативности) пропозиции, соответствия иллокутивной и аргументативной направленности и силы, intersubъективной значимости (межличностный аспект), дискурсивной когерентности и деятельностной эффективности в рамках речевого взаимодействия (РВ) и обоюдной когнитивной среды субъектов интеракции [Sperber, Wilson, 1995].

Экспликатура рождает интерпретативные предположения (assumptions), опираясь в целом на эксплицитную семантику (буквальное значение), но и обогащает прямой смысл высказывания *прагматическими интерпретантами*: снятие многозначности, определение референции при размытой семантике (междометия, местоимения и др. дейксис, лексико-семантическая диффузность) [Ирисханова, 2014а: 101-104], восстановление синтаксической и дискурсивной когерентности (эллипсис, порядок слов и т.д.) (см. выше [Йокояма, 2005]) происходит за счет контекстуальной соотнесенности, включая «знание» собеседника, то есть за счет прагматики.

Например, понимание (интерпретация) семантики и концептуальности того же слова КНИГА в следующем диалогическом обмене:

(5)

«– Ты поедешь к морю летом? – Я должен закончить книгу»

в семантической перспективе требует интерпретативных усилий по выдвижению гипотез: книга читается / пишется / переплетается / набирается / переводится и т.д. в соответствии с контекстом (контекстными когнитивными моделями). Такое логическое исчисление и расширение лингвистически закодированной семантической **экспликации** – будет предпосылкой в логических процессах вычисления прагматических иллокутивных импликаций «высказывания о книге», в данном случае вывода о том, что собеседник прежде всего не собирается уезжать в отпуск этим летом – имплицуемая пропозиция (= импликация) ‘Нет, не поеду’.

Экспликатура определяет пресуппозиции высказывания (*implicated premises*), логические следствия (*entailments*) и заключения, следующие из семантики высказывания (*implicated conclusions*) [Sperber, Wilson, 1995].

Сильная экспликатура связана с логической очевидностью и общим (объективным) знанием: «Завтра вторник» означает, что сегодня понедельник и завтра наступит следующий день недели, обозначаемый понятием «вторник». Таковы высказывания «Лошади едят овёс», «Загнанных лошадей пристреливают», «Снег белый», «За зимой приходит лето» и т.д.

Слабые экспикатуры – это сообщения, понимание которых требует больших интерпретативных (инференционных) усилий: «Печаль моя светла...», «Надежды маленький оркестрик» и т.д. Свойство слабых экспикатур – *эвокативность*, то есть «фигуральность», способность вызвать ассоциации, воспоминания, образы (см. [Dominicy, 2007; 2009]). Сюда можно включить метафоры и поэтические образы, прецедентные феномены (ср. [Моисеенко, 2015; Carston, 2009; Sperber, 1979; 2007; Sperber, Wilson, 2008; Wearing, 2010]). Конвенциональность *институционального дискурса* тяготеет к сильным экспикатурам (прямое значение, конвенциональность, стереотипность мышления и выражения [Карасик, 2009; Sperber, 2000]).

Тем не менее, в рамках как обыденного, так и институционального делиберативно-аргументативного диалога коммуниканты прибегают к интерпретации даже «обычных» высказываний собеседников (см. ниже). Такая инференциальная интерпретация часто становится эксплицитным обсуждением (делиберацией), приобретающим аргументативную и межличностную релевантность. Саму аргументативную и персуазивную делиберацию всегда можно рассматривать на метауровне как обсуждение внутренних и внешних релевантностей участвующих сторон [Калинин, 2009].

Маркерами такой *эксплицитной интерпретации* становятся дискурсивные индексалы пропозиционального отношения: «Вы хотите сказать, что...», «Что вы имеете в виду?», «Это значит, что я...», «Как вам не стыдно (так говорить)...», «По вашему (мнению)...» и т.д. (см. тж. ниже):

(6)

Donald: *I assume* House is a great doctor.

Chase: *Why would you assume that?*

Donald: Because when you're that big a jerk, you're either great or unemployed [HMD: 2/14]³⁸.

Дональд: *Полагаю*, Хаус – великий врач.

Чейз: *Почему ты так думаешь?*

Дональд: Потому что *когда ты такой придурок*, ты либо великий, либо безработный.

Эта стратегия *эксплицитной интерпретации* обусловлена значимостью и выявлением (экспликацией) интерпретанты знака, но цель её – аргументативная функция.

В нашем исследовании *экспликатура* и *эксплицитная интерпретация* занимают центральное место как необходимый когнитивно-семиотический элемент делиберативного дискурса (см. ниже). Экспликатуры взаимодействуют с импликатурами (Таб. 1):

---

³⁸ Некоторые отдельные примеры корпуса “House, MD” приводилась также в [Тамразова, 2021] (см. Введение).

Таблица 1.

Экспликации и импликации в речевом взаимодействии

ЭКСПЛИКАТУРЫ	ПРИМЕРЫ
Сильная	«Токио – столица Японии»
Слабая	«...из камня делают стены. За ними живут мужчины. Женщины. Дети. Деньги. Поэтому несокрушимые лучше обойти стены» (И. Бродский).
ИМПЛИКАТУРЫ	ПРИМЕРЫ
Сильная	«У нас не курят!»; «Минздрав предупреждает...»
Слабая	«А наш сосед курить бросил» (жена мужу) = пример для подражания

Сила экспликации и импликации коррелирует со степенью эксплицитности – имплицитности, представляющей собой континуум интерпретации, которая состоит из энталмирования – выдвижения интерпретационных гипотез (интерпретант) и инференции исчислений смыслов как эксплицитных, так и имплицитных составляющих высказывания.

Имплицитно-подразумеваемые импликации – *presuppositions* и *implications* [Гогтишвили, 2017] – это все имплицитные составляющие смысла (косвенной передачи информации) (ср. «*présupposés et sous-entendus*») [Ducrot, 1984; 2009]), содержащие имплицитную посылку (*premis*) и имплицитное заключение (*conclusion*) [Grice, 1991]. Имплицитно-подразумеваемые импликации интенциональны и отражают намерение отправителя сообщить нечто непрямо, в силу разнообразных причин. Учитывая, что вопросы имплицитности подробно исследовались многочисленными авторами,

уточним только, что интерпретация описанных выше экспликатур приближает их к имплицатурам, часто ненамеренным.

Когнитивная среда – это взаимодействие смыслов, то есть релевантных в данной ситуации интерпретаций – экспликатур и имплицатур. Как правило, в обычном речевом взаимодействии (РВ) коммуниканты стараются облегчить доступ реципиента к собственным смыслам (*mutual manifestness*), что является одним из главных условий успешной коммуникации. Такие стратегии, как указывалось выше, вслед за О.К. Ирисхановой, можно называть «аддитивными»³⁹ в том смысле, что они эксплицитны и «нацелены на передачу фактуальной информации с наименьшими потерями», «на максимизацию объема предоставляемой информации, ее последовательности и точности» [Ирисханова, 2014а]. Поступающая информация интуитивно (эвристически) опирается на экспликации предыдущего дискурса, составляющие операциональное знание. С другой стороны, такие стратегии «нацелены на минимизацию помех» (двусмысленности, семантических пропусков, окказионализмов), а следовательно, когнитивных усилий реципиента [Там же: 248].

Понимание речезыкового знака (высказывания) – это процесс и результат взаимной «подгонки» эксплицитного и имплицитного в знаке. Поэтому приводимые выше примеры экспликатур легко превращаются в имплицатуры в *выделяемых нами аспектах речевого взаимодействия*⁴⁰ [Алферов, 2001; Попова, 2019а] (см. тж. ниже):

– *пропозиционально-референциальном* (содержательном): «Снег белый, поле ровное, земля квадратная» (шутка об интеллекте футболиста);

---

³⁹ В самом общем смысле аддитивность означает простое «прибавление» к существующей информации, а при неаддитивности – сумма результата не равна сумме его составляющих [Философский словарь, 2001: 33].

⁴⁰ Выделение аспектов речевого взаимодействия коррелирует с функциональной типологией М.А.К. Халлидея [Halliday, 1973], а тж. производит редукцию на уровне порождения и интерпретации высказывания интегративной системы РВ [Болдырев, 2017] (см тж. выше).

«За весной приходит лето, спасибо партии за это!» (народная мудрость): в обоих высказываниях имплицитно **тривиальность пропозиции с последующим нарушением причинно-следственной связи – эффектом обманутого ожидания**);

– **иллокутивном**: «Завтра вторник» (‘У тебя пара в университете’; ‘Ты обещал заплатить в понедельник’ – имплицитно речевой акт напоминания, упрёка) и т.п.;

– **модально-оценочном**: аксиология имманентно пронизывает всё пространство речевого взаимодействия по параметрам «хорошо / плохо / нейтрально» [Болдырев, 2018; Виноградов, 1975; Вольф, 2002; Карасик, 2008; 2009], выраженная как эксплицитно в глаголах модуса (пропозиционального отношения), так и имплицитно – в различных иллокутивных и аргументативных формах;

– **аргументативном**: цитата «Загнанных лошадей пристреливают» может вполне имплицитно аргументативную метафору со значением «Придётся мне продемонстрировать *слабость твоей позиции/аргументации* и т.п.»; и/или образует экспликатуру дискурсивного плана – «приступаю к опровержению»: «Ну что ж, *загнанных лошадей пристреливают, не правда ли*, поэтому **должен тебя огорчить...**»);

– **интерперсональном**: «Загнанных лошадей пристреливают» – ответ на вопрос о самочувствии (имплицитно ироническая оценка собственного здоровья – только в доверительном, «интимном» общении);

– **дискурсивном интертекстуальном**: «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» (дискурсивный формальный статус – **заголовок**, название фильма (С. Поллак, 1969 г.); отсюда в последующем дискурсе при употреблении этой формулы **имплицитно прецедентность** (ср. [Моисеенко, 2015]).

В силу инференциальной природы коммуникации, преобладающей над процессом кодирования-декодирования, коммуниканты активно используют

возможности не прямой коммуникации (ср. [Дементьев, 2001; Ирисханова, 2014a]), постоянно эвристически, то есть спонтанно, прибегают к «неаддитивным стратегиям», применяемым не только к подразумеваниям и интенциональной имплицитности, но и к пониманию коннотаций, многозначности, метафор, – составляющих экспликатуры. Существует множество *ad hoc*-контекстов, связанных с динамикой речевого взаимодействия, с *креативностью субъекта коммуникации*, соблюдением или нарушением принципов кооперации и вежливости, которые приводят к употреблению *сложно-релевантных форм*. В таких контекстах коммуниканты прибегают к стратегиям нарушения «принципа бритвы Оккама» и правила оптимальной релевантности [Sperber, Wilson, 1995: 157]. Коммуникантами выбираются неаддитивные стратегии передачи смысла, которые «направлены не столько на передачу некоторого объема информации, сколько на *запуск* самостоятельного порождения новых смыслов со стороны реципиента» [Ирисханова, 2014a: 250].

Неаддитивные стратегии рожают когнитивные *ad hoc-концепты*, которые создаются процессами концептуальной интеграции (блендом) различных ментальных пространств (метафора, метонимия, гелотогенный смысловой сдвиг – юмор (острота, шутка), ирония, нонсенс и проч.).

По сути, в этом случае происходит нарушение первичной пропозициональной и референциальной релевантности высказывания (прямое референциальное значение). Происходит **вторичный семиозис** [Барт, 1994; Галич, 2015; Ганеев, 2005; Гоготишвили, 2006;2017; Ельмслев, 2006; Фещенко, 2006].

Вторичный семиозис опирается на аномальность первичной интерпретанты в силу аномальности плана выражения и/или плана содержания исходного речезыкового знака [Радбиль, 2005; 2007; 2012]. Появляется **вторичная релевантность**, возникающая в результате деконструкции первичного и создания вторичного знака, – переосмысления

буквального значения, воссозданию нового неаддитивного смысла. Такой вторичный семиозис Д. Спербер делит на **инвокацию** – сильную импликацию и **эвокацию** – слабую импликацию (ср. выше – слабые и сильные импликатуры). Эвокация – это личностная интерпретация с минимальной эксплицитной маркированностью. Она в большей степени связана с воображением и ассоциациями интерпретатора, опирающимися на фоновые знания (background).

Примером инвокации являются косвенные речевые акты, интерпретация которых опирается на логические выводы и узуальность употребления: *Не передашь мне соль?; Минздрав предупреждает..; Ты не стеклянный* и т.д. Инвокация связана с коммуникативной компетенцией [Sperber, 2010].

Эвокация в большей степени ориентирована на личностные смыслы и воображение собеседника, опираясь на когнитивные бленды, поэтические образы, когнитивную базу (знания, эрудицию) собеседника. Примером эвокации может быть прецедентность, распознаваемая или не распознаваемая адресатом (ср. [Моисеенко, 2015]).

Выдвижение гипотез относительно смысла высказывания зависит от очевидности того вывода, который удовлетворяет условиям речевой ситуации и КММ.

По аналогии с иллокутивной силой можно говорить об **интерпретативной силе высказывания**.

Первоначальная сила предположения может зависеть от способа его получения. Фактические допущения извлекаются из четырех источников:

- 1) восприятия (перцепции),
- 2) лингвистического декодирования,
- 3) допущений и схем допущений, хранящихся в памяти, и
- 4) логической дедукции.

Кроме того, в соответствии с моделью Спербера и Уилсон, адресат может распознать намерения говорящего на основе знания его когнитивной среды. Отличия в когнитивных средах двух людей представляют собой, кроме обычных отличий в знаниях, опыте, способностях, различный объем области допущений, который зависит от социальной среды, опыта и познавательных способностей индивида:

«Вся когнитивная среда человека представляет собой набор фактов, которые он может воспринимать и интерпретировать» [Sperber, Wilson, 1989: 39 – перевод наш – Г.П.].

Когнитивная среда является функцией мозга (физиологической ментальной среды) и его когнитивных способностей. Она состоит не только из всех фактов, которые он осознает на данный момент, но и из всех фактов, которые он способен осознать и усвоить в процессе коммуникации.

Степень понимания собеседника зависит от степени распознавания (определённости) информативного намерения, которая в свою очередь зависит от степени обоснованности гипотез, выдвигаемых адресатом («Мне хотят сообщить, что Р»). Гипотезы состоят из структурированного набора концептов (в которые превращаются сообщаемые данные, факты). Концепты хранятся в памяти как части когнитивной среды коммуниканта. Каждый концепт имеет «адрес», то есть «прописан» в модуле-источнике – перцептивном (зрение, слух, запах, осязание и т.д.) или эпистемическом (лексическое, логическое и энциклопедическое знание) [Fodor, 1998; Sperber, Wilson, 1995: 83].

Когнитивной опорой взаимного понимания являются прототипические концепты, которыми мы оперируем в обыденной концептуализации [Болдырев, 2018; Rosch, 1978]. Взаимное понимание в первом приближении основано на ближайших значениях (А.А. Потебня) словесных знаков, в то время как дальнейшее значение доступно лишь по мере проникновения в суть предмета [Потебня, 1999] (ср. [Дроздова, 2003]), либо в когнитивную среду партнёра по речевому взаимодействию. Взаимное понимание

достижимо благодаря нежесткой общей («размытой») семантике концепта при сохранении его прототипического ядра [Fodor, 1998]. Тем более, что, как показывают исследования [Casasanto, Lurayan, 2015], в речи актуализируются не установившиеся раз и навсегда экземплярные (энциклопедические, «атомарные») концепты, а операциональные их «копии» – *ad hoc*-концепты, то есть концепты, поворачивающиеся своими «нужными» для выражения мысли сторонами, релевантными для момента коммуникации («здесь и сейчас»).

Суммируем сказанное выше. В динамике речевого взаимодействия «здесь и сейчас» коммуниканты сталкиваются с необходимостью объяснять смысл своего высказывания («что ты имеешь в виду (говоря это)»)/«что ты хочешь этим сказать»/ «для чего ты это говоришь» – эти вопросы относятся не к декодированию сообщения-текста, а к *постпониманию* (см. выше). Именно поэтому в коммуникации, как было отмечено, происходит не просто взаимная передача, трансакция знаний, а взаимодействие когнитивных сред (*cognitive environments*) адресанта и адресата [Sperber, Wilson, 1995].

Когнитивная среда, помимо структурированных знаний («когнитивные множества» [Йокояма, 2005]), включает в себя умения и навыки обращения с этими знаниями (концептуального блендинга) в тот или иной момент (речевой) интеракции, то есть **концептуальной компетенцией** – умением оперировать ментальными единицами – пропозициями, концептами, скриптами, сценариями и их взаимной адаптации (ассонанса, консонанса и резонанса).

Инференция и интерпретация – это и есть выбор реципиентом из всех возможных контекстуальных моделей (ментальных репрезентаций) именно той модели, которую имеет в голове ("в виду", в фокусе) отправитель сообщения (*speaker's meaning*). При этом и адресант и адресат пытаются проникнуть в эти репрезентации, прибегая к построению **метарепрезентаций** – представлению о представлениях партнера по РВ (ср.

[Wilson, 1999]). Проектирование собеседника (*recipient design*) превращается в «чтение в умах» – *mind-reading* [Sperber, Wilson, 2002]. Поэтому взаимная очевидность (*mutual manifestness*) [Sperber, Wilson, 1995] предполагаемой (исчисляемой) релевантной пропозиции (*assumption*) отличается градуальностью – от слабой очевидности к сильной очевидности (градуальная интерпретативная сила) (см. выше – сильные и слабые экспликации/импликации). Собеседники имеют возможность усиливать или ослаблять взаимную полимодальную очевидность (*mutual manifestness*) от **прямой демонстрации** (указания):

(7)

«*There he is! They're all asleep – the fools!*»,

– до метарепрезентации двойного смысла жеста:

«*Judas, must you betray me with a kiss?*»⁴¹ [TRJC].

Остенсивный визуальный стимул может вносить коррективы в интерпретацию высказывания собеседника, в функционирование механизма «эпистемической бдительности», отвечающей за проверку достоверности получаемой вербальной информации:

(8)

Фрейм: Кэмерон сидит у постели Хауса. Тот приходит в сознание:

House: You're pathetic. [Cameron puts down her book.] Judging by the growth, I'd say I've been unconscious for two days. You've been sitting there the whole time.

Cameron: No.

House: ***Judging by the oily buildup in your hair, I'd say you're lying.***

Cameron: I was scared. Pardon me for caring [HMD: 2/24].

Хаус: Ты неисправима. Судя по щетине, я два дня пролежал без сознания. Ты все два дня тут сидела?

Кэмерон: Нет.

Хаус: ***А судя по салным локонам, ты врешь.***

Кэмерон: Я испугалась. Простите за заботу.

⁴¹ Сцена предательства Иуды, целующего Христа на фоне спящих апостолов (Т. Райс. Либретто рок-оперы «Jesus Christ-Superstar» [TRJC]).

Таким образом, очевидность (manifestness) может достигаться остенсивно (явно) и сразу (мгновенно, интуитивно), например, насмешливой улыбкой (остенсивный маркер) говорящего «Ты гений!», либо путем логического рассуждения (рефлексивно), с помощью развернутого / свернутого силлогизма, восстанавливающего имплицативные посылки-пропозиции, ведущие к заключению через логический механизм энталамирования, например, *modus tollens*: «Он назвал тебя гением, но ты выступил плохо, значит ты не гений», и это на самом деле – ирония со значением «Ты бездарь» (ср. [Wilson, 2009; 2012; Wilson, Sperber, 2002]).

Иногда остенсивным маркером может выступить парадоксальный микроконтекст (ко-текст), указывающий на нарушение «максимы качества» (постулата искренности): «Тебе говорят: “Ты гений, иди домой!”», – иди домой, но пойми иронию» (М. Жванецкий).

В этом высказывании юмориста парадоксальность соединения двух семантически несогласованных в риторической структуре дискурса⁴² пропозиций: [ты гений] vs [иди домой] в одном высказывании заменяет улыбку – остенсивное указание на переносное значение (ср. [Attardo, 2003; Cosnier, Vaysse, 1997; González-Fuente, 2015]). Можно установить градацию ряда контекстов, лежащих на шкале между «сильной» очевидностью (определенностью) и «слабой» очевидностью (неопределенностью): например, демонстрация (*showing*) или указание относится к определенности и высокой степени очевидности – на вопрос «Который час» собеседник показывает циферблат часов [Sperber, Wilson, 1995].

Демонстрация средней степени очевидности выражена, например, восклицанием «Какой вид!», обращенным к стоящему рядом собеседнику, также смотрящему на открывающийся пейзаж. Соответствующая интонация усиливает вывод о положительной эмоциональной оценке, выраженной

---

⁴² О теории риторической структуры дискурса (Rhetorical Structure Theory) и риторических отношениях см. [Mann, 1988].

восклицанием. Менее определенной демонстрацией будет восклицание (междометие) «Wow!», полностью переключившее свое значение в область «контекстики» (ср. [Кустова, 2009; Bach, 2005; Bosch, 2009; Lewis, 1980; Predelli, 2009]).

Таким образом, категория очевидности определяет интерпретативную силу высказывания, которая осознается говорящим в соответствии с прогнозируемыми интерпретативными способностями собеседника, его предполагаемыми энциклопедическими *предзнаниями* и «внутренними релевантностями», то есть идеологическими, нравственными, политическими и т.д. приоритетами («доминантами») участников речевой интеракции.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

1. Холистический методологический принцип анализа феномена релевантности предполагает интеграцию информационно-кодовой, инференционной и интеракциональной моделей коммуникации, раскрывающих интегральную сущность категории релевантности.

2. В лингво-когнитивных исследованиях интерпретации выводится понятие *когнитивно-дискурсивной интерпретанты* как внутреннего свойства знака быть интерпретируемым в рамках определенного употребления знака в контексте (ситуации) речевого взаимодействия. Идея интерпретанты, включающей в знак когнитивные (логико-инференциальные) и интеракциональные (прагматические) смысловые валентности (слоты), является семиотической основой когнитивно-интеракциональной концепции коммуникации.

3. В дискурсе *интерпретативная релевантность* речезыкового знака определяется динамическим аспектом коммуникации, в котором динамика речевого взаимодействия воплощается в когнитивной системе участников этого процесса. Интерпретация есть имманентное свойство языковой системы, такое же, как и значение.

4. Интерпретативная релевантность отражается и закрепляется в языковом знаке – слове, высказывании и др. Релевантность *через интерпретанту* входит в самую концептуальную структуру знака и получает закрепление и воплощение в разноуровневых речезыковых субстанциях. Интерпретанта актуализированного в речи знака образуется в результате взаимодействия *конвенциональной интерпретанты* языковой формы и её *контекстуальной интерпретанты*, в совокупности определяющими «финальную интерпретанту», или актуальный смысл речезыкового знака (слова, высказывания) «здесь и сейчас».

5. В структурном статическом номенклатурном аспекте когнитивно-коммуникативное взаимодействие и интеграция когнитивных систем коммуникантов представляются в виде взаимодействующих концептуальных структур (когнитивных знаниевых множеств) типологически инвариантных (идеальных) для каждого из коммуникантов. В дискурсе *интерпретативная релевантность* речезыкового знака определяется динамическим аспектом коммуникации, в котором динамика речевого взаимодействия воплощается в когнитивной системе (знаний) участников этого процесса, отраженной и закреплённой в языковом знаке – слове, высказывании.

6. «Конструирование собеседника» есть *метарепрезентация его когнитивной модели* и является неременной составляющей интенциональной коммуникации. Координация ментальных моделей и поиск согласования метарепрезентаций собеседников рождает метакоммуникативный обмен как тетический (метакоммуникативный) элемент организации речевого взаимодействия. Возникающая связь между двумя сознаниями имеет сложную уровневую организацию, оформленную как общее когнитивное пространство (интерьеризированная среда), отражаемое в языке в виде лексико-семантического поля ментальности человека в различных его аспектах: познание и его результат; соотнесение

фактов, причинно-следственные связи; степень адекватности действительности и т.д.

7. Понимание предполагает построение когнитивной ментальной модели референциального объекта. Контекст – это субъективный конструкт, отражающий релевантные для коммуникантов свойства социальной ситуации, то есть *ментальная модель субъектов когнитивно-коммуникативной интеракции*. Формируемые коммуникантами субъективные контекстуальные модели определяют референцию, ко-референцию и смысловую когерентность дискурса. Контекстуальные модели превращают ментальные модели событий (референты) в дискурсивные модели (пропозиции) и обеспечивают решающее недостающее звено в когнитивной теории обработки сообщений.

8. Интерпретационные контексты делятся на два вида: инференциальные и эвиденциальные. Первые обеспечивают внутреннюю релевантность когнитивной среды, вторые формируют внешнюю релевантность когнитивного пространства собеседников. Взаимодействуя друг с другом, они образуют обоюдную когнитивную среду речевого взаимодействия.

9. Когнитивная среда формируется не только знаниевым тезаурусом, но и динамическими процессами впечатления и полагания, формирующими основную интеракционную категорию когнитивного взаимодействия (взаимопонимания) – **обоюдную очевидность** (манифестность).

10. Взаимопонимание как взаимная релевантность когнитивных систем коммуникантов определяется: *актуальной тематической релевантностью* данного объекта (дискурса, текста) для коммуниканта; *интерпретационной релевантностью*, основанной на владении кодовой матрицей языковых знаний, когнитивной и кооперативной компетенцией, на «предзнании» и «предпонимании», т.е. энциклопедических и предметных знаниях, опосредующих процесс понимания в определенной дискурсивной формации или дискурсивном контексте. *Мотивационная релевантность*

подчиняет процесс понимания целям речемыслительной и социально-коммуникативной деятельности.

11. Коммуниканты в процессе понимания совмещают в когнитивном пространстве *экспликатуры* и *импликатуры* сообщения, включающие акты понимания (интерпретации): идентификацию референта, концептуальную адаптацию, идентификацию интенции говорящего, снятие двусмысленности; выведение заключения (инференция), определение контекстуальных эффектов высказывания, инвокацию и эвокацию, определяющие степень релевантности высказывания. Взаимодействие экспликатур (интерпретаций эксплицитного) и импликатур (интерпретаций подразумеваемого), их взаимодополняемость порождает актуальный смысл сообщения в речевой интеракции.

ГЛАВА III. ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕРАКЦИИ (РЕДУКЦИЯ И СХЕМАТИЗАЦИЯ)

В интеракционном аспекте когнитивного пространства речевого взаимодействия *интерпретация* представляется не просто как обработка семантики и прагматики высказывания⁴³, но и моделирование собеседника, как взаимодействие когнитивных систем коммуникантов: проникновение в мысли собеседника (*mind-reading*), посредством метарепрезентаций [Wilson, 1999], моделирование его концептуальной структуры [Болдырев, 2018], его «внутренних релевантностей» [Шюц, 2004], приоритетных интенциональных состояний [Searle, 1985], что в целом можно рассматривать как конструирование ментального пространства собеседников [Ирисханова, 2014a], отражающегося в речевом взаимодействии и в высказывании в сопряжении двух значений «говорящего» (*speaker's meaning*) и «интерпретатора» [Resanati, 2004]. Стратегия интерпретатора (отправителя и получателя) основана на способности прогнозировать то, что будет сказано собеседником. Интерпретатор приписывает собеседнику определенную речевую интенцию, определяющую и содержание, и форму его выражения в высказывании. Такая стратегия не обречена на успех, но в большинстве случаев оправдывает себя. Говорящий полагает, что его собеседник обладает навыками кооперативного общения, знанием о потенциальных импликатурах, знанием того, что является необходимым для кооперативного общения и эффективной коммуникации [Sperber, Wilson, 1986: 43].

---

⁴³ По мнению А.В. Кравченко, коммуникация – это не столько средство обмена информацией, сколько «процесс, в ходе которого говорящие управляют тем, что происходит в головах слушателей <...> и в их когнитивной нише, <...> средство оказания влияния и координирования разных точек зрения. Языковые знаки – это “средства координации в совместной деятельности” <...>, чтобы понять, как работает язык, нужно обратиться, прежде всего, к кооперативным функциям, осуществляемым различными языковыми формами» [Кравченко, 2011: 98].

Гипотеза о когнитивной трансакции / трансфере [Демьянков, 2015; 2016; Йокояма, 2005]) «разделяемого» и формировании «совместного знания» в ходе речевой интеракции неизбежно приводит к выводу о стремлении коммуникантов к постоянной идентификации общности знания (*background*), потому что в модели «кодирования-декодирования», любое знание жестко регламентировано критерием истинности и структурировано в рамках «правил» заполнения семиотическими (языковыми) единицами абстрактных когнитивных структур и термов: слоты *знания кода* (экзистальное, референциальное, предикационное и т.д.), *знания о мире*, *знания о предмете*, *знание о дискурсивной ситуации*, *знание о собеседнике* и т.д. [Йокояма, 2005], то есть огромная и трудно операбельная [Дроздова, 2003: 306] модель, включающая все лингвистические и контекстуальные ментальные схемы. Более того, принцип коммуникативной релевантности сообщения предполагает, что «общее знание» служит лишь *пресуппозицией* высказывания [Падучева, 1985], а в информативном фокусе *пропозиции* находится новая, *салиентная* для реципиента информация [Ирисханова, 2014a]. В противном случае тривиальное высказывание⁴⁴ не будет релевантным для собеседника [Sperber, Wilson, 1995].

---

⁴⁴ В наших построениях высказывание – это не столько речевой коррелят предложения (фр. *énoncé*), связанный с ситуацией и параметрами произнесения, с актом высказывания и речевым действием (фр. *énonciation*) [Kerbrat-Orecchioni, 2002], сколько интенционально и аргументативно законченный речевой вклад в интеракцию, – то, что функционально соответствует термину «*move*» Э. Гоффмана [Goffman, 1981], а структурно приближается к определению «диктемы» М.Я. Блоха [Блох, 2013] и иногда называется «репликой» (диалога) [Борисова, 2007]. Ее коррелят во французской терминосистеме интеракциональной прагматики речевого взаимодействия (конверсации) обозначается термином *intervention* [Roulet, 1985].

3.1. Концептуальное картирование семио-когнитивной модели речевой интеракции

Первым условием редукции когнитивной интеракциональности является обозначение актуализированных знаний в терминах *информации* и *смысла*.

Под *актуальной информацией (актуальным смыслом)* «здесь и сейчас» («он-лайн», по А.А. Кибрику) понимается любая информация, поступающая в один из / несколько перцептивных модулей когнитивной системы коммуниканта [Fodor, 1986; 1998] в момент речевого взаимодействия. Как инструмент операциональной редукции процессов *знания* и *понимания* в контексте актуальной речевой интеракции, мы принимаем за ядерный концепт анализа *актуальный смысл* сообщения (пропозиция) и всей интеракции, существующий / создаваемый «здесь и сейчас» [Grice, 1957; Goffman, 1981].

Динамика образования **общего смыслового пространства** собеседников учитывает динамику речевого взаимодействия. Актуализация **общего смысла** происходит посредством взаимодействия двух типов смысловой информации – актуальной и контекстуальной, участвующей в речевом обмене «здесь и сейчас» (Схема 3) (ср. [Актуальные аспекты, 2013]):

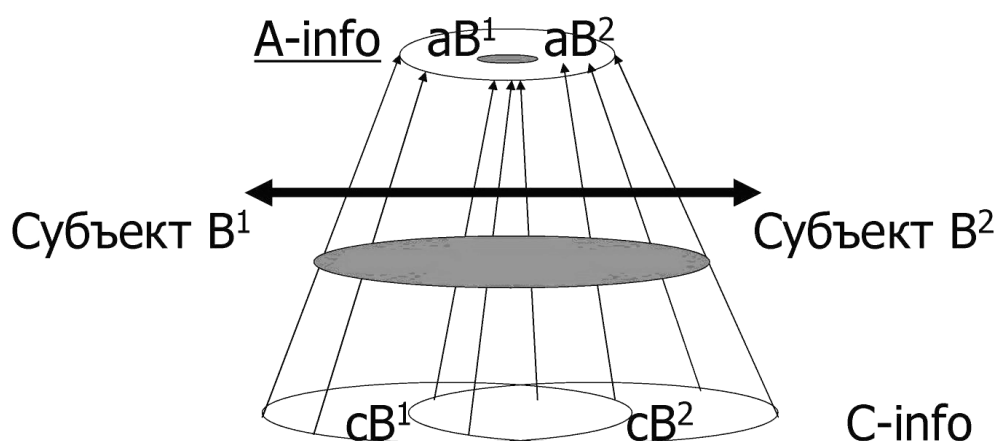
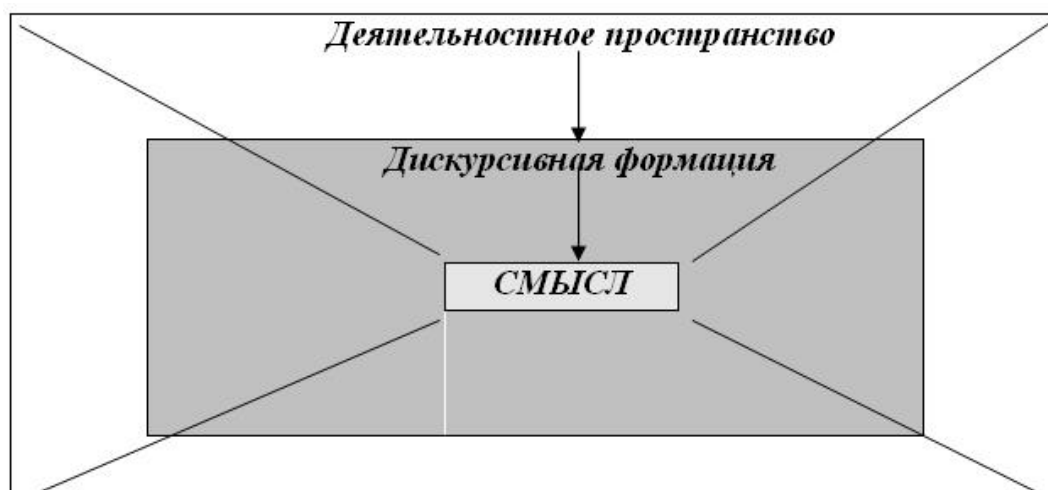

Схема 3. Динамическая концептуализация смыслообмена в речевой интеракции

– где A-info - актуальная информация (декодирование и инференции);
 C-info – контекст, пресуппозиция (контекстуальные модели);
 Субъект B_1 – субъект высказывания-1;
 Субъект B_2 – субъект высказывания- 2;
 $aB_1 aB_2$ – общая когнитивная среда (Спербер-Уилсон)
 $cB_1 cB_2$ – взаимодействие когнитивных пространств собеседников –
 контекстуальных моделей (Т ван Дейк).

Смысловую контекстуальную корреляцию между содержанием высказывания в РВ (предмет речи, пропозиция), организацией речевого взаимодействия (дискурсивная формация) и деятельностной (социальной) средой можно представить в виде следующей схемы (Схема 4):

Схема 4. Когнитивные топосы смысла высказывания в речевой интеракции

Образующиеся общие смысловые топосы (пространства) требуют от коммуникантов адаптации (*когнитивного конкорданса*) речезыковой реализации (высказывания) к ограничениям, накладываемым внешней (социальной) средой – «контекстуальными моделями» (Т. ван Дейк) деятельностной ситуации, разворачивающейся в форме определенной дискурсивной формации.

Как отмечалось выше, в «ТР» утверждается, что понимание высказывания состоит в том, чтобы подобрать к высказанной пропозиции

(семантика) из набора возможных интерпретативных контекстуальных металлических моделей (КММ) именно та, которая будет соответствовать интенциональности говорящего (Г.П. Грайс) и условиям РВ, в которых высказывание обретет свой релевантный «здесь и сейчас» смысл.

Например, в коллективной КММ членов разных политических групп французского парламента присутствует концептуальная формула «*Liberté, Egalité, Fraternité!*», но их персональные и корпоративные КММ и в целом, и в деталях, как правило, редко совпадают [Попова, 2018а]. Финальная **интерпретанта** лозунга «*Свобода! Равенство! Братство!*» имеет для индивидуальных КММ парламентариев различные пропозициональные, иллюкутивно-аргументативные и деятельностные релевантности.

Как отмечалось выше, в РВ интерпретация высказывания в большей степени зависит не от общих знаний, а, в терминах «ТР», от «обоюдной очевидности» (*mutual manifestness*) [Sperber, Wilson, 1995], то есть осознания релевантности той выводимой пропозиции (*assumption*), которая будет удовлетворять целям субъектов интеракции и условиям РВ (уместности, рациональности, эвристичности и т.д.). Причем очевидность не связана напрямую с условием истинности пропозиции: «фейк» может быть (стать) «очевидным» для обоих коммуникантов, которые либо счастливо заблуждаются вместе, либо один из них, нарушая максимум искренности, манипулирует собеседником [Leech, 1983 и др.]. Очевидным (релевантным) для единомышленников может быть и суждение, не соответствующее «истине» в иной («чужой») системе полаганий (ср. «Бог умер» Ф. Ницше [Батай, 2010]).

Таким образом, «очевидность» (*manifestness*) – категория градуальная и субъективная. Интересно, что само наречие «очевидно» в русском языке энантиосемично и имеет противоположные значения (уверенность / неуверенность) в зависимости от синтаксической дистрибуции предиката

пропозиционального отношения: «Очевидно, что он не справился» / «Очевидно, он не справился» (ср. [Йокояма, 2005]).

Функции предикатов пропозиционального отношения, превращающихся в маркеры различных аспектов РВ, затрагивают, в частности, параметры иллокутивной релевантности высказывания: «Я знаю, что ты не был на лекции» – «Я знаю, ты не был на лекции, и ...» – «Я знаю, век уж мой измерен, но чтоб продлилась жизнь моя...» [Алферов, 2001; Дискурсивные слова, 1998; Dostie, 2004]. Такие модусы подвергаются прагматизации и становятся «речевыми рефлексами» – регуляторами пропозициональной, иллокутивной, интерперсональной организации РВ [Алферов, 2001; Гак, 1998; Йокояма, 2005: 76; Ирисханова, 2014а: 229; Попова, 2017а; Dostie, 2004] (см. ниже).

Обобщая когнитивно-прагматическую *доминантную интегративность* речевого взаимодействия (см. выше, а тж. [Болдырев, 2016; Болдырев, Григорьева, 2018]) и опираясь на постулаты интеракционной теории РВ [Актуальные аспекты, 2013; Алферов, 2001; 2007а; Алферов, 2020; Кустова, 2009; Попова, 2004; 2012; 2019а; Черенков, 2011; Goffman, 1987; Gumperz, Nymes, 1991; Halliday, 1973; 1978], мы выделяем следующие **шесть аспектов**, в которых происходит формирование «интегративности», то есть релевантности интегрального смысла высказывания как единицы речевой интеракции:

внутренние аспекты:

– тематический, смысловой пропозициональный аспект
(*пропозиционально-информативная релевантность*);

– интенционально-иллокутивный аспект
(*иллокутивная релевантность*);

– интерпретативно-аргументативный аспект
(*аргументативная релевантность*);

– субъективно психологическом интерперсональный аспект
(*интерперсональная релевантность*);

– структурно-дискурсивный аспект
(*дискурсивная релевантность*);

внешний:

– деятельностно-функциональный аспект
(*мотивационная релевантность*).

В *пропозициональном аспекте* высказывания (речевого обмена) отражаются когнитивные концептуальные структуры взаимодействующих коммуникантов, происходит создание общего когнитивного пространства (среды), исчисление значений и смыслов, генерируемых посредством *информации* поступающих сообщений, понимание/непонимание – когнитивный консонанс/ диссонанс. **Пропозициональный аспект** связан с лингвистическим компонентом высказывания, в нем превалирует семантика речевого взаимодействия на эксплицитном и частично имплицитном (инференциальном) уровне (напр., *экспликатура* – см. выше) [Арутюнова, 1990; Гак, 1998; Вольф, 2002; КСКТ; Падучева, 1985; Sperber, Wilson, 1986/1995].

В *иллокутивно-интенциональном* аспекте происходит оформление высказывания как речевого акта, обладающего иллокутивной целью и силой, сопряженными с интенциональностью коммуникантов и определенными предварительными условиями и пропозициональным содержанием РВ [Серль, 1986а,б; Searle, 1975; 1985].

В *интерперсональном аспекте* – высказывание строится в рамках стратегий сотрудничества/конфронтации, соблюдения позитивного лица, необходимости охранять свою личностную «территорию» и т.д. [Демьянков, 1982; 2017; Ларина, 2009; Леонтьев, 2016; André-Larochebouvy, 1984; Brown, Levinson, 1978; Goffman, 1987; Drew, 2018; Kerbrat-Orecchioni, 2010; Leech, 2014].

В интерпретативно-аргументативном аспекте высказывание оформляется с точки зрения определенного аргументативного намерения, придающего ему статус тезиса, аргумента или вывода [Демьянков, 1985; Amossy, 2000; Anscombre, Ducrot, 1983; Douiry, 2016; Ducrot, 2009; Moeschler, 1985]⁴⁵.

В дискурсивном аспекте – релевантность взаимодействует с когерентностью, происходит оформление конвенционально обусловленного, последовательного, когерентного дискурса, актуализируется дискурсивно-коммуникативная рамка высказывания [Блох, 2013; Болдырев, Дубровская, 2016; Гак, 1998; Кибрик, 2003].

В деятельностном аспекте – релевантность подчиняется условиям коммуникации (контексту) [Шюц, 2004; Dijk, 2008] и починяет себе все вышеперечисленные релевантности (пропозициональную, иллюкутивно-интенциональную, аргументативную, интерперсональную и дискурсивную):

«Действия же трактуются в соответствии с различными субъективными системами релевантности. Однако дополнительно к этому социальные действия оцениваются и в соответствии с институционально обусловленной релевантностью, где отмечается выдающийся вклад в эту область Р. Якобсона, приложившего лингвистические критерии релевантности к описанию музыки, фольклора, фильма и т.д.). Благодаря знанию системы релевантностей мы говорим и интерпретируем речь, несмотря на неувязки, прерывания, поправки, комментарии в сторону: собеседники в каждый момент знают, где

---

⁴⁵ В отличие от структурно-функционального дискурсивного подхода в прагматодialeктической теории аргументации, представляющей аргументацию как отдельный, особо структурированный дискурс (жанр) [Emmeren, 2004; 2014; Walton, 2004; 2016], мы, вместе с А.В. Алферовым, И.Г. Тамразовой и др. [Алферов, Кустова, Попова, 2020], придерживаемся «панаргументативного» подхода («*radical argumentativism*») [Emmeren, 2014]) французской школы интеракциональной лингвистики, следуя которому «аргументативная функция присуща любому высказыванию (и даже слову) или дискурсу [Amossy, 2000; Anscombre, Ducrot, 1983; Ducrot, 2009]: «L'argumentation n'est pas un type de discours parmi d'autres: elle fait partie intégrante du discours comme tel» [Amossy, 2000: 221] – 'Аргументация – это не один из типов дискурса, это интегрирующая составляющая дискурса вообще'. По мнению Р. Амосси, аргументация не является одним из видов дискурса (ср. «критическая дискуссия» и т.п.), – среди других языковых функций, она является неотъемлемой частью речи как таковой» [Тамразова, 2021: 181-182].

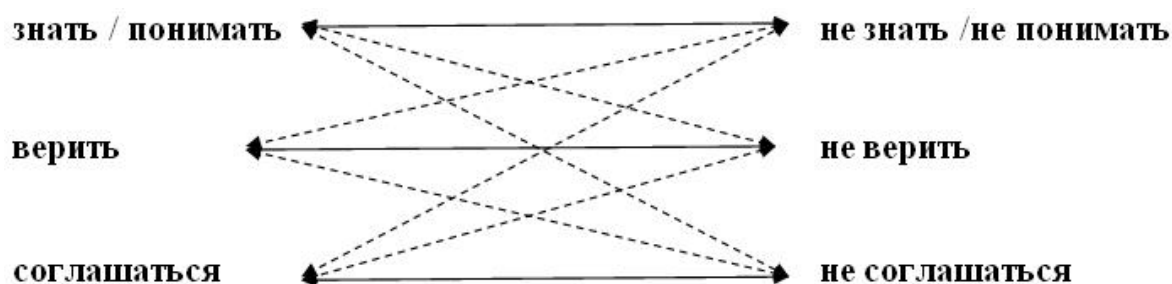
остановились, способны восстановить неявные анафорические связи, воспринимать дейксис и устанавливать степень существенности относительно того реального мира, в котором общение происходит. <...> понятие, идея, соображение или опыт релевантны для интерпретации, если входят в состав психологического контекста, соединяющего воедино другие контексты в соответствии с конкретной интерпретацией» [КСКТ:22].

Как указывалось выше, в результате взаимных впечатлений, полаганий и «когнитивных трансакций» в ходе *речевой (коммуникативной) интеракции* **взаимное понимание проходит три стадии**: эмерджентное *координирование (ассонанс)*, взаимная адаптация, *согласование (конкорданс и консонанс)* и интеграция – объединение, *совмещение (резонанс)* когнитивных систем обоих коммуникантов («взаимопонимание») [Попова, 2020] (см. ниже).

3.2. Взаимное знание и взаимное понимание. Консонанс в речевой интеракции.

Процесс речемыследеятельности [Щедровицкий, 1979] представляется в системной совокупности статики и динамики как операции с существующими знаниями и процесс получения текущих (операциональных) знаний. *Речекогнитивная интеракция* представляется при этом как взаимодействие **двух фундаментальных процессов: *понимания* и *принятия знания*** (согласия). Промежуточным этапом является *признание релевантности* (достоверности, уместности) получаемого в субъект-объект-субъектном взаимодействии знания, доверие к источнику информации (знания), вера в истинность / допущение истинности («принятие на веру») получаемой информации.

Крайне схематично и редуцировано анализ моделей содержания когнитивной системы индивида в речевом взаимодействии можно представить как три главных (прототипических) отношения когнитивно-речевой интеракции в следующих оппозитивных корреляциях (Схема 5):

Схема 5. Когнитивные взаимодействия в речевой интеракции

Данные речекогнитивные состояния асимметричны и находятся между собой в отношениях первичной и вторичной соотнесённости (см. тж. ниже Схема 6). Первичные соотнесённости отражают симметрию и причинно-следственную связь *знать – понимать – верить – соглашаться*. Асимметрия проявляется в соотношениях контрадикторности: *знать / понимать, но при этом не (хотеть) верить* или *не соглашаться; не знать, но при этом верить и соглашаться; соглашаться, но при этом не понимать и не верить* и т.д.

Чтобы достичь взаимопонимания субъекты интеракции (СИ) должны *разделять*, то есть иметь, если не идентичные, то в целом совмещающиеся по инференциальному алгоритму (интерпретационной доминанте [Болдырев, 2018a]) *контекстуальные ментальные модели* (не конечный набор знаний, а именно модели, включающие интерпретационные схемы), составляющие «mutual cognitive environment» – **обоюдную когнитивную среду субъектов интеракции** (адресанта, адресата, возможной аудитории и т.д.). Для взаимопонимания коммуниканты должны не «знать одно и то же», а «одинаково думать» (интерпретировать). Мы, считаем возможным, опираясь на музыкальную метафору, представить, что коммуниканты образуют дуэт, и оба должны следовать определенному совместному и обоюдному алгоритму (вос)производства «звука»-смысла высказывания-произведения. Достижение консонанса («согласия») (ср. [Newcomb, 1965]) и резонанса («аддитивности» [Foucault, 1994: 150]) в коммуникативных средах СИ возможно при совпадении их когнитивных (концептуальных) и прагматических компетенций, направленных на создание единой интенциональной

перспективы (концептуальная адаптация), на достижение определенного перлокутивного (контекстуального) эффекта, будь то установление обоюдной симпатии в беседе или конструктивной слаженности коллективного мышления в «мозговом штурме» для дальнейшего принятия решения [Цветков, 2016].

Следуя когнитивной и социально-психологической «Теории коммуникативных актов» Т.М. Ньюкомба, речевой интеракции свойственна трехчленная структура: А – В – О, где А – воспринимающий и коммуницирующий субъект, В – собеседник, т.е. такая же когнитивно-коммуникативная личность, с которой происходит (речевое) взаимодействие, О – объект, на который направлена перцептивно-интерпретативная активность А и В. Если восприятие А и отношение В к объекту О имеют сходство (ассонанс), то между ними возникает чувство приязни (консонанс). При несходстве интерпретаций формируется когнитивный и эмоционально-оценочный диссонанс. Допускается, что в последней ситуации возможно и изменение отношения к предмету, благодаря чему достигается сохранение консонанса с партнёром по коммуникации [Newcomb, 1965].

Однако коммуникативно-когнитивный **ассонанс / консонанс**, как и их высшая степень – **резонанс** [Ирисханова, 2018; Хмылёв, Кондрасюк, 2015], – это «категории» стремящиеся к «коммуникативному счастью» – идеальной речевой интеракции. В реальном речевом взаимодействии, в силу расхождений «внутренних релевантностей» коммуникантов, отсутствие релевантности или нарочитое, *интенциональное нарушение принципа кооперативности*, трактуемое нами как *иррелевантность* [Попова, 2019а], становится обыденной и даже институциональной практикой. Однако иррелевантность как обратная сторона релевантности также градуальна и субъективна (см. ниже).

Расхождение в ментальных моделях коммуникантов обусловлено прежде всего не расхождением в объеме «общих знаний», а диссонансом

внутренних релевантностей (интенций и компетенций) субъектов интеракции, который вытекает из различного восприятия и интерпретации объекта (когнитивной репрезентации) [Fauconnier, 1995; Johnson–Laird, 2010]. Как писал А.Ф. Лосев,

«язык говорит о предметах именно в зависимости от их осознания, в зависимости от того, что именно сознание намерено из них выбрать для передачи другому сознанию. Поэтому, чтобы сообщить нечто из мыслимого или воспринимаемого предмета другому сознанию, надо этот предмет взять с той стороны, которая нужна для сообщения, то есть понять предмет с некоторой определенной точки зрения, взять этот предмет в определенном освещении» [Лосев, 1983:182]).

Более того, предметная релевантность [Шюц, 2004] либо объединяет, либо разъединяет субъектов относительно объекта, наделяя предмет субъективной релевантностью (интерпретантой) как внутренним свойством быть воспринимаемым и интерпретируемым [Пирс, 2000]. Е.С. Кубрякова отмечает:

«...вычлененный фрагмент (вещь, свойства и т. д.) должен не только выделяться как таковой как некая фигура на определенном фоне (например, в силу своей объективно существующей качественной определенности или наличия у него конкретного набора особых перцептуальных свойств, типа физических границ и очертаний), но и выступать для воспринимающего этот фрагмент человека в виде «участника» той или иной ситуации, той или иной структуры действия или деятельности, т. е. осознаваться человеком как фрагмент, наделенный несомненным прагматическим значением и обладающий особой «салиентностью» (saliency) и **релевантностью**» [Кубрякова, 2012: 72 – выделено нами – Г.П.].

Таким образом, в рамках речевой интеракции (интеракционально-речевого события⁴⁶) можно выделить два типа действия концептуально-интенциональной направленности:

– **КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОЕ** действие *номинации* референциального объекта и

---

⁴⁶ О коммуникативном событии как концепте и термине см. [Ирисханова, Киосе, 2016].

– **когнитивно-речевое** действие *транзакции*, или *трансфера информации* (знания) в рамках речевой *интеракции* (коммуникации) как передачи собственного представления об объекте, становящегося частью когнитивной системы собеседника [Демьянков, 2015; 2016; 2018; Йокояма, 2005; Постовалова, 2016а,б; Фещенко, Бочавер, 2016].

Поэтому, как уже отмечалось, можно говорить как минимум о двух типах когнитивно-коммуникативной и интенциональной *установки* («set») ⁴⁷ субъекта:

- установки на взаимодействующий с модулем восприятия объект и
- установки на взаимодействующий субъект (собеседника).

Субъект-объектная интенциональность (А – О; Б – О), как правило, заключена внутри мыследеятельности субъекта и не предполагает интенциональной (осознанной) обратной реакции со стороны объекта, который, тем не менее, взаимодействует с сознанием реципиента. Поэтому предмет восприятия и осмысления выступает как интерактивный объект (влияние свойств объекта на характеристики рецепции, концептуализацию, категоризацию и интерпретацию [Болдырев, 2011; 2018]).

Следовательно, когнитивно-интерпретативная функция языка представляется *интерактивной* как своего рода взаимодействие субъекта с *отражаемым* когнитивными механизмами и средствами языка *объектным* (объективным и активным) *миром*. Релевантность объекта состоит в его *значимости* в фокусировании внимания коммуникантов, выражающегося затем на пропозициональном уровне [Ирисханова, 2014а]. Поэтому пропозиция в коммуникативном обмене по поводу референта содержит презумпцию своей оптимальной внутренней релевантности (наличие корреляций с внутренней когнитивной сферой собеседника, субъективный выбор интерпретативных гипотез и их конкорданс и т.д.).

---

⁴⁷ Об этом термине подробнее см. [Пильщиков, 2016: 210-211].

Субъект-субъектная интенциональность (А – В) интеракциональна. Главной характеристикой интеракциональности является направленная непосредственность реакции взаимодействующих субъектов друг на друга в рамках коммуникативной интеракции [Алферов, 2001].

Интерактивная функция речевого сознания связана преимущественно с **внутренней релевантностью** (релевантность отражения и понимания), а интеракциональная функция – с **внешней релевантностью** (релевантностью действия и взаимодействия) (ср. выше Спербер-Уилсон vs Т. ван Дейк).

Внешняя релевантность может быть навязанной (см. выше [Шюц, 2004]), вынужденной, или, напротив, – ожидаемой, востребованной. Последний тип релевантности называют **пертинентностью** (см. выше), которая в информатике определяется как «соответствие полученной информации информационной потребности»⁴⁸. Пертинентность как операциональный термин содержательно приближается к пониманию релевантности как субъективно-оценочной категории – «внутренней релевантности», то есть как «удовлетворению потребностей» индивида, принятию и усвоению – акцептации – получаемой информации. Именно пертинентность как личностная релевантность лежит в основе согласия (акцептации и консонанса) в речевом взаимодействии, диалоге, обсуждении, дебатах, дискуссии и т.д.

Таким образом, в свете интеракционально-интерактивной дифференциации в когнитивном трансфере присутствуют два вида ментального контекста – интерактивный (внутренний, рефлексивный) и интеракциональный (внешний, социально-интерперсональный). Оба симультанно реализуются в речевой интеракции, взаимодействуя в своей совокупной синкретичности. Возникает одновременное слияние двух типов моделей ментального контекста (внутреннего и внешнего) – **интерактивной**

---

⁴⁸ «Поиск и распространение информации. Термины и определения». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200004733>

контекстуальной модели и интеракциональной контекстуальной модели. Рассмотренная выше внешняя контекстуальная ментальная модель Т. ван Дейка коррелирует с этосной (интерсубъективной) **интеракциональной** моделью, а обоюдная когнитивная среда (Спербер-Уилсон) – с внутренней **интерактивной** (динамической, инференциальной) моделью.

В соответствии с такой дихотомией мы окончательно выделяем данную оппозицию в типологии релевантности – внутреннюю **интерактивную релевантность** (инференция, понимание) и внешнюю **интеракциональную релевантность** (релевантность ситуации общения, этосной контекстуальной модели). Реализация моделей в речевом взаимодействии обуславливается их взаимовлиянием. В результате возникает **интегральная релевантность**, обуславливающая принятие, акцептацию речевого акта и речевого обмена.

Таким образом, в интеракциональном субъект-субъектном взаимодействии актуализируется дополнительная модальность, делающая из простого понимания *взаимное понимание* и *взаимопонимание*. Различие между взаимным пониманием и взаимопониманием заключается именно в последнем элементе когнитивно-коммуникативного взаимодействия: *взаимопонимание как взаимное согласие лежит в основе полной симметрии – совпадения «внутренних релевантностей собеседников», рождающей доверие и эмпатию* [Томасселло, 2011; Geeraerts, 2020].

Мы выделяем три стадии *возникновения взаимопонимания*, обозначая их, путём метонимического трансфера, в терминах акустической перцепции:

- **ассонанс** внутренних релевантностей, ведущий к **пониманию**;
- **консонанс/конкорданс** внутренних релевантностей, ведущий к **согласию**;
- **резонанс** внутренних релевантностей, ведущих к **взаимопониманию**.

Проследим три эти когнитивно-коммуникативные (интенциональные) состояния [Searle, 1985] в соответствующих коммуникативных интеракциях

(событиях). Все они протекают во время делиберативного диалога (дифференциальный диагноз) из ситкома «House, MD» (сезон 4, серия 11):

– **ассонанс:**

(9)

<p><u>KUTNER</u>: Discovery channel. I like watching them blow stuff up.</p> <p><u>HOUSE</u>: <i>Who doesn't</i>? [HMD: 4/11].</p>	<p>– Канал Discovery. Мне нравится, когда они всё взрывают.</p> <p>– <i>А кому не нравится?</i></p>
--	---

– **консонанс/конкорданс:**

(10)

<p><u>KUTNER</u>: We're still fired?</p> <p><u>HOUSE</u>: That should be a hint as to what you're supposed to say.</p> <p><u>TAUB</u>: We're sorry.</p> <p><u>HOUSE</u>: Wrong.</p> <p><u>KUTNER</u>: I love you.</p> <p><u>HOUSE</u>: Wrong.</p> <p><u>«THIRTEEN»</u>: <i>This is a game? First we have to screw with our co-worker and now we have to try to figure out what you want us to say? This is insane. I'm not playing.</i></p> <p><u>HOUSE</u>: <i>Right. You should've said this two days ago.</i> Do not play games with me. Number one, you're going to lose, you're just not ready. Number two, the game was to force you to stop playing games. I need you to stand up to me. Challenge me [HMD: 4/11].</p>	<p>– Мы всё ещё уволены?</p> <p>– Это намёк, чтоб вы поняли, что нужно сказать.</p> <p>– Простите нас.</p> <p>– Не то.</p> <p>– Я люблю Вас.</p> <p>– Неправильно.</p> <p>– <i>Это что игра? Сперва нужно вредить коллеге, а теперь понять, что вы хотите от нас услышать?</i> Это безумие. Я не играю.</p> <p>– <i>Правильно. Еще позавчера надо было так сказать.</i> Не играйте со мной в игры. Во-первых, проиграете – не в том вы еще весе, во-вторых, вся игра была для того, чтобы отучить вас от игр. Научитесь давать мне отпор. Бросайте мне вызов.</p>
---	---

– **резонанс:**

(11)

<p><u>HOUSE</u>: She has zero risk factors. Forget fat, think clots.</p>	<p>– У нее нет факторов риска. Забудь про жир, у неё тромбы.</p>
--	--

KUTNER: No.	– Нет!
HOUSE: You're standing up to me?	– Решил дать мне отпор.
KUTNER: Maybe.	– Возможно.
HOUSE: Just to clarify. You should do that when you're right. Sorry for the confusion. How could a clot...	– Чтоб ты знал, так можно делать, если ты прав. Извини, что сразу не пояснил. И так, как мог тромб...
KUTNER: Could be a different kind of fat, fat emboli.	– А если это другой жир, жировая эмболия?
HOUSE: <i>That's a perfect fit... Except</i> it's completely impossible! Fat emboli requires an unrepaired bone break. Between the x-ray and the exam, I've seen her entire... [Epiphany] <i>See, that's what I'm talking about</i> [HMD: 4/11].	– <i>Идеально подходит, вот только совершенно невозможно!</i> Для жировой эмболии нужен перелом со смещением. А я между рентгеном и биопсией её всю осмотрел [у Хауса озарение]. <i>Вот об этом и шла речь!</i>

В аргументативном (делиберативном) диалоге (11) согласие часто выполняет иллюзию уступки (псевдо-консонанс), за которой следует контраргумент: *That's a perfect fit... Except...* Или:

(12)

FRANKIE: I write about my life. And you're a big part of that.	– Я пишу о своей жизни. Ты занимаешь большую её часть.
TAYLOR: That's great. I want to be a big part of your life. But I don't want to be a big part of their lives. Take it down, erase it, delete it. Make it go away [HMD: 6/11].	– Отлично. Я и хочу быть частью твоей жизни. Но не частью их жизни. Сотри всё это. Удали. И забудь.

В данном примере наблюдается *эхо-употребление* речевого рефлекса *That's great*, когда говорящий условно «встаёт на место другого», т.е. как бы разделяет точку зрения собеседника, что также характерно для иронии (ср. [Wilson, 2013]). В данном случае употребление формулы согласия (интонация, контекст) претерпевает прагма-семантическую конверсию, превращаясь в **маркер нерелевантности** предыдущей реплики (мнения, смысла).

Резонанс проявляется в метаречевых высказываниях собеседников, отражающих успешную импликацию и экспликацию – интерпретацию (понимание) и экспликацию скрытых смыслов:

(13)

House : Bert, take Ernie and check his office for environmentalists. <...>

Chase (pointing to Foreman): You're Bert. (To Taub) He's Ernie.

Masters: *And they're both roommates. That was a good one* [HMD: 7/14]⁴⁹.

– *Берт*, бери *Эрни* и проверьте офис на токсины.

– Ты *Берт*. А он *Эрни*.

– *И они живут вместе*.

Классная шутка.

В примере (13) маркером взаимопонимания служит *реплика-экспликация* скрытого смысла иронических прозвищ (см. ниже).

Термин «взаимопонимание», хотя и не входит в ядро лингвистической терминологии, по сути представляет одну из главных проблем интеракциональной когнитивной лингвистики («он-лайн когниции» [Кибрик, 2015]), под которой понимается исследование закономерностей речевого взаимодействия «здесь и сейчас». Междисциплинарность концепта отсылает к областям знания, где этот термин наиболее востребован: психология [Арпентьева, 2015; Желтонова, 2000], философия [Гладышев, 2013], культурология [Стычинский, 2018], политология [Арамян, 2001] и нек. др.

В наиболее редуцированной форме определение взаимопонимания дается обобщённо в толковых словарях:

«*ВЗАИМОПОНИМАНИЕ* – обоюдное *понимание* и *согласие* сторон» [Кузнецов, 1998: 89; Шведова, 2008: 87] (выделено нами – Г.П.).

В психолингвистической лексикографии статья «Взаимопонимание» (**В.**) заостряет доминирующую в общении эмпатийную составляющую значения термина, который определяется так:

«...способ отношений между отдельными людьми, социальными группами, коллективами, при котором *максимально осмысливаются и*

⁴⁹ Данный пример повторяется ниже.

учитываются на практике точки зрения, позиции, интересы общающихся сторон. Объективной основой В. выступает общность интересов, близких или отдаленных целей, взглядов. В. конкретно реализуется через вербальное и невербальное поведение. В общении В. достигается при активном и внимательном слушании, стремлении обмениваться информацией, вести разговор на равных и др.» [Азимов, 2010: 36] (выделено нами – Г.П.).

Это определение резюмирует в целом различные, указанные выше аспекты (речевой) интеракции, что подтверждается употреблением данной лексической единицы в обыденной речи в примерах Национального корпуса русского языка [НКРЯ] (442 документа, 500 вхождений), отражающих различные оттенки контекстуальной и функциональной семантики ЛЕ. Интересным представляется опыт анализа параллельного корпуса (французский), предлагаемого ресурсами НКРЯ, в силу того, что контекстуальные значения искомого слова имеют различные иноязычные корреляты, проявляющие оттенки контекстуальной семантики русской ЛЕ. Например:

(14)

«Так между нами установилось частичное диссидентское **взаимопонимание**» (С. Довлатов. Заповедник, 1983)

«Dès lors, une relative **complicité** s'est établie entre nous sur le terrain de la dissidence» (S. Dovlatov. Le Domaine Pouchkine /пер. С. Zeytounian-Beloüs, 2004) [НКРЯ /ПФР];

(15)

«**La bonne entente** est faite de paresse, de politesse, de mensonges, d'une multitude de choses qui nous en dissimule les barricades» (J. Cocteau. Difficulté d'être, 1947).

«Дружеские отношения и **взаимопонимание** построены на лени, вежливости, лжи и множестве других вещей, которые скрывают разделяющие нас баррикады (Ж. Кокто. Тяжесть бытия / пер. Л.М. Цывьян, 2003) [Там же].

Сопоставление французских вербализаций понятия в межъязыковом ракурсе даёт нам различные оттенки смысла (контексты) общего концепта ВЗАИМОПОНИМАНИЕ: в (14) **complicité** – принадлежность к определенной

идеологии ограниченного круга (духовно) близких людей (ср. «*партикулярная аудитория*» [Perelman, 1983]) и в (15) *La bonne entente* – взаимное понимание одинаковых мотивов и поступков разных во многих других отношениях людей (*универсальная аудитория* [Idem]). В последнем случае мы сталкиваемся с двумя типами психологической релевантности – мотивационной и причинной [Шюц, 2004] (см. выше Рис. 1).

Примеры подтверждают построенную на общем представлении и различных проявлениях человеческой эмпатии, обыденно-психологическую трактовку понятия «взаимопонимание» [Geeraerts, 2020; Tomasello, 2009], т.е. заложенную в общем определении идею и технические механизмы понимания как «**максимального осмысления**» точек зрения, **обоюдного понимания** содержания сообщения, и **согласия** [Searle, 1982].

Пройдя через фильтр интерпретанты (конвенциональной и контекстуальной), пропозиция превращается в смысл, а **смысл** как «вещь в себе», «привязанный» к пропозиции сообщения [Павилёнис, 1993], образуется пересечением (совпадением) двух когнитивных репрезентаций (моделей) отправителя и получателя.

Поэтому взаимопонимание как **когнитивный резонанс** и лингвистическая категория технически основывается на амальгаме **понимания** и **согласия**. При этом понимание, как было отмечено выше, трактуется как результат двух взаимодействующих процессов – аналитического **декодирования** и **инференции**, то есть *экспликатур* и *импликатур*, составляющих интерпретацию высказывания, производящих в совокупности **СМЫСЛ** получаемого сообщения [Ducrot, 1984]. Как отмечалось выше, интеракциональный **СМЫСЛ** должен быть **очевиден** для обоих коммуникантов и образовывать *разделяемый смысл* (*sens commun, sens partagé*) [Cislaru, 2019].

Разделяемый смысл (РС), как и *релевантность*, *общее и совместное знание* и т.д., есть категория скрытая – когнитивная и контекстуальная, так

как, будучи представленной в виде привычной категории *пропозиции*, выраженной в языке, она не имеет в средневропейском стандарте (SAE), внутренних (лексико-грамматических) указателей на гарантированную идентичность понимания этой пропозиции отправителем и получателем сообщения (в отличие, например, от категории эвиденциальности [Алпатов, 2001]).

Взаимопонимание как разделяемый смысл – категория коммуникативная и интеракциональная – требует в речевом взаимодействии эксплицитных декларативов понимания («пропозиционального отношения») – *ассонанса – консонанса – резонанса* – со стороны собеседника, типа «Понятно», «Конечно» и т.д. – «Je comprends», «Compris / Pigé», «Understand / Get it», превращающихся в «речевые рефлексы» – полимодальные маркеры **согласия** (кивок головы, «Да», «Угу», «Хорошо» и т.п.) [Быков, 2007; Гак, 1994; 1995; Кустова, 2009; Кустова, Попова, 2017].

Тогда **РАЗДЕЛЯЕМЫЙ СМЫСЛ (РС)** можно представить как **когнитивную корреляцию** интеракционально-коммуникативной категории взаимопонимания – понимания и согласия; как результат взаимодействия интенциональностей коммуникантов и образование **разделённой интенциональности**.

Объем общей когнитивной среды зависит от степени проникновения в предметную сферу речевого взаимодействия (актуальная тематическая релевантность), от социальных и интеллектуальных пресуппозиций (экспликатур и имплицатур), а главное – от степени когнитивного ассонанса, консонанса и резонанса (ср. [Ирисханова, 2018]) двух индивидуальных когнитивных сфер, включающих и социальный опыт и умение адаптироваться к системе релевантностей своего собеседника (совпадение «внутренних релевантностей» [Щюц, 2004]).

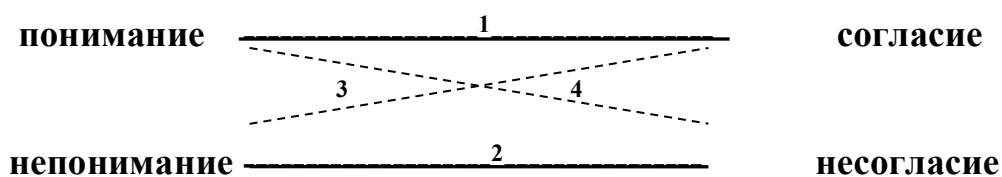
Если понимание складывается из декодирования и инференции (интерпретации), то согласие предполагает признание не столько истинности,

сколько релевантности пропозиции (очевидности). Оценочные модусы согласия направлены на оценку пропозиции в соответствии с категориями «общего блага», добра (хорошо), справедливости (правильно), выгоды, договорённостей и т.д. Согласие может касаться отношения обоих субъектов к объекту понимания, например, семантики высказывания (что сказано). Взаимопонимание – это прежде всего субъект-субъектное отношение. В пресуппозиции взаимопонимания лежит понимание и согласие с интерпретацией объектного денотата. Однако в процессе взаимопонимания возникает понимание и принятие собеседниками друг друга – резонанс «внутренних релеванностей»: мотивации, открытых и скрытых интенций, эмпатии и взаимной удовлетворённости (релевантности) речевой интеракцией.

Определяющим фактором во взаимном понимании является упомянутая выше **взаимная очевидность** – не только и не столько истинность пропозиции, сколько референциальная и /или иллокутивная релевантность акта высказывания *hic et nunc* для обоих собеседников (ср. [Sperber, 2000]). К тому же наблюдается существенное различие между двумя составляющими разделяемого смысла – пониманием и согласием: одно не вытекает из другого, несмотря на их логическое и диалогическое пересечение. Главное отличие состоит в когнитивной природе первого и перформативной интеракциональности второго, подразумевающего иллокутивную силу и (пара)вербальную манифестацию. Тем не менее, в иллокутивной интерпретации понимание выражается в иллокуции констатации, согласие – обозначает перлокутивный эффект. В некоторых случаях происходит нейтрализация оппозиции, когда перформативность, проявляющаяся в речевом акте (от первого лица), меняет это соотношение:

высказывание «(Я) понял» – это, как правило, перформатив в значении «Я согласен⁵⁰».

Для описания семантической функциональной оппозиции двух модусов можно прибегнуть к предложенному В.Г. Гаком [Гак, 1998: 179-195] методу выделения первичных и вторичных функций в приложении к категории лингво-коммуникативного взаимо(не)понимания. Тогда в своих первичных функциях понимание (декодирование, инференция и интерпретация) коррелирует с согласием, а непонимание – с несогласием. Вторичные интеракционные функции обусловлены особыми условиями протекания взаимного понимания как процесса образования разделяемого смысла (РС). Это подчеркивает асимметрию двух речевых манифестаций, отражающих асимметрию самих понятий, подкрепляемую их отрицательными значениями (Схема 6):

Схема 6. Первичные и вторичные корреляции взаимопонимания в когнитивно-коммуникативной интеракции

Нетрудно представить все четыре ситуации общения:

- 1) понимание и согласие возникают как манифестации разделенного смысла (взаимопонимания);
- 2) непонимание (пропозиции) высказывания препятствует образованию разделяемого смысла;
- 3) пропозиция не является релевантной либо как не соответствующая условиям истинности/искренности, либо как выраженная в локутивной форме (высказывания), не удовлетворяющей условиям интенциональной,

⁵⁰ Есть, конечно, варианты речевых актов, намеренно отделяющих понимание от согласия, напр., «Я вас услышал» (т.е. понял, но...) и др.

иллокутивной, аргументативной, интерперсональной и дискурсивной релевантности (когерентности);

4) непонимание редко ведет к согласию внутреннему, но может реализоваться как нулевая форма релевантности (нерелевантность), внешне принимаемая за согласие (ср. «Молчание – знак согласия»).

Между этими четырьмя типами мы можем заметить и промежуточные, более сложные манифестации взаимо(не)понимания. Например, мы видим еще один аспект согласия – *понимание и принятие к сведению* – как предварительный этап рефлексивной (в отличие от интуитивной) идентификации релевантности сообщения [Mercier, Sperber, 2009] (см. тж. выше [Дроздова, 2003]).

Мы рассматриваем адаптацию метарепрезентаций коммуникантов в общей когнитивной среде как **стадиальную модель**: *когнитивный ассонанс – консонанс – резонанс* (см. выше).

Интерактивный когнитивный ассонанс (совместная когнитивная адаптация к социальной среде) и *интеракционный когнитивный консонанс* (взаимное принятие релевантности высказываний друг друга), которые служат основанием для совместного принятия решения и последующего (взаимо)действия (деятельностная релевантность).

Когнитивный консонанс определяется внешней средой: это адаптация коммуникантов к социокультурным нормам, максимам и постулатам речевого взаимодействия и проч.

Когнитивный резонанс определяется **пертинентностью** (личными релевантностями) субъективных и intersубъективных факторов:

1) когнитивным потенциалом каждого из собеседников – способностью к логической инференции (инвокации) и образному мышлению (эвокации);

2) конкордансом внутренних релевантностей собеседников;

3) релевантностью вклада собеседника в общее смысловое пространство (когнитивную среду) РВ.

Пертинентность (личностная релевантность) возникает «здесь и сейчас» как результат получения личностного смысла, вступающего в резонанс взаимного понимания и взаимопонимания. Такие контексты отличаются повышенной идиосинкразийностью: понимание и принятие – *ассонанс* и *консонанс* – шуток, аллюзий интертекста и т. п. служат основанием для взаимопонимания – *резонанса* внутренних релевантностей собеседников:

(16)

A : ... et alors *c'est là que j'ai compris...*

B : **Oui c'est comme [moi j**

A: [J'ai dit : ah non, ah ça non, ça va pas, il est pas k-c'est i-nac-cep-table!

B: *Ah ben oui, exactement comme moi*, et c'est marrant hein, *c'est exactement* c'que j'ai dit! [AL : 84]

A: ... и тут я понял ...

B: Да, и я...

A: Я говорю: э нет, не пойдёт, это просто неприемлемо!

B: Ну да, *точно, я тоже, смешно*, да, ну *точно, я то же самое* сказал!

Альтернативой *когнитивного согласования* (mutual adjustment), порождающего *когнитивный ассонанс* и *интерсубъективный интенциональный резонанс* в РВ, является *когнитивный диссонанс* и, как правило, «*коммуникативная неудача*», возникающие вследствие нарушений в интерактивной и интеракциональной адаптации речевого действия (высказывания) и обмена высказываниями [Sacks, 1974; Roulet, 1985].

В интерперсональном плане степень нерелевантности высказывания – это градуальная шкала, ведущая от максимального *мимезиса* к максимальной *агональности* и *эристике* [Тамразова, 2021: 254] – от наибольшего когнитивного эффекта и минимальных операциональных усилий к когнитивному диссонансу (непониманию и неприятию) и «коммуникативной неудаче».

Мы не говорим здесь предметно о причинах и параметрах (не)понимания-(не)согласия в терминах проблематики «коммуникативных неудач», которые изучаются и в лингвистике, и в междисциплинарном формате (см., напр., [Ермакова, Земская, 1993; Кънева, 1999; Мустайоки,

2015; Падучева, 1997; Gumperz, 1982; Jacques, 1984; Langacker, 2013; Searle, 1982; Cislaru, 2019; Clark, Marshall, 1981; Mustajoki, 2003; 2012] и др.).

Нас на данном этапе изложения в большей степени интересует роль процесса эффективности **энталамирования** (*entailment* [Sperber, Wilson, 1995]) – выводного знания как этапа построения разделяемого смысла. Энталамирование как когнитивная операция может способствовать или препятствовать взаимопониманию как интеракционно-лингвистической категории.

При этом существует как минимум два условия успешной коммуникации:

1) говорящий «Грайсовского типа» (О. Йокояма) делает все возможное, чтобы его высказывание было понято и, соответственно, прибегая к **стратегии адаптации**, использует всевозможные триггеры, способствующие «правильной» интерпретации высказывания;

2) поиск (исчисление) необходимой (релевантной) пропозиции ведется адресатом только до тех пор, пока она не покажется ему релевантной («принцип оптимальной релевантности») [Sperber, Wilson, 1995].

Любая непрямая коммуникация и тропеическое употребление речезыковых единиц (метафора, метонимия, ирония, сарказм и проч.), невыполнение говорящим презумпции «прозрачности» [Récanati, 1979] приводит собеседника к дальнейшей интерпретации и исчислению смыслов партнера по РВ. Это исчисление воплощается в логических инференциях («инвокациях») или когнитивных метафорических блендах («эвокациях») [Sperber, 2007].

И здесь субъекта интеракции могут поджидать ошибки (*miscomprehension*) и интерпретативные неудачи. Нарушение принципа оптимальной релевантности приводит к неправильной трактовке коммуникативной интенции партнера, к нераспознанному «значению говорящего» [House, 2003].

3.3. Когнитивно-коммуникативный диссонанс

Диссонанс рождают отрицательные значения элементов когнитивно-коммуникативной интеракции (ср. [Newcomb, 1953]). Диссонанс существует в виде различных проявлений: от коммуникативных недоразумений до речевой конфронтации и агрессии [Йокояма, 1988; Мустайоки, 2015; Тамразова, 2021]. Диссонанс как категория градуальная, имеющая различные степени проявления, может быть разделен на *две качественные стадии* – регулируемый и нерегулируемый диссонанс. **Регулируемый диссонанс** исправляется путем согласования и устранения противоречий в когнитивных пространствах собеседников путем различных стратегий, объединяемых в категорию **конкорданса (согласования)** как когнитивно-коммуникативной интенциональности, направленной на достижение консенсуса, или консонанса. Условно этот диапазон можно обозначить как пространство относительной **нерелевантности**, в отличие от диапазона **нерегулируемого диссонанса** и критической **иррелевантности**, определяемой нами как *непреодолимый когнитивно-коммуникативный диссонанс*, несущий потенциальный или реальный вред участникам (речевой) интеракции, ведущий к коммуникативно-психологическому конфликту (агрессии) (ср. [Медведева, Воронкова, 2013; Тамразова, 2021]).

Мы можем выделить как минимум четыре типа **нерелевантности** информации высказывания (**ИВ**):

1) **ИВ** – тривиальна: *Я умею дышать; Волга впадает в Каспийское море* (неинформативно, не меняет когнитивную среду собеседника);

2) **ИВ** – не входит в интересы, не относится к делу: *На стене висит картина, а я маленький такой* (что, как правило, называется нарушением когерентности и *нерелевантностью в узком значении* максимы отношения Г.П. Грайса “be relevant”);

3) **ИВ** – противоречит установившимся полаганиям и системе знаний, «объективной концептуальной системе» (убеждений);

4) **ИВ** – слишком сложна для понимания, герметична, и, как следствие, не создаёт совместного смысла.

Иррелевантность высказывания, предлагаемая в нашей концепции как термин в оппозиции к *нерелевантности* как ее угрожающая степень, противопоставлена нерелевантности как полюс **отрицательной пертинентности (личностной нерелевантности ad hominem)**. *Иррелевантность* не только нарушает логику импликаций, конвенции и презумпции деонтологии общения, но сознательно их игнорирует и противодействует им. Прибегая к традиционной в лингвистике метафоре шахмат, нерелевантность можно сравнить с ошибочным ходом, пусть даже фатальным для исхода партии. Иррелевантность в крайнем своём проявлении – это намерено сбросить все фигуры с доски, сопровождая действие оскорблениями в адрес оппонента. Менее пафосная иррелевантность – украсть с доски фигуру противника. **В любом случае, интеракциональная иррелевантность наносит ущерб интересам субъекта-коммуниканта.**

При многочисленных типологиях коммуникативного диссонанса и коммуникативных неудач (*miscommunication*) или не(до)понимания (*misunderstanding*) [Гюрджян, 2009; Бугрова, 2013; Ермакова, Земская, 1993; Йокояма, 1998; Мустайоки, 2015; Фокина, 2010; Черенков, 2011; House, 2003; Mustajoki, 2003; 2012; Zaefferer, 1977], основу этих работ, посвященных исследованию причин, проявлений и классификации КН, составляет идея «неудачи» *a posteriori* в плане выражения (от проблем с артикуляцией и слухом до разбора языковых уровней проявления КН) и в плане содержания, включая когнитивно-интеракциональные аспекты (дисбаланс знаний, намерений, ожиданий, лингвокультурные различия, жанровые вариации КН) [Mustajoki, 2013]. Однако при этом не рассматривался вопрос об имманентной когнитивной противоречивости интеракции [Ганеев, 2005], чреватой коммуникативными аномалиями, сбоями, провалами, конфликтами. Другими словами, процессы когнитивно-коммуникативной координации

происходят не только в виде эксплицитной «неудачи» как результата, но в виде интеракционального процесса, *in posse – in fieri – in esse* [Гийом, 1992], то есть потенциально, на стадии зарождения и на стадии протекания и совершившегося события. Постоянно происходит работа по координации когнитивно-коммуникативной интеракции как взаимодействия когнитивно-коммуникативных состояний понимания, веры, согласия и взаимопонимания.

Такая когнитивно-коммуникативная интенция трактуется нами как **адаптивная стратегия участников речевой интеракции**. Обеспечение механизмов релевантности в речи достигается при помощи разноуровневых дискурсивных маркеров релевантности (полимодальных: жестовых, просодико-фонетических, синтактико-грамматических, лексико- и фразеосемантических) – «тетических» элементов высказывания, регуляторов речевого взаимодействия, выполняющих роль триггеров и коммуникативно-прагматических манифестаций речевого поведения, представляемых в исследовании как *дискурсивные маркеры релевантности*.

Такая стратегия отмечается, в частности, в работах Арто Мустайоки, опирающегося в своих исследованиях на когнитивное взаимодействие метальных пространств собеседников, «реципиент-дизайн», когнитивно-психологический эгоцентризм и др. [Мустйоки, 2011; 2015; Mustajoki, 2013].

Диссонанс рождается в силу нерелевантности той или иной составляющей когнитивно-психологической доминанты (см. выше Рис. 1).

Как уже отмечалось, когнитивные искажения, предубеждения, психические и психологические навязанные релевантности (см. выше, тж. [Шюц, 2004]) вносят в представленную стадиальную модель различные вариации. Так, например, медикам известны смены поведенческих стадий внутреннего когнитивно-эмоционального конфликта (когнитивного диссонанса в понимании [Фестингер, 2000]) больного, получившего смертельный диагноз: *отрицание – гнев – торг – депрессия – смирение* (*denial – anger – bargaining – depression – acceptance*) [Baylon, Mignot, 1994].

Когнитивно-эмоциональный диссонанс отражается в речевом взаимодействии в виде метадискурсивных действий (стратегий), представляющих возможность и необходимость метаречевого обсуждения этих состояний в виде реализующих **адаптивную стратегию** метакоммуникативных вкраплений (**тетических элементов** [Heine, 2013] – см. ниже) или развернутых *экспликаций* и обсуждений (делибераций) (см. ниже).

Мы придерживаемся разработанной нами [Попова, 2004] релятивной классификации когнитивно-коммуникативных манифестаций диссонанса, включающей три градуальных типа когнитивно-интенциональных состояний, сопровождающих т.н. «коммуникативную неудачу (КН)»: **коммуникативно-когнитивные аномалии/нарушения (ККА/Н)**, **когнитивно-коммуникативный сбой (ККС)**, и **когнитивно-коммуникативный провал / конфликт (ККП/К)** (ср. [Попова, 2004]).

В результате можно представить следующую таблицу корреляций коммуникативно-когнитивных интенциональных состояний участников речевого взаимодействия (Табл. 2):

Таблица 2.

Когнитивно-коммуникативные интенциональности в речевой интеракции (ассонанс *V*S диссонанс)

Степени взаимной релевантности	Когнитивно-коммуникативные состояния	Когнитивно-коммуникативные состояния	Когнитивно-коммуникативные манифестации
ассонанс	понимание	непонимание	ККА/Н
конкорданс	доверие (вера)	недоверие	ККС
консонанс	согласие	несогласие	ККП
		неприятие	

резонанс	взаимопонимание	нетерпимость, отрицание	ККК
релевантность		нерелевантность – иррелевантность	
		регулируемый диссонанс	нерегулируемый диссонанс

Каждый элемент данной модели сложен, вариативен, требует отдельного исследования и дифференциации. Существует множество исследований, так или иначе посвященных их когнитивной и/или коммуникативной природе и функциям (см., напр. [Гюрджян, 2009; Клепикова, 2014; Ларина, 2009; Лисанюк, 2022; Нефедова, 2004; Рансьер, 2013; Постовалова, 2016б; Тамразова, 2021; Фестингер, 2000]). Диссонанс дифференцируется различными исследователями по-разному, сохраняя при этом свой когнитивно-коммуникативный инвариант [Фестингер, 2000], коррелирующий с представленной выше моделью (Схема 3).

Приведем примеры этих вариаций взаимного непонимания (недопонимания, недоразумения), основанного на когнитивном диссонансе интенциональностей собеседников и диссонансом энталамировании (выводном смысле).

В обыденной коммуникации диссонанс в энталамировании проявляется достаточно часто в силу расхождения в интерпретации коммуникативных намерений (интенций) говорящих или «импозиций» (О. Йокояма). Например, в следующем диалогическом единстве (ККА/Н):

(17)

(a) «Moi: – Dolorès, je prends un bain.	Я: Долорес, я принимаю ванну.
(b) Dolorès.– <i>Oh! ça ne me gêne pas</i> » [MJM: 114].	
	Д.: О, мне это не мешает (б ¹) / Ничего страшного (б ²)

Ошибочная интерпретация интенционально-иллокутивного смысла высказывания (а), являющегося косвенным упрёком («Я принимаю ванну. Зачем же тыходишь!? Выйди!»), приводит к нерелевантности высказывания

(b), вследствие нарушения *интенционального ожидания* первого говорящего, рассчитывающего на извинения и уход. Причем при выборе варианта перевода проявляется многозначность французской реплики (b). В (б¹) собеседник реферирует к пропозиции (a), а в (б²) – к иллокуции извинения, которую он ошибочно энталамирует из (a). В обоих случаях когнитивный диссонанс выражается в иллокутивной рассогласованности и недопонимании («ошибочном впечатлении») между собеседниками.

Этот случай можно трактовать как *ложное энталамирование* (ложная контекстуальная интерпретанта), **иллокутивное недоразумение** («коммуникативный сбой» [Попова, 2019а]).

Другой пример «коммуникативной неудачи» (ККА/Н) показывает расхождение в аттенциальных фокусах коммуникантов и в оценке релевантности высказывания собеседника с точки зрения его аргументативной силы:

(18)

<p>L'enfant, tout fier sans doute de savoir lire: – <i>«Maman, on est à Richelieu! – Maman on est à Richelieu! Maman... La mère – Mais qu'est-ce que tu veux que ça me fasse? On ne descend pas à Richelieu...»</i>) [Kerbrat-Orecchioni, 2005: 201]</p>	<p>Ребенок с мамой в метро, гордясь тем, что умеет читать: « – Мама мы на «Ришелье», мама мы на «Ришелье»... – Что с того, мы не выходим на «Ришелье» (- досл. «Как ты хочешь, чтобы я на это реагировала?»)</p>
--	--

В данном диалоге происходит несовпадения с выделением релевантного, **фокусного** референта для контекстуально-когнитивной ментальной модели каждого [Dijk, 2008]. Факт прибытия на станцию не имеет значения для взрослого («фон»), в то время как цель ребенка – прочесть название станции (аутореферентный «фокус» восприятия) (ср. [Ирисханова, 2014а; Козаковская, 2004]).

Более маркированные примеры непонимания/несогласия демонстрируют не только и не столько так называемые «коммуникативные неудачи» [Йокояма, 1998; Mustajoki, 2003 и др.], сколько именно **несогласие**

с собеседником. Под несогласием, вслед за Ж. Рансьером, мы будем понимать

«определенный тип речевой ситуации: когда один из собеседников сразу и понимает, и не понимает, что говорит другой. Несогласие не есть конфликт между тем, кто говорит «белое», и тем, кто говорит «черное». Это конфликт между теми, кто оба говорят «белое», но понимают под этим не одно и то же или не понимают, что другой подразумевает под белизной то же самое» [Рансьер, 2013: 15].

Рансьер проводит границы между понятиями *несогласие* и *не(до)понимание*, которое «подразумевает, что один из собеседников или они оба в силу простого неведения, согласованного замалчивания или неотъемлемого заблуждения не знают того, о чем говорят сами или о чем говорит другой.<...> Не совпадает несогласие и с основанным на неточности слов недоразумением» [Там же].

Собственно несогласие, по Рансьеру, (см. выше Схема 6, п. 3) рождается при обоюдной идентификации референта и понимании пропозиции, но при разных векторах энталамирования собеседников, ведущим к разным выводам (смыслам). Такое несогласие (*la mésentente* [Рансьер, 2013]) правильнее понимать как разногласие, то есть расхождение точек зрения на одну и ту же проблему (т.е. разные интерпретации пропозиции), расхождение тематических релевантностей [Шюц, 2004] (см. выше – Рис. 1):

(19)

(а) «– Нет, этого быть никак не может, – твердо возразил иностранец.

(б) – Это почему?

(в) – Потому, – ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы, – что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила.

(г) Так что заседание не состоится.

(д) Тут, как вполне понятно, под липами наступило молчание.

(е) – Простите, – после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца,

(ж) – *при чем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка?*

(з) – *Подсолнечное масло здесь вот при чем,* – вдруг заговорил Бездомный, очевидно, решив объявить незваному собеседнику войну,

(и) – *вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?*

(к) – *Иван!..* – тихо воскликнул Михаил Александрович» [БМ: 22 – выделено нами – Г.П.].

В этом известном литературном диалоге прослеживаются речевые события, направленные на регуляцию принципа релевантности в построении обоюдной когнитивной среды РВ:

(а) отрицание, построенное на субъективной «очевидности»;

(б) запрос на аргументацию (ср. [Ееремен, 1994; 2002]);

(в) «фактологическая» аргументация;

(г) вывод;

(д) прерывание РВ как маркер отсутствия пропозициональной и аргументативной релевантности высказывания (Воланда) для интерпретатора (Берлиоза и Бездомного);

(е) извинение как маркер вступления в контраргументативное обсуждение пропозиции пропонента⁵¹;

(ж) непонимание, договор по поводу референции;

(з) метареферентивная экспликация *ad hominem*;

(и) метареферентивная экспликация *ad hominem*;

(к) метакоммуникативный акт упрёка в нарушении интерперсональной релевантности (вежливости).

В этом же примере можно видеть нарушение *интегральной релевантности*, кумулирующей нарушение максим Грайса, максим вежливости Дж. Лича, принципа релевантности Спербера-Уилсон: говорящий не стремится к оптимальной релевантности, прибегает к

---

⁵¹ Минимальная структура делиберативного диалога состоит из пропонента, респондента и их двух пропозиций (утверждений), обсуждаемых с целью обретения консенсуса [Fernros, 2014; Walton, 2016].

неаддитивной стратегии эпатирования собеседника (манипуляция, насмешка) (ср. [Шаронов, 2004]).

Однако в целом этот диалог носит метакоммуникативный характер и управляется принципом интегральной (совокупной) релевантности, проявляющемся в особом когнитивном механизме – **режиме восстановления релевантности**, который заставляет интерпретатора прибегать к **адаптивной стратегии** и «искать» релевантность высказывания путем подбора возможных соответствующих контекстов, в которых данное абсурдное (нерелевантное) высказывание получило бы смысл.

При нарушении постулатов речевого взаимодействия включается когнитивный механизм эпистемической бдительности, призванной определить, идет ли речь о недостаточной когнитивной компетенции собеседника, злом умысле (невежливости, манипуляции) или о переносном значении, требующем логического вывода или метафорической интерпретации.

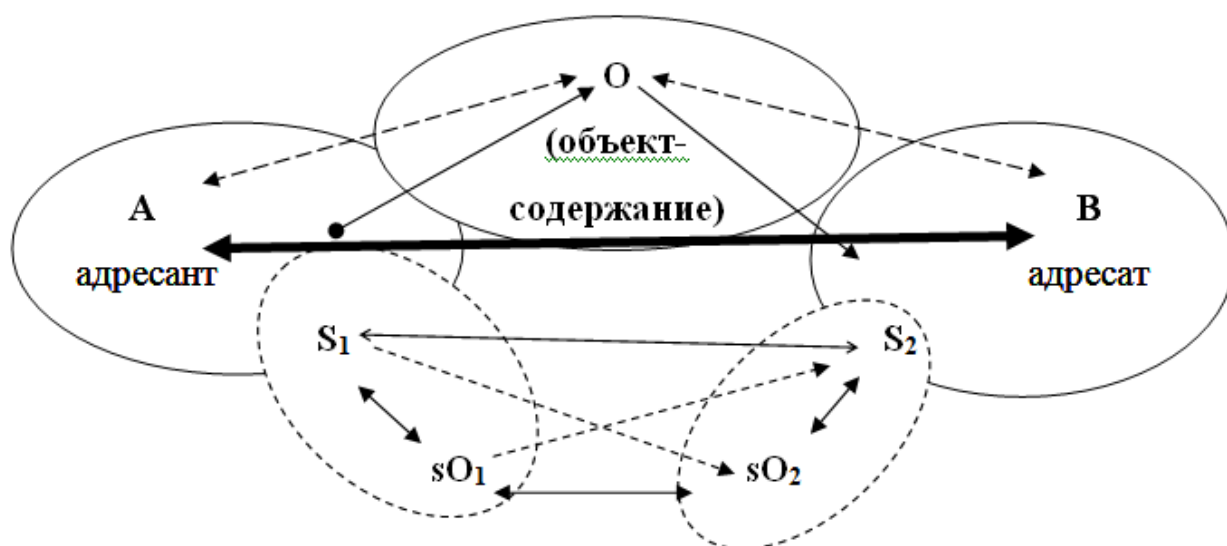
Градуальность – от нерелевантности к иррелевантности – во многом определяется степенью гармонизации (*ассонансом и конкордансом*) субъект-объект-субъектных отношений.

Принцип релевантности может нарушаться сознательно, когда *субъект* интеракции превращается в *объект* (манипуляции) [Попова, 2021б], и на смену аргументации *ad rem* («об объекте» – по существу дела) приходит аргументация *ad hominem* («о человеке» – оценка личностной компетенции оппонента). Интенциональные отклонения от принципа релевантности, как правило, преследуют политические (по П. Бурдьё) цели (идеологическая манипуляция, обман, достижение власти и т.д.), а на смену диалектической дискуссии приходит эристическое, агональное речевое взаимодействие [Тамразова, 2021; Bourdieu, 1991; Foucault, 1994].

Ввиду асимметрии ‘субъект-объект-субъект’-ных отношений, может происходить инверсия субъекта и объекта. Адресант (S₁) может

рассматривать адресат (S_2) как «объект», например, при манипуляции (обман, невежливость, пренебрежение и т.д.), или как институциональную составляющую (функцию) деятельности (официант, клиент, пассажир, пациент и т.д.). И наоборот, адресант (S_1) может представляться как «объект» в институциональной – закон, установление, предписание, – или манипулятивной коммуникации – объективизация мнения, обобщенность субъекта, опущение субъекта и др. (см. [Червоный, 2014]). Таким образом, интерактивность и интеракциональность тесно переплетаются, активируясь в каждом конкретном взаимодействии по-разному.

Используя технологию когнитивного картирования, интеракционально-интерактивные ‘субъект-объект-субъект’-ные отношения в речевом обмене можно представить схематически (схема 7):

Схема 7. Интеракционально-интерактивные отношения в когнитивно-коммуникативном трансфере

– где обозначены следующие отношения:

$A \leftrightarrow B$ – интеракциональные социо-прагматические (между участниками интеракции в рамках деятельности);

$S_1 \leftrightarrow S_2$ – интеракционально-дискурсивные – между когнитивными моделями коммуникативных субъектов (имплицативно-инференциальные);

S_1-O-S_2 – интеракционально-пропозициональные – между субъектами относительно предмета-объекта коммуникации;

$A-O-B$ / $A \leftrightarrow B$ – интеракционально-аспектуальные: информативные, аргументативные, интерперсональные, коммуникативно-модальные (эмоциональные, персуазивные,) и т.д.;

S_1-O – интерактивные, когнитивно-перцептивные (кодирование / импликация);

$O-S_2$ – интерактивные, когнитивно-перцептивные (интерпретация);

S_1-sO_1 / S_2-sO_2 / sO_1-sO_2 – **субъект-объектная инверсия:**

субъект-адресат становится объектом, например:

– **вместо:** «*Я хочу, чтобы вы...*» – «*Вам надлежит...*»;

– **вместо:** «*Дорогой наш Иван Иванович! От всего сердца поздравляем...*» – «*А принеси нам, голубчик, водочки граммчиков сто!*»;

– **безличность/объективизация** субъекта: sO_1-sO_2 : «*Понаехали тут!*» и т.п.

«Игры субъектности» лежат в основе многих лингвопсихологических манипуляций [Гальперин, 1966; Дзялошинский, 2012; Червоный, 2014; Richaudeau, 2003], например, иронии как подмены точки зрения и «удвоения» когнитивной модели субъекта высказывания $A - S_1/S_2$ (ср. «эхо-теория» иронии [Alba-Juez, 2014; Dynel, 2014a,b; Wilson, 2006; 2009; 2012; 2013]); юмора (ср. [Дмитриев, 2005; Мусийчук, 2011; Фрейд, 1997; Charaudeau, 2015; Yus, Ramos, 2016]); насмешки [Доронина, 2009; Alba-Juez, 2014; Culpeper 2011a,b; Leech, 1983]; языковой игры (ср. [Санников, 2002]); языковой аномалии [Радбиль, 2005; 2007; 2012]; стратегии дискредитации [Громыко, 2011; 2012; Тамразова, 2021]; коммуникативно-психологического диссонанса [Берн, 1996; Петренко, 1988; Фестингер, 2000]; персуазивной стратегии «устранения субъекта» и объективизации [Калинин, 2009; Кустова, 2014; Червоный, 2014] и др.

Объективация адресата как **интерперсональная не/иррелевантность** происходит и при актуализации метафорической функции апеллятивной номинации, когда в интенциональном фокусе отправителя находится трансформированная форма обращения и/или эпонимической номинации. Главный герой телесериала «House, MD» насмешливо называет своих врачей-ассистентов прозвищами, построенными на прецедентности и различных ассоциациях:

– в адрес двух врачей, живущих в одной квартире:

(19)

<p><u>House</u> : Bert, take Ernie⁵² and check his office for environmental. <...></p> <p><u>Chase</u> (pointing to Foreman): You're Bert. (To Taub) He's Ernie.</p> <p><u>Masters</u>: <i>And they're both roommates. That was a good one</i> [HMD: 7/14].</p>	<p>– Берт, бери Эрни и проверьте офис на токсины.</p> <p>– Ты Берт. А он Эрни.</p> <p>– И они живут вместе.</p> <p>Классная шутка.</p>
--	--

– в адрес других подопечных:

(20)

<p><u>House</u>: Eeny, meeny, miny, Thirteen and Tiny [HMD: 5/2].</p>	<p>– Эни, бени, восемнадцать, едут <i>Мелкий</i> и <i>Тринадцать</i>.</p>
---	---

– в адрес бывшей сотрудницы, ставшей девушкой его друга:

(21)

<p><u>Amber</u>: Hi, Greg. And I call you Greg because we're now social equals.</p> <p><u>House</u>: <i>I call you Cutthroat Bitch... well, Quod erat demonstrandum. And I speak in Latin because I don't try to hide what an ass I am</i> [HMD: 4/11].</p>	<p>– Привет Грэг! Буду звать тебя Грэг, потому что теперь мы социально равны.</p> <p>– А я буду тебя звать Беспощадной стервой. <i>Квод еррат демонстрандум. По-латыни я говорю, чтобы показать, какая я сволочь.</i></p>
---	--

⁵² По данным интернета: «Один из сценаристов детской передачи "Улица Сезам" Марк Зальцман сообщил, что персонажи культового телешоу Берт и Эрни, известные многим россиянам как Влас и Еник, – геи. Однако компания-создатель шоу Sesame Workshop парировала, что Берт и Эрни – просто приятели. В соцсетях не могут понять, кому верить» [https://www.bbc.com/russian/other-news-45576912].

Подмена истинности релевантностью – это одно из главных отличий *манифестности* (manifestness), или обоюдной очевидности (см. тж. выше). *Обоюдная очевидность* (mutual manifestness), не связана с «очевидностью смысла» как *истинностью* (значения) высказывания. С когнитивной точки зрения, как уже отмечалось, ошибочные полагания неотличимы от подлинного фактического знания, так же как оптические иллюзии могут быть неотличимы от реальности [Харитончик, 2019; Хомский, 1972]. Тем не менее, **очевидность** является основой **убедительности (персуазивности)**, и чем более очевидными кажутся интерпретативные презумпции для реципиента, тем быстрее они попадают в его когнитивную среду, становясь основой ее обогащения и дальнейшего развития в том или ином понятийном и аргументативном направлении (системе полаганий, картине мира, мировоззрении). «Очевидные» интерпретации не предполагают истины.

Чтобы что-то стало «очевидным», оно должно быть «истинным» в глазах человека, которому это предположение («знание») кажется очевидным:

а) с точки зрения адресанта:

«– Вы сегодня неважно выглядите. – ?»); либо

б) разделяется собеседником-адресатом, который признаёт релевантность (пропозиции) высказывания (*когнитивно-коммуникативный консонанс*):

(22)

<p><u>Cate</u>: <i>Yeah, well House is straightforward, brilliant, and an ass.</i></p> <p><u>Wilson</u>: <i>Two out of three good qualities, clear majority</i> [HMD: 4/11].</p>	<table border="0"> <tr> <td style="font-size: 3em; vertical-align: middle;"> </td> <td style="padding-left: 5px;">– Да, Хаус – прямолинейная и гениальная сволочь.</td> </tr> <tr> <td style="font-size: 3em; vertical-align: middle;"> </td> <td style="padding-left: 5px;">– Два хороших качества из трёх – это победа.</td> </tr> </table>		– Да, Хаус – прямолинейная и гениальная сволочь.		– Два хороших качества из трёх – это победа.
	– Да, Хаус – прямолинейная и гениальная сволочь.				
	– Два хороших качества из трёх – это победа.				

Поскольку очевидность допускает фактическую ложность, она относится не к известным фактам (фоновые знания – *background*), а к более слабой версии истинных/ложных интерпретаций-предположений, то есть к правдоподобным инференциям, **полаганиям** и допущениям, которые могут

подменять знания, становясь частью «внутренней релевантности» индивида, которая в речевом взаимодействии требует экспликации – согласования с ментальной моделью собеседника (**когнитивный конкорданс**):

(23)

<u>Foreman</u> : <i>Shouldn't we be speaking to the patient before we start diagnosing?</i>	– А может, прежде чем обсуждать диагноз, поговорить с пациенткой?
<u>House</u> : <i>Is she a doctor?</i>	– Она что, врач?
<u>Foreman</u> : <i>No, but...</i>	– Нет, но...
<u>House</u> : Everybody lies.	– Все лгут.
<u>Cameron</u> : <i>Dr. House doesn't like dealing with patients.</i>	– Доктор Хаус не любит общаться с пациентами.
<u>Foreman</u> : <i>Isn't treating patients why we became doctors?</i>	– Разве мы стали врачами не для того, чтобы лечить пациентов?
<u>House</u> : <i>No, treating illnesses is why we became doctors, treating patients is what makes most doctors miserable.</i>	– Нет, вы стали врачами, чтобы лечить болезни. Лечение пациентов большинство врачей напрягает.
[HMD: 1/1].	

Поэтому для взаимопонимания важен не столько объём «общих знаний» (интерактивная релевантность), сколько ассонанс, консонанс и конкорданс «внутренних релевантностей» коммуникантов, то есть умение предугадать и адаптироваться к внутренним полаганиям своего собеседника (интеракциональная релевантность).

Несовпадение «очевидностей», недостижение обоюдной «манифестности» (*mutual manifestness*) приводит к **определенной степени диссонанса** и, неизбежно, к попытке **конкорданса** – метакоммуникативным экспликациям разной иллюкутивной интенциональности (аргументации, оправдывания, предположения и т.п.), которые при отсутствии согласия (консонанса) могут приобретать эристический⁵³ характер (например, иронии и т.д.):

⁵³ Подробнее об эристической речи см. [Тамразова, 2021].

(24)

Chase: Two conditions, contracted simultaneously?

Foreman: Occam's Razor. The simplest explanation is always the best.

House: **And you think one is simpler than two.**

Cameron: **Pretty sure it is, yeah.**

House: *Baby shows up. Chase tells you that two people exchanged fluids to create this being. I tell you that one stork dropped the little tyke off in a diaper. You going to go with the two or the one?*

Foreman: I think your argument is specious.

House: I think *your tie is ugly* [HMD: 1/1].

– Два заболевания одновременно?

– Бритва Оккама: верно, самое простое объяснение.

– **И ты полагаешь, одно проще двух.**

– **Ну, да, естественно.**

– *Рождается ребенок. Чейз говорит, что для его создания два человека обменялись жидкостями. А я говорю, что засранца принес всего один аист. **Выберешь двух или одного?***

– Это некорректный пример.

– *А у тебя безобразный галстук.*

Последняя реплика *I think your tie is ugly* в силу своей явной аргументативной нерелевантности приобретает иронический, людический смысл (функцию) [Giora, 1995], демонстрируя эристический вызов со стороны «внутреннего ребёнка» Хауса [Берн, 1996; Тамразова, 2021; Уилсон, 2010].

Диссонанс в кооперативном общении преодолевается путем метарепрезентаций и адаптации⁵⁴ когнитивных пространств собеседников, происходящей невыраженно и выраженно в метакоммуникации по поводу релевантности речевого взаимодействия.

Концептуальная дивергенция разрушает структуру интеракционного блендинга, происходит дистанцирование, сохранение интактности и обособленности метальных моделей продуцента и реципиента, выделение их параллельности:

---

⁵⁴ Ср.: «Тем не менее, существует когнитивная способность адаптации к когнитивным обстоятельствам коммуникации, (языковое) мышление «он-лайн» как способность «устанавливать взаимосвязи между объектами и событиями, выявлять закономерности этих взаимосвязей, прогнозировать их развитие, эффективно решать на этой основе возникающие проблемы» [Там же].

(25)

Rebecca: Is he a good man ?		– Он хороший человек?
Wilson: He's a good doctor [HMD: 1/1].		– Он хороший доктор.

Смыслом (окончательной интерпретантой) ответной реплики является косвенный отрицательный ответ на заданный вопрос путем выдвижения параллельной актуальной пропозиции [Moeschler, 1989a], не противоречащей, но и не подтверждающей исходную (контрадикторная пропозиция).

В институциональной коммуникации разногласие как принципиальное несогласие и нежелание строить обоюдное пространство разделяемого смысла характерно для политической, в частности, парламентской коммуникации [Правикова, 2005; Шамугия, 2006; Шейгал, 2000; Heurtin, 1999].

Как будет показано ниже, в дебатах французского парламента разногласие прослеживается благодаря фиксированным в протоколе заседания *репликам*, выражающим согласие и несогласие с основным выступающим [Алферов, 2015; Алферов, Шамугия, 2013; Кустова, 2015; Шамугия, 2006].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

1. Модель когнитивно-семиотической интеракции предполагает возможность картирования и схематизации взаимодействия когнитивных систем коммуникантов в речевой интеракции, что в целом можно рассматривать как конструирование совместного ментального пространства собеседников. Такая модель может строиться в целях редукции модели «трансфера знаний», в силу фреймовой (слотовой) сложности знаниевой типологизации, и в силу необходимости выделения салиентного, доминантного и релевантного информационно-интеракционного ядра речевой интеракции.

2. За ядерный концепт анализа рече-когнитивной интеракции принимается *актуальный смысл* сообщения, существующий / создаваемый «здесь и сейчас» как результат взаимодействия когнитивных систем коммуникантов, как ядерный элемент **общего смыслового пространства** собеседников. Актуальный смысл складывается из результата интеграции интерактивной (субъект-объектной) интерпретации и интеракционной (субъект-субъектной) интерпретации.

3. Динамика образования **общего смыслового пространства** собеседников учитывает динамику всех аспектов речевого взаимодействия. Актуализация **общего смысла** происходит посредством взаимодействия двух типов смысловой информации – актуальной и контекстуальной, участвующими в речевом обмене «здесь и сейчас», обусловленными ограничениями смысловых топосов (когнитивных ментальных моделей) как отражений дискурсивной формации и деятельностного пространства речевой интеракции.

4. Интеракционная интерпретативная завершенность определяется деятельностной перлокутивностью речевого действия (взаимодействия), т.е. достижением определенного эффекта (осмысленного действия) в интерперсональном (психологическом) и деятельностном (социальном) аспектах речевой интеракции сквозь призму ограничений соответствующей дискурсивной формации.

5. Релевантность как когнитивно-прагматическая доминанта речевого взаимодействия реализуется в следующих аспектах интегрального смысла высказывания: пропозиционально-информативная релевантность, илокутивная релевантность, интерперсональная релевантность, аргументативная релевантность, дискурсивная релевантность и внешняя мотивационная релевантность. Аспектуальность речевой интеракции определяется двумя параметрами – формированием общего пропозиционального пространства (общего смысла) и выработкой

интеракциональных стратегий, позволяющих продуктивно взаимодействовать в пропозициональном диапазоне речевого обмена, отражающем когнитивные концептуальные структуры взаимодействующих коммуникантов, определяющем исчисление значений и смыслов, генерируемых посредством *информации* поступающих сообщений, что ведет к пониманию/непониманию, когнитивному консонансу или диссонансу.

6. Степень релевантности зависит от: 1) вовлеченности сознания в процесс взаимодействия (интерес, мотивированность), 2) когнитивного резонанса в сознаниях субъектов-интеракторов (соответствие уровней когнитивной компетенции и интенциональностей) и 3) интерактивной гармонизации (ассонанса/консонанса/резонанса) интересубъективности с внешней социальной средой. Все три параметра контролируются рефлексивным (диалогичным интересубъективным) сознанием, отражаясь в обоюдных направленных метарепрезентациях коммуникантов.

7. Речекогнитивная интеракция представляется как взаимодействие двух фундаментальных процессов: понимания и *принятия знания* (согласия). Промежуточным этапом является *признание релевантности* (достоверности, уместности) получаемого в субъект-объект-субъектном взаимодействии знания, доверие к источнику информации (знания), вера в истинность / допущение истинности («принятие на веру») получаемой информации. Релевантность лежит в основе акцептации и достижения согласия как когнитивного *ассонанса* и *консонанса* в аргументативных и делиберативных речевых интеракциях, в дискурсе принятия решения. Объективно-субъективные противоречия коммуникантов могут повлечь нарушения в успешности речевого взаимодействия. Категория релевантности есть воплощение коммуникативной оппозиции: *речекогнитивного ассонанса, консонанса и резонанса*, с одной стороны, и когнитивно-коммуникативного *диссонанса* в субъект-субъектной и субъект-объектной векторности системы «адресант – объект – адресат».

8. Достижение консонанса («согласия») и резонанса («аддитивности») в коммуникативных средах субъектов интеракции возможно при совпадении их когнитивных и прагматических компетенций, направленных реализацию **макростратегии адаптации**: на создание единой интенциональной перспективы (концептуальная адаптация), на достижение определенного перлокутивного (контекстуального) эффекта, будь то установление обоюдной симпатии в беседе или конструктивной слаженности коллективного мышления в «мозговом штурме» для дальнейшего принятия решения.

9. Взаимодействие **внутренней релевантности** (релевантность отражения и понимания) с **внешней релевантностью** (релевантностью действия и взаимодействия) обусловлено феноменом **пертинентности** определяемой как соответствие полученной информации информационной потребности. Пертинентность соответствует «внутренней релевантности», служащей удовлетворению потребностей индивида, принятию и усвоению получаемой информации. Именно *пертинентность* как личностная релевантность лежит в основе согласия (акцептации и консонанса) в речевом взаимодействии, диалоге, обсуждении, дебатах, дискуссии и т.д.

10. В речекогнитивном взаимодействии происходит слияние двух типов моделей ментального контекста (внутреннего и внешнего) – ***интерактивная контекстуальная модель*** и ***интеракциональная контекстуальная модель***, обуславливающие когнитивное отражение объекта действительности (референта) и субъекта речевого взаимодействия – партнера по речевой интеракции.

11. Интегральная релевантность способствует **взаимопониманию** как когнитивному резонансу совпадающих «*внутренних релевантностей собеседников*», *рождающих доверие и эмпатию*. Возникновение взаимопонимания проходит три стадии, условно обозначаемые как **ассонанс** внутренних релевантностей, ведущий к **пониманию**; **конкорданс** /

консонанс внутренних релевантностей, ведущий к **согласию** и **резонанс** внутренних релевантностей, ведущих к **взаимопониманию**. Взаимопонимание как **когнитивный резонанс** и лингвистическая категория технически основывается на амальгаме когнитивно-речевых феноменов **понимания** и **согласия**. Когнитивным эффектом взаимопонимания является **разделяемый смысл** как результат взаимодействия интенциональностей коммуникантов и образование **разделённой интенциональности**.

12. В основе **когнитивно-коммуникативного диссонанса** лежат *нерелевантность*, определяемая как несоответствие качества информации интересам коммуникантов, и *иррелевантность* как информационный и моральный вред, причиняемый реципиентам. При нарушении постулатов речевого взаимодействия включается когнитивный механизм «эпистемической бдительности», призванной определить, идет ли речь о недостаточной когнитивной компетенции собеседника, злом умысле (невежливости, манипуляции) или о переносном значении, требующем логического вывода или метафорической интерпретации. В основе речевой манипулятивной иррелевантности лежит инверсия субъект-объектных когнитивных интенциональностей и объективация адресата как интерперсональная не/иррелевантность. Несовпадение «очевидностей», недостижение взаимопонимания приводит к **адаптивной стратегии** субъекта речевой интеракции в процессе *конкорданса* – метакоммуникативных экспликаций разной иллокутивной и аргументативной интенциональности. Отсутствие **пертинентности** (личностной релевантности) приводит к когнитивно-коммуникативному *диссонансу* в его градуальных манифестациях *нерелевантности* и *иррелевантности* речевого акта (поведения). *Нерелевантность* трактуется как слабая степень манифестации коммуникативного диссонанса, как категория «коммуникативного безразличия», не затрагивающая напрямую интересов партнера по коммуникации. *Иррелевантность* акта речи (информации) понимается как

наносщая ущерб коммуникативным (и др.) интересам собеседника, либо заинтересованного в этой информации третьего лица (диффамация).

ГЛАВА IV. КОНТЕКСТЫ РЕЛЕВАНТНОСТИ В ОБЫДЕННО- ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Релевантность – интеракционная категория, что вытекает со всей очевидностью из рассмотренных выше концепций. Как уже отмечалось, речевая интеракция рассматривалась в двух исследовательских перспективах:

1) как частный случай социального взаимодействия [Grice, 1991; Gumperz, Hymes, 1991; Sacks, 1974].

2) как интеракционный дискурс (диалог) с точки зрения речезыковых аспектов его функционирования в речевом взаимодействии: речевых стратегий и тактик, когерентности, последовательности речевых актов, модально-эмоциональных средств (языковых и речевых) в тех или иных условиях общения и т.д.

4.1. Интеракционная парадигма исследования релевантности

Рассмотрене релевантности в монологической перспективе семантической цельности дискурса сводит понятие релевантности к категории когерентности и концептуальной непротиворечивости.

Так, С.В. Гусаренко объясняет «прагматику релевантности» художественного текста следующим образом:

«**Прагматика релевантности** в системе актуального дискурса опирается на совокупность правил или моделей, по которым строится речевое произведение с точки зрения его **когерентности (семантико-прагматической упорядоченности)**, которая определяется его концептуальной связностью <...>, находящей выражение в макроструктурах дискурса <...>. Таким образом, всякое высказывание, нарушающее семантико-прагматические правила построения дискурса или не вписывающееся в определенную его модель идентифицируется как нерелевантное в ходе интерпретации речевого произведения» [Гусаренко, 2009: 173 – выделено в оригинале – Г.П.].

Однако сведение релевантности к прагматической уместности и когерентности не учитывает множественность факторов релевантности, задействованных в речевой интеракции (см. выше Рис. 1; Схема 9).

На самом деле манифестации релевантности в речевом взаимодействии многочисленны и связаны как с когнитивными, так и с эмоционально-оценочными модальными категориями [Бодырев, 2016]. Исследование обыденного речевого взаимодействия (*conversational analysis*) имеет давнюю историю [Gumperz, Hymes, 1991; Salins, 1992; Sacks, 1974; Schegloff, 1982], но не теряет своей актуальности при сопряжении интеракционного подхода с когнитивной проблематикой, с динамическим аспектом функционирования различных языковых категорий в естественной коммуникативной среде, где язык-речь является единственным эффективным механизмом социальной адаптации [Кравченко, 2001]. Традиционная модель кодирования–декодирования акцентировала внимание на проблемах, не связанных напрямую с релевантностью общения, считая разговор простым обменом пропозициональными формами, облеченными в языковые формы. Редукционизм обобщает основные положения теории релевантности, сводя её к общей идее значимости информации и ее эффективности в коммуникации.

Так, Дж. Лич определил релевантность как соответствие высказывания речевой ситуации и коммуникативной интенции:

«Высказывание *U* релевантно по отношению к речевой ситуации, если можно предположить, что *U* соответствует коммуникативной цели (целям) слушателя или говорящего» [Leech, 1983: 94 – перевод наш – Г.П.].

Гордон и Лакофф отмечают, что в процессе речевого взаимодействия говорящие опираются на принцип релевантности для инференциального вывода («импликации»): говорящий передаёт в своём высказывании то количество информации, которое, по его мнению, будет релевантным (т.е. удовлетворять) интересам адресата. Для иллюстрации данного утверждения Гордон и Лакофф рассмотрели случаи нарушения принципа релевантности и

представили их формальную запись, которая, по их мнению, могла бы оказаться «разумным приближением к реальному постулату речевого общения» [Гордон, Лакофф, 1985: 284].

Абсолютная конвенциональность, отсутствие экспрессивности, обыденность и тривиальность, «неинформативность» формы знака ведут к снижению эффективности воздействия на реципиента, понижая тем самым востребованность транслируемого кванта знания в когнитивной системе реципиента [Алферов, 2018]. Экспрессивность знака, по определению Ч. Морриса, сама является знаком [Morris, 1946] (ср. категории модальности, тональности, наклонения и т.д. [Карасик, 2008; Леонтьев, 2003; Матвеева, 2011; Jary, 2009]).

Поэтому характерные для неформального речевого взаимодействия неаддитивные контекстные модели ведут к усилению динамики РВ через усиление экспрессивности знака за счет нетривиальности формы плана выражения (языковая игра, каламбур) или формы плана содержания (парадокс, подтекст, намёк, интертекст).

Нетривиальность формы сказывания, фасцинативность процесса формирования знака – от игры слов и морфосинтаксических экспрессивных аномалий до интонации и паравербалики (жесты, мимика) – обеспечивают вторичной релевантности РВ.

Как отмечалось выше, под **динамическим семиозисом** нами понимается процесс порождения языкового знака («сказывание», по А.А. Потебне), в котором отношение между означающим и означаемым *принципиально не подвержено конвенциализации* [Алферов, Кустова, 2017].

В основе создания и функционирования такого знака, т.е. в основе его семиозиса, лежит интенциональная асимметрия плана выражения и плана содержания. Эта асимметрия может быть окказиональной, а может быть системной с точки зрения жанровой нормы (косвенный речевой акт, языковая игра, каламбур, ирония, существующие в шутках, анекдотах, загадках,

рекламных слоганах, демотиваторах, «мемах» и т.п.). Реципиент такого динамического знака участвует в ре- и со- конструкции получаемого кванта знания, следя за динамикой взаимоотношений между формой и содержанием его носителя, восстанавливая смысл знака через процесс де- и ре-кодирования (напр., перевод).

Парадокс **вторичной релевантности** состоит, таким образом, в том, что к признанной формуле Д. Спербера и Д. Уилсон: «Релевантность прямо пропорциональна востребованности и обратно пропорциональна усилию» необходимо добавить следующее положение:

Востребованность и эффективность смысла (**актуального ядра** знания) в когнитивной системе реципиента (интерес, фасцинация) прямо пропорциональны экспрессивности несущего его знака, требующего от реципиента нетривиального (неконвенционального) интерпретационного усилия.

Релевантность исчисления семантики вторичных семиотических систем [Барт, 1994; Ельмслев, 2006] исследуется в последнее время с точки зрения оснований (условий) для «включения» механизма инференции, когда буквальный смысл (“What is said” [Recanati, 1989; см. тж. Terkourafi, 2009]) вступает в противоречие с «ближним, средним или дальним контекстом» [Martínez-Manrique, Vicente, 2009; Predelli, 2009], порождая, благодаря процессуальным интерпретативным усилиям реципиента, «фигуративное» – переносное, метафорическое, тропеическое, прецедентно-эвокативное – значение [Моиссенко, 2015; Brabanter, Kissine, 2009; Dominicy, 2009; Sperber, 2007].

4.2. Неаддитивные контекстные модели в обыденно-профессиональной коммуникации: иллюстративный анализ

Полиаспектная (пропозициональная, иллокутивная, аргументативная, интерперсональная, дискурсивная, перформативно-деятельностная) **сущность высказывания релевантна**, когда она:

(а) «информативна» и «прозрачна» (*аддитивна*, по О.К. Ирисхановой) и либо соответствует концептуальной системе получателя, либо конструктивно меняет ее, добавляя новые и отменяя старые знания;

(б) соответствует запросу (интересу, потребности) – т.е. *пертинентна*;

(в) доступна для понимания, либо в силу пунктов (а) и (б)

(г) заслуживает приложения интерпретативных усилий (*неаддитивна*).

Как отмечалось выше, понятие (не)аддитивности связано с двумя интенциональными стратегиями порождения высказывания. В обычном речевом взаимодействии коммуниканты стараются облегчить доступ реципиента к собственным смыслам, что является одним из главных условий успешной коммуникации. Такие стратегии, вслед за О.К. Ирисхановой, мы называем «аддитивными» в том смысле, что они «нацелены на передачу фактуальной информации с наименьшими потерями», «на максимизацию объема предоставляемой информации, ее последовательности и точности» [Ирисханова, 2014а: 248-250]. При этом говорящий стремится сделать свой вклад в общее смыслообразование максимально релевантным (аддитивным).

Поступающая информация интуитивно (эвристически) опирается на экспликации предыдущего дискурса, составляющие операциональное знание. С другой стороны, такие стратегии «нацелены на минимизацию «помех» (двусмысленности, семантических пропусков, окказионализмов), а следовательно, когнитивных усилий реципиента [Там же: 248].

Однако в силу инференциальной природы коммуникации, преобладающей над процессом кодирования-декодирования, коммуниканты прибегают к импликациям и возможностям не прямой коммуникации (ср. [Дементьев, 2001; Имплицитность, 1999; Ирисханова, 2014а; Скрытые смыслы, 2008; Kerbrat-Orecchioni, 1986]), то есть постоянно эвристически и спонтанно прибегают к «неаддитивным стратегиям», применяемым не только к подразумеваниям и интенциональной имплицитности, но и к пониманию коннотаций, многозначности, метафор – производных экспликаций.

Существует множество *ad hoc*-контекстов, связанных с динамикой речевого взаимодействия, с *креативностью субъекта коммуникации*, соблюдением или нарушением принципов кооперации и вежливости, которые приводят к употреблению *сложно-релевантных форм*. В таких контекстах коммуниканты прибегают к стратегиям нарушения «принципа бритвы Оккама» и правила оптимальной релевантности [Sperber, Wilson, 1995: 157]. Коммуникантами выбираются «неаддитивные стратегии» передачи смысла, которые «направлены не столько на передачу некоторого объёма информации, сколько на *запуск* самостоятельного порождения новых смыслов со стороны реципиента» [Ирисханова, 2014а: 250].

Основными формами неаддитивной стратегии являются метафоры, ирония, прецедентные тексты, юмор (анекдоты, шутки и т.п.), обладающие свойством *эвокации* (приращения смыслов) [Domínguez, 2007]. Такие процессы имеют жанровую функциональность, но и постоянно присутствуют в обыденном речевом взаимодействии.

Подобные контексты провоцируют максимализацию инференциональных усилий, нарушая принцип первичной релевантности, но ведущей к исчислению креативного «значения говорящего», приобретающего вторичную релевантность, обогащенную интерпретативным вкладом собеседника. Как отмечалось выше, в реальном речевом взаимодействии существуют стратегии нарушения принципа релевантности для создания дополнительных эффектов воздействия на собеседника. Более того, в некоторых ситуациях общения, в определенных речевых жанрах, в силу особенностей речевого поведения и речевого интеллекта коммуниканта, неаддитивным стратегиям отдаётся предпочтение перед аддитивным способом формирования высказывания, «прозрачного» для понимания [Récanati, 1979].

Основные формы неаддитивной стратегии (метафоры, гиперболы, парадоксы, преуменьшения, недоговорённости, риторические вопросы,

ирония, прецедентные тексты, юмор – анекдоты, шутки и т.п.) обладают свойством *эвокации* (приращения смыслов) [Ирисханова, 2014а: 266-267; Brown, Levinson, 1978; Dominicy, 2007; Gibbs, 1999; Sperber, 2007]. Такие средства реализации неаддитивной стратегии имеют жанровую функциональность, но, в то же время, постоянно присутствуют в обыденном речевом взаимодействии. Неаддитивные контексты провоцируют максимализацию инференциональных усилий, нарушая принцип первичной релевантности, но инициируя исчисление креативного «значения говорящего», разгадывание которого даёт **пертинентность (личностную релевантность)** «здесь и сейчас» как результат – получение личностного смысла, вступающего в резонанс взаимного понимания и взаимопонимания. Такие контексты отличаются повышенной когнитивной идиосинкразийностью, то есть **риском диссонанса** в фоновых знаниях, уровне интеллекта и т.д., тогда как *ассонанс* и *консонанс* – понимание и принятие шуток, аллюзий интертекста и т.п. – говорит о взаимопонимании – *резонансе* внутренних релевантностей собеседников, *когнитивном катарсисе* – удовлетворённости от разгадывания неаддитивного контекста собеседника (ср. «эмпатия второго порядка» – *second order empathy* [Geeraerts, 2020; URL]).

Поэтому нерелевантность может либо вызвать непонимание, либо стать релевантностью второго порядка (вторичной релевантностью), функцией неаддитивной стратегии коммуникативного смыслообразования [Harnish, 1977].

По мнению Д. Герэртса, эмпатия второго порядка связана с обработкой двусмысленности выражения [Geeraerts, 2020] (ср. выше – экспликатура, по Сперберу-Уилсон). Если эмпатия – это способность видеть точку зрения другого, то эмпатия второго порядка – это способность видеть концептуализацию реципиента как ментальную модель, включающую концептуализацию точки зрения продуцента по формуле превращения

первичной эмпатии «я знаю, что ты знаешь» – во вторичную эмпатию «я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь». Собеседник выступает как концептуализатор второго порядка, основываясь на метарепрезентации когнитивной модели партнёра по коммуникации в отношении определенного объекта (оценка, предубеждения и т.д.). Другими словами, эта когнитивная рекурсия призвана интерпретировать мотивацию суждений, различного рода импликации, намеренные двусмысленности, намёки, подразумевания как игру пресуппозиций и импликаций, основанных на разделяемых знаниях и общей когнитивной среде коммуникантов, прагма-когнитивной компетенции (ср. [Barron, 1983]).

На материале американского ситкома «House, MD / Доктор Хаус»⁵⁵, макроконтекстом которого является речевое взаимодействие в обыденной и обыденно-профессиональной (медицинской) коммуникации, мы проследим механизмы интеракциональной релевантности в речекогнитивном формате *делиберативного диалога* [Walton, 1993; 2016], то есть обсуждения определенной проблемы, представляющей личный и/или профессиональный интерес (*внутреннюю или навязанную актуальную тематическую релевантность* – см. выше – Рис. 1, Схема 9).

---

⁵⁵ «...каждая серия представляет собой деятельностное и речеповеденческое противостояние: а) врачей-диагностов и редких и сложных болезней, настигших их пациентов; б) профессиональных дискурсов, сталкивающихся в полемических баталиях («дифференциальный диагноз»), обостренных трагичностью состояний пациентов, необходимостью срочной постановки диагноза, вызовом, ставящим вопрос о профессиональной компетентности врачей; в) этических и психологических коллизий в отношениях людей – главных и второстепенных героев телесериала. Кроме того, сериал собрал множество призов – два «Эмми», два «Золотых глобуса» у Хью Лори, пять премий Международной пресс-академии «Спутник», 10 «Выборов народа» и др. По данным Eurodata TV, за каждым эпизодом «Доктора Хауса» в 2008 году наблюдали 81,8 миллиона зрителей в 66 странах мира. Такая «смотрибельность» оказалась беспрецедентной, поэтому Хью Лори и попал в «Книгу рекордов Гиннеса» как актер, привлечший к экрану наибольшее число зрителей за всю историю телевидения» [Тамразова, 2021: 335]. Анализируемый в работе корпус сериала был собран и обработан совместно с И.Г. Тамразовой (см. Введение).

4.2.1. Импликативный дискурс (намёк и ирония)

Ассонанс внутренних релевантностей собеседников позволяет понимать другого, являясь относительной гарантией установления смысла его высказывания в самом обыденном РВ в жанре *small loopy talk*:

(26)

Фрейм: две подруги встречаются утром на работе (Брэд – имя парня Ребекки):

Melanie: Why are you late?

Rebecca: You're not going to like the answer.

Melanie: I already know the answer.

Rebecca: I missed the bus.

Melanie: *I don't doubt it, no bus stops near Brad's.* You spent the night, the alarm didn't work. Or maybe it did.

Rebecca: I didn't sleep with him.

Melanie: Girl, there's...[Interrupted]

Rebecca: I missed the bus!

Melanie: There's something either very wrong with you, or there's something very wrong with him.

Rebecca: There's nothing wrong with him.

Melanie: ***Please tell me you know that for a fact.***

Rebecca: Melanie, I gotta go [HMD:1/1].

– Ты почему опоздала?

– Мой ответ тебе не понравится.

– Ответ я уже знаю.

– Я опоздала на автобус.

– *Не сомневаюсь, возле Брэда автобусы не останавливаются.* Ты провела ночь, и будильник не сработал. Или даже сработал?

– Я с ним не спала.

– Слушай, либо...

– Я опоздала на автобус!

– Либо что-то не так с тобой, либо что-то не так с ним.

– Все с ним в порядке.

– *А ты в этом уверена? – перевод «Lostfilm» (досл. Пожалуйста, скажи, что ты это знаешь точно)*

– Мелани, мне пора.

Примечательно, что данный делиберативный диалог (выяснение причины опоздания на работу) с элементами полемики изобилует имплицитными смыслами разного типа релевантностей (см. выше Рис.1; Схема 9).

Имплицитность и неаддитивная стратегия речевого обмена обусловлена в первую очередь психосоциальными нормами, требующими ограничений в обсуждении интимной жизни субъекта.

Макропропозицией, обладающей актуальной тематической релевантностью, является Р-масг [опоздание на работу]. По мнению одной из подруг – А (Melanie), причинная релевантность Р-масг определяется частной пропозицией Р1 [гипотетическая сексуальная связь], которую другая – Б (Rebecca) – пытается отрицать с помощью Р2 [опоздание на автобус].

В пресуппозиции диалога лежит общее знание А и Б факта отношений между Ребеккой (Б) и Брэдом. Разногласие лежит между двумя полаганиями: *belief* А – ‘допустимо обсуждать интимную жизнь подруги’ и *belief* Б – ‘недопустимо обсуждать личную жизнь с посторонними’. Эти полагания (когнитивные пред-убеждения – *cognitive biases*⁵⁶) находятся в контрарных отношениях (отрицают друг друга). Полагания А-Б относятся к внутренним релеванностям собеседников и входят в обоюдную когнитивную среду А-Б.

Будучи актуально разделяемым знанием (*предзнанием*, пресуппозицией), отражающим актуальную тематическую релевантность речевого взаимодействия, данные посылки определяют дальнейшее развитие РВ. Опираясь на интерперсональный субъектный статус ‘подруга’, предполагающий доверительность – резонанс внутренних релеванностей (АБ), А навязывает субъект-объектное отношение, ставя собеседника Б в положение «объекта для обсуждения»⁵⁷, и задаёт вопрос с известной обоим коммуникантам тематической релевантностью макропропозиции [опоздание – следствие совершившейся связи]. Это «пред-знание» определяет импликацию, содержащуюся в первом вопросе Мелани: *Why are you late?* (= ‘Ты спала с Брэдом?’). Ответ Ребекки носит метаречевой характер, подчеркивающий понимание Ребеккой импликации вопроса Мелани: *You’re not going to like the answer*. Ассонанс внутренних релеванностей позволяет Ребекке (Б) прогнозировать ожидания Мелани (А), построить

---

⁵⁶ О понятии и типологизации когнитивных предубеждений см. [Haselton, 2006; Sloterdijk, 1988; Zagzebski, 1996; Zlatev, 2014].

⁵⁷ См. выше Схема 7.

метарепрезентацию её когнитивной картины (ментальной контекстуальной модели) обсуждаемого события (*belief* А).

Различие в когнитивных картинах рождает расхождение между *дискурсивными релевантностями* А и Б:

– А (Мелани) выбирает неаддитивную стратегию речевой игры, построенной на непрямой коммуникации (импликации, намёки), в то время как

– Б (Ребекка) предпочитает прямые ответы, отвергая навязанную дискурсивную релевантность и опровергая имплицитные пропозиции (несогласие). Причем в резкой форме (перебивание).

Тем не менее, общая тональность диалога (интерперсональная релевантность) остаётся дружеской в силу общего ассонанса внутренних релевантностей собеседниц. Речевое противодействие Б (Ребекки) также осуществляется с эхо-позиции, то есть Б становится тем (S2), кто отрицает и опровергает А (S1), в силу своего полагания (*belief* Б), позволяя собеседнику (и аудитории) заподозрить её в кокетстве и неискренности.

Когнитивный резонанс А-Б отсутствует, но когнитивный диссонанс не приводит к когнитивно-коммуникативному конфликту (ККК), а остаётся на уровне несогласия – когнитивно-коммуникативного провала (ККП).

Дальнейший ход РВ создаёт две пропозициональные цепочки, или два **(контр)аргументативных нарратива** (см., напр. [Борисова, 2002; 2007]), выраженных в следующих поверхностных структурах (высказываниях):

(27)

А (Melanie):

– Why are you late?

– I already know the answer

– *I don't doubt it, no bus stops near Brad's. You spent the night, the alarm didn't work. Or maybe it did.*

– Girl, there's...[Interrupted]

– *There's something either very wrong*

Б (Rebecca):

– You're not going to like the answer.

– **I missed the bus.**

.....
– **I didn't sleep with him.**

.....
– **I missed the bus!**

<p><i>with you, or there's something very wrong with him.</i></p> <p>– <i>Please tell me you know that for a fact.</i></p>	<p> </p> <p>.....</p> <p> </p>	<p>– There's nothing wrong with him.</p> <p>– Melanie, I gotta go.</p>
---	--------------------------------	---

С точки зрения интеракционного анализа [Woods, 2008], реплики диалога имеют различные *иллокутивно-аргументативные значимости* (релевантности):

– квестив-W: – *Why are you late?* косвенный ассертив (макропропозиция [You spent the night with Brad]);

– ассертивы-посылки (тезисы): – *I already know the answer;* – *You're not going to like the answer;*

– ассертивы-выводы: – *I don't doubt it, no bus stops near Brad's. You spent the night, the alarm didn't work; There's something either very wrong with you, or there's something very wrong with him;* – *There's nothing wrong with him;*

– ассертив-уступка: *Or maybe it did* – он же

– имплицативный аргумент (импликация: ‘*если ты не проснулась от будильника, ты всю ночь не спала*’);

– ассертивы-контртезисы: – *I missed the bus. – I didn't sleep with him.*

– директив (просьба)-ковенный аргумент: – *Please tell me you know that for a fact,* осложнённый импликацией ‘*если ты уверена, то ты с ним спала*’.

В этой риторической структуре диалога [Mann, Thompson, 1988; Woods, 2008] опущена связка «*аргумент–вывод*»:

(28)

(If you) “*didn't sleep with him*”, **(so)** “*there's something either very wrong with you, or there's something very wrong with him*”.

В данном примере коннектор ***If... so*** снижает (снизил бы) процедурные усилия по интерпретации аргументативной связи между репликами (аддитивная стратегия), увеличив тем самым релевантность речевого обмена [Sperber, Wilson, 1995], став маркером релевантности речевого

взаимодействия [Алферов, 2001; Инькова-Манзотти, 2001; Каменский, 2015; Blakemore, 2002; 2004; Moeschler, 1989b; 1993; и др.] (см. ниже).

Пример применения **метода полярной монологизации речевой интеракции** в (27) позволяет выявить **аргументативный нарратив** и **аргументативную релевантность** противопоставленных точек зрения партнёров по коммуникации.

Таким образом, между двумя аргументативными пропозициями P1 [любовная связь] и P2 [опоздание на автобус] устанавливаются контрадикторные отношения, реализующиеся в речевом обмене, который можно определить как ироническую полемику. Каждая из участниц занимает «эхо-позицию», то есть выступает не в качестве физического лица А / Б (см. выше схема 7), а в качестве субъектов людического речевого поведения S1 и S2, когда отношение S1–S2 определяется пресуппозицией навязанной релевантности: «предположение / отрицание дружеской откровенности».

Но эти скрытые смыслы понятны не только беседующим девушкам, обладающим общими фоновыми знаниями и обоюдными актуальными релевантностями. Они понятны и зрителю (читателю), чей внутренний *механизм максимализации релевантности* (Спербер-Уилсон) ищет и находит (также в силу собственных фоновых знаний) соответствующие контексты, в которых проявляется имплицативный смысл каждой «ущербной», с точки зрения прямого декодирования, реплики диалога.

Людическая тональность речевого обмена определяет его жанр – обыденный фатический диалог (*small loopy talk*). Ироничность позволяет снизить уровень навязчивого вторжения в личную жизнь собеседника (ср. [Карасик, 2008; 2009; Матвеева, 2011; Cruz, 2007b]).

То, что нельзя сказать прямо, можно имплицировать или заключить в экспликатуру в виде пресуппозиции:

(29)

House: Death row guy. I want the case. <...>	Хаус: Поручи мне дело парня смертника. <...>
Cuddy: <i>Well</i> , I have already assigned Death Row Guy to Dr. Nolo.	Кадди: А я уже отдала дело смертника доктору Ноло.
House: Nolo? <i>Well</i> , I don't want to say anything bad about another doctor, but... especially a useless drunk...	Хаус: Ноло? <i>Не хочу говорить гадости о другом враче, особенно о никчёмном пьянице...</i>
Cuddy: <i>You are addicted to pain pills.</i>	Кадди: <i>А ты глотаешь колёса</i>
House: <i>But I'm not useless.</i>	Хаус: Но я не никчёмный.

Отрицательная оценка коллеги даётся в пресуппозиции реплики Хауса, который прячет её за противоречащим интенциональной импликации метакомментарием: *Не хочу говорить гадости о другом враче...*

Многие «угрожающие» пропозициональной релевантности фрагменты речевого взаимодействия легко «переживаются» в силу когнитивно-речевого шифтинга реального референциального мира в пространство людической (игровой, шутливой) виртуальной реальности, в которой референциальная нерелевантность нейтрализуется и замещается слиянием субъект-субъектных, интерперсональных релевантностей, **резонансом** внутренних релевантностей собеседников (любовный «людический нонсенс» в (30)). Метаречевая оценка иллокутивно-пропозициональной (не)релевантности речевого поведения партнёра выступает как стратегия коррекции и компенсации отклонения от нейтральной тональности (когнитивно-коммуникативные аномалия/нарушение – ККА/Н):

(30)

– Oh say, Miss Mousie, will you marry me?	– Мышка–мышка, выходи за меня замуж.
– Did you wake up <i>silly</i> ?	– Только проснулся и сразу за свое – <i>дурачиться?</i>
– <i>The year's at the day. The day's at the morn.</i>	– <i>Новый день нам год приносит, вот уж утро настает!</i>
– I <i>guess</i> you did. <i>Do you remember</i> it's Good Friday?	– <i>Так и есть</i> – сразу за свое. <i>А ты помнишь</i> , что сегодня Великая Страстная

<p>– He said hollowly, “<i>The dirty Romans</i> are forming up for Calvary”.</p> <p>– Don’t be <i>sacrilegious</i> [SW: 4].</p>	<p>пятница?</p> <p>Он забубнил: – <i>Подлые римляне по команде выстраиваются у подножия Голгофы.</i></p> <p>– Перестань <i>кощунствовать</i>. [СЗ:URL]</p>
---	--

Основа концепций иронии, построенных на соотнесениях с «ТР» [Attardo, 2000; 2003; Dynel, 2014a,b; Giora, 1995; Wilson, 2010], состоит в том, что они рассматривают иронию не только как стилистико-риторический троп, суть которого обычно трактуется как

«1) отрицание или осмеяние, притворно облакаемые в форму согласия или одобрения; 2) стилистическая фигура: выражение насмешки или лукавства посредством иносказания, когда слово или высказывание обретает в контексте речи смысл, противоположный буквальному значению или отрицающий его; 3) вид комического, когда смешное скрывается под маской серьезного (в противоположность юмору) и таит в себе чувство превосходства или скептицизма» [БРЭС] (ср. [Заврумов, 2017; Шилихина, 2014]).

В основе релевантной концепции иронии лежит *имитация чужого полагания, когнитивно-коммуникативный шифтинг*, переключение ментальных пространств, одно из которых является условным и градуально маркированным (от мимики, напр., иронической улыбки, жеста, интонации – до контекстной импликации с риском возможного непонимания) [Attardo, 2003; González-Fuente, 2015].

В основе интерпретации иронии лежит вторичная релевантность – на основе первичной нерелевантности инициальной пропозиции рождается поиск метарепрезентации ментальной концептуальной модели собеседника, основанной на имитативном шифтинге из КММ первичной релевантности в КММ вторичной, условной релевантности. Особенно ярко это проявляется в следующих контекстуальных моделях:

– *ирония ad absurdum*:

(31)

Lucas: You want to investigate him | – Хочешь за ним следить, потому

because he ate a donut?
 House: ***He claimed he*** had a morning meeting at Mickey's Diner. <...> ***He lied to me.*** I need to know why.
 Lucas: What do you think you'll find out?
 House: ***I'm worried that he might be, a spy.***
 Lucas: He's been gone four months. ***You're worried the friendship has changed.***
 House: ***I'm just not sure if he's working for Hirohito or the New England Patriots*** [HDM: 5/5].

что он съел пончик?
 – Сказал, что утром был на встрече, завтракал в кафе. <...> ***Он мне солгал.*** Хочу знать, почему.
 – И что надеешься найти?
 – ***Боюсь, его завербовали.***
 – Не было четыре месяца, и ты боишься, что друг изменился.
 – ***Хочу знать, на кого он работает – на Хирохито или английских патриотов.***

В примере (31) ирония синкретично выполняет дискурсивную функцию (стратегию) уклонения от ответа (см. ниже).

– ***морбиальная ироническая гипербола (сарказм⁵⁸)***:

(32)

Young Mother: No formula, just mommy's healthy natural breast milk.
House: Yummy. <...>
Young Mother: We're not vaccinating.
House: Think they don't work?
Young Mother: I think some multinational pharmaceutical company wants me to think they work.
House: ***You know another really good business? Teeny tiny baby coffins. You can get them in frog green or fire engine red. Really*** [HMD: 1/2].

– Никакой химии, просто натуральное грудное молоко мамочки.
 – Обьеденье. <...>
 – Мы не будем ее прививать.
 – По-вашему, это бесполезно?
 – Я считаю, что это все уловки международной фармацевтической корпорации.
 – Знаете, какой еще есть хороший бизнес? *Малюсенькие детские гробы. Можно заказать зеленые, можно заказать красные.* Серьезно.

Сарказм усиливает отрицательные стороны объекта обсуждения (жертвы) и ставит под сомнение доводы или другие стороны «позитивного лица» собеседника (ad hominem):

⁵⁸ Под сарказмом, вслед за многими авторами, мы понимаем злую иронию, предполагающую уничтожение жертвы, в адрес которой она направлена [Тамразова, 2021; Шаронов, 2004].

(33)

House: Told you, can't trust people.

Cameron: *She probably knew she was allergic to gadolinium, figured it was an easy way to get someone to cut a hole in her throat* [HMD: 1/1].

– Я же говорил, нельзя доверять людям.

– Ну да, она знала, про аллергию на гадолиний, но ей ужасно хотелось дырку в горле.

Языковая игра – основная неаддитивная стратегия д-ра Хауса – часто построена на «эвокации низа» [Бахтин, 1990; Dominicu, 2007; 2009]:

(34)

Daniel: You really got a thing for your boss, huh?

House: *I've got a thing for my boss's thing*. She doesn't have a thing... per se. I'm big on metaphors [HMD: 5/15].

– Вы же неровно дышите к своей начальнице?

– *Неровно дышу к её неровностям*. Но это ровно ничего по сути. Люблю метафоры.

(35)

Cuddy: He's lonely. That cat is a nice way for him to get some affection.

House: That's not the kind of putty tat he needs to be getting it from. *He needs a putty tat he can tap* [HMD: 7/12].

– Ему одиноко, а кошка даст ему чуточку любви.

– Ему для этого нужна не кошка, а *киска*, чтобы *вдуть*.

(36)

Wilson: So, any thoughts?

House: On what? Sharon's plan for Gaza?

Wilson: Who you're gonna let go.

House: I'm thinking I can convince Vogler it would be more cost-efficient to let me keep all of them.

Wilson: Yeah, you should be able to pull that off. Most billionaires aren't very good with numbers.

House: It will be more cost-efficient *once I've grabbed Cameron's ass, called Foreman a spade, and Chase... well, I can grab his ass, too* [HMD: 1/16]

– И что, есть какие-нибудь идеи?

– *О чем? О плане Шарона в секторе Газа?*

– Кого ты уволишь.

– Попробую убедить Воглера, что будет прибыльнее оставить всех троих.

– Ну да, тебе, несомненно, это удастся. Ведь миллиардеры не умеют считать.

– Будет прибыльнее, если *я смогу хватать Кэмерон за попку, Формана называть ниггером, и Чейза... его я тоже схвачу за попку*.

– экспликация «от противоположного» (ирония *a contrario*)

(37)

Warden: *Your patient shanked one inmate his first month here, broke another one's neck, nearly decapitated one of my guards...*

House: *Relax, I've got a great bedside manner* [House, MD: 2/1].

Надзиратель: *Ваш пациент пырнул своего сокамерника, а другому сломал шею и практически обезглавил одного из охранников...*

Хаус: *Не бойтесь, я его не обижу.*

В этом диалоге сталкиваются две иллокутивные интенциональности: предупреждение об угрозе и ироническое пренебрежение угрозой – неаддитивная стратегия **нарочитой нерелевантности** высказывания. Вторичной функцией иронии здесь выступает контраргументативная функция: Хаус отвергает аргументацию надзирателя.

«*Не бойтесь*» как маркер иронического отрицания иллокутивной силы предупреждения-угрозы осуществляет прагма-семантическую конверсию [Алферов, Кустова, 2014a], трансформирующую необходимую инференцию [пациент опасен] на ложно-противоположную [пациент немощен]. Происходит блендинг, в основе которого лежит парадокс как совмещение двух контрарных пропозиций.

Степень понимания собеседника зависит от степени метакогнитивного распознавания информативного намерения (интенциональности) собеседника (метарепрезентация), которая, в свою очередь, зависит от степени обоснованности контекстуальных гипотез, выдвигаемых адресатом по поводу пропозициональной, иллокутивной аргументативной, интерперсональной, дискурсивной и деятельностной релевантности протекающей речевой интеракции. Гипотезы состоят из структурированного набора концептуальных *ad hoc* моделей (в которые превращаются сообщаемые данные, факты). *Ad hoc* концепт ПАЦИЕНТ-УБИЙЦА имплицитно угрозу и интерпретацию [бойся X]. Ирония как речевая

стратегия вторичной (осложнённой) релевантности (см. выше) отвергает эту интерпретацию, заменяя её на противоположный ad hoc концепт ПАЦИЕНТ, ТРЕБУЮЩИЙ ЗАЩИТЫ.

Когнитивный блендинг иронии в (37) строится по формуле **Input₁: A=B** + **Input₂: A= C**. Отсюда **Blend: A=B+C**, где $C = -B$ (см. выше Схемы 8, 9).

Ad hoc концепты оседают в оперативной памяти как составляющие разделяемой актуальной когнитивной среды коммуникантов, позволяя операциональное, интуитивное, не всегда полное, иногда неадекватное, понимание высказывания партнёра по коммуникации.

4.2.2. Метафора и уклонение

Одна из речевых стратегий Хауса, его профессиональное кредо – развитие творческого, креативно-образного мышления своих учеников-интернов через нарочитую метафоризацию профессиональных «кейсов» во время делиберативного «дифференциального диагноза». Когнитивное свойство максимализации в контекстной модели релевантности высказывания превращается в своего рода интеллектуальное упражнение, игру, совершенствующую навык выдвижения интерпретативных гипотез, которые включаются в коммуникацию. И этот факт даёт возможность проследить, как работают когнитивные и лингвистические инструменты релевантности, такие как метафора, и, в частности, каково их влияние на собеседников:

(38)

House: Check Harpo's **trash**.

Cameron: Forget about the patient!

House: Come on, you're curious. *Trash*.
You don't know what I'm talking about, but you know it's good. <...>

Cameron: Everything that lives, eats; everything that eats, poops: that's why every organ has a sanitation department,

– Проверьте **мусор** Харпо.

– Забудьте о пациенте.

– Да ладно. Тебе ведь любопытно. «Мусор»? Ты ведь не понимаешь, о чём я, но знаешь, что это круто.

<...> – Всё живое – ест. Всё, что ест – испражняется. Поэтому у каждого органа есть свой санузел.

a lymph system. Whatever's doing the damage is dumping its waste in there.

That's what you meant by trash [HMD: 2/24].

Лимфатическая система. То, что его уродует, скидывает свои отходы туда.

Вот что вы подразумевали под «мусором».

Пример (38) демонстрирует ассонанс когнитивных моделей собеседников, свидетельствуя об успешной координации «внутренних релевантностей» учителя-Хауса и его ученицы.

Метафора, будучи неаддитивной стратегией, может потерять релевантность для собеседников в силу её сложности, невозможности создать общее когнитивное пространство, неадекватного восприятия её персуазивной силы. Отсюда следует метакоммуникативная критика речевого поведения партнёра по коммуникации и отрицание аргументативной релевантности метафоры:

(39)

Cuddy: 24 times a year you come storming into my office spouting that you can help someone. Only you never say those words, you say something like *his pancreas is going to explode because his brain is on fire!* You come here with medicine, not with platitudes.

House: I didn't want to bore you with the details.

Cuddy: There are no details, you've a hunch. House, you don't use hunches, you always have reasons. This hospital doesn't exist for your whims. I'm sorry [HMD: 3/1].

– Два раза в месяц ты врываешься сюда и клянёшься, что можешь кому-нибудь помочь. Но только прямо этого не говоришь. А говоришь что-то типа «*У него поджелудочная взорвется, потому что у него мозг горит*». Ты достаёшь меня не терминами, а банальностями.

– Не хотел утомлять деталями.

– Их нет. Только интуиция. Да и на интуицию тебе наплевать, Хаус. Ты всегда знаешь причину. И больница эта стоит не ради твоих капризов. Мне жаль.

Стратегия уклонения от тематики разговора находит различные способы речезыкового и речеактового воплощения в диалоге. Такие формы РВ уже нашли отражение во многих работах лингвистов, в частности, посвященных аттенциональности в дискурсе [Ирисханова, 2014а].

О.К. Ирисханова отмечает:

«Цель стратегии уклонения состоит в том, чтобы, не нарушая хода коммуникации, отвлечь собеседника от реализации его намерений, избежать нежелательных действий со своей стороны и в итоге выйти «с наименьшими потерями» из некоторой неприятной, непривычной или неудобной ситуации. <...> Несмотря на то, что к уклонению можно причислить разные случаи уклончивого поведения: отказ ответить на вопрос, неполный ответ на вопрос, завуалированную негативную реакцию на просьбу или критику, контркомплимент, ответный вопрос и др., – наиболее типичными проявлениями данной стратегии следует считать уклончивые ответы» [Там же: 267-268].

Уловки уклонения от ответа разнообразны и продиктованы различными интенциональными состояниями коммуникантов. В (40) уклонение от ответа связано с уходом от «навязанной релевантности» (А. Шюц) обсуждения страшного диагноза, могущего нанести психологическую травму пациенту (ср. [Baylon, Mignot, 1994]). Средством реализации стратегии может быть паравербальный речевой жест, выраженный междометием:

(40)

«César, grave.

– Ecoutez moi bien. Il y a une question que je veux vous poser. Et une question très grave. Est-ce que vraiment je suis coléreux?

Le docteur.

– Hum...

César.

– Quoi, hum ?

Le docteur.

– Hum... je fais: hum...» [PC: 22].

Цезарь, значительно.

– Послушай, хочу спросить тебя. Серьёзно спросить. Я действительно заражён холерой?

Доктор.

– Хм...

Цезарь.

– Что «хм...»?

Доктор.

– Хм..., я сказал «хм...».

К паравербальным средствам стратегии уклонения относится смена темы и/или эксплицитный отказ от ответа, иногда несущий в себе импликацию контекстуальной модели целесообразности ответа на вопрос:

(41)

Foreman: Cameron quit?

| – Кэмерон уволилась?

House: Last night. And do an MRA for vasculitis, too.

Foreman: There is no way she quit! She got fired because you couldn't swallow your pride!

House: *An ultrasound? Excellent thought!* And put her on magnesium, too, in case it is preeclampsia [HMD: 1/18].

– Вчера. И сделай М-ангиографию, на васкулит.
– Она не могла уволиться! Ее уволили, потому что вы не смогли переступить через свою гордыню.
– *Ультразвук? Отличная мысль.*
И начните давать ей магний, на случай предэклампсии.

В следующем диалоге (42) Хаус не раз меняет фокус обсуждения, переходя на отношения д-ра Тауба с женой, что на какое-то время меняет тематическую релевантность (фокус) беседы, принятую другими участниками полилога:

(42)

Kutner: Your mother called twice.

House: She's still healthy. This 25-year-old woman, on the other hand...

Kutner: Her messages sounded kind of urgent.

House: Well, that's the way women sound when their spouse of 50 years dies. [He goes into his office, hanging his cane from the top of the doorframe as he enters.]

Thirteen: Your dad died? Are you —

House: Yep. Fine! Our patient, who's been known to take a few drinks on non-occasions, vomits blood and collapses on a trip to China. Chinese surgeons cut out a foot of bowel, but the pain is worse now than it was before.

Taub: House, call your mom.

House: What are you, my mom?

Taub: We can continue this differential in five minutes.

House: *Are those bags under your*

– Ваша мама дважды звонила.
– Мама пока здорова. А вот эта женщина 25-ти лет, напротив...
– А судя по голосу, там что-то срочное.
– У женщин всегда такой голос, когда умирает тот, с кем прожили 50 лет.
– У вас отец умер? Вы...
– Да. В норме. У пациентки, которая не прочь выпить по поводу и без, была рвота кровью и потеря сознания в поездке по Китаю. Китайские хирурги удалили часть кишки, но теперь боль стала ещё сильнее.
– Хаус, позвоните матери.
– Ты что, моя мать?
– А диф-диагноз продолжим через 5 минут.
– *А почему у тебя мешки под глазами? Всю ночь не спал. Ты*

eyes? You were up all night. You told her, didn't you?

Taub: I don't know what your daddy issues are, but don't deflect them on me.

House: [to the others] Told his wife he's been getting some strange. She kicked his adulterous tuchus to the curb.

Kutner: Seriously, you told her?

Taub: Yes, I told her. But no, she did not kick me to the curb. We stayed up late talking. We're going to continue talking. Much like House should be doing with his mother right now [HMD: 5/3].

ей всё рассказал, так ведь?

– Не знаю, какие там у Вас проблемы с отцом, но не переводите на меня стрелки.

– Сказал своей жене, что ходил на сторону. И она дала коленом под прелюбодейский зад.

– Ты правда ей сказал?

– Да сказал. Но она меня не бросила. Мы проговорили всю ночь. И будем говорить ещё. А Хаусу сейчас нужно поговорить со своей матерью.

Дискурсивная релевантность в (42) определяется степенью тематической релевантности делиберативного диалога. Триггером (не)релевантности является здесь моральные, этические нормы человеческого общежития, следуя которым звонок матери о внезапной смерти отца Хауса – более важный предмет разговора, чем продолжение текущей диагностической делиберации. В подоплёке реакции Хауса – антипатия к отцу, чего не знают остальные участники речевой интеракции, осуждающие (речевое) поведение Хауса.

(43)

Foreman: *Sorry to interrupt, but we have a patient with a probable brain tumor.*

Taub: Who needs an MRI with contrast, we've established that. What do you got on Taub?

House: I got nothing on Taub.

Thirteen: Could also be environmental. We should check his studio for toxins, mold, fungus.

House: *Taub's wife, on the other hand...*

Foreman: *House ! That's enough.*

House: Dad's right. *This is no time for gossip. A patient desperately needs our*

– *Простите, что перебил*, но речь о вероятной опухоли мозга.

– И нужна МРТ с контрастом. Как мы и решили. *Что у вас на Тауба?*

– *На Тауба – ничего.*

– А может, что-то в студии?.

Нужно все проверить на токсины, плесень и грибок.

– *А вот на жену Тауба...*

– *Хаус! Хватит.*

– *Папа прав. Не время сейчас сплетничать.* Пациенту нужна наша помощь. Проверьте его

help. Check his head and his house [HMD: | голову и дом.
5/3].

Диалог в примере (43) имеет две тематические линии: обсуждение причин болезни и сбор компромата на сотрудников Хауса. Они входят в противоречие, вклиниваясь друг в друга, нарушая дискурсивную релевантность (когерентность) делиберативного диалога.

Помимо *тематического шифтинга*, триггерами нерелевантности здесь выступает *речевой акт сплетни*, нарушающий не только постулаты вежливости и речевой деонтологии, но и тематическую релевантность дифференцированного диагноза.

4.2.3. Прецедентные феномены

Дискурсивные стратегии актуализации прецедентности в тексте имеют разную мотивированность и функциональность (см. [Моисеенко, 2015]).

В корпусе телесериала «House, MD» неаддитивные стратегии прецедентности выявляются как составляющая речевого поведения персонажей, в частности, заглавного героя – доктора Хауса, – эксцентричного харизматика, главной чертой которого является эгоцентризм, эпатаж собеседника, ирония, ложь, абсурд, насмешка, подтрунивание, эристика в речевом общении [Тамразова, 2021; Уилсон, 2010; Dynel, 2014a,b; Jacoby, 2009; Pillière, 2013]. В основе смыслообразования высказываний Хауса лежит интенциональная нерелевантность, обусловленная основной чертой его «эмоционального интеллекта» – эгоцентризмом, отсутствием эмпатии как интенционального состояния при «упаковке информации» [Чейф, 1982]. Основной коммуникативной интенцией в речевом поведении этого персонажа является «эмпатия второго порядка» (second order empathy) [Geeraerts, 2020] – ирония, метафоричность, аллюзии и интертекст разной степени «непрозрачности» [Récanati, 1979]. Он как бы проверяет собеседника «на понимание», устанавливает уровень его интеллекта, объёма общих

знаний, возможности достичь с ним конкорданса внутренних релевантностей:

(44)

<p>А</p> <p><u>Cuddy</u>: Your reputation won't last up if you don't do your job. The clinic is part of your job. I want you to do your job.</p> <p><u>House</u>: Well, like the philosopher Jagger once said, "<i>You can't always get what you want.</i>" [HMD: 1/1]</p>	<p>– Твоя репутация долго не продержится, если ты не будешь выполнять свою работу. Клиника – это часть твоей работы. И я хочу, чтобы ты делал свою работу.</p> <p>– Ну, как сказал однажды философ Джаггер: "Не всегда можно получить то, что хочешь."</p>
<p>Б.</p> <p><u>Cuddy</u>: Oh, I looked into that philosopher you quoted, Jagger, and you're right, "<i>You can't always get what you want,</i>" but as it turns out "if you try sometimes you get what you need." [HMD: 1/1]</p>	<p>– Да, еще, я нашла этого философа, что ты процитировал, Джаггера, и ты прав, "Не всегда можно получить то, что хочешь", но, как оказалось, "если попытаться, то иногда можно".</p>

В примере (44А) мы сталкиваемся с прецедентностью, осложненной ложью. Ложь эта носит иронический характер, потому что прямо не ущемляет интересы собеседника. В сознательном нарушении постулата искренности, желании эпатировать собеседника, Хаус цитирует песню Мика Джаггера, умышленно причисляя его к философам, бросая вызов эрудиции собеседника. Реакция его начальницы – главврача Кадди – показывает понимание его уловки (нерелевантности референтного знания), которую она принимает (ассонанс): Кадди (44Б), отталкиваясь от ложной референтной пресуппозиции высказывания Хауса, вводит симметричный контраргумент, противоречащий пропозиции аргумента Хауса (ср. [Лисанюк, 2020]). Такую осознанную нерелевантность по параметру истинности можно назвать **людической нерелевантностью** как манифестации «эмпатии второго порядка» (см. выше).

Речевое поведение заглавного персонажа сериала отличается неаддитивностью как совокупностью речевых стратегий, таких как игра слов и смыслов, употребление прецедентных имён, особая апеллятивная стратегия, метафоризация как средство экспликации и аргументации и т.д. Рассмотрим некоторые из них.

– *Прецедентность в игре слов:*

(45)

A.

– House: I don't think you appreciate the severity of your situation. You are rapidly approaching an end-stage male spinstersism <...>. Its name's Sarah. Cats aren't named that, women are.
What the Freud is that about? HMD: 7/12].

– Полагаю, ты не *просекаешь*⁵⁹ всю серьёзность твоей ситуации: ты на всех парах движешься к последней стадии *бобылизма* <...>. Её зовут Сара. Женское имя. Кошек так не называют просто так. Объясни мне, **какого Фрейда?**

В примере (45А) в результате диссонанса полаганий собеседников, имеет место аллюзия на теорию Фрейда, встроенная в речевое клише, передающее возмущённое удивление (*Какого чёрта?*); в (45Б) игра строится на сексуальных коннотациях лексических единиц – функционально-стилистических вариантах, создающих в восприятии зрителя образ эристической и иронической языковой личности персонажа [Тамразова, 2021; Dynel, 2014a,b].

В диалогах с подчинёнными Хаус предпочитает «нерелевантные», с точки зрения теории аргументации, *ad-аргументы* [Eemeren, 2009; Walton, 1992; 1995], прибегая при этом к стратегии прецедентности:

– *аргумент ad antiquitatem:*

(46)

House: It's titanium. Like from a surgical pin, like the kind the kid had inserted into his broken arm four years ago, nice

– Это титан. Как от хирургического штифта. Вроде того, что четыре года назад ему вставили в

⁵⁹ Перевод даёт дополнительные основания для выводимой теоретической интерпретации

medical history.	сломаную руку. Хорошая история болезни.
<u>Chase</u> : That pin was removed six months after ...	– Штифт удалили через полгода.
<u>House</u> : So what, a little piece broke off during removal.	– И что? Кусочек отломился в процессе.
<u>Chase</u> : <i>Titanium is used to build nuclear subs, pieces don't just break off.</i>	– Из титана ядерные подлодки строят. Его просто так не отлומишь.
<u>House</u> : Tell that to the guys on the «Kursk» [HMD: 3/2].	– Просвети парней с «Курска».

В данном делиберативном диалоге (дифференциальный диагноз) контраргументация Хауса строится на прецедентной реалии, опровергающей, с его точки зрения, утверждение оппонента (Чейза). Такая аргументация неаддитивна, так как собеседник мог бы и не иметь представления о трагедии с русской подлодкой. Релевантность контраргумента вторична и основана на метарепрезентации Хауса о референциальном знании д-ра Чейза.

Стратегия аргументации с опорой на авторитет – *argumentum ad verecundiam* – иногда ставится под сомнение и высмеивается самим Хаусом (*ирония ad absurdum*):

(47)

Cameron: McDonald criteria requires six months to make a definitive diagnosis.	– По критерию <i>МакДональда</i> для точного диагноза нужно 6 месяцев.
House: Oh, who cares about McPherson? I hear he tortured kittens.	– <i>Плевать на Макферсона</i> . Слышал, он мучил котят.
Foreman: McDonald.	– <i>МакДональд</i> .
House: Oh, <i>McDonald</i> . <i>Wonderful doctor, loved kittens</i> [HMD: 1/2].	– <i>Ах МакДональд? Отличный врач, любил котят.</i>

Стратегия прецедентности *a priori* предполагает вторичную релевантность, но глубина когнитивного сканирования и вероятность «вторичной эмпатии» субъективна и вариативна, зависит от глубины «конструирования» собеседника (аудитории), возраста, временного и культурного контекста прецедентной реалии. Тем не менее, распознавание прецедентных феноменов в диалогах сериала «House, MD» даёт зрителям

возможность получить удовольствие от узнавания аллюзивных реминисценций, которые часто приобретают ироническую и юмористическую тональность (см. [Карасик, 2008; Матвеева, 2011]):

(48)

Фрейд: Накануне Уилсон пригласил Кадди в театр по совету Хауса.

House: *How was the play Mrs. Lincoln?* | – *Как прошла пьеса, миссис Линкольн?*
[HMD: 3/19].

Юмористический эффект от светского вопроса Хауса в (48) достигается за счёт разделяемого адресатом и аудиторией прецедентного знания об убийстве президента Линкольна во время посещения театра и несёт морбиальный оттенок, вызывая, тем не менее, улыбку «понимающего» зрителя.

Эгоцентризм эмоционального интеллекта⁶⁰ д-ра Хауса «не позволяет» ему называть окружающих просто по именам (см. тж. [Тамразова, 2021; Pillière, 2013]), поэтому в его речевом поведении доминирует субстандартная апеллятивная стратегия – прозвища – см. тж. выше примеры (13; 20; 21) прецедентные имена, языковая игра с онимами), имеющая людическую релевантность с оттенком сарказма и агональной пейоративности:

(49)

– о пациенте в инвалидном кресле, упавшем в бассейн:

House: What about *Stephen Hawking* | – *А Стивен Хокинг, что решился на trying to do the 500 butterfly?* [HMD: 3/1]. | *заплыв в бассейне?*

(50)

– о начальнике-афроамериканце:

House: I don't care what anybody says, I | – *Меня останавливают его дела, а*

⁶⁰ О понятии и составляющих эмоционального интеллекта см. [Батурин, 2009; Панкратова, 2010].

care what they do. Right now, **Blackpoleon Blackaparte** has got the nurses on red alert, I can't get into the patient's room [HMD: 2/9].

не слова. **Чернолеон Негропарт** отдал приказ сёстрам о боевой готовности. Меня не подпустят к пациентке.

(51)

– об уборщице больницы:

Cuddy: The chapel still has sanctity for some people.

– Для некоторых часовня еще святое место.

House: You're right. I think I saw **Blue** the janitor passed out in one of the pews last week.

– Ты права. На той неделе **Вдул уборщик** отсыпался тут на скамейке.

Cuddy: **It's Lou**, and I would have thrown him out too [HMD: 7/17].

– **Его зовут Абдул**. И я его тоже выставлю.

– о докторе Чейзе, уроженце Австралии:

(52)

House: Exactly. The **Foreman** department. Of which you are the **foreman, Foreman**. I know you got the time. **A little Wallaby** told me that you recently vacated your post as Taub's savior [HMD: 7/12].

– Точно. Отдел Формана и ты его глава. Ты же Форман? Время у тебя есть. **Кенгуру** мне настучал, что ты покинул свой пост спасителя Тауба.

Обратим внимание, что омонимическая игра слов **foreman** (глава) **Foreman** (Форман) теряется при переводе, достаточно адекватно компенсируясь в русском диалоге.

Прецедентные имена выполняют роль метафорических триггеров **аргументативной (не)релевантности** в делиберативном диалоге Хауса с его командой и другими действующими лицами:

– **ad Hitlerum**

(53)

House: You lost track of your speed? I think that was Hitler's excuse. Lost track of the Jews. No one held him responsible.

– Нечаянно превысил скорость? **Вот так и Гитлер оправдывался**: «Я нечаянно убил евреев». Его тут же простили.

Wilson: I'm not playing, House [HMD: 5/4]. | – Мне не до шуток, Хаус.

Несомненно, в (53) аргумент *ad Hitlerum* имеет ироническое употребление в силу общей тональности дружеского подтрунивания-стёба (banter) [Leech, 2014], о чём свидетельствует ответная реплика Уилсона.

– *ложная аналогия (False analogy)*:

(54)

Kutner: Beta blockers don't work. His heart can't handle an ICD.

House: **Pete Best**. [The others look at him, waiting.] *Good God! Has none of you ever read a history book?* The original Beatles drummer. A bunch of nerves controls the tempo of the heart. They're all playing in time, except one dude can't keep the beat. Wrecks the whole thing. So we hire Ringo.

Kutner: *Pete Best was actually a great drummer*, but I assume you mean the patient needs a cardiac sympathectomy?

House: Probably should have just said that, huh? [HMD: 5/3].

– Бета-блокаторы не помогают. А кардиоверсию сердце не вынесет.

– Пит Бест. Господи! Вы что, вообще историю не читаете? Первый барабанщик «Битлов». Пучок нервов контролирует ритм сердца. Все играют в такт, кроме одного, который лажает. И всё летит к чёрту. Значит, наймём Ринго.

– Пит Бест был отличным ударником, ну а вы, как я полагаю, хотите сделать симпатэктомию.

– Зря я, наверное, прямо не сказал.

В примере (54) экспликация референции и восстановление релевантности вызывает в ответ несогласие (*Pete Best was actually a great drummer*), частично объясняющее непонимание аллюзивной аргументации.

Прецедентные имена в диалогах героев сериала выполняют аргументативные и интерперсональные функции, часто куммулируя в одном употреблении несколько интенциональных смыслов:

(55)

House: The struggle to resist one's captors is never pointless. *Vive la résistance!*

Wilson: Well, I hate to break it to you, **Che**,

– Борьба с тюремщиками всегда имеет смысл. *Вив ля резистанс!*

– Жаль тебя огорчать, **Че**, но

<p>but simple delay won't work. Your mother will hold the funeral till we get there [HMD: 5/4].</p>	<p>тянуть время бесполезно. Твоя мама без нас церемонию не начнёт.</p>
---	--

В реплике Уилсона реминисценция имени героя-революционера, борца за идеи коммунизма Че Гевары вызвана инициальной репликой Хауса *Vive la résistance!* (Да здравствует сопротивление), также требующей от зрителей элементарных знаний французских фраз-клише. Такие стратегии авторов диалогов сериала делают его популярным в более интеллектуальной среде телезрителей [Jacoby, 2009].

Макароническая речь, использование крылатых выражений или клише на иностранных языках также создают угрозу первичной релевантности высказывания, но выступают средством самовыражения, демонстрирующим либо национальную принадлежность адресанта или адресата, либо эрудицию языковой личности и/или его специальную контекстуально обусловленную интенцию (вторичная релевантность):

(56)

<p><u>Jewish guest</u>: [along with others] <i>Mazel tov!</i> <u>Jewish lady</u>: <i>Mazel tov!</i> Many children [HMD: 4/12].</p>	<p>– <i>Мазел тов!</i> – Поздравляю!</p>
---	---

(57)

<p><u>Yonatan</u>: [hopeful] She'll be all right? <u>House</u>: Ultrasound to confirm, then tell Chase to put the kidney back on the shelf. The bleed will be nearby. <u>Roz</u>: That's... it? <u>House</u>: <i>Mazel tov</i> [HMD: 4/12].</p>	<p>– Она поправится? – УЗИ для подтверждения, и скажите Чейзу, чтобы положил почку на место. Источник кровотечения будет рядом. – И всё? – <i>Мазлтоф.</i></p>
--	---

(58)

<p><u>House</u>: Taub's wife gave the green light for an open marriage. He's wearing cologne, but not the stink of shame. (To Taub.) You got a date. <u>Taub</u>: I am going out with Maya tonight with Rachel's blessing.</p>	<p>– Жена Тауба согласилась на свободный брак. Чувствую одеколон, но нет запаха стыда. У тебя свидание. – Я сегодня встречаюсь с Маей с разрешения Рейчел.</p>
---	---

Foreman: Mazel Tov! [HMD: 4/12]. | – *Мазел тов!*

В (58) переключение кодов носит иронический характер (эхоупотребление [Wilson, 2006]).

Знание языковой личности реципиента практически всегда определяет возможность переключения кодов:

(59)

James Wilson: And yet you're going along with it. Are you being... self-sacrificing?

Greg House: I'll sacrifice... a lab rat. I'll sacrifice a fly. I'll sacrifice two hundred on a mudder at Monmouth Park. I don't sacrifice self. [Wilson nods.]

Greg House: *Shabbat Shalom, Wilson*. [He walks off.]

James Wilson: *Shabbat Shalom, House*. [With a wide smile, Wilson turns to walk back inside.] [HMD: 4/12]

– И тем не менее, ты на всё это согласен. И что? Жертвуешь собой?

– Могу пожертвовать лабораторной крысой, мухой двумя сотнями на бегах в парке Монмут. Собой не жертвую. *Шаббат Шалом, Уилсон!*

– *Шаббат Шалом, Хаус!*

Метаречевое обсуждение релевантности речевого поведения (см. ниже) фокусирует внимание собеседников на таком маркированном триггере (не)релевантности, как макароническая речь, переключение кодов, *скрытое цитирование*:

(60)

А.

Amber: Hi, Greg. *And I call you Greg because we're now social equals*.

House: I call you Cutthroat Bitch... well, *Quod erat demonstrandum*. *And I speak in Latin because I don't try to hide what an ass I am* [HMD: 4/12].

– Привет Грэг! *Буду звать тебя Грэг, потому что теперь мы социально равны.*

– А я буду тебя звать Беспощадной стервой. *Квод еррат демонстрандум. По-латыни я говорю, чтобы показать, какая я сволочь.*

Б.

James Wilson: Well, if you'd looked at me with those flashing eyes before I was involved... pfch! [heading

– Посмотри ты на меня так раньше... *Сэ ля ви. А по-французски я говорю, потому что ты сволочь.*

---

towards his office] *C'est la vie. And... I use the French because... you're an ass* [HMD: 4/12].

Иногда прецедентные феномены в воспринимаемом дискурсе остаются нерелевантными для адресата в силу отсутствия референциального знания или в силу культурологической детерминированности, превращаясь для носителей иной культуры в референциальную и/или коннотативную лакуну (см. тж. ниже):

(61)

Foreman: Jimson weed. Found a small patch of it in his backyard. Jimson weed contains atropine. Poor man's acid. Our kid's been tripping on *Lucy in the Sky⁶¹ with Cubic Zirconium*; explains the pleural effusion, the heart arrhythmias [HMD: 3/4].

– Дурман обыкновенный. На заднем дворе нашел целый куст. Эта трава содержит **атропин**. ЛСД для нищих. **Кайфовал как Люси в небе с алмазами**. Объясняет плеврит и сердечную аритмию (*перевод Lostfilm*) (досл. *Наш малыш летал с Люси в небесах из циркония*) (прим.: *цирконий* – искусственный бриллиант).

Выражение «be tripping (floating) on (with) *Lucy in the Sky* «парить с Люсей в небе (с алмазами)» (эвфемизм для ЛСД и в целом – наркотиков, наркоза и т.п.) не раз употребляется в диалогах сериала. Отметим, что в (61) прецедентный текст трансформирован, так как метафора д-ра Формана строится на корреляции «*атропин* – ЛСД : алмаз – цирконий». Не все зрители

---

⁶¹ «*Lucy in the Sky with Diamonds*» (с англ. — «Люси в небесах с алмазами») — песня The Beatles. Написана Джоном Ленноном, по мотивам рисунка его сына Джулиана и произведений Льюиса Кэрролла. Текст носит сюрреалистический оттенок, повествуя о путешествии по реке на лодке, знакомстве слушателя с фантастическим миром и, в концовке, с героиней песни. Первые буквы существительных в названии совпадают с аббревиатурой LSD, что в дальнейшем породило ассоциации контекста песни с препаратами «расширяющими сознание». Джон Леннон отрицал какую-либо связь композиции с наркотическими средствами [https://ru.wikipedia.org/wiki/Lucy_in_the_Sky_with_Diamonds].

сериала способны проникнуть в смысл метафорической и смысловой игры персонажа сериала (см. ниже).

В обыденной коммуникации «лицом к лицу» собеседник прибегает к адаптивным техникам уточнения значения слова (имени), переспроса и т.д. [Kerbrat-Orecchioni, 1990; 1995; 2005; Moeschler, 1989a,b; 1993]. Иногда отсутствие прецедентного знания становится характеризующей чертой личности собеседника. В примере (62) Мастерз – начинающий интерн Хауса демонстрирует своим речевым поведением пример абсолютно оторванного от жизни, погружённого в науку и в книги «ботаника»:

(62)

House: You two load him up with Prednisone <...>Also, find out what else he's lying about... Since I'm assuming <i>Ferris Bueller</i> ⁶² is not his real name.	– Вы двое, накачайте его преднизолом <...> а заодно выясните, о чём он ещё врёт. Сдаётся мне, что Феррис Бьюллер – настоящее его имя.
Masters: Why? [House and the team stare at her. Chase looks astonished]	– Почему? Серьёзно, кто это?
Masters: Seriously, who is that?	– Говорят, он классный чувак.
Taub: They say he's a righteous dude [HMD: 7/17].	

В восприятии офф-лайн дискурса (А.А. Кибрик) реципиент, основываясь на закономерном стремлении к максимальной релевантности (Спербер-Уилсон), прибегает к компенсаторным когнитивно-коммуникативным стратегиям и тактикам.

Возможны как минимум три стадийных типа стратегии когнитивной обработки референциально-коннотативной лакуны:

- 1) посредством выдвижения интерпретативных гипотез («ТР»),
- 2) посредством создания удовлетворительной контекстуальной модели (Т. ван Дейк),

---

⁶² Герой популярного американского комедийного фильма *Ferris Bueller's Day* (Выходной день Ферриса Бьюллера) — режиссёра и сценариста Джона Хьюза. В 2014 году был внесён в Национальный реестр фильмов США как обладающий культурным, историческим или эстетическим значением [https://ru.wikipedia.org/wiki/Феррис_Бьюллер].

3) посредством игнорирования смыслового отрезка с возможным последующим (в зависимости от интуитивной оценки релевантности) выяснением искомого значения в справочных источниках (ср. [Дроздова, 2003; Попова, 2004]).

Интересным свидетельством стратегии преодоления нерелевантности от знаниевой лакуны служит обсуждение на фан-сайтах сериала «Д-р Хаус» различных «хаусизмов» – фраз и выражений любимого героя (орфография и проч. сохранены [<https://diary.ru/~housefans/p76789672.htm#form>]):

<u>jatan</u>
Набрал в гугле слово: "мазлтоф", которое три раза слышал в хаусе. оказалось, что это: "Мазал тов" (это два слова) – аналог русского "привет-здравствуй-ем!!!!" , а так – непереводаемая игра слов ("тов" - хороший , "мазаль" - ангел хранитель ...". "Это пожелание: счастья, здоровья и всего-всего на еврейской свадьбе" (с).
<u>мышьбелая</u>
О, а я не догадалась погуглить   Спасибо, sencha!
<u>mutter nacht</u>
<i>Чорт, я одна что-ли, несколько разбирающаяся в еврейских вопросах, смеялась, когда Хаус подкалывал Кадди этим мазл-товом?)))</i>
<u>Аир</u>
<i>Я тоже все время думала, что это общеизвестное слово%)))</i>
<u>Гость</u>
<i>Не стоит издеваться над теми, кто не понял этого слова, ведь у них возникло желание узнать его, а не просто забить. Я тоже сразу полезла в Google)</i>
<u>Гость</u>
<i>а я тож Хауса смотрю и не забил решил посмотреть =) и никто из моих знакомых не знает что это за слова . так что оно видимо не очень известное .</i>
<u>Гость</u>
<i>а я вообще не обращала внимания, когда его кто-то произносил, а потом задавалась вопросом где я его слышала? и вот - хаус* это все объясняет*</i>

<u>Гость</u>
<i>Я даже первый раз подумал (в 4*12), что это женское имя))</i>
<u>Гость</u>
<i>Я тоже искал и еле нашел перевод и где использовать слово <u>мазлтоф</u>, вернее выражение мазел тов.)</i>
<u>Гость</u>
А может кто-нибудь подскажет в какой серии можно услышать эту фразу!
<u>Гость</u>
6 - 19, поздравляли Тауба, когда узнали, что его жена согласилась на свободный брак.
<u>Гость</u>
почитала вас и Я ТОЖЕ напишу))) только вот смотрю Хауса и попадаете это слово который раз..быстро залетнула в гугл, первая попавшаяся ссылка...и вот я с вами)))ха ха..ВСЕХ МАЗЛТОФ))))))

Как видим, прецедентные феномены, оставаясь нерасшифрованными в тексте сериала, не мешают пониманию дискурса в целом, но иногда создают либо лакуны, либо собственные импликатуры и экспликации. Такие интерпретации, в силу *принципа оптимальной релевантности* (поиск интерпретаций прекращается, как только реципиент считает удовлетворительной финальную интерпретацию [Sperber, Wilson, 1995]), могут быть (и часто оказываются) ложными (непонимание, когнитивно-коммуникативный диссонанс).

Чтобы расширить представление о когнитивном восприятии релевантности прецедентных феноменов, мы провели эксперимент с несколькими фрагментами сериала (см. примеры выше).

Общей целью эксперимента стало определение 1) степени доступности релевантного контекста и 2) качественных показателей (не)релевантного контекста, основанное на гипотезе о корреляции скорости протекания процессуального усилия объему общих знаний коммуникантов, включая знание кода и интерпретационных алгоритмов дискурсивного жанра

(дискурсивной формации), а также вытекающей из этих знаний адгерентной интенциональности интерпретации – метаязыковой и метадискурсивной рефлексии относительно соответствия интерпретируемого высказывания условиям внешней среды – конвенциям речевого жанра и целям дискурсивной деятельности.

В эксперименте приняло участие 20 человек: 10 – преподаватели иностранного языка (английский) университета (возраст 35-65 лет). Из них 5 – смотрели сериал «Доктор Хаус» на русском языке (5/5). 10 – студенты 3-4 курсов отделений английского языка (иностраннный язык для технических специальностей). Из них 2 – смотрели сериал (2/8).

Респондентам были предъявлены фрагменты видео с прецедентными феноменами в диалогах ситкома «House, MD» вначале без перевода, затем – с дублированным переводом.

Респондентам требовалось оценить релевантность (уместность / понятность) прецедентного элемента по трём параметрам:

- «1 – понятно и релевантно (фоновые знания /смысл);
- 2 – непонятно, но релевантно (0 знаний / смысл по ситуации);
- 3 – непонятно и нерелевантно (0 знаний / 0 смысла)».

Результаты самооценки узнавания прецедентной формы и смысла высказывания приведены в следующей таблице (Таблица 3):

Таблица 3.

Самооценка понимания прецедентного текста в эксперименте

– без перевода:

Прецедентный элемент (№ примера в тексте работы)	студенты (2/8)			преподаватели (5/5)		
	1	2	3	1	2	3
<i>Blackpoleon Blackaparte</i> (50)	0	3/0	7	5/5	–	–
<i>How was the play Mrs. Lincoln?</i> (48)	–	–	10	5/3	2	–
<i>Stephen Hawking</i> (49)	4/3	2	1	5/2	–	3
<i>What the Freud is that about?</i> (45)	2/0	3/2	3	5/5	–	–
<i>Lucy in the Sky</i> (61)	0	5/4	1	0	3/2	5
<i>Che</i> (55)	0	0	10	4/3	–	3
<i>Mazel tov</i> (57)	0	0	10	3/2	5	–

– с затекстовым дубляжом:

Прецедентный элемент (№ примера в тексте)	студенты (2/8)			преподаватели (5/5)		
	1	2	3	1	2	3
<i>Blackpoleon Blackaparte</i> (50)	10	–	–	10	–	–
<i>How was the play Mrs. Lincoln?</i> (48)	–	–	10	5/3	2	–
<i>Stephen Hawking</i> (49)	5/3	2	–1	5/2	–	3
<i>What the Freud is that about?</i> (45)	2/0	3/2	3	5/5	–	–
<i>Lucy in the Sky</i> (61)	0	5/4	1	0	3/2	5
<i>Che</i> (55)	0	0	10	4/3	–	3
<i>Mazel tov</i> (57)	0	0	10	3/2	5	–

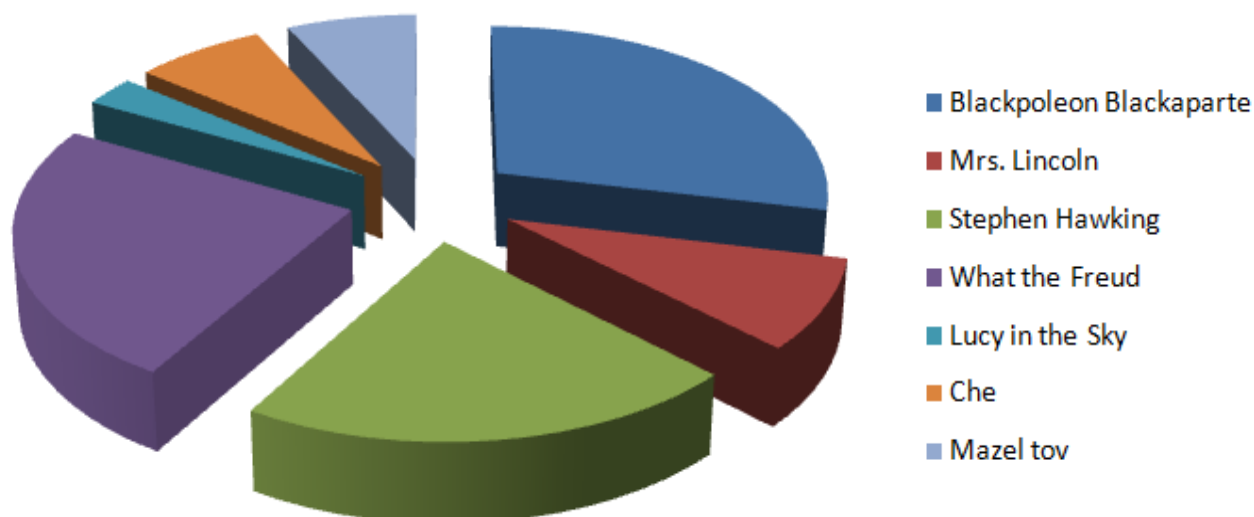
После самооценки, респондентов просили изложить своё понимание значения (смысла) указанных контекстов, которое оценивалось по параметрам:

- абсолютная релевантность (*знал, понял*);
- частичная релевантность (*догадался, понял*);
- нерелевантность (*не понял*).

Итоги эксперимента подтвердили гипотезу об алгоритме формирования актуального смысла высказывания в контексте речевой интеракции: *понимание (смысл) находится в разной степени зависимости от фоновых знаний реципиентов*. При этом абсолютная релевантность интерпретации основывалась в большей степени на фоновых знаниях (предзнаниях), частичная релевантность достигалась попыткой восстановить смысл из контекста, нерелевантность интерпретации состояла либо в ошибочном понимании, либо в понимании наличия интерпретационной лакуны (непонимания).

Тем самым, подтверждается, что кодовые, *конвенциональные знания* значительно облегчают понимание прецедентных феноменов, хотя определяющим (по частотности) параметром в стратегиях понимания является *интерпретация, обусловленная контекстуальной моделью реципиента, учитывающая фоновые знания (эрудицию, опыт) и интеракционно-психологический контекст*. В восприятии обыденного дискурса т/с, как правило, преобладают интуитивные интерпретации над

рефлексивными, поэтому относительная релевантность как результат сложения абсолютной (знаниевой) и частичной (интерпретационной) релевантности получила следующее представление (см. ниже Рис. 2):

Рис. 2. Относительная релевантность интерпретации прецедентных феноменов в эксперименте

По свидетельству испытуемых, они либо понимали сразу (*Blackpoleon Blackaparte*; *Stephen Hawking*), либо начинали искать объяснение нерелевантности, фиксируя отсутствие референциального знания (*Mazel tov*; *Che*; *Lucy in the Sky*), другими словами, расширять контекст в попытке извлечь контекстуальные эффекты из фразы-стимула говорящего персонажа. На основании интроспекции респондентов можно констатировать, что расширение исходного контекста в поиске смысла разворачивалось в трех последовательных когнитивных векторах (направлениях):

- (а) энциклопедические знания;
- (б) предыдущие и последующие высказывания;
- (в) проектирование речевой ситуации на собственную коммуникативную компетенцию (процедурное знание).

Можно предположить, что каждое когнитивное движение способствовало формированию дополнительных интерпретаций, которые могли увеличить усилия по смыслообразованию, что, в конечном итоге,

способствовало повышению (или снижению) релевантности. Если затраты на обработку были не слишком высоки (в обмен на полученный смысл – контекстуальный эффект), усилия по интерпретации были оправданы (удовлетворение от понимания), а предоставляемая информация была релевантной в той или иной степени уверенности в правильности интерпретации.

Как свидетельствуют авторы различных исследований [Talmy, 2007; Tendahl, 2009; Unger, 2006], физически и математически измерить человеческие (не компьютерные) процедурные затраты на усилия по интерпретации пока достаточно сложно. Очевидно, необходим анализ изменений в нейрохимических состояниях человеческого мозга. Помимо интро- и ретроспективной рефлексии, позволяющей в определённой степени измерить количество шагов вывода смысла («сначала я подумала, что ...» – см. выше), необходимых для доступа к финальной интерпретанте, в эксперименте была предпринята попытка определения времени, затраченного на обработку неаддитивного контекста. Однако, видимо, в силу отсутствия адекватного (электронного) оборудования, не удалось добиться рекуррентности полученных результатов.

Тем не менее, проведённый эксперимент показывает, что усилия по обработке информации определяются прежде всего лингвистической и культурологической сложностью стимулов, **глубиной контекста** (знаниевый тезаурус), индивидуальной доступностью контекста (коммуникативная компетентность) и нек. др. (ср. [Mustajoki, 2012]).

Релевантность сообщения постоянно находится в поле «бокового» метакоммуникативного мышления и подвергается в разной степени интуитивной (рефлексной) или рефлексивной (осознанной) обработке, которая часто выносится в метакоммуникативные когнитивные экспликации и остенсивные (пара)вербальные экспликации в речевом взаимодействии.

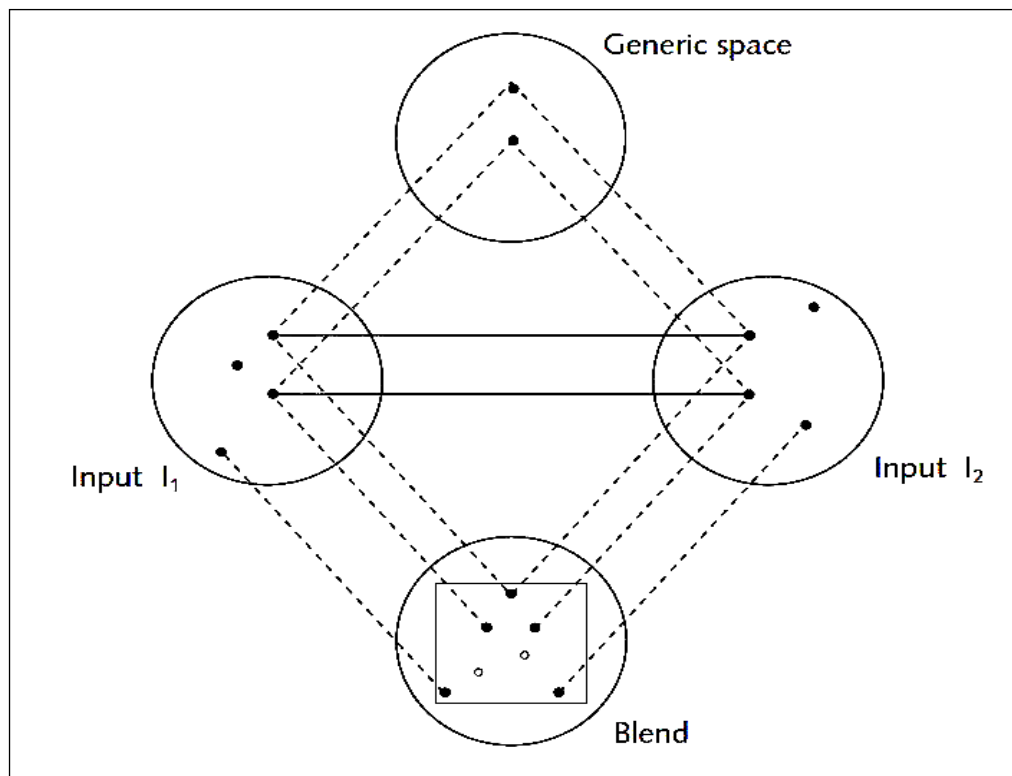
Таким образом, неаддитивные стратегии плана выражения демонстрируют взаимодействие неаддитивных КММ коммуникантов. По аналогии с тем тезаурусом, который составляет знание индивида, его набор допущений содержит не только те полагания, о которых он имел мысленное представление раньше («фоновые знания»). В речевом взаимодействии, происходит интеграция ментальных репрезентаций участников речевого взаимодействия и взаимная адаптация концептуальных структур к обоюдной репрезентации «он-лайн».

Концептуализация «здесь и сейчас» (он-лайн) приводит к созданию операциональной, или контекстуальной системы (*ad hoc*) концептов (*ad hoc*-концептосфере), существующей «здесь и сейчас» [Болдырев, 2018; Casasanto, Луруан, 2015; Langacker, 2002b; Sperber, 1974]. Операциональная **когнитивная конфигурация** концептуальной системы коммуниканта обеспечивает и контролирует релевантность **системы окказиональных *ad hoc*-концептов** по отношению к уже существующим в долгосрочной памяти индивидуальным или коллективным концептуальным моделям [Dijk, 2014].

Известным прототипом *ad hoc*-концептуализации является метафора, построенная на концептуальном блендинге [Coulson, 2001; Fauconnier, Turner, 1998]. Говоря «этот хирург – мясник», никто не употребляет концепт МЯСНИК в его энциклопедическом значении, а извлекает из него (фокусирует) отдельные слоты («*грубое обращение с плотью*», «*отсутствие эмпатии*» и др.) и дефокусирует нерелевантные составляющие энциклопедического концепта (ср. [Ирисханова, 2014а]).

Поэтому взаимодействие ментальных пространств («когнитивных сред», КММ, концептуальных структур и т.п.) собеседников в перспективе взаимопонимания и речекогнитивного интеракционального консенсуса («консонанса») и резонанса *взаимопонимания* целесообразно рассматривать по аналогии с **моделью концептуального блендинга**. Взаимопонимание достижимо благодаря нежесткой общей («размытой») семантике концепта

(концептуальной структуры) при сохранении его прототипического ядра [Fodor, 1998]. Аналогичный когнитивный блендинг происходит и в речекогнитивном взаимодействии, соединяющем два когнитивных пространства, две актуально-тематические релевантности (Схема 8):

Схема 8. Классическая схема концептуального блендинга⁶³

В этой схеме порождающим когнитивным пространством (*generic space*) может служить тематически актуальная (прототипическая) пропозиция в дискурсивной среде (формации), Концептуальными пространствами входа (*Input₁* и *Input₂*) будут две когнитивные среды взаимодействующих коммуникантов, ориентированных на осознание пропозиции, которые неизбежно предстанут как *пропозиция₁* и *пропозиция₂*. Выяснить, насколько совпадают эти индивидуальные пропозиции, возможно при наличии специального метакогнитивного процесса – метарепрезентации и её экспликации (обсуждения экспликатуры), например, в делиберативной речевой интеракции (обсуждение проблемы) [Fauconnier, 1995; 1999; Fodor, 2015; Gallagher, 2007; Sperber, Wilson, 1995] (Схема 9):

⁶³ Ср. [Fauconnier, Turner, 1996; 1998].

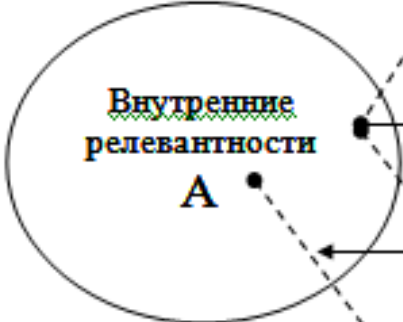

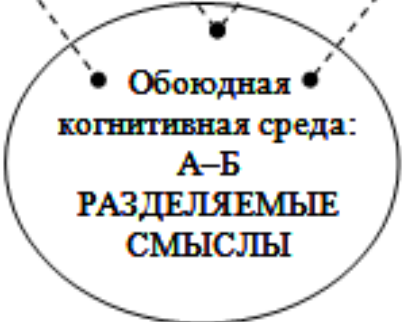
Навязанная (внешняя) релевантность: Институциональная релевантность Нормативно-правовая релевантность Социально-культурная (причинная) релевантность		Объектно-тематическая релевантность 		Актуальная пропозициональная релевантность Интенционально-интерпретативная релевантность Мотивационная (причинная) релевантность	
КОНТЕКСТУАЛЬНО-МЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ А		Интерсубъективная, интерперсональная релевантность		КОНТЕКСТУАЛЬНО-МЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ Б	
		Гипотетико-интерпретационная релевантность Диалектико-аргументативная релевантность Дискурсивно-диалогическая (инструментальная) релевантность			
ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ: Соотнесение понимания с линией поведения ко-адресата				ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ: Соотнесение понимания с линией поведения ко-адресата	
КОНСОНАНС		РЕЗОНАНС (пертинентность)		ККАИ	ККС
				ККИ	ККИ
КОГНИТИВНЫЙ АССОНАНС			КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС		

Схема 9. Интегральная релевантность интеракции собеседников (А-Б) (понятийно-функциональное пространство)

На концептуально-понятийной карте представлена **ИНТЕГРАЛЬНАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ** интеракции собеседников (А-Б) (понятийно-функциональное пространство), представлено обобщенное сопряжение всех видов релевантности в процессе речевого взаимодействия:

Порождающее **когнитивно-тематическое** (объектное) пространство (тематическая релевантность), взаимодействуя с «навязанной» (внешней) **институциональной, нормативно-правовой и социокультурной** релевантностями, отражается в речевом взаимодействии в виде актуальной пропозициональной (содержательной) релевантностью, интенционально-интерпретативной и мотивационной (причинно-телеологической) деятельностной релевантностью. В речевом взаимодействии происходит адаптация внутренних релевантностей собеседников посредством гипотетико-интерпретационной релевантности, связанной с логической диалектико-аргументативной релевантностью, оформленной в плане выражения в соответствии с дискурсивно-диалогической релевантностью, коррелирующей с поведенческой (этической) релевантностью.

Обоюдная когнитивная среда собеседников образуется не столько разделяемыми знаниями, сколько **разделяемыми смыслами**, опирающимися на конструирование собеседника и соотнесение понимания с линией поведения ко-адресата. Успешность речевой интеракции имеет скалярную (градуальную) природу и выражается в когнитивно-коммуникативных состояниях собеседников: когнитивно-коммуникативном ассонансе (консонансе, резонансе) или диссонансе (когнитивно-коммуникативной аномалии, когнитивно-коммуникативном сбое, когнитивно-коммуникативном провале/конфликте).

Концептуальное картирование когнитивно-коммуникативной среды речевой интеракции позволяет представить гипотетико-научную теорию релевантности в редуцированной и обобщающей форме.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV

1. Востребованность и эффективность **смысла** – **актуального ядра** в когнитивной системе коммуниканта (интерес, фасцинация) прямо пропорциональны экспрессивности несущего его знака, требующего от реципиента нетривиального (неконвенционального) интерпретационного усилия. Характерные для неформального речевого взаимодействия неаддитивные контекстные модели ведут к усилению динамики РВ через усиление экспрессивности знака за счет нетривиальности формы плана выражения (языковая игра, каламбур) или формы плана содержания (парадокс, подтекст, намёк, интертекст). Востребованность и эффективность смысла (актуального кванта знания) в когнитивной системе реципиента (интерес, фасцинация) прямо пропорциональны экспрессивности несущего его знака, требующего от реципиента нетривиального (неконвенционального) интерпретационного усилия. Основные формы неаддитивной стратегии (метафоры, гиперболы, парадоксы, преуменьшения, недоговорённости, риторические вопросы, ирония, прецедентные тексты, юмор – анекдоты, шутки и т.п.) обладают свойством *эвокации* (приращения смыслов).

2. Неаддитивные контексты провоцируют максимализацию инференциональных усилий, нарушая принцип первичной релевантности, но инициируя исчисление креативного «значения говорящего», разгадывание которого даёт пертинентность (личностную релевантность) «здесь и сейчас» как результат – получение личностного смысла, вступающего в резонанс взаимного понимания и взаимопонимания. Многие «угрожающие» пропозициональной релевантности фрагменты речевого взаимодействия легко «переживаются» в силу когнитивно-речевого шифтинга реального референциального мира в пространство людической (игровой, шутливой) виртуальной реальности, в которой референциальная нерелевантность нейтрализуется и замещается слиянием субъект-субъектных,

интерперсональных релевантностей, **резонансом** внутренних релевантностей собеседников.

3. Среди неаддитивных контекстов в обыденно-профессиональном РВ были выделены следующие контекстуальные модели, выраженные речевыми приемами и стратегиями: *намек*, *ирония ad absurdum*; *морбиальная ироническая гипербола (сарказм)*; *языковая игра*; *экспликация «от противоположного» (ирония a contrario)*, *прецедентность* (интертекстуальность) и др.

4. Проведенный психолингвистический эксперимент методом «черного ящика» («black-box»-интроспекции и экспликации) – показывает, что возможны как минимум три стадияльных типа стратегии когнитивной обработки референциально-коннотативной лакуны: 1) посредством выдвижения интерпретативных гипотез, 2) посредством создания удовлетворительной контекстуальной модели, 3) посредством игнорирования смыслового отрезка с возможным последующим (в зависимости от интуитивной оценки релевантности) выяснением искомого значения в справочных источниках. Итоги эксперимента подтвердили гипотезу об алгоритме формирования **актуального смысла** высказывания в контексте речевой интеракции: *понимание (смысл) находится в разной степени зависимости от фоновых знаний реципиентов*. При этом абсолютная релевантность интерпретации основывалась в большей степени на фоновых знаниях (предзнаниях), частичная релевантность достигалась попыткой восстановить смысл из контекста, нерелевантность интерпретации состояла либо в ошибочном понимании, либо в понимании наличия интерпретационной лакуны (непонимания). Данные проведенного эксперимента, дают основание утверждать, что определяющим параметром в стратегиях понимания является *интерпретация, обусловленная контекстуальной моделью* реципиента, учитывающая фоновые знания (эрудицию, опыт) и интеракционально-психологический контекст. В

восприятию обыденного дискурса интуитивные интерпретации преобладают над рефлексивными, порождая относительную релевантность как результат сложения абсолютной (знаниевой) и частичной (интерпретационной) релевантности.

5. Релевантность сообщения постоянно находится в поле «бокового» метакоммуникативного мышления и подвергается в разной степени интуитивной (рефлексной) или рефлексивной (осознанной) обработке, которая часто выносится в метакоммуникативные когнитивные экспликации и остенсивные (пара)вербальные экспликации в речевом взаимодействии.

6. Концептуализация «здесь и сейчас» (он-лайн) приводит к созданию операциональной, или контекстуальной системы (*ad hoc*) концептов (*ad hoc*-концептосфере), существующей «здесь и сейчас». Операциональная **когнитивная конфигурация** концептуальной системы коммуниканта обеспечивает и контролирует релевантность **системы окказиональных *ad hoc*-концептов** по отношению к уже существующим в долгосрочной памяти индивидуальным или коллективным концептуальным моделям. взаимодействие ментальных пространств («когнитивных сред», КММ, концептуальных структур и т.п.) собеседников в перспективе взаимопонимания и речекогнитивного интеракционального консенсуса («консонанса») и резонанса *взаимопонимания* целесообразно рассматривать по аналогии с **моделью концептуального блендинга**. Взаимопонимание достижимо благодаря нежесткой общей («размытой») семантике концепта (концептуальной структуры) при сохранении его прототипического ядра. Аналогичный когнитивный блендинг происходит и в речекогнитивном взаимодействии, соединяющем два когнитивных пространства, две актуально-тематические релевантности.

7. *Пертинентность* как персональная релевантность участника акта коммуникации рассматривается как соответствие информативной,

иллокутивной, интерперсональной, аргументативной интенциональностей *отправителя* интенциональным потребностям *получателя* (конклюзивного адресата). Взаимная *пертинентность* коммуникативного акта рождает когнитивно-коммуникативный *резонанс* когнитивных моделей коммуникантов, коммуникативно-психологическое взаимопонимание. *Пертинентность* может нарушать принцип оптимальной релевантности (уменьшения интерпретативных усилий) для получения максимального контекстуального эффекта (метафора, юмор, прецедентность и др.). Высшая степень пертинентности – *когнитивный катарсис* (радость понимания).

8. Интегральная релевантность интеракции (понятийно-функциональное пространства) представлено в работе в виде концептуально-понятийной карты, обобщающей сопряжение всех видов релевантности в процессе речевого взаимодействия. Концептуальное картирование когнитивно-коммуникативной среды речевой интеракции позволяет осуществить гипотетико-научную теорию релевантности в редуцированной и обобщающей **интегративной форме**.

ГЛАВА V. МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ МАНИФЕСТАЦИИ РЕЛЕВАНТНОСТИ В РЕЧЕВОЙ ИНТЕРАКЦИИ

С точки зрения когнитивно-дискурсивного метода, речевое общение основано на взаимодействии концептуальных систем коммуникантов. В ситуации диалога происходит когнитивная настройка, фокусирование [Ирисханова, 2014а] релевантных для данного взаимодействия знаний, полаганий, точек зрения, смыслов. Поэтому не только в обработке сообщения адресатом, но и в процессе порождения высказывания происходит выдвижение релевантных смыслов, которые становятся «когнитивными доминантами» в обоюдном концептуальном пространстве речевой интеракции.

Метакоммуникативное («боковое») сознание участников речевого взаимодействия ориентировано на согласование релевантных когнитивных доминант, создающих обоюдную когнитивную среду интеракциональных субъектов.

С точки зрения метаязыкового анализа, первой стадией реализации релевантности является *употребление* «здесь и сейчас» (*token*), проявляющееся на уровне дискурсивного анализа «он-лайн». Второй стадией закрепления релевантности как внутреннего свойства знака становятся когнитивные структуры узуальной модели языка – *Usage based model* [Barlow, 2000] – речекогнитивные доминанты РВ [Болдырев, Григорьева, 2018], позволяющие осуществлять управление и контроль за процедурой когнитивного обмена и формирования обоюдной когнитивной среды коммуникантов, закрепляемые в узусе и составляющие когнитивно-коммуникативную компетенцию коммуникантов. Релевантность как когнитивно-прагматическая категория существует в сознании коммуникантов в виде метаязыковой оценки протекания речевого взаимодействия от замысла речи до его результата (уместность, успешность,

эффективность). Коммуниканты постоянно оценивают *способ* и *действенность* передачи информации, сознательно или инстинктивно [Рябцева, 2017], стремясь извлечь из сообщения максимум пользы при минимальных затратах усилий, прилагаемых на её обработку, то есть на понимание сообщения («принцип релевантности») [Sperber, Wilson, 1989].

Одним из средств реализации адаптивной стратегии в регулярных метакоммуникативных манифестациях консенсуальной когнитивно-коммуникативной среды являются **парентетические** («тетические» [Heine, 2013]) **дискурсивные элементы** [Алферов, 2001; Урмсон, 1985; Dosti, 2004]. В частности, это относится и к **ремаркам** и **репликам**, вторгающимся в речь партнера по интеракции, что имеет место, как показывают все приведенные в этой работе примеры, – в бытовом диалоге, а также в полемике, аргументативной дискуссии, парламентских дебатах [Попова, 2019a].

Элементы маркирования речевых интенциональностей различных аспектах РВ составляют функциональный класс прагматических индексалов в пространстве дискурса, регулирующих (указывающих) направление движения речевых ходов-высказываний (Ср. [Алферов, 2001; Попова, 2004; Blakemore, 2002]).

По нашему мнению, правомочность системно-структурного описания речи должна основываться на относительной имманентности («в себе и для себя»), ограничивающей количество индивидуально-окказиональных факторов, присущих речи, чтобы превратить ее в предмет лингвистического анализа, отражающий социально-конвенциональные характеристики языка-речи. Другими словами, необходимо определить, что системно, а что не системно в речи, и что из того системного относится к речи, а что признанно функционирует в качестве элементов системы языка.

Грамматика речи (ГР) [Гак, 1998; Алферов, 2001], так же как и дискурсивная грамматика [Heine, 2013; 2014], представляется прежде всего как ономаσιологическая функциональная грамматика, или грамматика

речевого взаимодействия [Алферов, 2001; 2007a; Halliday, 1973; 1978]. Поэтому в контексте ГР целесообразно рассматривать уровни языкового анализа в приложении к высказыванию-типу. И если интеракция принимается за единицу ГР, то элементы высказывания на фонетическом, морфологическом и т.д. уровнях рассматриваются только в преломлении к их значимости в речевом обмене. Это объясняется тем, что основной онтологической характеристикой ГР выступает интенциональность, т.е. речевое намерение, воплощенное в определенные системно-структурные рамки высказывания. Вряд ли кто-нибудь оспорит тот факт, что говорящий не ставит целью складывать из фонем морфемы, а из морфем слова. ГР начинается за пределами лингвистической компетенции, там, где происходит целенаправленная речевая деятельность. Значит ли это, что ГР «не опускается» до рассмотрения фонологических, морфологических и т.д. аспектов языка? Вовсе нет. Однако релевантность тех или иных явлений, рассматриваемых внутри языковой системы, различна в контексте интенциональной ГР. Например, выбор форм настоящего и прошедшего времен сослагательного наклонения во французском языке (*conditionnel présent et passé*) определяет степень вежливости говорящего, дифференцирует речевые акты просьбы и упрека, выражает категорию эвиденциальности (*Je prendrais bien une limonade / j'aurais bien pris une limonade; Tu devrais lui parler / t'aurais dû lui parler*) [Корди, 2001].

Подобная концепция в настоящее время разрабатывается в русле теории дискурсивной грамматики (Discourse Grammar) [Heine, 2013; 2014], основной идеей которой является деление функциональной грамматики на две области – синтаксическую грамматику (Sentence Grammar – SG) и «тетическую» грамматику (Thetical Grammar – TG). В концепции Дискурсивной грамматики сентенциальная грамматика SG оперирует семантикой пропозиций с предикативным центром, выражаемой предложениями, словами и морфемами, а также синтаксическими и

морфологическими механизмами связи этих составляющих. Тетическая грамматика (TG) обращена к лингвистическим элементам, которые обычно рассматриваются как находящиеся за пределами SG. Это традиционные «вводные конструкции», а также различные парентетические единицы, такие как «вокативы, императивы, формулы социального обмена и междометия» [Heine, 2013]. Авторы подчеркивают когнитивные основание данного деления наличием основного – пропозиционально-концептуального и «бокового», рефлексивного мышления и его речезыковой имплементации (ср. [Heine, 2014]).

Однако авторы концепции DG подчеркивают имманентность своего функционального подхода, ограничивающегося исключительно вербальными, текстовыми формами:

«Discourse Grammar, as we understand it, has a narrow scope: It is composed of all the linguistic resources that are available for designing texts, irrespective of whether these are spoken, written, or signed texts. <...> Our concern is exclusively with verbal communication; an adequate theory of human communication would include non-verbal communication, which is beyond the scope of the present framework [Heine, 2013: 175]. – Грамматика дискурса, как мы ее понимаем, имеет узкую область применения: она состоит из всех лингвистических ресурсов, доступных для разработки текстов, независимо от того, это устные, письменные или официальные тексты. Нас интересует исключительно вербальная коммуникация; адекватная теория человеческого общения включала бы невербальную коммуникацию, которая выходит за рамки настоящих рамок» (перевод наш – Г.П.).

В отличие от этой версии дискурсивной грамматики, грамматика речи, представленная в нашем исследовании, рассматривает полимодальное воплощение рефлексов-рефлексивов, оставаясь открытой теоретической перспективой [Гак, 1998].

5.1. Когнитивные метарепрезентации и метаречевая экспликация релевантности РВ

Вступая в коммуникацию, собеседники намерены организовать и регулировать – через механизмы кодирования – декодирования и импликации и интерпретативной инференции – общее когнитивное пространство речевого взаимодействия – общую когнитивную среду. Как было отмечено, максимальная релевантность достигается при наименьшем усилии по обработке реципиентом поступающей информации и максимальном когнитивном эффекте от получаемой информации. Другими словами, чем *легче* (быстрее) мы воспринимаем (усваиваем) входящую информацию и чем *более востребованным* является передаваемое знание (*когнитивный эффект*), тем более *релевантным* будет для нас получаемое сообщение. Поэтому в обыденной коммуникации преобладают аддитивные и адаптивные стратегии РВ, направленные на обеспечение максимальной релевантности, поставляемой продуцентом информации. Для этого продуцент старается всячески снизить затраты усилий реципиента на интерпретацию и понимание сообщения. Вслед за выявлением двух интенций говорящего –информативной и коммуникативной [Grice, 1991; 2001], в «ТР» выделяются два аспекта восприятия сообщения – концептуальный и процедурный. Концептуализация (получение смысла и знания) есть результат процедурного алгоритма обработки информации. Данный алгоритм, как было отмечено выше, состоит из трёх когнитивных «манипуляций» – *конвенционального декодирования, экспликации и импликации*. В результате мы получаем три значения высказывания: языковое, семантико-прагматическое и инференционно-контекстуальное.

Концептуальное (понятийное) **знание** соотносится с референцией и пропозиционально-истинностными значениями высказывания, **процедурное знание** связано со способами обработки высказываний в индивидуальной и

обоюдной когнитивной среде реципиентов [Sperber, Wilson, 1995; Blakemore, 1987; 1992; 2002; 2004].

Другими словами, говорящий, осознанно или рефлекторно стремится не усложнить, а облегчить понимание своего высказывания собеседником в оптимальном алгоритме: затраты на процесс интерпретации (понимания) не должны превышать когнитивных эффектов, то есть коммуникативной значимости и информативности высказывания. При этом, с точки зрения речевого воздействия, когнитивные эффекты от принимаемого реципиентом высказывания (информации) заключаются:

1) в подтверждении и усилении существующих у реципиента убеждений, верований, знаний (картины мира) и т.д.;

2) в противоречии и зарождении сомнений у реципиента в его существующей картине мира;

3) в опровержении существующих у реципиента представлений (репрезентаций) о мире [Allott, 2013: 6].

Поэтому целесообразно рассматривать релевантность как *метакоммуникативную категорию*, имеющую свои средства реализации и выражения. К средствам реализации метакоммуникативной функции релевантности относятся логико-когнитивные механизмы речезыкового сознания человека. К средствам выражения можно отнести все те прагматические элементы языка и речи, значение которых либо прямо, либо косвенно отражает этапы процесса речемыслительной деятельности взаимодействующих коммуникантов [Рябцева, 1994; 2017; Rey–Debove, 1978].

Модель речевой интеракции опирается на коммуникативные метазнания собеседников – коммуникативную компетенцию, которая состоит из набора очевидных для обоих коммуникантов закономерностей речевой интеракции, максимы кооперативного общения и т.п. Эта взаимная

очевидность (*manifestness*) ходов и действий участников речевого взаимодействия является условием успешной коммуникации.

Референциальные сущности (предметы, лица, отношения) являются объектами пропозиционального плана речевой интеракции. Но в пространстве дискурсивной памяти и в процессе её формирования эти отраженные пропозициональные объекты сами становятся предметом моделирования. В этом случае речь идет не о референтах речевого взаимодействия как таковых, а об интерпретациях этих референтов на метауровне совместного когнитивного пространства. Эти интерпретации становятся элементами, составляющими обоюдную когнитивную среду и **дискурсивную память** собеседников.

По мере развития диалога и порождения новых высказываний объем дискурсивной памяти возрастает за счёт двух когнитивных модулей – остенсивно-перцептивного и имплицитивно-инференциального [Fodor, 1986]. Отсюда, речевая интеракция – полимодальное когнитивно-коммуникативное взаимодействие.

В остенсивной модальности говорящий вербально и невербально сообщает собеседнику определенную информацию, которая не просто декодируется, а служит поводом для интерпретации на глубинном инференциальном уровне дискурсивной памяти. Причем осуществляемая инференция – это не та сущность, которая представлена в логике в виде жесткого дедуктивного исчисления смысла по формуле «причина – следствие». В интерпретации дедукция уступает место **абдукции**, то есть выдвижению более или менее приемлемых предположений о смысле произведенного высказывания, которые могут оправдаться или не оправдаться. В отличие от дедуктивного вывода, абдукция – открытая когнитивно-логическая система [Peirce, 1978]. К тому же в дискурсивной памяти фиксируются не все остенсивные сигналы и импликации говорящих, а исключительно релевантные для общего когнитивного пространства

собеседников, для темы, предназначения и интенциональностей участников совершаемой речевой интеракции. Причем референциальными объектами, входящими в обоюдную когнитивную среду, становятся не только пропозициональные референты высказывания, но и интеракциональные характеристики высказывания: его иллокутивная и аргументативная сила, интерперсональная направленность (*мимезис – агон*) само протекание речевой интеракции, соответствие речевой и деятельностной составляющих коммуникации.

Такая иногда почти подсознательная фиксация метакоммуникативного (под)сознания становится аналогом *das Es* (Оно) З. Фрейда [1990], что можно скоррелировать с возникающими в речи метаязыковыми местоименными анафорами, относящимися не к пропозиции высказывания, а к интеракциональным (иллокутивным, интерперсональным, аргументативным и т.д.) функциям высказывания, например:

- (а) «Участники акции не должны останавливать движение! Настоятельно рекомендуем не пренебрегать **этим**»;
- (б) «Кто следующий? На **это** никто не даст ответа»;
- (в) «– Я не собирался им досаждать. – **Это** не аргумент»;
- (г) «– Ты пожалеешь! – **Это** ты мне!?!».

В данных примерах antecedентом местоимения ‘это’ является не эллипсис слов «приказ», «вопрос», «угроза» и т.д., а сами интеракциональные идентичности: иллокутивная функция в (а) и (б), аргументативная сила в (в) и интерперсональная релевантность (конфликт этосов) в (г).

Поэтому в операциональной дискурсивной памяти содержатся и *референциальные объекты*, отражающие «картину мира», и информация о самой интеракции – *интеракциональные объекты*, метадискурсивные репрезентации, представляющие модель коммуникативных действий и интерпретативные операции, производимые собеседниками. Одной из функций операциональной дискурсивной памяти является идентификация

интертекстовой прецедентности получаемого сообщения (см. выше), соотнесения новой информации с тезаурусом долговременной дискурсивной памяти (см. выше Схема 3), оценка ее достоверности и релевантности (ср. «эпистемическая бдительность» [Sperber, 2010]). При этом алгоритмы дискурсивной памяти не только ретроспективны в фиксации интеракционально-прагматической информации, но и проспективны и обращены на антиципацию речевых ходов собеседника, его имплицативных актов в соответствии с презумпцией оптимальной релевантности речевого взаимодействия [Ломов, Сурков, 1980; Sperber, Wilson, 1989]. В дискурсивной памяти проявляется категория интеракционального ожидания, упоминающаяся традиционно в известном стилистическом приёме «обманутого ожидания» (*defeated expectancy*) [Jacobson, 1961]. «Ожидание» проявляется в когнитивно-интеракциональном механизме антиципации – компетентностной интуиции, проецируемой на алгоритмы речевого производства в речевом взаимодействии [Charaudeau, 2002].

Механизм антиципации действует в тесной связи с энталамированием и инференциальной интерпретацией и, как правило, проявляется в диапазоне от сильных до слабых инференций – экспликатур и имплицатур, инвокаций и эвокаций, направленных на регуляцию текущего речевого взаимодействия.

К сильным антиципаниям (ожиданиям) относятся элементы операциональной дискурсивной памяти в виде «сопряженных пар» речевых актов, связанных отношениями иллюкутивного / аргументативного / интерперсонального «вынуждения» [Баранов, 1992], например, «вопрос–ответ», «согласие–несогласие», «посылка–аргумент–вывод» и т.п. (см. тж. выше примеры а–с). Нарушение такой узуальной презумпции влечёт за собой *метаречевые коррекции и комментарии*. Например, когерентности аргументации:

(63)

Chase [Firmly]: It's his call.

| – Это его выбор.

Foreman: So what do we do? We put a plastic bag over his head and get it over with?

Chase: No. We give him a syringe full of morphine. Every doctor I've ever practiced with has done it. They don't want to, they don't like to, but that's the way it is.

Foreman: I haven't, I won't.

Cameron: I couldn't do it either.

Chase [Incredulous.]: You just said we should respect his decision.

Cameron: Respect it doesn't necessarily mean we honor it.

Chase: Right. Just means we talk about it. [Pause.] At some point, do no harm has to mean allowing nature to take its course, not stubbornly standing in the way of it.

Foreman: Sticking a metal syringe into a plastic I.V. line and pumping in a lethal dose of morphine is not letting nature take its course. Not according to the state of New Jersey.

Cameron: So it's better we allow him to slowly suffocate in his own plasma?

Foreman: *Whose side are you on, senator? First respect his wishes, then invade Iraq, then get the troops home. Make up your mind* [HMD: 3/3].

– И что нам делать? Надеть пластиковый пакет и избавить от мучений?

– Нет, вколем ему морфина. Все врачи, с кем я работал, так делали. Ужасно неприятно, но так уж оно и есть.

– Я этого делать не буду.

– И я не буду.

– Ты же сказала, нужно уважать его решение.

– Уважать – не значит выполнить.

– Ясно. То есть мы просто треплемся. В каком-то смысле "не навреди" значит дать природе взять своё и не стоять у неё на пути.

– Воткнуть шприц в пластиковую капельницу и закачать смертельную дозу морфина – не значит дать природе взять своё. По закону штата Нью-Джерси.

– То есть, пусть медленно захлёбывается собственной плазмой?

– *На чьей вы стороне, сенатор? Сперва – уважайте его желание, потом – солдат в Ирак, потом – войска домой... Определитесь.*

Слабые антиципации (ожидания) связаны с метапропозициональными импликациями – инференционным содержанием высказывания говорящего, требующим привлечения в дискурсивную память пресуппозиций – «общих знаний», очевидность которых зависит от дискурсивной компетентности собеседников, хотя бы частичного совпадения их «внутренних релевантностей» (А. Шюц), релевантного «конструирования собеседника» (recipient design). Проявлением слабой антиципации может быть как

закрытая, так и открытая пропозиция. К закрытой пропозиции относятся, например, косвенные речевые акты типа «У тебя дочь есть!» = ‘Не проси от меня помощи’ или оценочно-людические, иронические (часто интертекстовые), типа «За что боролись...»; «Хотелось, как лучше...» и т.п. Закрытая пропозиция часто выступает в функции иронического (контр)аргумента, например:

(64)

<p>House: I want you to get a skin sample for a biopsy.</p> <p>Cameron: <i>And I wanna get a foot massage from Johnny Damon</i>⁶⁴ [HMD: 3/3].</p>	<p>– Хочу, чтобы ты взяла образец его кожи для биопсии.</p> <p>– <i>А я хочу, чтобы Джонни Дэймон сделал мне массаж ног.</i></p>
--	--

К открытым пропозициям относятся обычные событийные и фактуальные пропозиции, требующие в контексте речевого взаимодействия интерпретаций собеседника, оценки их истинности («фейки» и т.п.), аргументативной силы, иллокутивной, интерперсональной и дискурсивной релевантности [Попова, 2020]. В этом случае реакцию собеседника в виде инференций и интерпретаций прогнозировать трудно, но можно, если владеть пресуппозициями общей когнитивной среды (дискурсивной памяти). Следовательно, можно программировать и свою реакцию на эту реакцию. Такая антиципация есть также продукт жизненного опыта, ассонанса/диссонанса внутренних релевантностей, дискурсивной памяти участников речевого взаимодействия, составляющей метакоммуникативного сознания.

Эффект ожидания – оправданного или обманутого – определяется (а)симметрией в интенциональностях собеседников и успешностью метапропозициональной инференции, которая соотносится не с вопросом «что говорится», а с тем, «кем, зачем, почему и когда» говорится [Sperber, Wilson, 1989]. Риторическая значимость как обманутого, так и оправданного

⁶⁴ Американский популярный спортсмен – бейсболист.

ожидания также включается в дискурсивную память говорящих, которые могут прогнозировать эти эффекты в целях воздействия на собеседника и аудиторию (фасцинация, катарсис, конфликт и др.). Такова эпатирующая ирония *ad absurdum* – шокирующая речевая стратегия Хауса, издевающегося над своими пациентами (см. тж. [Тамразова, 2021]):

(65)

House: How long have you been congested? Dad: All week, ever since <i>we got back from Fresno</i> . House [Feeling Dad's glands]: <i>Fresno. That's in France, right? See the Parthenon?</i> Dad: Uh, California. – Fever, aches, weakness, loss of appetite. <i>You been having any anal sex with I.V. drug users lately?</i> Dad [Offended.]: Of course not, I'm married. House [Nods.]: <i>You think she might've been having--</i> Dad and Daughter [Simultaneously, and shocked.]: NO!! House [Nods.]: It's probably a rhinovirus. Dad: What's that? House: Cold. Take this 4 times a day, and stay off airplanes. Flying cesspools. [HMD: 3/3].	– Сколько вы уже больны? – Неделю, как вернулись из Фресно. – Фресно? Это ж во Франции. Видали Парфенон? – В Калифорнии. <...> – Жар, боли, слабость, потеря аппетита. У вас недавно не было анального секса с наркоманами? – Конечно, нет, я женат. – Думаете, у неё был? – Нет! – Очевидно риновирус. – А что это? – Простуда. Принимайте это 4 раза в день и держитесь подальше от самолетов. Летающие помойки.
--	--

В примере (65) ирония и *ёрничание* Хауса как эхо-шифтинг [Wilson, Sperber, 2012; 2013] происходит не только из его психологического амплуа персонажа-трикстера, который подтрунивает над своими коллегами и пациентами [Уилсон, 2010].

На самом деле в (65) иронические высказывания мотивированы также нерелевантностью (с точки зрения Хауса) речевого поведения (ответов и личности) пациента:

– нарушением максимы количества («не говори больше, чем требуется») при упоминании *Фресно*;

– деятельностной нерелевантностью – обращением в больницу с пустяковым (с точки зрения супердиагноста Хауса) заболеванием – простудой;

– оценкой уровня внутренних релевантностей собеседника, его психоэмоционального и интеллектуального типа («легковерный простак») (ср. [Карасик, 2009]).

Нарочитая нерелевантность последней фразы Хауса «*and stay off airplanes. Flying cesspools*» выступает средством иронического «стёба» над незадачливым пациентом, обречённым искать отсутствующую релевантность путём нелёгких для него умозаключений («скрипеть мозгами»).

Диссонанс с внешней (социальной) средой может маркироваться в метаязыковых ремарках собеседника, призывающего к соблюдению речеповеденческих норм и правил корпоративной коммуникации:

(66)

KEN: Where are you going?

ROY: Upstairs. Get the regulators on it.

I want to close by the end of the month.

KEN: *Come on, Roy. There are ten other items on the agenda.*

ROY: Which will have to wait until next week.

KEN: *You can't drag us all out of the office, get halfway through, and then just kick us out.*

ROY: Yeah, I can [HMD: 6/5].

– Куда ты собрался?

– Наверх. Займитесь этим вопросом.

Закроем позиции в конце месяца.

– Подожди, Рой. У нас еще десять вопросов на повестке.

– Придется отложить их на следующую неделю.

– Но ты не можешь вытащить всех нас из офиса, прервать на середине, и вышвырнуть.

– Нет, могу.

Метарепрезентации контролируют релевантность интерпретации на протяжении всего когнитивного взаимодействия, всевозможные изменения в релевантностях РВ, направляющих коммуникацию, создавая параллельный «диалог со-знаний» внутри сознания каждого из собеседников:

«...the relevance-guided comprehension heuristic, which constrains utterance interpretation and is based on processes of mutual parallel adjustment. This is done by showing the different subtasks that are involved in comprehension to satisfy the expectations of relevance which involve resolving explicatures and implicatures» [Clark, 2013: 63] (Эвристическое понимание, движимое релевантностью, определяет интерпретацию высказывания и основывается на взаимной параллельной адаптации <смыслов>. Последняя достигается посредством решения тактических задач в процессе понимания для удовлетворения ожиданий релевантности, в частности, исчисления экспликатур и имплицатур).

Реализация метаязыковой функции трактуется, как правило, в терминах «мета-речевых стратегий» [Кравцова, 2012]. Однако, как мы полагаем, термин «стратегия» не вполне подходит для определения одной части рассматриваемых речевых автоматизмов – «фразеорефлексов» – устойчивых разговорных клише, формул, и «речевых рефлексов» [Гак, 1994; 1995], которые появляются в речи практически неосознанно, спонтанно и иногда труднообъяснимо (ср. подчеркнуто избыточный статус в их обыденных названиях – ‘слова-паразиты’, ‘речевые тики’ и т.д.).

И.Т. Вепрева выделяет две основные группы рефлексов – коммуникативные (1) и концептуальные (2) – на основе их функций:

1) это характеристика слов, оценка фактов речи, стилистическая критика «уместности/неуместности» и т.д.;

2) это отражение эволюции ценностной системы языковой личности, мировоззренческие установки в социально неоднородном обществе [Вепрева, 2003].

Следуя концепции ученого, «появление в тексте рефлекса нарушает автоматизм восприятия текста, заставляет остановиться, обратить внимание на ту или иную лексическую единицу», поэтому различная реакция определяет тип рефлекса: «рефлексы, реагирующие на коммуникативное напряжение, и рефлексы, реагирующие на концептуальное напряжение» [Там же: 21].

А.А. Залевская относит к «первичным рефлексивам» короткие реплики, попутные замечания, включенные в текст, реализующие подсознательные и сознательные речезыковые намерения говорящих. “Вторичные рефлексивы” представлены отдельными метаязыковыми высказываниями или целыми текстовыми фрагментами, включающими ряд взаимосвязанных высказываний на данную тему» [Залевская, 2005]. Дихотомию рефлексивов, относящихся к процессу высказывания и оценке содержания высказывания находим также в [Богданова-Бегларян, 2015].

При этом, согласно И.Т. Вепревой, эксплицитные рефлексивы могут выступать в двух формах: как простое и как оценочное комментирование. Простое комментирование – это метаязыковой комментарий, а оценочное комментирование – это метаязыковая интерпретация [Вепрева, 2003].

При помощи рефлексивов собеседники, через механизмы кодирования–декодирования, а также импликации и интерпретативные инференции, пытаются организовать и регулировать общее когнитивное пространство диалога – общую когнитивную среду.

Следуя Х. Мерсье и Д. Сперберу [Sperber, Wilson, 1989], в системе рационального рассуждения можно выделить две подсистемы, или два уровня (под)сознания: *интуитивная инференция* (ИИ) и *рефлексивная инференция* (РИ). Эти две подсистемы имеют следующие отличия (Табл.4):

Таблица 4.

Два типа (уровня) когнитивной инференции

Интуиция (ИИ)	Рефлексия (РИ)
быстрая	медленная
перцептивная (процедурная)	концептуальная
иррациональная	рациональная
прямая	косвенная
имплицитная	эксплицитная
репрезентационная	метарепрезентационная

персуазивная	аргументированная
--------------	-------------------

Соответственно, метаязыковая рефлексия обеспечивается двумя категориями маркеров-регуляторов – *осознанных метарефлексивов* и *интуитивных метарефлексивов*, функционирующих в интеракциональном пространстве коммуникативного социума.

Мы полагаем, что метарефлексивы маркируют интерпретативные импликатуры (инференция сложного контекстуального содержания), а метарефлексивы представляют интерпретативные экспликации – метакоммуникативную репрезентацию того или иного аспекта речевого взаимодействия (ср. [Rey–Debove, 1978]).

Например, *смех* является *рефлекторной* манифестацией и маркером личностной релевантности (пертинентности) высказывания:

(67)

«Гаврилин начал свою речь хорошо и просто:

– Трамвай построить, – сказал он, – это не ешака купить.

В толпе внезапно послышался громкий смех Остапа Бендера. Он оценил эту фразу. Все заржали. Ободренный приемом, Гаврилин, сам не понимая почему, вдруг заговорил о международном положении» [ИПДС: 114 – выделено нами – Г.П.].

Дискурсивная релевантность речи связана с пропозициональной и риторической составляющей РВ и является предметом *метадискурсивной рефлексии*, самоанализа. Например, продолжая приведённый отрывок Ильфа и Петрова:

(68)

«Треухов хотел сказать многое. И про субботники, и про тяжелую работу, обо всем, что сделано и что можно *сделать*. А сделать можно много: можно освободить город от заразного привозного рынка, <...> можно, наконец, осуществить проект постройки огромной мясохладобойни. Треухов открыл рот и, запинаясь, заговорил:

— Товарищи! Международное положение нашего государства...

И дальше замямлил такие прописные истины, что толпа, слушавшая уже шестую международную речь, похолодела.

Только окончив, Треухов понял, что и он ни слова не сказал о трамвае.

«Вот обидно, — подумал он, — абсолютно мы не умеем говорить, абсолютно». И ему вспомнилась речь французского коммуниста, которую он слышал на собрании в Москве. Француз говорил о буржуазной прессе. «Эти акробаты пера, — восклицал он, — эти виртуозы фарса, эти шакалы ротационных машин...». Первую часть речи француз произносил в тоне *la*, вторую часть — в тоне *do* и последнюю, патетическую, — в тоне *mi*. Жесты его были умеренны и красивы. «А мы только муть разводим, — решил Треухов, — лучше б совсем не говорили» [ИПДС: 115] (– выделено в оригинале – Г.П.).

На обоих уровнях исчисления смысла высказывания – интуитивном и рефлексивном – работает когнитивный модуль определения релевантности коммуникации (высказывания) [Fodor, 1986; Sperber, 2012], который обусловлен выделенными (см. выше Табл. 3) различиями между интуитивной инференцией и рефлексивной инференцией. Такая мета-операциональная репрезентация сопровождается взаимодействием дискурсивных операторов метакоммуникативной функции интерпретации релевантности: сигналов-рефлексов (интуитивных) и сигналов-рефлексов (рефлексивных) [Гак, 1994; 1995; Вепрева, 2003; Тамразова, 2014].

Интеракциональные функции рефлексов и рефлексивов сходны – оценивать и сигнализировать о степени релевантности передаваемой и/или принимаемой информации в плане ее формы (номинативной, грамматической, стилистической и т.д.) и/или содержания (эпистемической релевантности: убедительности, искренности, истинности и т.д.). Границы между типами метакоммуникативных реакций размыты, и если междометные маркеры (*А!*, *Ну*, *Да/Нет!*, *Ага!* *Щас!* *Дескать* и т.д.) имеют очевидно интуитивную функциональную дистрибуцию [Попова, 2017б,в], отличаясь от исконных модусных рефлексивов пропозиционального отношения и логических коннекторов (*я полагаю*, *можно сказать*, *не бойтесь*, *несмотря на*, *следовательно*, *поэтому* и т.д.) [Алферов, 2001; Вепрева, 2003], то такие

речевые слова-частицы, как *Подумаешь!*, *Скажем (так)*, *Неужели?* – занимают срединное положение в этом функциональном поле дискурсивных маркеров (ДМ) (ср. [Каменский, 2015]).

На материале художественных и аутентичных диалогов, отраженных в электронном корпусе [Corpus FRANTEXT] и корпусе телесериала «House, MD», мы проследили за процессами метаязыковой регуляции, то есть адаптации диалогического взаимодействия к пропозициональному объекту (ассонанс), интерперсональному отношению, опосредованному социальной средой (консонанс) и, как следствие, возникновения интерсубъективного когнитивного согласия и эмпатии (резонанс) между участниками РВ. Учитывая, что маркирование в метаязыковом регистре РВ происходит в основном в случае нарушений релевантности высказывания и/или речевого обмена, запускающих механизм «эпистемической бдительности», мы рассмотрели несколько моделей реакций собеседников на нарушение когнитивного ассонанса (социальной аккомодации) и когнитивного резонанса (интерсубъективной аккомодации). В процессе анализа были определены основные когнитивные функциональные модули (следуя [Fodor, 1986]), ответственные за совокупную интеракционную релевантность: пропозициональный (референтный), иллокутивный (интенциональный), аргументативно-персуазивный, интерперсональный и интеракционно-дискурсивный.

И еще одно различие составляет типологический признак дискурсивных маркеров (ср. [Дискурсивные слова, 1998]). Это их про- или ретро- активный характер. Проактивные маркеры дискурсивной релевантности участвуют в проектировании реакции партнера и маркируют образ его «внутренней релевантности»: *Знаете, нам тоже не легко; Думаете, можно его уговорить?; Готов спорить, вы и не предполагали такого.*

Ретроактивные маркеры участвуют в контраргументационной игре коммуникантов: *А то нет?, Скажешь тоже!, Вы в своем уме?, «Тебе-то что?, Это, по вашему, справедливо?* и т.д.; либо, наоборот, они указывают на релевантность суждения и высказывания собеседника: *Согласен, Поддерживаю, Несомненно, да!, Приятно слышать!, Ты как в воду глядел!* и т.д. Конечно, многие маркеры (не)релевантности попадают в область синтаксической и парасинтаксической (дискурсивной) области интеракции и паравербалики – жесты, мимика и т.д. Однако их морфосинтаксическая и функциональная типология, которая не раз попадала в поле зрения лингвистов, во-первых, не ограничивается приведенными выше речевыми стереотипами, а во-вторых, еще не рассматривалась с точки зрения процесса интуитивной и рефлексивной акцептации пропозициональной, иллокутивной, интерперсональной и аргументативной релевантности того или иного высказывания в рамках жанровой дифференциации, в частности, в сопоставлении обыденного и профессионального общения. Интуитивная инференция действует на уровне ситуационного (тактического) принятия решения, рефлексивная – на уровне стратегическом – с применением особых аргументативных ходов, иллокутивных актов, межличностных триггеров и дискурсивных операторов.

Часто метаречевой договор касается речевого поведения партнёра по коммуникации, влияющего на решение профессиональных задач. Такие рефлексивно-рефлексные обмены могут быть крайне эмоциональными и требуют стратегий речевого противодействия (обвинение, упрёк и т.п.). В них синкретично соединяются различные типы релевантности (аргументативная, интерперсональная, дискурсивная):

(69)

House: <i>You pulled my authorization.</i>	– Ты <i>отменила</i> моё распоряжение.
Cuddy: <i>Yes, why are you yelling?</i>	– Да, а <i>почему ты кричишь?</i>
House: No MRIs, no imaging studies, no labs.	– Ни МРТ, ни визуализаций, ни электронных анализов.

<p>Cuddy: You also can't make long distance phone calls.</p> <p>House: <i>If you're gonna fire me at least have the guts to face me.</i></p> <p>Cuddy: Or photocopies; you're still yelling.</p> <p>House: <i>I'm ANGRY!</i> You're risking a patient's life.</p> <p>Cuddy: <i>I assume those are two separate points.</i></p> <p>House: You <i>showed me disrespect, you embarrassed me</i> and as long as I'm still work here you have...[interrupted]</p> <p>Cuddy: <i>Is your yelling designed to scare me</i> because I'm not sure what I'm supposed to be scared of. More yelling? That's not scary. That you're gonna hurt me? That's scary, but I'm pretty sure I can outrun ya [HMD: 1/1].</p>	<p>– А ещё никаких междугородних звонков.</p> <p>– Хочешь меня уволить, так <i>имей смелость сказать мне это в лицо.</i></p> <p>– И ксерокопии, и ты все еще кричишь.</p> <p>– <i>Я в бешенстве!</i> Ты рискуешь жизнью пациента.</p> <p>– <i>Полагаю, эти два момента не связаны.</i></p> <p>– Ты <i>выказала мне неуважение и унизила.</i> Пока я работаю здесь, у тебя нет...</p> <p>– <i>Криком ты хочешь меня напугать?</i> Не совсем понимаю, чего мне следует бояться. Дальнейших криков? Это не страшно.</p> <p>Или, что ты меня ударишь?</p> <p>Это страшно, но я почти уверена, что смогу убежать.</p>
---	--

Профессионально-бытовая интеракция на метауровне касается аргументативной релевантности (напр., ad-аргументы: *ad Hitlerum* и др.) обоснованности принятия решений, профессиональной деонтологии, в частности, в медицинской коммуникации (см. тж. [Baylon, Mignot, 1994]):

(70)

<p>Cuddy: Why are you giving Adler steroids?</p> <p>House: Well, she's my patient that's what you do with patients. You give them medicine.</p> <p>Cuddy: You don't prescribe medicine based on guesses. At least we don't since Tuskegee and Mengele.</p> <p>House: You're comparing me to a Nazi? Nice.</p>	<p>– Зачем ты даешь Адлер стероиды?</p> <p>– Она же моя пациентка, врачи дают пациентам лекарства.</p> <p>– Нельзя выписывать лекарства, основываясь на догадках. По крайней мере, со времен Таскиги и Менгеле.</p> <p>– Сравниваешь меня с нацистами? Мило.</p> <p>– Я прекращаю лечение.</p>
---	--

<p>Cuddy: I'm stopping the treatment.</p> <p>House: She's my patient.</p> <p>Cuddy: It's my hospital.</p> <p>House: I did not get her sick, she is not an experiment, I have a legitimate theory about what's wrong with her.</p> <p>Cuddy: <i>With no proof.</i></p> <p>House: There's never any proof. 5 different doctors come up with 5 different diagnoses based on the same evidence.</p> <p>Cuddy: You don't have any evidence. And nobody knows anything huh? Then how is it that you always assume you're right?</p> <p>House: I don't, I just find it hard to operate on the opposite assumption. And why are you so afraid of making a mistake?</p> <p>Cuddy: Because I'm a doctor. Because when we make mistakes people die.</p> <p>House: Come on [HMD: 1/1].</p>	<p>– Она моя пациентка.</p> <p>– А это моя больница.</p> <p>– Она не из-за меня больна, я не экспериментирую, у меня есть логичная теория, почему она больна.</p> <p>– Без доказательств.</p> <p>– Их и быть не может. 5 разных врачей ставят 5 разных диагнозов на основе одинаковых доказательств.</p> <p>– Которых у тебя вообще нет. Никто ничего не знает, да? Так откуда ты всегда знаешь, что ты прав?</p> <p>– Я этого не знаю, но мне сложно работать, считая, что я не прав. А почему ты так боишься ошибиться?</p> <p>– Потому что я врач. Когда мы ошибаемся, люди умирают.</p> <p>– Да ладно.</p>
--	---

Акцептация в речи имеет многочисленные формы и, как правило, проявляется эксплицитно в виде маркеров согласия, подтверждения, одобрения и т.д. (см., напр., [Баделина, 1997]). В.Г. Гак писал о речевых рефлексах (РР) согласия и одобрения в русском языке:

«Целая гамма РР передает значение согласия, уверенности; *И не говори!*; *Что и говорить!*; *И то сказать!*; *Не спрашивай!*; *Спрашиваешь!*; *Право слово!*; *Что за вопрос!*; *Кто говорит!*; *Ничего не скажешь!*; *Нечего сказать!*; *Нечего говорить!*; *Золотые слова!*; *Не то слово!*; *Вот те слово свято* (подтверждение); *Слов нет...* Согласие может сочетаться с отрицательным отношением. Таково *Нечего сказать!* (выражает недовольство). РР типа *Ничего не скажешь!*; *Нечего сказать!* и т.п. приобретает значение уверенности в силу того, что факт или его оценка настолько ясны и понимаются сами по себе, что их незачем и обсуждать (*Тут уж нечего сказать*). Поэтому любые вопросы и суждения избыточны, и на почве этой избыточности возникает значение уверенности. Уверенность может быть

высказана и вопреки другим возможным мнениям: *Как (там) ни говори...; Что ни говори*. Разумеется, каждый из этих РР имеет свои оттенки значения и условия употребления. Например, *Ничего не скажешь* употребляется обычно после описания качеств объекта в значении "к этому нечего добавить"» [Гак, 1994: 9].

Так как нормальная работа механизмов акцептации, то есть эмпатическое, гармоничное общение (презумпция релевантности) является этической, модальной, статистической и даже биологической нормой [Томаселло, 2011; Хмылёв, Кондрасюк, 2015; Santibànez, 2012; Tomasello, 2003; 2009; Zlatev, 2014], это становится «нулевой степенью» речезыковой коммуникации и не подвержено, как правило, метаязыковой рефлексии и маркированию. Поэтому прежде всего метаречевая интеракция отражает более салиентное явление когнитивно-коммуникативного диссонанса.

Нарушение релевантности ведет к метаречевым контекстам (не)релевантности, маркерами которых становятся различного типа фразеорефлексы. Приведем примеры таких репликативных маркеров (вопросов, сравнительных оборотов, императивные и инфинитивные конструкции и т.д.) [Имплицитность, 1999: 110-111]:

– **деятельностная релевантность:**

Ну, Оля, пошли, пошли, нам пора; А что, в салон пройти нельзя?; Куда ты меня привез, я не вижу ничего!; Одну воду сколько можно глотать просто так?; Оль, не прикидывайся, пожалуйста; Ну, Александра Васильевна, в такой день еще и бояться!; А ты больше слушай!; У тебя что, дел других нет?;

– **иллюкитивно-аргументативная релевантность:**

С какого это перепугу? Да вы совсем с ума спятили? Интересное кино. Вы мне лапшу на уши не вешайте. Мало ли что...;. Как же так?; Вот еще!; Иди ты к черту....; Скажешь тоже!; Лечиться надо!; Ты что, с ума сошла?; Ты чего, издеваешься, что ли?; Ну да, еще чего!; Еще чего не хватало! ; Да вы что! и т.д.

Обычно лексические маркеры релевантности и регуляторы речевого взаимодействия распределяются по трем категориям: **прагматические**

(конечно, например, напротив; *for instance, of course; par exemple, bien sûr*), **логические** (*пусть, если...то, и, или, не; and, or, if, unless; et, ou, si, au cas ou, etc.*), **аргументативные** (*так как, следовательно; since, therefore, so, and, or, if, unless; alors, puisque, mais*) [Инькова, 2001; Blakemore, 2002]. Несомненно, деление это условно, так как маркерам свойственны синкретизм и функциональная синонимия / полисемия / омонимия, и в нем далеко не исчерпывающе раскрывается весь феномен метаязыковой рефлексии. Более того, эти классификации не учитывают другие, невербальные маркеры релевантности, рефлекторные и паралингвистические (жесты, мимика, и т.д.).

5.2. Семиотика полимодального маркирования релевантности речевого взаимодействия.

Классификация полимодальных триггеров (не)релевантности – метарефлексов и метарефлексивов – может быть осуществлена на основе принципов семиотической системы Ч.С. Пирса [Пирс, 2000], через имманентные семиотические свойства этих знаков. Пирс указывает, что выделяемые им три основных типа знака (икона, индекс, символ) соответствуют трём категориям семиозиса, трём стадиями когнитивной обработки информации: 1) **перцепция** (восприятие формы – *иконизм*), 2) **идентификация** (логико-каузальное соотнесение референта-объекта с прототипом, имеющимся / не имеющимся в сознании, т.е. причинно-следственная *индексальность* «если, ...то») и **инференция/интерпретация** (исчисление значимости/ релевантности содержания и 3) **закрепление её в символе** – легитимизация конвенциональности речезыковой формы.

Последовательность «*перцепция – идентификация – инференция*» соответствует трем феноменологическим категориям знака – Первичность, Вторичность и Третичность, – коррелирующим с характером интерпретанты как *связи* между репрезентативом и объектом (иконическая интерпретанта, индексальная и символическая интерпретанты) (Табл. 5).

Таблица 5.

Стадиальность семиотической динамики интерпретанты знака по Ч.С. Пирсу

	Синтактика	Семантика	Прагматика
	Знак как форма «репрезентамен»	Знак как отражение объекта	Знак как функция
Первичность	Квалисигнум	Икона	Рема
Вторичность	Синсигнум	Индекс	Дицисигнум
Третичность	Легисигнум	Символ	Аргумент

Категория первичности – первая ступень формирования знака – является той фокусной частью репрезентамена, которая является перцептивной основой семиозиса (напр., красный цвет в знаках оповещения об опасности).

Первичность – это максимальная мотивированность знака (схожесть с объектом, напр., звукоподражание), вторичность связана с логическим выводом, вытекающим из некоего интерпретативного прототипа-квалисигнума (красный – опасность).

Вторичность – результат логической связи, устанавливаемой между объектом и знаком («Если..., то», например, улыбка, или кашель как симптом болезни). Третичность – это максимальная символизация (конвенциональность), не требующая ни вопроса «Почему?», ни ответа на него («Почему стол называется столом?»), это перевод референта в концепт, сформированность понятия. Третичность связана с конвенциализацией знака-синсигнума и превращением его в легисигнум, употребляемый в речи с определенной направленной функцией (аргумент) [Peirce, 1978].

Третичность дает опору для дальнейших когнитивных операций с объектом как с концептом (понятием). Если перевести феноменологию Пирса на язык когнитивной семиотики, то получится вкратце следующая интерпретация, подтверждаемая разными источниками [Eluerd, 1985; Fausconnier, 2005; Foucault, 1994].

Первичность – это данность, зафиксированная в перцепции (объект, событие), потенциальный знак, пока не включенный в когнитивную и концептуальную схему ни одной из воспринимающих систем. Это некий объект или событие, повод для эпистемической обработки. Но это уже знак *in posse*, схваченный перцептивной системой, *остенсивный* (явственный) стимул для когнитивно-семиотической обработки.

Вторичность – это включение остенсивного «пред-знакового» объекта в систему информационно-когнитивных координат, обработка его и извлечение его значимых свойств (инференция), *релевантных* для системы знаний коммуникантов в момент передачи сообщения. Это знак *in fieri*, релевантность (значимость) которого зависит от условий коммуникативной системной среды (фрейма, сценария, интенциональности, целеполагания и т.д.).

Третичность превращает процесс инференции в вывод, заключение, имеющее когнитивные последствия *in esse* для дальнейшей коммуникативно-когнитивной деятельности (аргумент).

Примером воплощения этого теоретического построения может быть, например, простой *акт чихания*: 1) остенсивный физиологический акт (событие); 2) включение его в категорию релевантных событий в рамках фрейма (например, «здоровье внука»); 3) инференция (вывод) – «симптом простуды» (система общих знаний), 4) аргумент для принятия мер («чай с малиной»).

Интерпретация акта чихания проходит цепочку *Квалисигнум – Индекс – Аргумент*. Возможны и другие комбинации интерпретативного семиозиса. Например, *Синсигнум* ‘улыбка’ может интерпретироваться как: 1) *Икона* – подражание (перед зеркалом), 2) *Индекс* и *Дицисигнум* – показатель (симптом) приятного ощущения, его спонтанное выражение, 3) *Символ* и *Аргумент* – знак вежливости и призыв к ответной эмпатии.

Следуя модульной модели сознания [Fodor, 1986], информация как субстанция сознания на входе (перцептивные периферийные модули: визуальный, аудиальный, речезыковой и т.д.) автоматически и быстро поступает в центральную обрабатывающую систему, где подвергается более или менее углубленной и детальной обработке с целью определения – на выходе – ее содержания (смысла) и релевантности в речевом взаимодействии. В процессе коммуникации происходит когнитивная редукция: перцептивные механизмы делают выводы не о **носителях** чувственных данных и их функционировании (что становится актуальным, например, при сбое в перцептивных механизмах – потери зрения, слуха и т.д.), а о воспринимаемых **объектах**. Также и концептуальные механизмы, как правило, делают выводы не о свойствах представлений (ментальных репрезентаций), которые они создают в процессе обработки перцептивных данных, а о свойствах объектов или состояний (положения дел), фиксируемых в этих представлениях. Например, вывод, получаемый из воспринимаемого «вида туч», – это не вывод о самом этом восприятии («я вижу тучи»), а о самих облаках и их вероятных последствиях («пойдет дождь») [Sperber, Wilson, 1995].

Рефлексивную составляющую сознания – мыследеятельность – можно представить в крайне редуцированной форме как анализ, синтез и анализ-синтез (дедукция, индукция и абдукция) [Peirce, 1978].

Происходящее в «боковом мышлении» метаинформативное отражение процесса этого анализа осуществляется и фиксируется в речи особыми модусными формами – метаинформативными *квантами* речезыкового сознания (ср. [Кибрик, Молчанова, 2014]). Это «быстрое мышление» интуитивно – рефлексивно и спонтанно, поэтому оно опережает рефлексивную. Сенсорные данные, поступая в виде остенсивных сигналов в перцептивные модули, обрабатываются и на основе переработки (анализ и трансдукция) поступают в концептуальные модули, выдающие смысловой синтез в виде

ментальной репрезентации, порождаемой получаемым остенсивным импульсом – устным или письменным знаком (сообщением-текстом) [Sperber, Wilson, 1995], – и закрепляются в концептуальной системе в виде фактивного знания [Апресян, 1995].

Таким образом, осознанность многих процессов (ср. термин «речевые стратегии») речезыкового континуума вызывает сомнение даже при интроспективной попытке представить мыследеятельность в речевом взаимодействии. Этот процесс трансформации рефлекторной перцепции (стимул) и её отражения в сознании (реакция) можно обозначить в терминах Р.О. Якобсона как «внутриязыковой перевод», который становится прототипической моделью коммуникации вообще [Якобсон, 1975]. Процесс понимания сообщения пронизан «дискурсом» – челночным движением мысли от «знания извне» к внутреннему знанию, от мысли к слову и от слова к мысли, с адаптацией внутреннего знания к знанию собеседника с превращением во «взаимное знание» [Демьянков, 1996]. Дискурсивный принцип сознания отражается в том, что смысл знака опосредован интерпретантой, а коммуникативная функция языка пронизана его интерпретативной функцией [Болдырев, 2011].

В терминах семиотики Ч.С. Пирса высказывания-легисигнумы должны содержать такие остенсивные акценты («ремы») и индексы – триггеры, присутствие которых направляло бы инференционную обработку пропозиций, ограничивало бы варианты выводных импликатур (умозаключений) из произведенных высказываний [Пирс, 2000]. В соответствии с этой трихотомией классификация метаязыковых маркеров релевантности представлена тремя семиотическими типами:

А. Квалисигнум – форма, принимаемая как основание для семиозиса, т.е. знаковой деятельности (в частности, инференции и интерпретации). Само название «квалисигнум» подчеркивает наличие некоего свойства (качества) «репрезентамена» (знака-высказывания, несущего репрезентацию), которое

позволяет использовать данное проявление как знак («бросается в глаза», «связано с определенной ситуацией», «похоже на...», «отличается от...» и т.д. [Peirce, 1978: 58-59]. Квалисигнум рефлекторен и реализуется на уровне интуитивной инференции. В речи это – междометия, частицы и приближающиеся к ним формы – например: французское междометие *hein* (один звук [ē]) в *Toi Guiguille t'es un mec fort, hein...* (Ты же, Гийом, в этом силён, (д)а?...) выражает интерперсональную «пристройку снизу», является маркером «негативной вежливости» [Culpeper, 2011], компенсирующим «угрозу положительному лицу» говорящего в речевом акте лести (комплимента) и является аргументативным дискурсивным оператором, вводящим логическую посылку, соединяя ее с последующей частью аргументативного высказывания – ...*alors j'avais te dire ma façon de penser à toi...* (... ну так я тебе скажу, что я думаю по этому поводу...). В этом высказывании пропозиция ‘Гийом силён’ окружена рефлексивными маркерами и операторами логической релевантности.

При этом мы разделяем рефлексивную функцию на два вектора: ориентация на процесс понимания содержания речи (пропозициональная семантика) и на процесс речевого и паравербального взаимодействия (интеракциональная прагматика).

Причем в речевом взаимодействии полисемичность таких индексальных маркеров конкретизируется культурологическим контекстом и ситуацией, которые являются универсальными триггерами релевантности интерпретации (речевого) поведения. Представим обыденную ситуацию:

(71)

Фрейм: А. стоит в очереди в почтовом отделении перед окошком кассы. Б. пытается протиснуться вперед и обратиться к служащей.

А. (обращаясь к Б): Э-ээ...(!?)

(то есть: ‘Вы в своем уме, – люди в очереди стоят!?’).

К рефлексам-междометиям добавляются в разряде синсигнумов частицы (еще бы, как бы не так, ага, щас и т.д.), в разряде легисигнумов –

лексикализовавшиеся модусные операторы («Я думаю!» (в значении подтверждения), «Слушай!» (как упрек), «Смотри...» (как угроза), «Посмотрите-ка!» (возмущение) и т.д.

Б. Синсигнум в концепции Пирса соответствует знаку-индексу и передает симптоматический семиозис, который «работает» по принципу *modus ponens* («Если ..., то»). В эту категорию попадают все логические операторы: пусть, если ..., то, и, или, не; and, or, if, unless; et, ou, si, au cas ou, etc. [Инькова-Манзотти, 2001; Blakemore, 2006]. Таковы и указательные маркеры в косвенных речевых актах, уточняющие их ситуативное функциональное значение: *Будьте добры, соль не передадите? – Can you pass me the salt, please! – Passez-moi le sel, s’il vous plaît!*

В. Легисигнум – это полноценное высказывание, имеющее функцию маркера метаречевой рефлексии: «Я тебе сейчас одну умную вещь скажу, только ты не обижайся» (к/ф «Мимино»); «Тебе хоть кол на голове теши...» (поговорка) и т.д. Такие легисигнумы выполняют функцию аргументативных операторов-триггеров. Их устойчивость, конвенциональность и узуальность позволяют назвать их фразеорефлексами [Гак, 1995]. Во французском языке они иногда приобретают вид рифмованных ассонансов с именами собственными (языковая игра): «Tu vas m’le payer, Aglaé!» (= Смотри у меня!); «T’as l’bonjour d’Alfred !» (= как бы не так!); «Tu riges, Edwige?» (= Дошло, наконец?); «Vonne fête, Paulette !» (= “Счастливо оставаться!”) и т.д.

Особенность метарефлексивных маркеров-операторов состоит в том, что, выходя за рамки высказывания, они преодолевают также и границы одного дискурса-текста, вторгаясь в пространство Дискурса как «грамматики» коммуникативного взаимодействия. Такие речезыковые единицы приобретают статус интеракционных операторов, выполняющих межличностные функции, регулирующие символическую проксемику речевого взаимодействия (власть, дистантность и т.п.). В устах знаковых персонажей они становятся мемами: «Je vous ai compris!» (Ш. де Голль);

«Casse-toi, pauv'con!» – «Вали отсюда, придурок!» (Н. Саркози). Такие триггеры напрямую или косвенно выражают отношение к собеседнику, оценку, иронию или сарказм, направляя инференцию в том или ином направлении, к той или иной интерпретации, маркируют интертекстуальность, определяя иллокутивную и аргументативную силу (интенсивность) речевого действия.

5.3. Маркирование (не)релевантности в речевой интеракции. Речезыковые механизмы образования дискурсивных маркеров релевантности

Полимодусность и синкретизм восприятия основаны на синестетических переносах из одного модуля концептосферы в другой: из сферы восприятия в эпистемическую сферу (интеллектуальная деятельность), в сферу этической аксиологии и эмоционально-волевую сферу (ср. в русск. яз.: эпистемико-аксиологическое «Вот видишь, к чему это привело!» и волевое «Ты не видишь, молоко убежало!»).

Разговорная речь, в частности, во французском языке изобилует «модусным» употреблением речевых рефлексивов-рефлексов в виде различных частеречных единиц (наречия, глаголы, междометия и словосочетания), выполняющих функции метаречевых операторов, отражающих различные параметры релевантности высказывания для продуцента и для реципиента – участников речевого взаимодействия (согласие/несогласие, сомнение/ уверенность и т.д.).

Они приобретают семиотический статус индексальных знаков (синсигмумов – по Пирсу) – интеракциональных маркеров и коннекторов (см., напр., [Roulet, 1985]). Причем их формирование идет по пути свертывания модуса (Т.Б. Алисова), модусно-диктальной инверсии (Н.Д. Арутюнова) и лексикализации модуса (А.В. Алферов), – превращения диктальных семантических единиц (существительных, глаголов, наречий) в речевые частицы, дискурсивные слова, значение которых размыто, обобщено

и связано с их **лексикализацией** (адвербиализацией синтаксических конструкций – *ne вопрос; как бы ни так; a to; et alors; pas question; sans aucun doute* и т.д.); **грамматикализацией** (строевой функцией с большей абстрактностью значения), **фразеологизацией** (стереотипностью формы и употребления) и **прагматикализацией**, т.е. употреблением, не связанным с их первичной семантикой, а происходящим из «нужд» речевого взаимодействия (интерактивные и интеракционные функции) [Алферов, 2001; Dostie, 2004].

Глаголы и наречия восприятия, как и другие лексемы пропозиционального отношения, грамматикализуясь, вписываются в дейксис и составляют четвертый элемент дейктической парадигмы – к известному «я–здесь–сейчас» они добавляют четвертый элемент – «так», «таким образом», указывающий на способ (т.е. модус) получения информации, на что в своих работах указывал В.Г. Гак [1987; 1998].

Второе явление, объясняющее дейктическую природу глаголов и наречий восприятия, относится к семиотическому статусу дейктических элементов. Это явление может быть названо семиотической конверсией знака [Алферов, Кустова, 2014а; Кустова, 2009]. Семиотическая конверсия состоит в том, что знак – икона, индекс или символ – может содержать в себе элементы другого семиотического типа. Например, в дескриптивном словесном символе «окно», памятуя о внутренней форме (око), мы находим элементы *иконического* характера, таковы же все слова, построенные на языковом изоморфизме (внутренней форме) – звукоподражательные и делокутивные элементы (производные от прецедентной речи, цитации).

Точно так же дескриптивные слова могут приобретать элементы дейктиков – на первый план выступает их ситуативное, прагматическое значение, связанное с тем или иным аспектом номинации и речевой актуализации. Так, высказывание «Я вижу» может означать «Я согласен» или «Ваша информация избыточна - я и сам вижу» и т.д. Выражение «Вы

(только) посмотрите» (фр. *Regardez-moi ça*) маркирует (т.е. указывает на) речевой акт удивленного упрека, выражение недовольства, негодования. Таково же близкое по смыслу французское *Voilà!* (букв. «Посмотрим!») как маркер возмущения. Очевидно, границы между дейктическим и символическим полем открыты, элементы могут составлять пограничные зоны, зоны перехода между символическим и дейктическим семиотическими полями. Не вполне можно согласиться и с тем, что дейктики не имеют десигнагов, или интенционалов, т.е. не могут иметь дескриптивного употребления. Обратное вполне очевидно на примере выражения «Завтра будет поздно», где «завтра» обладает совершенно определенным интенционалом – «день, который наступит после сегодня» или «я – не я и хата не моя» – «я» – это «субъект сказывания, говорящий, его личность». Таким образом, языковой знак может менять или утрачивать свое первичное функционально-семиотическое назначение. Происходит конверсия дескриптивности и дейктичности, дейктики становятся дескриптивами, а дескриптивы – дейктиками (ср. [Алферов, 2001; Кустова, 2009]).

Глаголы и наречия восприятия, оставаясь дескриптивными символами, несут в себе элементы дейксиса, связанные с ситуацией перцептивно-локутивного акта, эволюционируют от дескрипции пути и процесса поступления определенной воспринимаемой информации [Allott, 2013; De Brabanter, 2009] до ориентации процесса когниции по параметру «так, таким образом», маркируя процесс перехода C-info → A-info (см. выше – Схема 5).

Синкретизм когнитивно-языковых операторов перцепции, т.е. *существительных, глаголов, наречий* восприятия, проявляется не только в одновременной актуализации нескольких модальных значений, но и в имплицитном выражении пространственно-векторных и других указательных значений.

Лексико-грамматический синкретизм когнитивных операторов высказывания – модусных глаголов и наречий перцепции – проявляется не

только в одновременной актуализации нескольких модальных значений, но и в имплицитном выражении пространственно–векторных и других указательных значений. Здесь на первый план выступает прагматический анализ имплицитной дейктичности глаголов восприятия [Lewis, 1980]. Имплицитная дейктическая семантика перцептивов есть результат взаимодействия двух семантических полей – символического и дейктического [Бюлер, 2000].

Глаголы и наречия перцепции, обладая совершенно определенным дескриптивным значением, значительно отличаются от дейксиса в его традиционном понимании. В основе «дейктизации» и прагматизации (т.е. замены дескриптивного конвенционального значения на ситуативно-прагматическое) глаголов и наречий восприятия лежат два явления. Одно онтологического плана, второе – лингвосемиотического. Первое – это рекурсивность процесса восприятия, результат которого важнее самого процесса. Для операции обработки информации важен результат перцепции. При этом указание на физический канал получения информации часто становится лишь формальной необходимостью. Глаголы и наречия перцепции часто воспринимаются как информативно (семантически) излишние и приобретают скорее строевую функцию предикативной связки. Во французском языке полную десемантизацию претерпевает глагол *voir*, который, помимо этого, составляет и этимологическую основу «чистым» индексалам *voici, voilà* [Dostie, 2004]. Частичная десемантизация свойственна глаголам и наречиям восприятия в позиции пропозициональных глаголов, т.е. глаголов, вводящих дополнительное придаточное, передающее пропозицию высказывания: «*Я слышал, машина пришла / Мария Ивановна вернулась*», «*Я вижу, вы сегодня не готовы к занятиям*» (*Я вижу / думаю/ считаю/ понимаю, (что) Маша пришла = Маша пришла*) и т.п. Такой выход из семантического фокуса предложения ведет к тому, что Т.Б. Алисова назвала «функциональное свертывание модуса» [Алисова, 1971], Н.Д.

Арутюнова – «инверсия модуса и диктума» [Арутюнова, 1999], А.В. Алферов – «лексикализация модусной конструкции» [Алферов, 2001] – когда глаголы пропозиционального отношения превращаются в интерактивные индексалы, вводящие содержательную пропозицию высказывания.

5.3.1. Структурно–семиотическая типология дискурсивных маркеров релевантности (ДМР). Иллюстративный анализ: французский язык.

Сигналов соблюдения постулата релевантности во французском языке достаточно много, но употребляются они реже, что связано с тем, что, нерелевантность вызывает диссонанс, который требует усилий по его ликвидации.

Нельзя не отметить бесспорность наличия сигналов соблюдения постулата релевантности в тех случаях, когда говорящий может предположить, что релевантность сообщаемой информации не является очевидной. Либо, когда эта релевантность не антиципировалась. Таковы **маркеры-рефлексивы**: *T'as bien dit ; C'est ce que tu dis ; C'est géniale! ; Comme tu dis ; C'est le moment de le dire, etc.*:

В качестве маркеров нерелевантности РВ выступают прежде всего речевые актов упрека и извинения – основные реакции коммуникативный диссонанс. Однако номенклатура дискурсивный маркеров (не)релевантности чрезвычайно многочисленна, но в целом поддаётся семиотической типологии. В первую группу ДМР входят спонтанные **рефлексывалисигнумы** (знаки-признаки). Во французском языке этими маркерами выступают:

– просодико–фонетические рефлексывалисигнумы: междометия и междометные сращения: *Hein? ; Hé ; Ben ; Oh! ; Pardon! ; tsst, tsst ; chtt ! chtt ! ; Ah ; enfin ; hum ; dis donc ; hé ; Bon bon bon ; Ben ; Dis ; Oh hé! ; Oh là là ! ; Ma foi ; Ho, ho! , etc.*;

– местоимения: *quoi, comment, pourquoi, comme ça?, etc.*

Вторую группу ДМР составляют логико-аргументативные **рефлексывалисигнумы** (индексы) наречные речевые маркеры: *mais ; donc ; d'ailleurs ;*

d'accord; bon; non; alors; oui – si – non; déjà; Oh, que si!; bien que; il paraît que; vraiment?; enfin; après tout; enfin, etc.

Третью группу ДМР образуют этикетные речевые **рефлексы-легисигнумы** и стереотипы-рефлексивы:

– **фразеорефлексы:**

Pardon?; J'ai pas bien entendu...; Plaît-il?!; Comment?; Vous dites?; Je sais, je sais; Voyons, Tu parles!; Vois-tu; Je vous demande pardon; Vous savez bien; Pas du tout; Tant mieux; Ça boume?; Ça va?; Ben faut croire; He oh toi là-bas!; Oh ça va, ça va!; Ben justement non; ça va pas !; Pousse pas l' ballon trop loin hein; C'est très bien; Dieu merci !; etc.; русск. А не знаешь–молчи!;

– **аффективная (оценочная) лексика:**

Tu es drôle; T'es sourdingue; vieux con; hé t'es aveugle; chouette; Génial !; tu es une petite oie; Extraordinaire!; hé patate; espèces de salopard; grouillasse!; putain de gros sac de merde, etc.;

– **метаречевые рефлексивные предикативные единицы:**

Je dit; Ecoute–moi; Accouche donc; Tu t'fous d' ma gueule; Epelez–moi ; Dis donc déconnes pas!; Répète un peu voir !; Tu connais; on dit /on dit pas; Tu entends ça; je trouve; Cette phrase est idiote; Pour parler plus clairement; Je comprendrais ça beaucoup mieux si; T'as raison; Je peux te dire; Oh ben dis–donc je savais pas ça; Tu devrais te taire; On a compris; J'te dis; Je veux dire; Ecoutez moi bien; Il y a une question que je veux vous poser; Oh ben dis–donc je savais pas ça; En ce cas, tu devrais te taire ; Ce que « cela » veut dire; Assez avec ça! ; Tu ne m'as pas offensé; T'as qu' à écouter; Voyons, je vous l'ai dit trois fois; Taisez–vous; C'est pas vrai; Non, je ne vois pas; Ah bien , j'espère; Voulez–vous insinuer...; Et là tu vois; Oh ben chais pas moi...; Mais si j't'assure!; J'vois pas pourquoi heu...; Mais on peut pas dire...; on peut pas savoir; Oh pardon, excusez–moi, chus désolé; Non non pas du tout; Il n' y a pas de mal; Rassurez–vous Monsieur; Je ne vois pas c'que vous voulez dire..; Tu peux pas t'pousser non?; J'vais te dire un truc; Je ne veux pas que tu me parles comme ça, etc.; русск. Я это сформулирую попроще; Мне кажется, я бы лучше поняла; Я могу вам сказать и т.д. [Попова, 2004].

Лексикализация и прагматизация модуса перцепции (*видеть, слышать*), понимания, полагания, знания (*думать, считать, полагать, верить, знать*) и говорения с речеактовой дифференциацией (*говорить,*

повторять, уверять) – явление универсальное, что не раз было отмечено в различных исследованиях [Гак, 1998; Попова, Кустова, 2017].

Приведённая выше номенклатура дискурсивных маркеров (не)релевантности носит иллюстративный характер и не отражает статистику частотности, действительную корреляцию тех или иных средств метаречевого договора по поводу релевантности РВ.

В корпусе приведенных в данной работе примеров речевых интеракций – отрезков РВ – в значительно большей степени представлены (в аутентичной устной коммуникации и фикциальных обыденных диалогах) такие речевые акты в рамках аддитивных и неаддитивных стратегий, как переспрос, совет, вопрос, ирония, каламбур и др.

В убеждающей речи экспликация когнитивных операторов имеет функцию усиления релевантности воздействия, способствует восприятию аргументов как зримых, объективных, «очевидных», уже существующих в пресуппозиции или логически выводимых фактов (*see, listen, remember, 'mind is clearer', 'matter more*) и контраргументов как субъективных, т.е., возможно, ошибочных (*'you believe'; 'things you say'; 'they think'*):

(72)

«*My mind is clearer now* – at last all too well.
I can see where we all soon will be...
Jesus! *You've started to believe* the things they say of you
You really do believe this talk of God is true...
You've begun to matter more than the things you say
Listen, Jesus I don't like what *I see*
All I ask is that you *listen to me*
And *remember* – I've been your right hand man all along...
They think they've found the new Messiah...» [WRJ].

Сопоставляя употребление когнитивных модусов в английском, французском и русском языках, можно отметить, что все три типа когнитивных операторов (перцептивные, экспликативные и имплекативные) тесно связаны между собой, в силу чего в межъязыковых соответствиях

наблюдается значительная асимметрия в употреблении того или иного когнитивного оператора. В целом, по частоте употреблений в речевом взаимодействии английский язык тяготеет к перцептивной когнитивной составляющей (*listen, look, see, etc.*), русский – к рациональной, т.е. логико-импликативной (*понимать, думать, знать*). Столкновение когнитивных миров сопровождается выражением эмоциональной оценки речевого поведения собеседника.

(73)

– I am silly. Everybody knows that – <i>You always mix me up</i>. You've got every right to be proud – Pilgrim Fathers and whaling captains right in one family. – Have they? – <i>What do you mean?</i> [SW: 4].	– Да, я дурачок. Кто этого не знает? – <i>Вечно ты сбиваешь меня с толку</i>. Тебе есть чем гордиться: пилигримы–колонисты и шкиперы китобойных судов – и в одной семье. – А им есть чем? – Что? <i>Не понимаю</i> [СЗ – URL].

Когнитивные операторы модульности (по Фодору) типа *I see, I hear, I feel, etc.* могут редуцироваться, т.е. исчезать из информационного фокуса высказывания. Ведь практически любая пропозиция может сопровождаться когнитивными операторами, выраженными глаголами пропозиционального отношения «Я думаю», «Я полагаю», «Я считаю», «Я вижу» и т.д., которые становятся в обычном высказывании семантически избыточными. Как указывает В.Г. Гак, семантически избыточный элемент может приобретать либо стилистическую (прагматическую), либо строевую функцию [Гак, 1998; ср. Рябцева, 1994]. Поэтому перцептивные предикаты пропозиционального отношения конверсируются в метакоммуникативные *рефлексивы-синсигнумы*, указывающие на источник и на степень достоверности (надежности, проверенности и т.д.) представляемой информации.

Особой предрасположенностью к прагматикализации обладают наречия как диктальные, так и модусные. Если глаголы пропозиционального

отношения тяготеют к рефлексивам-легисигнумам (полным предикативным единицам), то наречия – это свернутый в одной лексеме модус, обладающий аксиологическим значением [Рябцева, 1994] и способностью превращать пространственно-временные, модальные и логические отношения (jamais – никогда, déjà – уже; alors – тогда; finalement – в конце концов; décidément – определенно) в маркеры и коннекторы, отмечающие релевантность РО и высказывания собеседника, например, в иллокуции просьбы или предположения – (категорический отказ) «*Никогда*, никогда еще Воробьянинов не протягивал руки!»; (иронический аргумент) «Пора *уже* и честь знать!»; (усиление иллокутивной/аргументативной силы речевого акта) «Да уймись ты, *наконец!*»; «*Решительно*, вы меня не понимаете»:

(74)

«Vous avez exactement les mêmes mains que Bernard Farmer...
 Décidément, vous devez être le fils de Bernard Farmer... (Patrick Modiano. Quartier perdu. 1985) [НКРЯ-ПКФ].

– У вас руки в точности как у Бернарда Фармера... *Сомнений нет*, вы должны быть сыном Бернарда Фармера... (Патрик Модiano. Утраченный мир (Ю. Яхнина, 1989)

Изменение функции наречия связано с соотнесенностью либо с содержанием (пропозицией) высказывания (субъект-объектное интерактивное отношение), либо с самим актом сказывания (субъект-субъектное интеракциональное отношение):

а) диктальное значение (временное):

(75) «– Alors, dînons ensemble.

– Non; je reste au journal très tard. *Et après* je vais voir ton père» («диктальное» = *a nom*...) [FRANTEXT].

б) модусное (прагматическое) значение (отрицание аргумента):

(76) «– Il n'est pas encore venu.

– *Et après ?*» (маркер отрицания аргумента = ‘**Ну и что?**’. Syn. *et alors*) [ELICOP].

Прагматикализация диктального наречия *toujours* (*всегда*) превращает его в маркер контраргументации с семантикой «попытка – не пытка» и «Продолжай в том же духе»: *Il (Tu) peut(x) toujours courrir – как бы ни так; Cause toujours ! – говори, говори (никто не слушает)* или как маркер противопоставления в аргументации:

(77) «ELLE : *Peut-être ! ... mais crois-tu que je sois capable de vivre sans luxe? JEAN : Tu peux **toujours** essayer !*» [FRANTEXT]. = Ты думаешь, я проживу без этой роскоши? – Но ты можешь **хотя бы** попробовать...

Прагматикализация превращает модусные наречия в дискурсивные маркеры-коннекторы, которые служат для связи между высказываниями, становясь почти семантически «пустыми» частицами-коннекторами: *sûrement, honnêtement, franchement, donc, évidemment, pourtant*, которым в русском языке соответствуют частицы или вводные слова: *ну, вот, так, итак, раз, честно говоря* и т.д. [Одинцова, 2005].

Примеры такой функциональной транспозиции диктальных наречий в модусные (прагматизация) покажем в Таблице 6:

Таблица 6.

Прагма-семантическая конверсия и прагматизация маркеров (не)релевантности речевого обмена

Диктальное наречие	Модусное значение – прагматический маркер	Пример
déjà	маркер напоминания	<i>Comment tu t'appelles déjà ? – Как бишь тебя зовут?</i>
encore	маркер неодобрения, негодования	– <i>Il est venu vous voir</i> – <i>Encore ?!</i>
jamais	маркер усиления отрицания	<i>Jamais de la vie !</i> <i>Moi, oubier sa conduite, jamais !</i>
 finalement	усиление силы речевого акта (аргумента)	<i>Et finalement, pars aussi tôt que tu le peux ;</i> <i> Finalement, je n'y ai pas pensé</i>
et alors/ ça	сомнение, удивление,	– <i>Tu n'as pas encore fini</i>

alors	противоречие	– <i>Et alors ? – Ну и что?;</i> – <i>Ça alors, il est encore absent!</i>
alors	введение вывода	<i>Alors, maintenant tu comprends ?- Ну, теперь понимаешь ?</i>
decidément	введение вывода	<i>Decidément, c'est pas mon jour !– Решительно, не мой день. Не повезло.</i>

В диалоге вторичные модусные наречия пополняются за счет транспозиции других частей речи как во французском (*bon, facile, exact*), так и в русском языке (*легко, в самом деле, не вопрос* и т.д.):

(78) « – *J'aimerais qu'on surveille le coin et qu'on se renseigne sur les habitants. – Facile*» (*G. Simenon, Maigret et l'homme au banc*) [FRANTEXT].

В примере (78) происходит адвербиализация прилагательного *Facile*.

Такие модусные элементы выполняют функции фразорефлексов, отражающих (не)релевантность различных аспектов речевого взаимодействия (согласие/несогласие, сомнение/уверенность и т.д.).

Их асемантичность приводит к употреблению их в качестве дискурсивных связок, злоупотребление которыми можно квалифицировать как «речевой тик»:

(79) «...*Oui enfin moi je suis, euh, enfin euh... euh par principe moi je dis que euh... tout ouvrier, enfin en France hein, tout ouvrier... doit euh... enfin, doit, on peut pas dire doit, enfin pour moi, doit être au moins socialiste ou communiste. Enfin, euh de milieu ouvrier, quoi*» [ELICOP].

Их «связочное» употребление позволяет формулировать высказывание в спонтанной разговорной речи, опуская логические связки, маркируя имплицитное (не выраженное, подразумеваемое) содержание (импликацию):

(80) « ...*les attaques de maladie dues à la pluie la plupart du temps quand même hein l'humidité et puis on arrive aux vendanges vers le mois de fin {souffle} octobre quoi ici*» [FRANTEXT].

В нормативной стилистике такие единицы рассматривались как «слова-паразиты», хотя без них не обходится практически ни один реальный

разговор. Изучение их прагматических функций достаточно трудоёмко и противоречиво, так как, на первый взгляд, есть впечатление их взаимозаменяемости: *puisque bon, mais bon, et bon, et puis bon, parce que bon, donc après bon, euh bon, bon euh, alors bon, enfin bon, puis alors* и функциональной «расплывчатости», неопределенности, что позволяет рассматривать их в качестве простых заполнителей пауз (*silence fillers*). Они используются для маркирования возможной нерелевантности номинации или высказывания-речевого акта:

(81) «Il les reçoit avec toutes les politesses toutes les *enfin bref je dis moi* on fait jamais attention à moi» [FRANTEXT];

(82) «*Bon ben* on peut à l'occasion justifier, *euh*, sa démente *quoi, hein*» [FRANTEXT].

С другой стороны, прагматические исследования показывают, что, например, ДМР *enfin* насчитывает минимум 14 разных употреблений: «*Enfin* permet au locuteur de réparer, reformuler, réajuster, atténuer et hésiter, etc.» [Dostie, 2004: 65] (т.е. позволяет собеседнику скорректировать, уточнить или смягчить номинацию, уточнить, переформулировать и др.).

5.3.2. Функциональная характеристика французских дискурсивных маркеров релевантности

Рассмотрим некоторые выявленные нами употребления (функции) одного из класса указанных ДМР – маркеров различных аспектов релевантности речевого обмена. В исследовании использованы два электронных корпуса французской речи: *Etude Linguistique de la Communication Parlée* (ELICOP) и электронный корпус FRANTEXT (5415 статей, 254 млн. слов), а тж. примеры, опубликованные в [Buchi, 2007] и [Waltereit, 2007].

Дискурсивный маркер релевантности *Bon ben*

1) ДМР *Bon ben* позволяет сделать заключение, вывод, или просто сократить высказывание:

(83) « – Qu'est-ce que j'en sais, moi, maugréa-t-il. C'est une fille, ça va ça vient. – *Bon ben*, faudrait voir que j'y aille».

В случае *Bon ben* нужно подчеркнуть, что лексикализация этого сочетания (*soudure*) прилагательного и наречия сопровождается фонетическими изменениями («стяжкой»). Это характерно для ДМ, особенно в канадском варианте французского языка: *Dis donc* → [didõ]; *Ecoute donc* → [kudõ], что позволяет рассматривать их как междометия [Кустова, 2009; Dostie, 2004].

2) ДМР *Bon ben* служит маркером «неуверенной номинации», когда говорящий подчеркивает «приблизительность» значения слова в его употреблении «здесь и сейчас»:

(84) «Je l'ai fait *ben bon*, *ben délicat*, et il ne s'en est point aperçu».

В русском языке этому употреблению соответствует ДМ «скажем так» и т.п.

3) Иногда *Bon ben* связывает мысль с её словесным выражением, что объединяет функцию вывода, «принятия решения» и функцию формулирования:

(85) «Comme il se levait sans rien dire, nouant son foulard, elle finit par murmurer : – non, j'irai... je... oui, *bon, ben*, c'est ça, j'irai de moi-même».

4) ДМ *Bon ben* служит маркером противоречия, введения утверждения, в той или иной степени противопоставляемого содержанию реплики собеседника (реплики-стимула):

(86) «Pour mon compte personnel, je peux espérer *quoi* ?
– Tu sais bien que c'est pas moi qui fais les prix, *hein* !
– Deux briques, je les toucherai ?
– Ouais ! Tu rigoles, plus !

– *Bon. Ben*, pour le moment, ça me suffit. L’ennui, c’est que je les veux pour demain».

5) В некоторых случаях *Bon ben* употребляется, чтобы ввести последний или главный аргумент, подытоживающий выраженные или подразумеваемые предыдущие аргументы:

(87) «– Chuis hyper-contente !... Enfin, bon, si chuis r’çue !... T’inquiète pas, on l’aura tous le bac... –Tu crois ? – Même les hyper-nuls, ch’té dis... à cause des statistiques... *bon, ben*, y veul’ que tout l’ monde soit r’çu pour prouver qu’y sont plus géniaux à l’Éducation nationale que ceux d’avant !».

6) *Bon ben* может вводить не только номинацию, но и целую ситуацию, описываемую в высказывании, что соответствует русскому «ну (например)» («Ну, ты приходишь такой, смотришь, и все отпадают»):

(88) «Il n’entendit même pas le chauffeur de taxi qui disait :
– Quel bings ! Remarquez, ça distrait. Pour nous, quand y a un truc comme ça, les heures paraissent moins longues. *Bon, ben* vous v’la arrivé. Hôtel-Dieu! Tout le monde y descend! Tout le monde il est content! La DS s’immobilisa le long du trottoir. – 10,80, dit le chauffeur sans se retourner».

7) *Bon ben* – маркер уступки и согласия, вводящий реплику говорящего, уставшего спорить, принимающего условия собеседника («*Bon, ben* d’accord»):

(89) «Je sais pas si c’est ça que tu voulais me montrer, mais je suis d’accord, c’est un endroit formidable. J’ai jeté un oeil à ma montre. Le moment était venu. – *Bon, ben* il est à toi, j’ai dit. Elle a rien répondu. J’ai sorti les papiers de ma poche et je les lui ai tendus. – En gros, ton terrain va du vieil arbre à ce rocher qui ressemble à un [...]».

8) Маркер *Bon, ben d’accord* имеет также, отличную от предыдущей, функцию переключения (смены) темы, выхода из дискуссии/обсуждения какого-то вопроса:

(90) «– T’es dingue ? je lui avais demandé.
– Tu crois qu’on l’a eu ?
Il cherchait dans le rétro, l’air emmerdé.
– Regarde ta route, ducon !
– Un chat noir, j’aime pas ça...»

– *Bon, ben d'accord*, tu l'as eu, j'ai senti le choc, il est mort, alors n'en parlons plus !» (FRANTEXT: BLIER Bertrand / Les Valseuses / 1972).

9) Наконец, *Bon ben* может служить дискурсивным маркером выхода из коммуникации, прекращения речевого взаимодействия, сочетаясь с другими аналогичными функционалами (*Bon ben, sur ces belles paroles...*):

(91) «*Bon, ben, je me tire, a-t-elle ajouté et elle est partie*» (FRANTEXT: MANCHETTE).

Дискурсивный маркер релевантности *Enfin bref*

Enfin выполняет роль ДМР в функции обобщения:

(92) «*Cédric est grand, beau, intelligent, spirituel, enfin, parfait, quoi !*».

Противоположной функцией *Enfin* является функция самокоррекции, уточнения слова или понятия, например, при употреблении слишком обобщенной номинации:

(93) «*Tout le monde est venu à la soirée. Enfin, tous ceux qui n'étaient pas en vacances*».

Однако, помимо значения обобщения или подведения итога, как в приведенном выше примере, *Enfin bref* отражает нюанс нивелирования предыдущего содержания, ироничного отношения к тому, что было сказано до этого. Иногда он отмечает начало высказывания, как бы связывая его с предыдущим контекстом, отражает решимость человека сказать нечто важное («*Короче говоря,...*»):

(94) «– *C'est fini? Ou on se remet au lit ?* demanda Géraldine en se versant un trait de gin dans du champagne.

– *Pfff... souffla Jean Chapot. Enfin bref, je tenais à te dire que je t'ai toujours beaucoup aimée et admirée, et...*

– *Et que pour cette excellente raison tu vas épouser une Geneviève à Montpellier. J'ai compris*» [FRANTEXT : Vergne Anne / L'Innocence du boucher / 1984].

Ср. в (95) «– *Pfff... souffla Jean Chapot. Enfin-bref, Bon, ben, je tenais à te dire...*» (теряется значение того, что говорящему трудно решиться на

последующее высказывание)» или в (95) «Tout le monde est venu à la soirée. *Enfin, Bon, ben, tous ceux qui n'étaient pas en vacances*» (теряется значение корректировки, уточнения номинации «tout le monde»).

Дискурсивный маркер релевантности *Toujours*

ДМР *toujours* восходит к словосочетанию (номинальной синтагме) в старофранцузском языке – *toz jors* «tous les jours», имеющей значение «tout le temps, sans s'arrêter» («всегда, постоянно, непрерывно»), которое трактовалось как наречное словосочетание, а потом как простое наречие [Hansen, 2006].

На базе *toujours* возникает ряд прагматических значений:

(96) «[En parlant du butin ramené d'un cambriolage] [...] – Il y en a *tout de même* pas mal ? demanda Robert. – Ça fait pas une fortune, mais c'est *toujours* ça» [V. Clavel, *Malataverne*, Frantext] (**относительная значимость** вводимого референта (syn. *tout de même, au moins, quoi qu'il en soit, par ailleurs, c'est déjà ça* ou *c'est encore ça*)).

(97) «PROSPER : Et il faut voir l'effet que ces choses-là font en province, quand on les raconte.

L'HUISSIER : Qui est-ce qui les raconte ? Ce n'est *toujours pas* les députés» [ELICOP: 1913, A. Chapus, *Les Favorites*] (**контраргументативное** значение ограничения на общее правило).

(98) «ELLE : Peut-être ! ... mais crois-tu que je sois capable de vivre sans luxe ? JEAN : Tu peux *toujours* essayer !» [1911, S. Guitry, *Le Veilleur de nuit*, Frantext] (**контраргументация, агональная стратегия**).

(99) « – On sait bien que tu ne la protèges plus : elle est pauvre, elle ne vit que de ce que tu lui envoies. Moi, je ferai mon possible pour l'aider...

– Je te le défends bien !

– Essaie *toujours* !» [1934, Daniel-Rops, *Mort, où est ta victoire ?*, Frantext] (**агональная стратегия, угроза**).

(100) «En tout cas, j'aime mieux vous dire que c'est pas ce qui vient de se passer qui va améliorer les choses... – Quelles choses ? – Un autre se serait tenu peinard. Aurait essayé de... Mais pas m^{onsieur}, naturellement... ça emmerderait trop, m^{onsieur}, s'pas, de se comporter comme tout le monde ? – Je... – Vous pourrez pas dire, *toujours*, que je vous ai pas averti. Que je vous ai pas donné

toutes vos chances» (1980, J.-L. Benoziglio, *Cabinet portrait*, Frantext) (уступительное значение).

(101) «... à droite de la grande dame aux beaux yeux noirs, mais d'une maigreur effrayante, M. de Bulow ; à sa gauche, l'ambassadeur de Belgique, M. van de Veyer. *Toujours* de ce même côté de la table, M. de Bacourt, premier secrétaire de notre ambassade, intelligent et posé» [1874, Michelet, *Sur les chemins de l'Europe*, Frantext] (коннектор дополнительной информации).

Таким образом, образование и функционирование маркеров, рассмотренных на примере нескольких французских ДМР, показывает, как процессы, происходящие в речи и отражающиеся в языке, иллюстрируют концепцию остенсивно-инференциальной природы речевого взаимодействия. С одной стороны, маркирование обеспечивает достижение оптимальной релевантности высказывания в РВ, выполняя функцию **стратегии адаптации** – указания направления интерпретации в пропозициональном, иллокутивном, аргументативном, интерперсональном и дискурсивном планах. С другой стороны, факт превращения диктальных элементов языка в модусные (прагматизация) свидетельствует о поглощении («впитывании») контекстуальных интерактивных и интеракциональных значений **языковыми единицами**, обусловленными лингвокультурными особенностями национального языка.

Именно такие метамаркеры составляют эмоционально-оценочную и дискурсивно-коммуникативную рамки высказывания [Гак, 1998], формируя модус высказывания, маркируя (не)релевантность и другие аспекты речевого взаимодействия. Выходя в дискурс как деятельностное пространство, разряд маркеров релевантности расширяет свою номенклатуру за счет полимодальности и полимодульности.

5.4. Метаречевой динамический семиозис: полимодальное когнитивно-интеракциональное измерение релевантности

Современная многоуровневая семантическая теория [Болдырев, 2017] постулирует отсутствие грани между языковой и неязыковой информацией в

структуре значения коммуницируемых языковых единиц, подчеркивает значительную роль всех полученных знаний в процессе формирования и понимания значений. Вопрос в том, что считать неязыковой информацией? Можно ли отнести к неязыковой информации контекстуальную или инференциальную часть смысла, которая так же не выражена вербально, например, в ироническом «Гениально!», как и сопровождающая это высказывание «ироническая улыбка»?

Смысл высказывания составляет множество в самом широком смысле паравербальных (полимодалных) составляющих, и это учитывается как отправителем, так и реципиентом сообщения.

В мультимодальности информации в широком смысле [Федорова, Кибрик, 2018], мы предлагаем различать внешнюю, формальную полимодульность («собственно полимодальность», поликанальность [Кибрик, 2018]) и внутреннюю полимодалную *гиперсемантическую* как результат перцепции и интерпретации полимодалного высказывания-знака. Причем результат перцепции и интерпретации может значительно отличаться от изначального замысла отправителя сообщения, в частности, в вопросе о его (не)релевантности (ошибка в моделировании адресата).

Полимодульность остенсивного знака реализуется в плане выражения в разных семиотических (поликодовых) формах сообщения: мимика говорящего, жесты и др. – кинесика и вербалика: просодия, интонация) (ср.: [Ирисханова, 2018]). Этот аспект связан как с когнитивными структурами говорящего в процессе «сказывания» [Алферов, 2018], так и с когнитивными структурами реципиента (процесс перцепции и интерпретации) [Демьянков, 2015]. По теории рациональности Дж. Фодора, каждый тип информации воспринимается отдельным модулем (визуальным, аудитивным, ольфакторным, речезыковым) и поступает в «свою» ячейку периферийной системы «входа» (перцепции) специализированной информации (модуль), которая затем передаёт её в центральную систему анализа [Fodor, 1986].

Такова перцепция и когнитивная обработка *остенсивной* (явной, эксплицитной, внешней) части сообщения [Sperber, 2007]. Такая же модульность характеризует и обработку собственно языковой информации. Однако в плане содержания превалирует «полиmodalность» другого рода: помимо пропозиционального содержания, в высказывании реализуются иллюкутивная, интерперсональная, синтактико-дискурсивная (связь с другими высказываниями), аргументативная значимости дискурсивного смыслового пространства. Этот вид полиmodalности мы предлагаем назвать гиперсемантическим, или *гиперсемантикой* (знака-высказывания), предполагая, что названные измерения включены синкретично в инференциальное (имплицитное, косвенное, имплицитное) содержание любого вербального сообщения, то есть в *экспликацию* высказывания.

Полиmodalность остенсивного знака-индекса реализуется в плане выражения в разных семиотических (поликодовых) формах сообщения: мимика говорящего, жесты, кинесика и паравербалика – просодия, интонация и проч. Этот аспект связан как с когнитивными структурами говорящего в процессе порождения высказывания [Алферов, Кустова, 2014а; Попова, 2019а,б,в], так и с когнитивными структурами реципиента в процессе перцепции и интерпретации.

Интерпретативные гипотезы основываются на интегральном выводе полиmodalной информации «на входе», рождая инференции, основанные на данных остенсивной оперативной полиmodalной информации (тон, мимика, жесты, вазомоторные реакции и т.п.), поступающей в операциональную дискурсивную память и вносящей в неё соответствующие трансформации. Например, значение паравербальной информации может стать предметом *метаречевого комментария* о её релевантности в актуальной интерпретации:

(102)

<p><u>Dad</u>: I've got no appetite, I'm aching all over, I'm weak...</p> <p><u>House</u>: Does that hurt?</p>	<table border="0"> <tr> <td style="border-left: 1px solid black; padding-left: 5px;">– Нет аппетита, все болит, слабость.</td> </tr> <tr> <td style="border-left: 1px solid black; padding-left: 5px;">– Так – больно?</td> </tr> </table>	– Нет аппетита, все болит, слабость.	– Так – больно?
– Нет аппетита, все болит, слабость.			
– Так – больно?			

<u>Dad</u> : Yeah.	– Да.
<u>House</u> [To daughter.]: Does his voice always have that unattractive nasal tone?	– Он всегда так говорит: бубня и сильно в нос?
<u>Daughter</u> [Laughs]: Totally.	– Точняк!
<u>House</u> [Smiling at her slightly]: <i>I'm gonna take that giggle as a 'no'</i> [HMD: 3/3].	– <i>Думаю, хихиканье означает "нет"</i> .

Полимодалные маркеры и триггеры проявляют и провоцируют те или иные трансформации в дискурсивной памяти, ведущие к эффекту оправданного или обманутого ожидания [Попова, 2020].

Таких остенсивных маркеров (сигналов, триггеров) достаточно много. Они полимодалны (улыбка/ухмылка/смешок, подмигивание, мимика, например удивления, взгляды, жесты и т.д.); к ним относятся модусные конструкции, отражающие пропозициональное отношение: Я думаю/полагаю; Боюсь, что...; Я согласен, что...; Вы считаете, что... и т.д. Распределяются они по разным уровням языка (от интонации, лексических индексов, порядка слов, нарушения когерентности дискурса вплоть до метаречевого диалога, например: «– Замолчи, да? – А чем ты недоволен? Я что-то не то сказал? – Взгляд мне твой не нравится. Ты что улыбаешься?» и т.п. Их значение и релевантность определяются не их лексической семантикой, а их функциональной семиотикой в метакоммуникативном диалоге, иногда требующей дополнительной экспликации:

(103)

<u>House</u> : My leg hurt.	– Нога болела.
<u>Wilson</u> : [Looks up suddenly.] How bad?	– Сильно?
<u>House</u> : Enough that I'm telling you. It was muscular, it was some cramping. [Wilson smiles.] <i>What are you smiling about?</i>	– Сильно, раз я тебе сказал. Что-то мышечное. Судорога. Чему улыбаешься?
<u>Wilson</u> : You're 40 something years old, you've been running God knows how many miles a day, fallen a hundred times off that skateboard and you're shocked to have some soreness? [HDM: 3/1].	– Тебе уже за 40, и в день ты пробегаешь бог знает сколько километров. Раз сто ты упал со скейтборда, и хочешь, чтобы ничего не болело?

Субъект-объектная направленность – (не)понимание референтно-пропозиционального, информативного плана высказывания также становится предметом метарефлексивного «договора по поводу референта».

Особенно часто метакоммуникативные операторы проявляются при нарушении принципа релевантности в интерперсональном аспекте коммуникации (нарушение постулатов вежливости, «угроза позитивному лицу» и т.п.).

Эти вариации от рефлекторности к рефлексии мы находим, во-первых, в триаде семиотической концепции Ч. С. Пирса и, во-вторых, в идеях функциональной грамматики речи о «речевых рефлексах» [Гак, 1994; 1995] и эмоционально-оценочной и коммуникативно-дискурсивной рамках высказывания [Гак, 1998].

Остенсивная проявленность триггеров релевантности реализуется прежде всего на уровне **перцептивно-иконическом** (улыбка, чихание), а затем становится объектом интерпретативного семиозиса. Поэтому релевантность остенсивного проявления (квалисигнума) изначально иконоцентрична (см. Табл. 7):

Таблица 7.

Иконоцентризм в семиотической системе Ч.С. Пирса

	Знак как форма «репрезентамен»	Знак как отражение объекта	Знак как функция
первичность	Квалисигнум	Икона	Рема
вторичность	Синсигнум	Индекс	Дицисигнум
третичность	Легисигнум	Символ	Аргумент

– где:

Первичность – это уровень перцептивной обработки поступающих данных.

Квалисигнум это еще не знак, а перцептивный квант – остенсивный триггер, дающий основание для семиозиса, т.е. создания знака. Категория Первичности реализуется на уровне перцептивных модулей, представляя,

по Пирсу, внешнюю форму потенциального знака без семиотического соотнесения с объектом знакового отношения. Квалисигнумы это (внешние потенциально каузальные) явления сами по себе: *красный цвет, ощущение яркости, сырости, запах газа, запах розы, свисток паровоза, горький вкус, расширенные зрачки, улыбка* и т.д., которые в определенных обстоятельствах семиозиса *могут стать* знаковыми.

Функция «ремы» – это и есть аттенциональный признак помещаемого в фокус внимания интерпретатора *релевантного свойства* (формы) потенциального знака. Такую релевантность мы называем *актуально-предметной* (объектной, объективной) *релевантностью* (см. выше Рис. 1 и схема 9).

Вторичность соотносится с возникновением причинно-следственной связи «если..., то», воплощающейся либо во внешнем интенциональном указании (свисток паровоза), либо в триггере-симптоме (запах газа), когда квалисигнумы (качества) *становятся синсигнумами* («при-знаками указывающими»), в данной «единичной» (сингулярной) ситуации *знаками-указателями, индексалами* (напр., опасности). Функция «дицисигнума» является **экспликатурой**, то есть извлекаемым в соответствии с общими или индивидуальными знаниями смыслом знака, который реализуется в данной предметной ситуации и при интенциональной коммуникации становится частью «совместного знания» собеседников. Например, обращённая к реципиенту улыбка «читается» как признак эмпатии. Однако мимика или жест как единичный акт – «дицисигнум» – может быть знаком только для одного из участников интеракции (реципиента или продуцента). Так, расширенные намеренно глаза могут стать знаком удивления, обращенного к адресату, а расширенные зрачки могут стать синсигнумом определённого физического состояния говорящего субъекта и т.п. Такого типа релевантность мы

рассматриваем как *интерпретативную* (мотивационную) *релевантность* (см. выше Рис. 1 и Схема 9).

Третичность – это выход на уровень кодового семиозиса, например, с помощью языкового кода. Основным свойством знака-символа, или **легисигнума**, является конвенциональность – *легитимность*, закодированность интерпретации. Таков в целом языковой код, конвенциональность языкового знака. Функция легисигнума – служить аргументом в выводном знании: слово служит аргументом для выводного знания прежде всего в силу конвенционально установленной референциальной связи: при слове «собака» в сознании носителей русского языка, как правило, не возникает лев. Такую релевантность можно назвать *конвенциональной* (доказательной, легитимной) *релевантностью* (см. выше рис. 1 и схема 9).

Все три типа семиозиса могут синкретично в силу когнитивных процессов интерферировать и дополнять друг друга в реальной коммуникации. Они могут противоречить или даже опровергать друг друга в конкретной деятельностной и дискурсивной ситуации (ошибочная интерпретация и/или вторичная функция, например, ироническая улыбка). Интерференция проявляется в совмещении интерпретативных уровней: например, в геральдике изображение медведя на гербе (икона) указывает на определенные качества (сила) и становится символом (легисигнумом) носителя этого геральдического знака. Конвенциональность когнитивных процессов (общие знания, предубеждения и проч.) обусловлена средой функционирования знака, когда, в силу конвенциональности интерпретации, за иконическим медведем видится концепт «сила», а не концепт «медвежья болезнь».

В процессе формирования смысла (интерпретации) активированы два механизма – представление о содержании (ментальная репрезентация) и представление о свойствах самого представления (метарепрезентация). В

смыслообразовании анализ и синтез, т.е. интерпретация, – основаны на механизмах рефлексивной инференции – выводного знания, опосредованного не интуитивным, но аналитическим (рефлексивным) (со)знанием [Mercier, Sperber, 2009]. В отличие от традиционного представления об имплицитности как «скрытых смыслах», требующих рефлексивной инференции (выводного знания), следуя «ТР», интерпретации подвержены и остенсивные (эксплицитные) знаковые формы, которые не нужно «восстанавливать» из «не(до)сказанного». В обработке эксплицитного высказывания также необходимо восстанавливать его экспликатуру, т.е. выявлять его мотивацию – внутреннюю форму, осознавать, как организована поступающая информация (форма) и почему она так организована (внутренняя форма, интерпретанта). Экспликатура включает в себя интерпретативные предположения, опираясь в целом на эксплицитную семантику (буквальное значение) высказывания, обогащая прямой смысл высказывания интерпретативными метарепрезентациями – *прагматическими интерпретантами*: снятие многозначности, определение референции при размытой семантике (междометия, местоимения и др. дейксис, лексико-семантическая диффузность, восстановление синтаксической и дискурсивной когерентности (эллипсис, порядок слов и т.д.) (см. выше). Экспликатура основана на автоматизмах языка (декодировании) и протекает значительно быстрее (рефлекторно), по сравнению с инференциальными процессами извлечения «скрытого смысла». Соответственно, метаязыковая функция обеспечивается двумя категориями метамаркеров-регуляторов – *осознанных метарефлексивов* и *интуитивных метарефлексивов*, функционирующих в интеракциональном пространстве коммуникативного социума.

Как уже отмечалось выше, «устный дискурс порождается не в виде непрерывного потока, а определенными *квантами*, порциями или толчками» [Кибрик, 2014]. Идея «быстрого мышления» [Канеман, 2021] выдвигает на первый план интуитивную коммуникацию, заключающуюся в том, что

процесс отражения и выражения пропозиционального содержания в высказывании оформляется сквозь призму интуитивной импликации и инференции, формирующих быстрое оформление пропозиционального содержания в высказывание как единицу речевого взаимодействия. Следуя теории релевантности, коммуниканты заинтересованы в прозрачности смысла своего высказывания, в достижении его максимальной релевантности для интеракционного смыслообмена. Модус высказывания отражает интуитивное стремление коммуникантов к релевантности смыслообмена и предоставляет реципиенту семиотические ключи для уменьшения интерпретационных усилий и осуществления адекватной интерпретации сообщения.

Такие кванты метаинформации, в большей или меньшей степени осознанные, можно расположить на шкале градуальности от наиболее иконических импульсивных движений (мимика, спонтанные жесты) до рефлексивов, отражающих эксплицитное отношение говорящего к своему высказыванию (модус, глаголы пропозиционального отношения). В условиях спонтанной коммуникации модус имеет тенденцию к когнитивно-семиотическому свёртыванию: использованию интуитивных рефлексов вместо развернутых модусных конструкций пропозиционального отношения [Алферов, 2001].

В соответствии с семиотической концепцией Ч.С. Пирса (см. выше Табл. 5), мы выделяем три основных типа метамаркеров – иконические, индексальные и символические. Интерпретация речевого поведения собеседника начинается с визуального интерфейса, который в виде мимико-кинестетической моторики и речевых рефлексов – междометий, речевых тиков, более или менее осознанных дискурсивных маркеров и речевых клише – контролируется реципиентом, корректирующим понимание (интерпретацию) смыслового содержания сообщения. Путь от мимико-кинестетического квантового иконизма к интерпретации речевого поведения и

смысла высказывания – это путь индуктивно-рефлексного интуитивного анализа, имеющего цель поместить содержание высказывания (пропозицию) в рамки субъектной релевантности посредством когнитивного модуля «эпистемической бдительности» [Sperber, 2010], отвечающего за установление адекватности личных качеств собеседника условиям коммуникации (соблюдению/нарушению норм поведения), установлению доверия или недоверия к партнёру по коммуникации и т.д. Дедуктивно-рефлексивный анализ осуществляется на основе анализа вербально-пропозициональной составляющей релевантности речевого поведения собеседника, соблюдения/нарушения постулатов речевой деонтологии, принципа кооперативности, уровня интеллектуальной и коммуникативной компетентности. В процессе коммуникации логический анализ приобретает синтетический характер абдукции – соотнесения индуктивного анализа к дедуктивным данным [Peirce, 1978].

Таким образом, в интерпретации (индукции, дедукции, абдукции) при переводе исходного иконического знака синкретично соединяются все уровни анализа (первичность, вторичность, третичность) и сопрягаются возможные семиотические типы (см. Табл. 4, 5) по рефлексно-рефлексивной шкале **иконизм – символизм** («язык тела» [Пиз, 2007] – речевые действия):

(1) **квалисигнум иконический** рематический («гипо-икона» [Пирс, 2000]): *непроизвольная мимика, взгляд, дрожание рук, головы и т.п.;*

(2) **синсигнум иконический** рематический: *намеренно нахмуренные брови, поджатые губы, «двойная замкнутая поза», пальцы сцеплены в замок и т.д.;*

(3) **синсигнум индексальный** рематический: *жестикуляция, наклоны головы, повороты головы, направление взгляда и т.п.;*

(4) **синсигнум индексальный** дициентный: *указание пальцем/рукой/головой; мотание/качание/кивок головой (отрицание/ согласие); движение рукой/пальцем (отрицание)*

(5) **легисигнум иконический** рематический: *пожимание плечами;*

(6) **легисигнум иконический** дициентный (конвенциональные жесты): *пожимание плечами (незнание/удивление); мотание/ качание/ кивок головой (отрицание/ согласие); движение рукой/пальцем (отрицание);*

(7) **легисигнум иконический** аргументативный (конвенциональные жесты): и т.д.

На материале видеокорпуса разножанровых речевых интеракций (теледебаты французских политиков, видеоряд телесериала “House, MD”, видеокорпуса французских жестов и др.) полимодальный модус анализировался методом видеофиксации релевантных видеофрагментов и коррелятивных скриптов (оригинальных и с переводом) речевого взаимодействия. В основу, помимо описанной выше семиотической типологии, была положена интегральная номенклатура речевых актов, включающая классификацию Дж. Серля, элементы неаддитивных интенциональностей и речевых жанров (ирония, намёк, обман, шутка, двусмысленность, интертекстуальность), эмоционально-коммуникативных тональностей (агрессия, вызов, (не)вежливость, эмпатия и т.д.) [Тамразова, 2021].

В ходе исследования были выявлены корреляции (конгруэнтность [Николаева, 2015]) между модусными элементами высказывания и паравербальными средствами выражения (просодия: интонация, ударение; мануальные жесты: движения рук, кистей, пальцев, плеч; цефалические жесты: кинесика головы, окулесика и т.д.) [Иссакова, 2003].

Главная функциональность этих паравербальных средств – рефлексная (спонтанная, подсознательная) адаптивная стратегия,

направленная на усиление релевантности вербальной составляющей коммуникации.

Недискретная синкретичность полимодального модуса, интуитивность и интерференция паравербальных и вербальных компонентов при выражении и восприятии модусных элементов требует кропотливой работы по выработке особой системы аннотации и составления корпуса полимодального текста. Мы приведем упрощенный вариант записи корреляции вербальных и невербальных модусных элементов, обращая внимание на условные обозначения просодических элементов: выделением обозначены модусные элементы, подчеркиванием – интонационное смысловое ударение). Отрывок интервью с Э. Макроном накануне второго тура президентских выборов во Франции (напомним, что соперником Э. Макрона после первого тура стала М. Ле Пен) в апреле 2022 представлен скриптом и рядом зафиксированных модусных вербальных, мимических и мануальных жестов [Présidentielle, 2022] (Рис. 3):

Рис. 3. Мимо-жестикуляция Э. Макрона как адаптивная стратегия

(104)

Фрейм: Журналист (J.) обращается к Э. Макрону (M.), который слушает вопрос (фрагмент рис. 1А) и отвечает на него в репликах (2-9):

1. J. Il y a 5 ans au Louvre vous disiez ceci: «Je ferai tout durant 5 années qui viennent pour que les français n'aient aucune raison de voter pour les extrêmes». Est-ce que vous avez échoué ? (5 лет назад в Лувре вы говорили: «Я сделаю всё, чтобы французы не голосовали за крайне правых». Вы провалились?)

2. M. Un homme seul (Б) ne peut pas tout résoudre (В)... (Один человек (Б) не может решить всё (В))

3. M. Après (Г), ce sont des propositions de long terme (Потом, это ...)

4. M. Il y a une inquiétude profonde (Д) dans notre société...(Есть глубокое беспокойство (Д) в нашем обществе...)

5. M. J' pense que... (Е) (Я думаю, что...)

6. M. Il faut continuer (Ж) à s'indiger (Нужно продолжать возмущаться...)

7. M. Ce que je veux dire par là (З) (Я хочу этим сказать...)

8. M. On peut pas se loger déjà (И) (Уже нельзя снять квартиру...)

9. Donc, on ne vie pas bien avant un certain niveau (К) (Поэтому ниже определённого уровня жить трудно).

Аналитический комментарий:

2Б-2В: руки со скрещенными пальцами, приближенными к губам (слушание - А), при начале ответа начинают движение с выдвиганием указательных пальцев (Б) в сторону собеседника (Один человек...) и отводятся в сторону, приближаясь к лицу (В): не может решить всё). Модус в реплике 2 выражен модусными элементами: кинесикой рук, интонационным ударением и нисходящим тоном, усиливающими достаточно тривиальное по смыслу риторическое клише («общее место»). Понимание говорящим банальности высказывания вызывает у говорящего полуулыбку при сжатых между собой ладонях и переплетенных пальцах (В) (замкнутая поза – признак неуверенности, попытка защититься [Пиз, 2007]). Взгляд направлен на собеседника, лицо приподнято ему на встречу (ожидание понимания и сочувствия).

3Г: модусный коннектор **après (потом)** вызывает конвенциональный жест, соответствующий французскому счёту на пальцах (*раз/во-первых*), обеспечивает когезию в ответном нарративе.

4Д: во фразе *Есть глубокое беспокойство в нашем обществе...* вербальный модус (пропозициональное отношение) отсутствует, но компенсируется интонационно (ударение и нисходящий тон) и жестом: поднятая к лицу раскрытая ладонь с разведенными пальцами показывает собеседнику взвешиваемый невидимый шар (представляемую 'проблему'), а интонационный акцент на словах глубокое беспокойство определяет смысловой фокус и рему высказывания.

5Е: **сжатый кулак** при глагольном модусе пропозиционального отношения *Я думаю, что...* усиливает модус выражением сосредоточенности на лице и мысленного обобщения в формулировании последующей пропозиции в качестве квинтэссенции, вывода.

6Ж: **опираясь на сжатые кулаки**, выставленные на поверхность стола, выпрямив спину и подняв голову, лицо к собеседнику, говорящий усиливает деонтическую модальность модуса (*нужно*) и одновременно агональность смысла высказывания (*возмущаться*), адресованную и своим сторонникам (объединение, решимость), и противникам (угроза), о которых идёт речь (крайне правые в лице М. Ле Пэн).

7З: руки, раскрытые ладонями вверх с разведенными и согнутыми пальцами, взгляд, фиксируемый перед собой (представление мысленного образа, ментальной репрезентации), передаёт модус, интенцию говорящего объяснить, раскрыть суть проблемы в собственном понимании (*Я хочу этим сказать...*).

8И: практически дублирует жест **3Г**. Здесь разговорная модусная конструкция *Уже...* означает 'во-первых' (жестовая синонимия).

9Ж: поза «родэновского мыслителя» выражает озабоченность проблемой низкого прожиточного минимума французов, не позволяющего им жить достойно (‘снять жильё в столице’ и т.д.).

Таким образом, исследование полимодальности речевой интеракции, созвучное развивающейся сегодня в отечественном языкознании парадигме исследования мультиканальной коммуникации [Кибрик, 2014; Крейдлин, 2004; Николаева, 2015; Попова, 2019а], показывает, что есть семиотические ключи описания и интерпретации интегрированной экспрессивной функции языка-речи (по Якобсону), воплощающей вербальные и паравербальные коммуникативные средства выражения, объединенные единым когнитивным механизмом речевой составляющей человеческого сознания. В частности, есть все основания полагать, что паравербалика относится в большинстве своём к модусу высказывания, отражающего различные модусы отношения говорящего к пропозиции, к собеседнику (аудитории), к аргументативным и персуазивным аспектам, к дискурсивной организации речевого взаимодействия.

Ещё одним примером рефлексивной полимодальной маркированности (не)релевантности может служить ставший «национальным мемом» диалог между Э. Макроном (ЭМ) и молодым человеком (МЧ), обратившимся к тогда еще министру Макрону с упреком о неустроенности безработной молодежи во Франции.

(105)

М.Ч.: On en a marre! On en a marre!!! J'ai 21 ans, je me retrouve à faire une formation... On en a marre! Moi, j'ai pas les sous pour me payer un costume comme ça!
Э.М.: «*Vous n'allez pas me faire pleurer avec votre T-shirt. La meilleure manière de se payer un costard, c'est de travailler*»
[L'Express – эл. pec].

– Хватит с нас! Мне 21 год, я без образования, мне не на что купить *такой вот костюм!*
– Вы не разжалобите меня (досл. «не заставите плакать») *своей майкой*. Лучший способ купить себе костюм (costard – арг.) – работать.

Коммуникант S_1 (М.Ч.) придает аргументативную значимость внешнему виду собеседника S_2 (Э.М.), которого он рассматривает как объект (контекстуальная модель – по Т. ван Дейку), и произносит в качестве метакоммуникативного **рефлексива-легисигнума**, маркирующего нерелевантность полимодального знака S_1 (внешний вид адресата), получая в ответ свою знаменитую фразу Э.М. «*La meilleure manière de se payer un costard, c'est de travailler*», ставшую мемом и национальным хэштегом #*costardgate* ('Костюмгейт' по аналогии с Уотергейтом).

Другим примером рефлексной полимодальной метакоммуникативной маркированности нерелевантности может служить следующий речевой обмен социо-интеракционального фрейма «Извинение» (пример Д. Андре-Ларошбуви):

(106)

Au café. Il y a beaucoup de monde. **A** se faufile au comptoir entre deux groupes et commande un café. **B**, à sa gauche, qui lui tourne le dos, se retourne.

B : *Vous avez assez d'place au moins?*

J'vous gêne pas trop? C'est que j'sus gros hein...

A : Non non, vous m'gênez pas, merci, ça va très bien...

B : Bon, pas qu'autrement faut pas avoir peur d'me dire : «Hé tire-toi un peu, l'gros!» (rire)

A: (rire) D'accord, d'accord, si vous m'gênez, c'est c'que j'vous dirai! (rire) [AL: 94].

В кафе много народу. А протискивается к стойке между двумя посетителями и заказывает кофе. В – один из сидящих, которого толкнул А, говорит:

В: Я вам не очень мешаю?

Толстый я, да?

А: Нет, нет спасибо!

В: Хорошо, а то скажите «Э, толстяк, подвинься!» (смеётся)

А: Хорошо, если что..., скажу (смеётся)

В примере (106) **A** нарушает личное пространство **B**. Тот иронически спрашивает, не мешает ли он **A**. Таким образом, актуализируется *негативная вежливость* [Ларина, 2009; Culperer, 2012], когда извиняется не тот, кто нарушил личную территорию, а тот, кто от этого пострадал, но пытается проявить эмпатию, подавив потенциальный конфликт.

Здесь иронический метакоммуникативный рефлексив *Vous avez assez d'place au moins? J'vous gêne pas trop?* (Вам хватает места? Я Вам не мешаю?) выступает одновременно маркером ироничного упрека и кооперативной стратегии в интерперсональном плане речевой интеракции.

Таким образом, интерперсональная проксемика вызывает обсуждение релевантности как самого проксемического контакта, так и уместности невежливых высказываний («Подвинься, толстяк!»). Кроме того, высказывание **В** имплицитно указывает на неуместное поведение **А** (вторжение на чужую территорию), поэтому полимодальность рефлексии обеспечивается также чередованием *смешков/усмешек* («petits rires»), выполняющих *роль маркеров негативной вежливости* и коммуникативной эмпатии [André-Larochebouvry, 1984; Culpeper, 2012]. Данные примеры показывают, что *паравербальная составляющая метакоммуникативной рефлексии*, благодаря мимическим, кинетическим и жестовым маркерам-триггерам интерпретации, реализуется во взаимодействии внешней поликодовости и внутренней инференциальной способности определять значимость (релевантность) квантов полимодального пространства речевой интеракции.

В свою очередь, субъекты институциональной коммуникации, в силу своей потенциальной активности, склонны противопоставлять вертикальной, властной коммуникации горизонтальную, делиберативную (договорную), «релевантность в процессе обсуждения» (конверсации) на основе конверсационных импликатур (логических инференций) [Грайс, 1985: 225]. Таким образом, соблюдение или несоблюдение предварительных ограничений может повлиять на релевантность или иррелевантность коммуникативного поведения и соответствующего дискурса. Так, парентетические реплики (перебивание) выступающего в парламенте имеют разный этос: в *английском* парламенте необходимо обратиться к председателю и получить согласие выступающего, в *российском* – реплики,

как правило, игнорируются в протоколах и во *французском* парламенте реплики фиксируются протоколом, – и не только реплики депутатов, но и междометные выкрики из зала и т.п. [Алфёров, 2013]. При этом речевое поведение участников заседания может подвергнуться санкциям или стать предметом обсуждения [Попова, 2015].

Институциональной делиберативной (обсуждаемой) оценке релевантности подвергаются и все документы, рассматриваемые в парламенте. Для этого существует механизм поправок к предлагаемым к принятию законодательным актам [2019б,в]. В ходе дебатов выясняется степень релевантности той или иной законодательной инициативы. (В свете затрагиваемой далее проблематики уместно вспомнить высказывание одного из российских высокопоставленных парламентариев: «Парламент – не место для дискуссий»).

Существует проблема релевантности (в самом широком смысле) политической риторики для общественной аудитории («простых» избирателей), предвзятости оценки релевантности высказываний политиков скептически настроенной публикой [Правинова, 2005; 2018; Сковиков, 2014; Badouard, 2016].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ V

1. Релевантность может рассматриваться как одна из скрытых категорий дискурсивной грамматики (грамматика речи – ГР), отражающей когнитивно-прагматическую компетенцию участников речевого взаимодействия. Основной онтологической характеристикой ГР выступает интенциональность, т.е. речевое намерение, воплощенное в определенные системно-структурные рамки высказывания. Элементы высказывания на фонетическом, морфологическом и т.д. уровнях рассматриваются только в преломлении к их значимости в речевом обмене.

2. Средствами реализации адаптивной стратегии в регулярных метакоммуникативных манифестациях консенсуальной когнитивно-коммуникативной среды являются **дискурсивные элементы** – лексические и лексико-фразеологические (речевые рефлексy) и полимодальные интеракционально-дискурсивные (мимика, жесты, реплики, ремарки), названные в работе *дискурсивными маркерами релевантности*. Эти средства осуществляют адаптивную стратегию коммуникантов по обеспечению механизмов релевантности в речи, выполняя роль триггеров и коммуникативно-прагматических манифестаций речевого поведения.

3. Одним из наименее изученных регулярных проявлений метакоммуникативных адаптивных механизмов является **парентетические** («тетические») **дискурсивные маркеры – ремарки и реплики**, вторгающиеся в речь партнера по интеракции, что имеет место, как показывают все приведенные в работе примеры, в бытовом диалоге, а также в полемике, аргументативной дискуссии, парламентских дебатах.

4. На интуитивном и рефлексивном уровнях исчисления смысла высказывания работает когнитивный модуль определения релевантности коммуникации, который обусловлен различиями между интуитивной инференцией и рефлексивной инференцией. Такая мета-операциональная репрезентация сопровождается взаимодействием дискурсивных операторов метакоммуникативной функции интерпретации релевантности: сигналов-рефлексов (интуитивных) и сигналов-рефлексивов (рефлексивных).

5. Метарепрезентации контролируют релевантность интерпретации на протяжении всего когнитивного взаимодействия, всевозможные изменения в релеванностях РВ, направляющих коммуникацию, создавая параллельный «диалог со-знаний» внутри сознания каждого из собеседников. Эффект ожидания – оправданного или обманутого – определяется (а)симметрией в интенциональностях собеседников и успешностью мета-пропозициональной инференции, которая соотносится не с вопросом «что говорится», а с тем,

«кем, зачем, почему и когда» говорится. Риторическая значимость как обманутого, так и оправданного ожидания включается в дискурсивную память говорящих, которые могут прогнозировать эти эффекты в целях воздействия на собеседника и аудиторию (фасцинация, катарсис, конфликт и др.).

6. Семиотическая природа дискурсивных полимодальных маркеров релевантности определяется трихотомической системой Ч.С. Пирса (первичность – вторичность – третичность / квалисигнум – синсигнум – легисигнум), позволяющей вывести семиотические типы остенсивных интенциональных и неинтенциональных полимодальных маркеров – взгляд – мимика – речевой (интонация, междометие, лексико-грамматические маркеры) и неречевой жест (мануальный, цефалический жест, язык тела).

ГЛАВА VI. РЕЛЕВАНТНОСТЬ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ. ЭКСПЛИКАТУРЫ И ИМПЛИКАТУРЫ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЛИБЕРАТИВНОСТИ

В институциональной коммуникации концептуализация как процесс и результат может рассматриваться в первую очередь в перспективе формирования понятийного поля институционального дискурсивного пространства. Первичной функцией любого институционального дискурса является установление определенного «понятийного порядка» как условия *sine qua non* успешного функционирования того или иного государственного или общественного института. Сформировавшиеся концепты (понятия) становятся пресуппозицией, общим фоновым знанием, которое обеспечивает когерентность и эффективность институциональной дискурсивной практики.

На материале коммуникации в парламенте Французской республики проследим особенности когнитивных доминант релевантности в институциональной делиберативной интеракции.

6.1. Когнитивная динамика парламентской дискурсивной формации: объекты дискурса

Следуя теории М. Фуко, немалое место в «дискурсивной формации»⁶⁵ тех или иных общественно-политических институтов занимает функция постоянного контроля за чистотой, нормативностью и релевантностью

---

⁶⁵ Дискурсивная (дискурсивная) формация (ДФ) – понятие, введенное М. Фуко, обозначающее совокупность дискурсов (высказываний), объединенных одной предметной областью: «она образована совокупностью всех существующих высказываний (неважно, устных или письменных) в их событийном рассеивании и в инстанции, присущей каждому из них» [Фуко 1996: 72]. Эта совокупность формируется в соответствии с определенными «правилами формирования» – теми условиями, которым подчиняются элементы и этапы такого «формирования» – «объекты – модальности акта высказывания – понятия – тематические выборы (стратегии)». Как указывает Фуко, «правила формирования — это условия существования (но также и сосуществования, сохранения, видоизменения и исчезновения) в том или ином данном дискурсивном распределении» [Там же: 82].

(действительностью и актуальностью) понятийного тезауруса. При этом концептуализация как процесс формирования концептосферы дискурсивной формации (ДФ) касается не только узкоспециального понятийного аппарата, но и всех сопутствующих когнитивных процессов: веры, аксиологии, аргументативного потенциала, личностно-психологического восприятия, социальной релевантности, т.е. соответствия институциональной концептосферы дискурсивной формации тезаурусу социально-общественной формации и др. (см. тж. [Алферов, Кустова, 2014б]).

Объектами дискурсивной формации становятся факты действительности *релевантные* для данной ДФ. При этом «объективность объекта» определяется в рамках отношений, установленных между социальными институтами, экономическими и социальными процессами, формами поведения, системами норм, технологиями, типами классификации, способами характеристики и т.д.:

«Они определяют не его <объекта> внутреннее строение, а то, что позволяет ему появиться, расположиться рядом с другими объектами, занять по отношению к ним определенное место, определить свое отличие, свою несводимость, а в известных случаях свою разнородность по отношению к ним, короче говоря, быть помещенным в поле взаимодействий внешнего характера (*champ d'extériorité*)» [Фуко, 1996: 104-105].

Дискурсивные отношения, по Фуко, – это не связь между понятиями или слова, – «они не устанавливаются между предложениями или суждениями дедуктивного или риторического построения». Это обоснование объектов действительности как объектов дискурса, когда «они детерминируют пучок связей, которые дискурс должен установить, чтобы иметь затем возможность говорить о тех или иных объектах, чтобы иметь возможность их обсуждать, называть, анализировать, классифицировать, объяснять и т. д. Эти отношения характеризуют не тот язык, который использует дискурс, не обстоятельства, при которых он разворачивается, **но сам дискурс как практику**» [Там же: 106 – выделено нами – Г.П.].

Избранные объекты дискурс «должен инвентаризировать, классифицировать и назвать, отобрать и, наконец, покрыть сетью слов и предложений» [Фуко, 1996: 100].

Парламентский дискурс по своей институциональности призван объединять в себе две дискурсные формации – политическую и правовую (юридическую) [Попова, 2018а,б]. Такое достаточно противоречивое объединение требует высокого уровня действенности аргументативного аппарата, позволяющего не только оправдать, но и институализировать, то есть сделать нормативно-юридическими (см. выше 1.3.) те или иные политические интенции и акты. Данная задача ставит во главу угла проблему *релевантности дискурса как средства концептуализации*, создания когнитивного тезауруса парламентской дискурсной формации, её концептуальной идеологии.

Масса противоречий, обнаруживающихся между юридическими нормами и политическими решениям, не уничтожает и даже не нарушает систему парламентской интеракции, так как «дискурсивная формация одновременно или последовательно способна порождать взаимоисключающие объекты, и при этом никак не видоизменяться» [Фуко, 1996: 103]. К тому же «не объекты остаются неизменными, и не область, которую они формируют, и даже не точка их возникновения или способ их характеристики; неизменным остается установление отношений между поверхностями, где они могут появляться, где они могут разграничиваться, где они могут анализироваться и уточняться» [Там же: 108].

Такие «поверхности», или в терминах когнитивистики – *концептуальные пространства* (КП) [Ирисханова, 2014а], – формируются на основе устойчивых ассоциативных связей, обусловленных не столько онтологической связью объектов, сколько принципом «семейного сходства» [Wittgenstein, 1973], когда категоризация определяется выявлением пусть незначительных, но *релевантных* – для актуального дискурса и

референциальной ситуации – признаков. Например, как показал Л. Барсалоу, даже такие отличные друг от друга объекты категоризации, как «дети» и «драгоценности», могут быть отнесены к одной *ad hoc-категории* в соответствии с определенным контекстом – «что спасти при пожаре» [Barsalou, 1983].

Налицо когнитивно-прагматическое начало формирования понятий, релевантных для функционирования ДФ, требующих квалифицированной обоснованности. Поэтому к релевантности объектов добавляется релевантность аргументативной модальности ДФ, включающая такие компоненты как статус и имидж субъекта (статус парламентария включает в себя такие критерии, как делегированные полномочия, т.е. узаконенные условия, дающие право – и одновременно устанавливающие его пределы, – на парламентскую практику и на принятие решений путем голосования; определенный уровень компетентности и знания; политическая принадлежность с соответствующей прагматикой <целеполаганием> и праксеологией <поведением> и т.д.). Этот статус включает в себя также систему дифференциации и отношений (разделение компетенции, иерархическое подчинение, функциональную дополнительную, затребование и передачу информации, обмен информацией) с другими индивидами или другими группами, обладающими своим собственным статусом (с политической властью и партиями, с судебной властью, с различными политическими акторами, парламентариями «своими» и «чужими», с избирателями и т.д.).

Совокупность индивидуальных дискурсов можно рассматривать лишь как предпосылку формирования ДФ, т.к. дискурс – это «поле закономерности для различных позиций субъективности. Дискурс не является величественно развернутым проявлением субъекта, который мыслит, познает и производит его: напротив, это совокупность, где могут детерминироваться рассеивание субъекта и его прерывность по отношению к самому себе» [Фуко, 1996: 121].

От релевантных для ДФ объектов путь функциональной динамики дискурсной формации лежит к формированию концептов (понятий), релевантных для ДФ, через субъектно-обусловленную аргументативно-интерпретативную деятельность. Следуя М. Фуко, концептуализация, соотносимая с той или иной ДФ, определяется формами последовательности, «упорядоченности рядов высказываний (будь то порядок выводов, последовательных импликаций и доказательных рассуждений; или порядок описаний, схемы обобщения или нарастающей спецификации, которым они подчиняются, пространственные распределения, через которые они проходят; или порядок повествований и тот способ, каким события, происходящие во времени, распределены в линейной последовательности высказываний); разные типы зависимости высказываний (которые не всегда являются тождественными и совпадающими с видимыми последовательностями ряда высказываний: так обстоит дело с такими зависимостями, как гипотеза – верификация, утверждение – критика, общий закон – частное применение); разные риторические схемы, в соответствии с которыми мы можем комбинировать группы высказываний (каким образом соединяются друг с другом описания, дедукции и определения, последовательность которых характеризует построение текста)» [Там же: 131]. Таким образом, в основе *концептуализации лежат определенные (релевантные) когнитивно-речевые стратегии*, обусловленные функцией, которую парламентский дискурс должен осуществлять в поле трансдискурсивных практик (политика, государственное управление). Как отмечает М. Фуко, функционирование ДФ «предполагает также порядок и процессы присвоения дискурса, ибо в наших обществах (и, вероятно, во многих других) право собственности на дискурс – воспринимаемое одновременно как право говорить, как компетентность в понимании, как узаконенный и непосредственный доступ к корпусу уже сформулированных высказываний и, наконец, как способность облекать этот дискурс в решения,

в социальные институты или в практики, закреплено на деле (иногда даже регламентированным образом) за точно определенной группой индивидов» [Там же: 142]. К такой группе, несомненно, относятся и парламентарии.

Коллективное коммуникативно-когнитивное пространство парламентской дискурсивной формации (ПДФ) отличается от другого политического дискурса (широко исследуемого в лингвистике) тем, что наряду с властными и др. функциями политической коммуникации, парламентскому дискурсу присущи функции рационально-нормативные (легислативные), направленные не на борьбу за власть (не только и не столько), а на совместное рациональное обсуждение (*делиберацию*) и решение проблем, касающихся общественного устройства и существования национального государства (внешняя и внутренняя политика) [Dijk, 2003]. Следуя положениям теории контекста (см. выше 2.4., пп. 1-21), коллективное когнитивное пространство французского парламента своими контекстными характеристиками определяет смысл и интеракционную динамику ПДФ.

6.2. Контекстуальные и речезыковые доминанты парламентской дискурсивной формации: событийно-фактуальный, риторико-аргументативный и конвенционально-конклюдивный аспекты

Прежде всего к *постоянным контекстуальным детерминантам* смысла ПДФ относятся регламентные характеристики, например, хронотоп Национальной Ассамблеи Франции, статус участников, порядок обсуждения и принятия законов во взаимодействии с Сенатом, регламент ведения заседания парламента или комиссии и т.д.).

К *переменным динамическим (переменным) контекстуальным детерминантам* относятся:

- 1) политические внешние релевантности парламентариев (убеждения, принадлежность к партийной группе и т.д.) и
- 2) когнитивно-речевые внутренние релевантности субъектов ПДФ, связанные с динамикой делиберативности, как то: пропозициональная

(референтная, тематическая) релевантность дискурса (повестка дня), концептуально-аргументативная релевантность дискурса парламента, иллюкутивная и интерперсональная релевантность парламентского дискурса (ПД), пропозиционально-логическая когерентность ПД .

При этом релевантность градуальна:

«Новая информация релевантна в любом контексте, в котором она усиливает существующие пресуппозиции адресата – фоновые знания и убеждения; и чем больше пресуппозиций она усиливает, и чем больше она их усиливает, тем более актуальным становится ее высказывание» [Sperber, 1987: 11 – перевод наш – Г.П.].

Однако релевантность определяется не только ассонансом, резонансом и коориентацией когнитивных программ коммуникантов. Другим способом достижения релевантности коммуникации, помимо укрепления существующих предположений в когнитивной системе коммуникантов, является их **опровержение** или **устранение**. В этом случае необходима установка адресата на возможность модификации его когнитивной программы, что далеко не всегда актуально для ангажированной и предвзятой позиции участников-оппонентов политической интеракции [Попова, 2015]. В обоих случаях условием *sine qua non* остается **«объединение с контекстом»** для получения контекстуальных эффектов, необходимых для признания высказывания (не)релевантным [Sperber, 1989: 55].

Когнитивный социолингвистический анализ в многочисленных исследованиях (в том числе экспериментальных) показывает, что **«язык** служит средством формирования, закрепления и развития социальных структур знаний» [Ирисханова, 2014б – выделено нами – Г.П.] как **базовых**, составляющих концептуальную картину этноса, гражданского общества и политического класса, так и **операциональных**, возникающих в процессе коммуникативного взаимодействия (интеракции). В обоих форматах наличествуют этнопсихологические, групповые и индивидуальные

доминанты категоризации и концептуализации мира, осуществляемых в когнитивной и речевой деятельности политика – субъекта ПДФ (ср.[Пищальникова, 2018]).

Поэтому на основе когнитивных методологических построений далее предлагается **структурная модель когнитивного пространства** парламентского дискурса, раскрывающая взаимодействие иерархически организованных пропозиций и модальностей. Мы выдвигаем частную гипотезу о приоритете принципа релевантности над критерием истинности в когнитивной структуре политической коммуникации.

Релевантность в ПДФ определяет механизм принятия решения как основную функциональную характеристику парламентской коммуникации. Поэтому на первый план выдвигается роль **консенсуса** как необходимой **конструктивной составляющей** в **делиберативном** процессе коммуникативного взаимодействия политического класса и гражданского общества через институт представительной демократии [Алферов, Кустова, 2014б; Громыко, 2011; Казак, 2020; Ковлер, 1991; Плотникова, 2017; Попова, 2018а; Правикова, 2005].

Материалом проведенного исследования послужили три прототипичных делиберативных жанра **парламентской дискурсивной интеракции (ПДИ) – скрипты протоколов дебатов** (*comptes rendus intégraux*), **вопросы правительству** (*questions au gouvernement*) и **поправки к обсуждаемым проектам законов** (*amendements*). Макроконтекст предопределил такой жанр ПДИ, как «кризисный дискурс» с разной событийной референцией: внутреннеполитические кризисы «браков для всех» – «*marriage pour tous*» (2012-2013) и «желтых жилетов» – *gilets jaunes* (2018–2019гг.) и санитарный кризис COVID-19 (2020–2021гг.).

6.2.1. Релевантность пропозиции как единицы коллективной ментальности в политической и парламентской институциональности

Парламентский дискурс (ПД) – один из главных социально–политических институциональных дискурсов демократического общества, который, помимо политической борьбы противостоящих партий, олицетворяет делиберативный процесс⁶⁶ в политике, является проявлением конкурентной диалогической кооперативности, и коммуникативной институциональности в политической коммуникации [Чудинов, 2009; 2012].

Парламентский дискурс разворачивается в двух коммуникативных фреймах: профессионально–политическом (внутреннем) и социально–политическом (внешнем). Внутреннее институционально–коммуникативное пространство – это взаимодействие профессиональных акторов – политиков, парламентариев, экспертов, их квалифицированных компетенций, выражающихся в определенных типах интеракций – жанрах парламентского, юридического и управленческого дискурсов (принятие поправок к закону, делиберация в парламентских группах и фракциях, экспертный анализ и т.д.)⁶⁷.

Внешним социально–политическим пространством парламентской коммуникации выступает вся политическая дискурсивная формация (ПлДФ). В рамках ПлДФ делиберация может рассматриваться как диалог политического класса (ПК) и гражданского общества (ГО). В этом случае в

---

⁶⁶ Делиберативный парламентский процесс нами понимается, с одной стороны, широко – в дискурсивно-интеракционном смысле – как диалог, дискуссия, процесс обсуждения (обдумывания) при наличии разных точек зрения на истинность и/или аксиологию исходной обсуждаемой пропозиции [Еемерен, Гроотендорст, 1994; Walton, 2004] (см. выше). Принятое в политологии специальное (узкое) понятие «делиберативная демократия» [Хабермас, 2001] противопоставляется представительской, т.е. парламентской демократии, и вызывает противоречивые оценки [Bohman, 1998; Kettner, 2007], однако оно напрямую коррелирует с делиберативностью в широком смысле, как будет показано ниже.

⁶⁷ Существует мнение, что национальные парламенты по их дискурсивно-когнитивному стилю можно разделить на конструктивно-профессиональные (Великобритания, Россия) и делиберативные (Италия, Франция) [Heurtin, 1999].

пространстве национальной политической дискурсивной формации (ПлДФ) с парламентской дискурсивной формацией (ПДФ) взаимодействуют дискурсы правительства, президента, с одной стороны, дискурсы СМИ и дискурсы ГО в лице постоянных и/или окказиональных гражданских организаций и движений (манифестаций, делегаций, митингов, пикетов и т.п.), – с другой (см. Табл. 8):

Таблица 8.

Структура политической дискурсивной формации (ПлДФ)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС (ПК)		ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО (ГО)	
ПРЕЗИДЕНТ	ПАРЛАМЕНТ	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ	НПО ⁶⁸
ПРАВИТЕЛЬСТВО		МЕДИА (САЙТЫ)	ПРОФСОЮЗЫ ⁶⁹
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ		СМИ ИНТЕРНЕТ	ДВИЖЕНИЯ и АКЦИИ

Основными характеристиками парламентского дискурса (ПД) являются, с одной стороны, аргументативная и риторическая персуазивность [Правикова, 2018], а с другой, – **конклюзивность**, то есть законотворческая целенаправленность и завершенность, проявляющаяся в выработке законодательного текста или принятия решения [Алферов, Кустова, 2014б; Кузнецова, 2016]. Именно необходимость позитивного действия (постановления, закона, поправки), результирующего многочисленные разногласия, альтернативы развития, борьбу интересов, отличает парламентский дискурс от политической коммуникации в целом, основной чертой которой признана полемическая агональность «без берегов» [Тамразова, 2021; Шейгал, 2000]. Суть парламентской коммуникации состоит

⁶⁸ Неправительственные организации

⁶⁹ Профсоюзная организация рассматривается то как промежуточное звено (intermédiaire) между ПК и ГО, то как составляющая политической элиты [Кола, 2001].

в решении социо-политических задач разной природы и степени проблемности посредством их обсуждения и *принятия решения*, имеющего общественно–политическое и/или государственно–законодательное и управленческое значение [Григонис, 2017; Boltanski, Thévenot, 1991]. Поэтому критическая дискуссия в парламенте, цель которой – убедить противоположную сторону в своей правоте, сопровождается делиберативной дискуссией в целях оптимального для всех решения, предполагающего компромисс и консенсус.

Как отмечалось выше, коммуникативные, когнитивные и лингвопрагматические *механизмы делиберации* заложены в природе человеческого общения, и в принципе кооперативности [Grice, 1991 и др.], и шире – в когнитивной эмпатии [Zlatev, 2014], в коллективном мышлении и *коллективной интенциональности* [Томаселло, 2011]. Принятие коллективного решения зависит от принятия решения каждым членом коллектива. Поэтому консенсус можно рассматривать как персональное (внутреннее) решение (вывод) каждого участника делиберации и как общее (внешнее) коллективное соглашение и решение [Heinich, 2017].

Поэтому под *внутренним консенсусом* мы понимаем *осознание* и решение индивидуумом проблемной ситуации, и, как следствие, получение нового выводного (конклюзивного) *знания* [Dijk, 2003; Dretske, 1971], на основе которого им принимается и декларируется *решение* и осуществляется его дальнейшая деятельность.

Под *внешним консенсусом* мы подразумеваем ту когнитивно–аналитическую базу, которая возникает в результате коллективного обсуждения и решения общей проблемной ситуации. Такая база, формируемая в ходе аргументативного обмена мнениями, и составляет основу конклюзивного декларативного текста, имеющего законодательный статус. В дальнейшем такого рода декларации (законы) являются фундаментом *общего социального консенсуса* – гарантией стабильности в

обществе. Суть парламентской делиберативности заключается в том, что во внешний консенсус включаются и все избиратели (гражданское общество), от имени которых действуют парламентарии. Поэтому чем меньше процент оставшихся вне поля консенсуса, тем более устойчивой является общественно–политическая ситуация [Fernros, Schaffer, 2014]. В этом состоит политическая релевантность парламентского консенсуса [Murphy, Shleifer, 2004].

Отсюда следует, что одним из главных условий реализации *эффективности парламентской коммуникации* должен быть когнитивно–коммуникативный *поиск* коллективного и индивидуального **консенсуса** как основы принятия того или иного решения в ходе парламентской деятельности [Kettner, 2007].

Парламентарий, как любой человек, в своей повседневной жизни находится в биографически и профессионально детерминированной ситуации, т.е. в определенной им самим физической и социокультурной среде. В такой среде он занимает личностную позицию. Это и позиция в физическом пространстве и внешнем времени дискурсивной формации, и этос – статус и роль в рамках социальной и профессиональной системы, и самое главное – внутренняя моральная и идеологическая позиция [Dijk, 2003], «внутренние релевантности» субъекта.

Биографическая и идеологическая детерминированность рождает во многом *пред-убеждения* участника институциональной (политической) коммуникации. Система внутренних релевантностей в свою очередь определяет элементы, которые составят основу обобщающей, конклюдивной релевантности (см. рис. 1, схема 9), и черты этих элементов, которые станут типичными или, наоборот, уникальными и индивидуальными.

Изменение конкретной деятельностной цели приводит к изменению системы релевантностей, к сдвигу контекста, в котором проявляется референциальная ситуация S , что может побудить субъекта дискурса

обратиться к предикату q , а то, что S есть также и p теперь для него становится нерелевантно ($S - p > S - q$). Во многом такие ad-hoc позиции (полагания) обусловлены внешней (навязанной) релевантностью (см. выше рис. 1) – релевантностью идеологической и корпоративной.

Природа консенсуса как цели делиберативного процесса такова, что получение «конклюдивного знания» должно иметь как для индивидуума, так и для общественно–политического института когнитивно–прагматическое основание, отвечать внутренним и внешним потребностям, удовлетворять требованиям истинности, полезности, справедливости и т.д. Процесс достижения внутреннего и внешнего консенсуса строится именно на основе когнитивно–прагматического механизма аргументативной релевантности [Dijk, 2009; Eemeren, Grootendorst, 2004; Tokimoto, 2015].

Таким образом, вопрос о субъективности/объективности категории институциональной релевантности решается в пользу её релятивной объективности в силу межличностного (консенсусного) характера и логико–прагматической обоснованности [Tonnard, 2008]. Принятый в парламентской практике принцип голосования является *симулякром* консенсуса – необходимым механизмом решения проблемы при невозможности прийти к действительному согласию.

В парламентской когнитивно–деятельностной формации *согласие* объединяет два начала, два операциональных (процедурных) знания – *делиберативное* и *волитивное*. *Делиберативное знание* связано с понятием консенсуса – внешней договоренности в институциональном коллективе на основе внутреннего согласия отдельных субъектов. *Волитивное знание* связано с понятием институционального принуждения («когнитивного насилия» – ср. [Ерохов, 2006; Медведева, Воронкова, 2013]) и представляет собой знание (осознание, признание) конвенциональной необходимости (партийная, групповая принадлежность и т.д.).

Если в менее политизированной делиберации (научная дискуссия, технический анализ) превалирует убедительность (*credibility*) как результат аргументации и обоснование (*justification*), то в политике господствует **персуазивность** как интеллектуально–эмоциональное воздействие [Правикова, 2018; Чудинов, 2009; Murphy, Shleifer, 2004].

За единицу анализа индивидуальной и коллективной когнитивной *консенсуальной среды* институциональной парламентской коммуникации принимается **пропозиция**, имеющая главным своим дискурсивным коррелятом высказывание-речевой акт, несущий аргументативно-смысловую интенциональность [КСКТ: 137; Микиртумов, 2021]. Кроме того, за высказыванием – материальным воплощением пропозиции – кроются другие различные измерения: денотативно-референтное, логико-инференциальное, эмоционально-оценочное и др. (ср. [Арутюнова, 1990]).

Под пропозицией в когнитивной лингвистике понимается особая оперативная структура сознания и особая единица хранения знаний в голове человека, некое концептуальное объединение, содержательное целое с определенными формирующими его компонентами [КСКТ: 137]. В другом представлении пропозиция отражает определенное положение вещей, фрейм, структурную рамку, ограничивающую деятельностный континуум в понятии отдельной структурированной *социальной ситуации* [Гофман, 2003].

Поведенческий фрейм (Э. Гофман) взаимодействует с когнитивным фреймом [Минский, 1978], помещая социальную ситуацию в динамическую концептуальную сущность – пропозицию.

Структура фрейма определяется конфигурацией слотов (терминальных узлов) как составляющих ситуации–фрейма [КСКТ: 187-189]. Однако проективная динамика функционирования структуры (сценарий) приводит к возникновению противоречия в виде альтернативной слотовой конфигурации и возможности замены одного слота другим. Наличие альтернативных

(противоречащих) слотов создает *проблемную ситуацию*, которая требует решения.

Для принятия решения требуется *интенциональное основание* – довод (базовый аргумент), позволяющий считать решение правильным, а соответствующую ему *пропозицию* истинностной и/или обоснованной (релевантной). Отличие *истинности* от *релевантности* заключается в противопоставлении *логического* и *прагматического* – *эмоционально-оценочного* – компонентов рассуждения, в различии *аргументативной* и *персуазивной* составляющих в речи, в расхождении *алетической* и *деонтологической* модальностей пропозиции [Правикова, 2018].

Таким образом, **релевантность пропозиции лежит в основе консенсуса как прототипической основы делиберативной институциональности.**

Из этого положения вытекает тезис о корреляции *релевантности пропозиции* (отражённого фрейма) с *релевантностью* выражающего её *дискурса* (высказывания). Другими словами, достижение консенсуса основано на когнитивно-прагматическом механизме установления **релевантности** ментальных пропозиций, взаимодействующих посредством высказываний в дискуссионном поле коллективного концептуального пространства акторов парламентского делиберативного процесса.

Л.В. Правикова выделяет три типа пропозиций, постоянно присутствующих в ментальном пространстве парламентской интеракции, – *пропозицию факта*, *пропозицию ценности* и *пропозицию политического курса* [Правикова, 2018]. Такое понимание *пропозиции* носит метауровневый характер, так как, независимо от предмета обсуждения, то или иное содержание (тема, повестка) должно рассматриваться именно в этих когнитивных перспективах. Этот ряд можно было бы расширить за счет более частных метапропозиций, например, *пропозиции исторической и/или юридической прецедентности*, *легитимности* и т.д. (ср. [Попова, 2019а,б,в])

Именно на уровне метакатегорий решается вопрос о *релевантности* (значимости) каждого из выделенных и дополняющих друг друга аспектов концептуализации проблемы и её решения. Ингерентной чертой метапропозиций является то, что каждая из них имеет потенциальный оператор отрицания [François, 2013], то есть может рассматриваться с разных точек зрения и иметь субъективно–амбивалентную интерпретацию с тем, «чтобы ее можно было обсудить, используя аргументы “за” и “против”» [Правикова, 2018: 362].

Следующий уровень когнитивной интеракции парламентской коммуникации представлен противонаправленными макропропозициями, или – в терминах логической риторики – тезисами, которые вступают в делиберативно-аргументативное взаимодействие [Peleckis, Peleckienė, 2015].

Макропропозиция референтно соотносится с каким–либо утверждением или фактом. Это фактуально-событийная сторона предмета, условная тема обсуждения («*Война в Сирии*», «*Украинский кризис*», «*Пенсионная реформа*», «*Налоги на топливо*»).

На макропропозицию накладываются отмеченные выше метапропозиции: *метапропозиция фактуальности* (проблемности, истинности) – обоснование актуальности обсуждаемой макропропозиции; *метапропозиция ценности* – обращение к морально–нравственным аспектам обсуждаемой проблемы; и *метапропозиция политического курса* – рассмотрение вопроса с позиций партийной принадлежности, в интересах государства и избирателя как «институционального клиента» парламентского дискурса.

Обсуждаемая на заседании парламента проблемная макропропозиция (например: «*Принять / не принять закон о пенсионной реформе*» [Плотникова, Кузнецова, 2017]) состоит из двух базовых (профилирующих) пропозиций, одна из которых «*Реформа необходима*», другая – «*Реформа губительна*». Базовая, или профилирующая пропозиция имеет свои про- и

контраргументы в виде *микропропозиций* – суждений субъектов делиберативного процесса – парламентариев.

Таким образом, пропозициональную структуру парламентской делиберативности можно представить в следующей Таблице 9:

Таблица 9.

Пропозициональная структура делиберации

МЕТАПРОПОЗИЦИИ	Фактуальность, оценочность, необходимость
Макропропозиции	Противонаправленные тезисы (ДА/НЕТ)
Базовые (профилирующие) пропозиции	Пропозиции принятия решения (ЗА/ПРОТИВ)
Микропропозиции	Аргументы, обоснования, импозиции

Совокупность метапропозиций – основных ипостасей проблемы, выдвинутой на обсуждение, – дает интенциональное основание для оценки **релевантности** макропропозиции и *принятия решения* каждым участником делиберативной интеракции. Словесно представленная экспликация такого интенционального основания традиционно называется *аргументацией* [Perelman, 1983]. В когнитивной схеме *аргументы* представляют собой варианты слотов для конструирования релевантного (рационально выводимого) конклюдзивного фрейма (перспективы решения).

В некоторых исследованиях, исходящих из той же дихотомии макро- и микро- пропозиций, предлагается рассматривать процесс обсуждения и принятия решения в парламентской дискурсивной формации как противодействие двух «когнитивных сообществ», придерживающихся противоположных точек зрения [Плотникова, Кузнецова, 2017: 80; Dijk, 2008; 2009].

В этой перспективе макропропозиция состоит из встречных, противонаправленных, «адверсативных» (*про-* и *контр-*) «микропропозиций» (“Создать социально выгодные условия при расчете пенсии” vs “Не увеличивать пенсионный возраст”; “Повысить социальную ответственность

за пенсионное обеспечение” vs “Не ухудшать социальное положение пенсионеров” и т.д.) [Плотникова, Кузнецова, 2017: 80], которые становятся предметом обсуждения в ходе дебатов.

Как утверждают авторы этой концептуальной схемы, в процессе «коллективной когниции» происходит превращение акторов в двух «абстрагированных коллективных решающих субъектов» и «перерастание индивидуальной когниции в коллективную» [Там же].

На самом деле *декларативное* принятие решения определяется не единством «коллективной когниции», то есть консенсусом, а **голосованием**, то есть количественным представительство этих двух противостоящих когнитивных сообществ. В концепции двух коллективных «решающих субъектов» отражается действующая модель представительской демократии с «мажоритарным» механизмом принятия той или иной декларации.

Однако конструктивное принятие решения должно, все-таки, опираться на аргументативную и персуазивную силу (релевантность) принимаемой пропозиции, на *прочность конфигурации* создаваемого фрейма, на целесообразность включения в конклюдивный фрейм того или иного слота-аргумента. Для определения качества парламентского решения в контексте общей социально-политической ситуации важно знать, какова внутренняя динамика принятия решения, позиция и аргументация всех участников делиберативного процесса.

Субъективность релевантности пропозиции объективизируется *интерсубъективностью* процесса обсуждения, получением совокупной и конклюдивной (выводной) релевантности. Для эффективности законодательного процесса декларативному решению предшествует экспертный анализ проблемы, работа в парламентских группах и комиссиях, механизм поправок к закону и другие виды делиберативности.

Авторы концепции «двух сообществ» отмечают:

«В этом общем когнитивном процессе вербализация идет от макропропозиций к микропропозициям; все конкретные решения перечисляются и вербализуются, т.е. решение проблемы *осмысливается*, затем *проговаривается* с точки зрения того, что *рационально, выгодно и полезно*» [Плотникова, Кузнецова, 2017: 80] (*выделено нами – Г.П.*).

Другими словами, решается вопрос о *релевантности* микропропозиций в контексте макропропозиции, то есть о мере соответствия микропропозиций метапропозициям – *фактуальной (истинностной), ценностной (морально–нравственной) и партийной (политической)*. При этом в процессе принятия решения происходит и обратный процесс – от вербализации к концептуализации, т.е. к формированию *конклюдивной макропропозиции* как когнитивно–дискурсивного коррелята принимаемого решения.

Делиберативный процесс, происходящий при обсуждении спорной проблемы можно представить, следовательно, следующим образом (Табл. 10):

Таблица 10.

Делиберативная модель принятия решения

ИНИЦИАЛЬНАЯ МАКРОПРОПОЗИЦИЯ	АРГУМЕНТАТИВНАЯ ДЕЛИБЕРАЦИЯ (микропропозиции)	КОНКЛЮЗИВНАЯ МАКРОПРОПОЗИЦИЯ
→ вербализация →		→ концептуализация →

Презумпции делиберации лежат в области двух когнитивно–прагматических механизмов:

- формировании индивидуальных *контекстуальных* ментальных *моделей* участников парламентских дебатов и
- формировании представления о *степени релевантности* макро- и микропропозиций (истинности / нравственности / партийности и т.д.).

Контекстуальные модели формируются за счет внутреннего и внешнего контекстов [Dijk, 2009] (см. тж. выше). Внутренний контекст складывается на основе существующих ментальных моделей в долгосрочной

памяти индивидуума – суммы знаний и опыта, накопленных на момент интерпретации и понимания сообщений, имеющих определенное внутреннее пропозиционально–дискурсивное измерение. Кроме того, следуя ван Дейку [Dijk, 2003], можно выделить статусные характеристики внутреннего контекста: возраст, профессия, социально-институциональный статус (место в социальной и властной иерархии), (классовая) идеология и др. Внутренний контекст во многом определяет стиль мышления и формирования макро- и микропропозиций, а также проявляется на идиолектном уровне вербализации (речевые характеристики коммуникатора). Ф. Реканати назвал такую когнитивную структуру *ментальной энциклопедией*, под которой понимал «всю совокупность персональных знаний, переживаний, ассоциаций, представлений, концепций и т.д., оформленных в некую целостную систему» [Recanati, 1996: 446], которая определяет *порождающую* и/или *интерпретационную интенциональность* высказывания и дискурса.

Внешний контекст – это сумма знаний, поступающих в ментальное пространство коммуниканта в определенный период времени, актуальный для осознания пропозиции и принятия решения. Это знание хранится в памяти и формируется на основе медийной (в широком смысле) окружающей индивидуума инфо-сферы [Dijk, 2003].

Как отмечено выше, внешний контекст для того, чтобы стать релевантным в формировании *консенсусной пропозиции*, должен войти в *когнитивный резонанс* с внутренним контекстом (внутренними релевантностями) участников делиберации и аудитории. Как внутренний, так и внешний контексты имеют полимодальный характер и формируются в виде представлений, образов, схем, физических ощущений, эмоций [Хмылёв, Кондрасюк, 2015]. Частью внешнего контекста являются и *партнеры по дискурсивной интеракции* – контрагенты по институциональной коммуникации, – и *получатели информации* (аудитория). Поэтому релевантность **парламентского высказывания** и его пропозиции напрямую

зависит от способности моделирования аудитории, понимании её внутреннего контекста.

Принятие индивидуального решения отдельного парламентария (или группы) часто вообще не связано с релевантностью аргументов и логических доказательств. Оно определяется **корпоративной релевантностью (пертинентностью)** – «логикой» экономической и политической борьбы, партийной принадлежностью, лоббистскими интересами, «коррупционной составляющей» и т.д.

6.2.2. Контрадикторность и контрарность парламентской пропозиции

Между внутренним и внешним контекстом располагается область *актуальной коммуникации*, т.е. трансакции знания через сообщение, несущее определенную информацию остенсивно или имплицативно. Каждым сообщением определенная микропропозиция-аргумент (элемент-слот) передается в контекстуальную ментальную модель коммуниканта (фрейм и профилирующая пропозиция).

Релевантность той или иной информации (*микропропозиции*) для интерпретации и формирования конклюдивного знания (*макропропозиции*) определяется общим «принципом релевантности»: *релевантность прямо пропорциональна контекстуальным эффектам и обратно пропорциональна усилию*, затрачиваемому на её когнитивную обработку (инференцию, интерпретацию, осознание) [Sperber, Wilson, 1989: 56].

Другими словами, пропозиция (P) и её высказывание (U) являются релевантными, если и только если знания, передаваемые U/P, либо подтверждают и/или усиливают *внутренние убеждения* (beliefs) субъекта, либо *убедительно («персуазивно»)* модифицируют ментальную репрезентацию (фрейм) субъекта, принимающего эту модификацию как *истинную и/или необходимую* [Murphy, Shleifer, 2004: 435]. Если для достижения такого двустороннего положительного эффекта имеются

препятствия в виде непреодолимых когнитивных противоречий (когнитивного диссонанса), тогда усилия, затрачиваемые на их преодоление, делают Р и U **не- или менее- релевантными**. Это еще раз обращает нас к отмеченным выше свойствам категории релевантности – *градуальности* и *субъективности*.

На лингво-семиотическом и прагма-семантическом уровне внешний и внутренний контексты создают **пресуппозицию парламентских дебатов** (внутреннее пространство делиберации). Инициальная макропропозиция становится отправной точкой процесса делиберации. Обычно такая макропропозиция выражается блоком высказываний субъекта – инициатора дискуссии (например, *проект закона, законодательная инициатива*), создающих основу делиберации. Например, инициатива (инициальная макропропозиция) правительства Франции осенью 2018 года по введению «экологического налога на топливо» представлена следующей пропозициональной формулой: «*Увеличение налога на стоимость горючего составит часть бюджета страны, направляемую на развитие экологически чистых источников энергии (ветряные электростанции и т.п.)*» (P₁).

Одним из главных слотов-аргументов такого решения стал тот факт, что стоимость автомобильного топлива во Франции далеко не самая высокая в ЕС. Однако с точки зрения налогоплательщика, эта пропозиция вступает в противоречие с фактом снижения доходов (покупательной способности) значительной части населения, с одной стороны, и наличием высокой потребности в использовании личного транспорта, что при повышении цен на бензин создает угрозу семейному бюджету многих французов. Таким образом, инициальная макропропозиция (предложение правительства) вступает в противоречие с внутренним контекстом гражданского общества («благосостояние людей») и приводит к *контроверзе* гражданского общества (ГО) и правящей политической элиты страны. Это противоречие выразилось

в контр-макропропозиции ГО «Повышение налога на топливо – угроза жизненным интересам французов» (P_2).

Аргументация P_2 базировалась, в частности, на отказе правительства от прогрессивного налога на сверхприбыли и рядом других слотов этого контр-фрейма.

Как известно, недовольство граждан предложением правительства выплеснулось сначала в социальные сети, а затем на дорожные развязки и улицы и площади Парижа. В течение нескольких недель (ноябрь–декабрь 2018 г.) призывы участвовать в пикетах и митингах вывели людей на демонстрации, охватившие всю страну. Движение «желтых жилетов» (*mouvement des gilets jaunes*) (далее – ДЖЖ) поддержали около 80% населения Франции. Фактуальным (событийным) контекстом проблемной макропропозиции, таким образом, стали спонтанно организовавшиеся через социальные сети демонстрации по всей стране и в столице Франции.

Требование отменить «экологический налог» превратилось в целый список социально-политических претензий в адрес правительства, президента и парламента республики: снизить налоги, увеличить минимальную зарплату, отменить налог на топливо, вернуть прогрессивный налог на крупные состояния и т.д. Изменение в контексте (народные манифестации, вандализм погромщиков, угроза радикализации конфликта) изменили инференциальную релевантность как *про-* (P_1), так и *контр-* (P_2) макропропозиций: релевантность P_1 практически свелась к нулю, в связи с расширением макроконтекста – многочисленных манифестаций. Инференциальное знание ‘низкий уровень жизни’, связанное с пропозицией P_2 , инициировало расширение $P_2 < P_3$. Пропозиция P_3 выразилась в формуле «Устранение социальной несправедливости во французском обществе» и вобрала в себя все требования ДЖЖ, выраженные рядом подлежащих пропозиций. Две из них напрямую относятся к предмету нашего рассмотрения.

Первой базовой пропозицией ДЖЖ стало недоверие к представительской парламентской системе, требование усиления «гласа народа» в политической жизни страны: было предложено создать постоянный делиберативный механизм в виде «Народного Референдума»:

*Le Référendum populaire doit entrer dans la Constitution. Création d'un site lisible et efficace, encadré par un organisme indépendant de contrôle où les gens pourront faire une proposition de loi (В Конституции должен быть прописан **Народный Референдум**: создание сайта, понятного и эффективного, представляющего независимый контрольный орган, в котором примут участие граждане, уполномоченные выходить с законодательными инициативами) [Figaro-2018].*

На повестке парламентских слушаний возникла макропропозиция о создании Референдума Гражданской Инициативы – «*Référendum d'Initiative Citoyenne (RIC)*» [Idem].

Как отмечалось выше, в институциональной коммуникации чаще имеют место «навязанные релевантности» [Шюц 2004: 566] как результат импозиции, то есть легитимизированного «когнитивного насилия» (ср. [Йокояма, 2005; Медведева, 2013; Воронкова, 2013]), либо правового или институционального ограничения (*contrainte institutionnelle* [Wilson, Sperber, 1990]). Общность базовой системы внутренних релевантностей парламентариев как когнитивных субъектов определяется институциональной ответственностью за принятие государственных и политических решений [Шюц, 1988].

Исходя из представления о ментальных контекстуальных моделях и их дискурсивных коррелятах (через понятие внутреннего контекста [Залевская, 2012]), мы предлагаем различать два типа (А и Б) и несколько уровней парламентской дискурсивной релевантности:

А. Релевантность пропозиции:

- событийная релевантность (эвиденциальная и коммуникативная);
- инференциальная релевантность (логическая и контекстуальная);

- институциональная релевантность (идеологическая и политическая).

Б. Релевантность дискурсивного коррелята-высказывания:

- релевантность пропозиционального отношения (истинность, ложность, вероятность и др. модальности);
- имплицативная релевантность (интерпретативная, семантико–прагматическая);
- иллокутивная релевантность (уместность и успешность речевого акта);
- аргументативная релевантность (персуазивная, риторическая);
- интерперсональная релевантность (вежливость, уважение и т.п.);
- дискурсивная релевантность (значимость высказывания в дискурсе и дискурса в дискурсивной формации) (ср. [Попова, 2004; 2019а]).

Максимальный контекстуальный эффект – это когнитивный резонанс между сообщаемой пропозицией и внутренним и внешним контекстами, позволяющими сформировать ментальную модель (фрейм), которая лежит в основе про-пропозиции или контр–пропозиции, релевантной для принятия решения «за» или «против». В случае если информация не имеет контекстуального эффекта (когнитивного резонанса – новизны, востребованности, персуазивности и т.д.) и/или входит в конфликт с ограничениями, накладываемыми институциональными коммуникативными нормами, она будет *нерелевантной* (*не–* или *менее* значимой) или *иррелевантной* (провокативно неуместной). Такая пропозиция порождает когнитивный конфликт (диссонанс) в индивидуальной и/или коллективной когниции акторов интеракционального делиберативного процесса. Как правило, *(ир)релевантность пропозиции* прямо пропорциональна

(ир)релевантности транслирующего её *высказывания* (коммуникативного акта) [Попова, 2015].

6.3. Полемическая (не)релевантность и репликативный дискурс в парламентской институциональности. Иллюстративный анализ

Речевые стратегии – как выбор говорящими тех или иных речезыковых средств в дискурсе – коррелируют не только с наиболее значимыми структурами знания в долговременной памяти носителей социальной культуры, но и показывают релевантность данных структур для текущего осмысления тех или иных событий и объектов в рамках осуществляемой коммуникации [Ирисханова, 2014а,б].

Речезыковое «кодирование» смысла – это, по сути, нисходящий (top-down) семиогенез, превращающий недискретную метальную знаковость в дискретную поликодовую семантику – в ретранслируемую семантику и прагматику коммуникативного акта. Воплощение когнитивных структур в речевом формулировании всегда связано с супрасемантическим (когнио-рефлексивным) пространством речевого взаимодействия, и понимание сообщения – это всегда активный процесс не симметричный процессу «кодирования» /формулирования. Семантика понимания представляет собой процесс смыслообразования через смыслоизвлечение (инференцию), осуществляемый в восходящей перспективе (bottom-up) – от речезыковых манифестаций к практически ориентированному деятельностному смыслу.

Первая его стадия, как было показано выше, – это семиотическая перцепция, которая может быть представлена как процесс восприятия и распознавания коммуницируемых знаков и присвоения им значений на первой ступени семиотической интеракции. На этой стадии происходит взаимодействие «множественных модулей информационного входа» [Fodor, 1986] и ассоциации значений получаемых семиотических форм с когнитивными доменами, участвующими в актуализации смысла сообщения [Молчанова, 2018; Langacker, 2002].

Как правило, активация когнитивных доменов происходит уже на стадии формирования этоса интеракции – определения коммуникативной ситуации, моделирования когнитивного потенциала и социально-психологического статуса собеседника (аудитории), создания так называемой «внутренней модели сознания другого» [Astington, 2005; Papafragou, 1998] или «проектирования реципиента» (recipient design) [Mölders, 2014] с привлечением деятельностного контекста [Dijk, 2009].

Отсюда вытекают способы формирования модели логоса и пафоса речевой интеракции, и, соответственно, пропозиции (содержания), способов аргументирования, жанра / стиля / тональности и т.д. В зависимости от конвенциональности этих составляющих определяется, на каком уровне происходит связь информативно-семиотического входа с когнитивными доменами – на интуитивном, интуитивно-рефлексном или рефлексивном уровне [Mercier, 2017; Sperber, 2012].

Как было отмечено, интуитивный уровень соответствует механистическому, рефлекторному («стимул – реакция») речевому поведению. Он чаще связан с доверием к собеседнику и взаимным расчетом на «коммуникативное великодушие» [Astington, 2005] – способность собеседника «понимать и прощать» и/или корректировать возникающие нарушения Принципа Кооперативности [Grice, 1991], «восстанавливать» релевантность речевого взаимодействия остенсивно (в метаречи) или «по умолчанию» («qui ne dit mot consent»⁷⁰). На этом уровне полностью реализуется принцип эмпатии, лежащий в основе социальной эволюции [Zlatev, 2014], и имеет место презумпция доверия: индивид изначально полагает, что говорящий не лжет и ситуация описывается им исходя из «фактов», реального положения дел. Например, в своём эксперименте Г. Гарфинкель поручал своим студентам во время ведения разговора постоянно подозревать своих собеседников в неискренности и, по словам самих

---

⁷⁰ «Молчание – знак согласия».

студентов, данная стратегия оказалась трудновыполнимой [Гарфинкель, 2007, с. 66-67]). Однако полное совпадение внутренних релевантностей (когнитивный резонанс) происходит наряду с когнитивным диссонансом, когда «навязывание внутренних релевантностей другого» [Шюц, 2004: 556] приводит к либо к реализации властных коммуникативных отношений [Bourdieu, 1991], либо к коммуникативной напряженности и конфликтности [Тамразова, 2021; Шейгал, 2000].

Этому способствует имманентный когнитивный механизм «эпистемической бдительностью» (ЭБ), защищающий от нерелевантных (ложных, неуместных, некомпетентных) рассуждений и коммуникативных актов. Феномен ЭБ характеризуется этнопсихологической маркированностью и этнокультурной градуальностью – в разных обществах формы и уровни эпистемической бдительности различны [Gilsenan, 1976].

Эпистемическая бдительность реализуется на интуитивно-рефлексивном уровне, так как только коммуникативная непротиворечивость протекает, в силу презумпции доверия, на собственно интуитивном уровне, – противоречие рождает несогласие и возражение, и, следовательно, предполагает хотя бы недискретную, редуцированную, интуитивную рефлексию [Ганеев, 2005].

ЭБ возрастает по мере роста компетентностных требований к коммуникации. На рефлексивном уровне когнитивной интеграции релевантность определяется степенью профессиональной компетентности и «посвященности» коммуниканта в тонкости контекста во взаимодействии этоса, логоса и пафоса институциональной коммуникации [Dijk, 2009]. Институциональные рамки той или иной дискурсивной формации [Foucault, 1969] предельно повышают уровень эпистемической бдительности, особенно в контексте проблемной коммуникации (дискуссии, дебаты и т.д.), при наличии противоречия в интенциональностях протагонистов.

Причем возрастает и имплицитность метаречевой рефлексии, её контекстуальная обусловленность, определяющая релевантность высказывания – коррелята пропозиции и элементарной единицы анализа коммуникативной интеракции [Попова, 2004; Попова, 2019а]. В следующем примере политического интервью *высказывание В. Жискара Д'Эстена* (избирательная кампания 1981 года) служит примером «эпистемической бдительности»:

(107)

«QUESTION (E. Mougeotte). – Monsieur Valéry Giscard d'Estaing, bonsoir et merci d'être avec nous ce soir pour ce dernier "face à la rédaction" d'Europe 1 avant le premier tour. <...> ***Etes-vous certain d'être présent au second tour ?*** (Г-н В. Жискара д'Эстен, спасибо, что вы с нами на этом последнем этапе перед лицом редакции «Европы1» (перечисление многочисленных персоналий). Вы уверены, что пройдете во второй тур?)

LE PRESIDENT. – Oui, j'en suis certain, ***mais nous ne sommes pas là pour passer un examen*** ; nous sommes là pour servir une cause qui est la campagne 'campagne électorale' nationale pour le choix de la France....» (Да уверен, но мы здесь не для экзаменационных вопросов, а для соблюдения процедуры, которой требует избирательная кампания...) [AN: <https://www.vie-publique.fr/discours/selection-discours/>].

Очевидно, что в речевой интеракции (107), которой предшествовала долгая преамбула к вопросу, представляющая всех присутствующих журналистов, дефокусирует «фигуру» Президента, во-первых, а сам вопрос («Уверены ли Вы, что пройдете во второй тур») ставит его, Президента, третьим в ряд с другими ответившими на него кандидатами, – во-вторых. Поэтому, во-первых, Президент категорично отвечает: «Да, уверен». А во-вторых, такая, с точки зрения Д'Эстена, иррелевантность речевого поведения журналиста (Этьенна Мужотта) провоцирует ответный полемический рефлексив Президента: «Мы здесь не для того, чтобы сдавать экзамен» (с употреблением эквивокативного «мы», относящегося то ли ко всем

кандидатам, то ли элегантно эвоцирующего монаршее «Мы» / «Nous») (ср. [Богданова-Бегларян, 2015; Тамразова, 2021]).

В парламентской политической делиберации также наличествует два компонента – конструктивный и критический, или, другими словами, – консенсусный и полемический.

Конструктивный компонент прямо нацелен на возможно быстрое решение проблемной задачи, критический – на уклонение от решения с целью критической оценки обоснованности предшествующих условий – оснований и возможных последствий. Критичность может быть объективной и субъективной. В последнем случае мы говорим о когнитивных предубеждениях (*cognitive biases*).

В рамках парламентской делиберативной коммуникации *корпоративная презумпция нерелевантности* становится еще большим основанием для проявления эпистемической бдительности. Максимально этот механизм проявляется в такой составляющей дискурса парламентских дебатов, как **реплики парламентариев с места**, получившие обобщающую термино-номинацию «**парентетический дискурс**» [Алферов, Шамугия, 2013; Попова, 2015; Шамугия, 2006].

Предубежденность нарушает принцип оптимальной релевантности, заменяя его обратным принципом – ***принципом минимальной нерелевантности***.

Политический противник априори активирует механизмы **презумпции отрицательной релевантности** по отношению к любой пропозиции (аргументации) оппонента. Предубежденность имеет не только субъективные основания. В политической дискуссии на первый план выдвигается принцип «кому выгодно», политической агональностью сводя на нет идеалы делиберативной демократии.

Институциональный «диалог» парламентского взаимодействия рассматривается как форма когнитивного и риторического процесса, который

отражает как институциональные, так и неинституциональные дискурсивные стратегии [Правикова, 2005]. Парламентский диалог соответствует ряду основных правил и конвенций, применимых к обыденному диалогу в целом, но также демонстрирует специфические институциональные особенности, которые отсутствуют в бытовом диалоге. Такая перспектива исследования находится на стыке риторики, прагматики и дискурсивного анализа. Она фокусируется на парламентских дебатах – выступлениях, процедурах «вопросах к правительству» и ответов, то есть на прототипических формах взаимодействия в парламенте в целом и во французском парламенте, в частности.

Театральные особенности парламентского диалога состоят в том, что парламентские коммуникации – это в целом протокольные действия для легитимизации (опубликования) перед широкой аудиторией (электоратом) той или иной «позиции», точки зрения, основанной на корпоративной (партийной) внешней релевантности, которая может быть навязанной или мотивационной (см. выше схема...)

Таким образом, основное сходство между парламентским и театральным действием состоит в том, что, как и актёры, депутаты публично представляют иногда уже известный сценарий опубликования уже принятых решений и обозначившихся политических предпочтений. В этом проявляется *риторический пафос* ПД.

Логос, касающийся прежде всего аргументированности дискурса, определяет когнитивную релевантность коммуникативного обмена, доказательность и фактуальную состоятельность выдвигаемых тезисов, аргументов и выводов. Это тот пласт общей релевантности институционального дискурса, который обеспечивает возможность принятия решений, и, следовательно, эффективность функционирования всей ПДФ.

В политической коммуникации логос в большей степени пропитан *этносными* пресуппозициями, включающими идеологическую ориентацию и

партийную принадлежность вовлеченных в речевую интеракцию субъектов (имеются в виду и говорящие и совокупная аудитория). Партийная, в том числе и фракционно-парламентская дисциплина может предопределить (не) релевантность коммуникативного действия (высказывания или голосования) того или иного депутата и даже повлечь санкции в случае нерелевантного этического акта (нарушение этосной пресуппозиции).

Логос парламентской коммуникации – это многоуровневая система подготовки делиберативной стадии (дебатов) формирования актуального топоса (деятельностного отрезка) институциональной дискурсивной формации (работа депутатов, заседания фракций и комитетов, законотворческая инициатива и т.д.). Аргументация рассчитывается в интересах той или иной политической, экономической или социальной группы (лоббирование) и с учетом адресной (конклюзивной) аудитории. Вершиной этого логосного айсберга являются заседание парламента (дебаты). На этом этапе, как правило, делиберативность (переговорность, совещательность) имеет внешний характер, т.е. происходит переадресация логоса от компетентной аудитории (депутаты-функционеры) к протокольной аудитории (демосу) – избирателям, гражданскому обществу, прессе и т.п.

Оценка релевантности высказывания может выражаться прямо и косвенно. Реакции на (не)релевантность инициального высказывания можно различать по нескольким параметрам: 1) по степени эксплицитности/имплицитности когнитивного активатора (триггера) релевантности в высказывании продуцента, вызывающего реакцию (оценку) реципиента; 2) по степени эксплицитности (выраженности)/имплицитности (невыраженности) реакции реципиента на (не)релевантность высказывания продуцента; 3) по степени синтактико-дискурсивной развернутости комментария о релевантности высказывания; 4) по степени экспрессивности реакции на (не)релевантность реплики партнера по коммуникации; 5) по скорости реакции реципиента на (не)релевантный речевой акт и т.д. [Попова,

2019б]. Триггеры (не)релевантности связывают семантико-концептуальное содержание высказывания с наиболее доступным для реципиента контекстом, участвующим в интерпретативной инференции.

В практику французского парламента (Национальная Ассамблея и Сенат), в отличие от российского парламента, входит фиксация в протоколе заседания репликативного (парентетического [Попова, 2015]) дискурса – реплик-комментариев, прерывающих речь «легитимного» выступающего. В задачи нашего анализа ПД входило определение качественных показателей релевантных для репликантов контекстов, лежащих в основе интерпретации магистрального дискурса выступающего оратора. В видеотрансляциях соответствующих заседаний фиксировались полимодальные маркеры и триггеры, относящиеся к определению релевантности / нерелевантности инициального высказывания.

В дискурсивно-интеракционном аспекте парламентских дебатов нами выделяются два типа дискурса – магистральный (легитимный, регламентный) и репликативный (парентетический, комментирующий). Главной гипотезой исследования является положение об относительной корреляции (когнитивной мотивации, интенциональности) репликативной парентезы с полимодальными триггерами (не)релевантности в инициальном высказывании, резонирующими в пропозициональном, иллокутивном, интерперсональном, аргументативном и дискурсивно-интеракционном когнитивных модулях (ср. [Базылев, 2005]).

Возникновение комментирующих реплик связано с двумя основными полярными когнитивными эффектами, вытекающими из релевантных свойств магистрального парентетического дискурса:

- 1) когнитивный резонанс (максимальная релевантность) и
- 2) когнитивный диссонанс (иррелевантность).

Между двумя полюсами располагаются промежуточные степени, как то: относительная (частичная) релевантность – нулевая релевантность – нерелевантность – иррелевантность.

В центре формальной организации ПД находятся три прототипических делиберативных коммуникативно-речеактовых формата: *дебаты* (утверждение – согласие / возражение, опровержение и т.д.); *вопросы правительству* (вопросы – ответы – оценочные комментарии); *поправки к закону* – экспликации содержания проекта закона, вынесенного на обсуждение. В приведенных жанрах проявляется разная степень эксплицитности (экспликации) и имплицитности (импликации) ПД, разное соотношение интуитивных и рефлексивных импликаций и инференций и соответственно разные пропорции аргументативного диалога и репликативного агонального пререкания. Экспликации ПД – эксплицитная интерпретация своей и чужой точек зрения. Инференциальность проявляется в парентетическом дискурсе. Выкрики с места, комментарии и т.д. направлены на выявление скрытых смыслов и речевой и *адгерентной релевантности* (корпоративные интересы, лоббирование и т.д.).

В общем объеме отобранного материала (скрипты 30-ти заседаний Национальной Ассамблеи) было выявлено около 1000 контекстов репликативных высказываний, которые делятся на реплики одобрения (РО) и реплики неодобрения (РН), соотношение которых соответственно 30% и 77%, при этом такие тропеические формы, как риторические вопросы, ирония и т.д. рассматривались по критерию контекстной релевантности, определяющей «финальную интерпретанту» той или иной реплики – «за» или «против». Приблизительно 3% парентетических реплик было признано либо амбивалентными, либо трудно интерпретируемыми, в связи со слабой интерактивной (пропозициональной, аргументативной и т.д.) связью с инициальными высказываниями магистрального дискурса. Внешний контекст парламентской дискурсивной формации (делиберативность)

определяет доминирующую внешнюю релевантность речевого взаимодействия, направленного на принятие решения, – аргументативную релевантность, превалирующую как в магистральном, так и в репликативном дискурсе парламентских дебатов.

В дальнейшем в силу квалитативной направленности анализа мы опускаем абсолютные и относительные количественные показатели типов (не)релевантности в рассматриваемых интерактивных парах – «смежных» иницилирующих и репликативных высказываниях (ср. *paire adjacente* [Kerbrat-Orecchioni, 1990]).

6.3.1. Репликативные маркеры релевантности и согласия (когнитивного резонанса)

В структурном плане репликативный парламентский дискурс представляет собой единство дискурсивных ходов и вписывается в общий институциональный коммуникативный жанр парламентских дебатов как полемический – ко-аргументативный или контраргументативный – дискурс.

Однако его основная порождающая стратегия – стратегия несанкционированного речевого вторжения – заставляет рассматривать его как маргинальный, тетический дискурсивный элемент по отношению к санкционированному магистральному дискурсу. Эта маргинальность проявляется, в частности, при игнорировании парентетических реплик основным оратором и порицании репликативного речевого поведения. Например:

(108)

«M. Bernard Accoyer. Avec le contrat première embauche, le Gouvernement offre désormais à la jeunesse, qui connaît un taux de chômage insupportable pour un pays qui se projette dans l'avenir...< О росте безработицы >

M. Gaëtan Gorce. *C'est vous qui êtes responsables de cela !* (Это вы за это ответственные!)

M. Alain Vidalies. *C'est votre politique !* (Это ваша политика!)

M. Bernard Accoyer. ...une disposition qui est le complément de toute une palette d'outils destinés à améliorer sa situation...»;

(109)

«M. Francis Vercamer. Je suis ici, au nom de l'UDF, non pour livrer bataille,... (...партия UDF не оставит сражение..)

M. Jean-Pierre Blazy. *L'UDF, ce n'est pas les casques bleus ! (Вы не голубые каски!)*

M. Francis Vercamer. ...mais pour débattre et pour contribuer à améliorer le bonheur des gens, si tant est que cela soit possible.

M. Alain Vidalies. *Le bonheur, c'est une affaire personnelle ! (Своя рубашка ближе к телу!)*

M. Francis Vercamer. Le projet de loi pour l'égalité des chances comporte cinq titres, avec un éventail de mesures très large pour améliorer la vie de tous, et particulièrement des jeunes, puisqu'elles concernent la lutte contre les discriminations, les zones franches, les familles... (<Проект закона предусматривает множество мер...>)

Mme Catherine Génisson. *Et ça, ce n'est pas terrible ! (Ничего особенного!)*

M. Francis Vercamer. ...ou encore les incivilités. Je m'étonne **de ce discours de combat permanent**, alors que nous sommes ici pour travailler à l'intérêt de la France, et non à celui de tel ou tel groupe» (... Мне странно слышать эти постоянные **воинственные высказывания**, в то время как мы работаем здесь во имя Франции, а не в интересах той или иной парламентской группы» [Assemblée Nationale].

Несмотря на маргинальность, парентетический полемико-аргументативный дискурс («*ce discours de combat permanent*») является неотъемлемой структурной и интеракциональной составляющей парламентской институциональности, отражаемой в официальных документах Национальной Ассамблеи. Такое отражение репликативного дискурса парламентских дебатов в публикуемых на электронных сайтах отчетах придает особую значимость репликам как функционально и структурно неотъемлемому элементу французского парламентского протокола, который существует в виде текста и в виде интеракции, т.е. реального речевого взаимодействия в режиме *on-line*.

Дискурсивный статус занесенных в протокол парентетических реплик определяется их функциональной значимостью – *оценка релевантности* (ОР) выступлений парламентариев (пропозиций магистрального дискурса).

Мы рассматриваем ОР как проявление когнитивного резонанса (КР), речевое воплощение которого во французском репликативном дискурсе достаточно конвенционально. Среди ОР – клише общего одобрения и положительной оценки (наречные междометия, фразеорефлексы и т.п.): *Bien sûr!*, *C'est vrai!*, *Vous avez raison!*, *C'est exact!* *Tout à fait!* *Très bien!* *Bravo!* и др. Наконец, когнитивный резонанс имеет широкий диапазон и обширную номенклатуру полимодальных маркеров (мимика, жесты и проч.) разной степени остенсии и экспрессивности. В протоколах французских парламентских дебатов фиксируются наиболее значимые полимодальные репликативные маркеры: возгласы той или иной парламентской фракции (группы), аплодисменты («*Applaudissements sur les bancs des groupes LaREM et MODEM*») и т.п. К ним примыкают специальные речевые акты, вносящие дополнительные (аддитивные) пропозициональные (истинность значения, достоверность, знания референтной определенности [Йокояма, 2005: 34] и др.), аргументативные (эвиденциальные, логико-аргументативные и риторико-персуазивные), интерперсональные (*ad hominem*) усилители («градуаторы») когнитивного эффекта инициального высказывания:

– *Пропозициональная аддитивность:*

(110)

M. le président. Je voudrais saluer Maurice Leroy son parcours. Vous avez été maire, conseiller général puis départemental, président du conseil général du Loir-et-Cher et ministre de la ville. Plusieurs députés du groupe GDR. Et même communiste! (Sourires.) [<https://www.assemblee-nationale.fr/>]. (Председатель: ... Я хотел поприветствовать ... г-на М. Леруа за его вклад ... Вы были мэром, ... советником, ... городским министром... Депутаты Левых демократов: *И даже коммунистом!* Улыбки.)

Здесь когнитивный резонанс получает дополнительный вектор аргументативно-интерперсональной релевантности, направленной в пользу левых депутатов за счет аргументативного маркера *Et même* (и даже).

Контекстуализация пропозиционального содержания приводит к гелотогенной перлокутивности за счет когнитивного рефрейминга ментальной модели магистрального дискурса: «мэром, ... советником, ... городским министром» и ... «коммунистом», т.е. введением в когнитивный фокус магистрального фрейма *слабо-релевантного слота* «членство в коммунистической партии», вступающего в диссонанс с процессуальным когнитивным маркером *Et même* (и даже).

– **Интерперсональная аддитивность:**

(111)

M. Stéphane Peu. Heureusement que le rapporteur est là,... (...К счастью, докладчик здесь...). Mme la présidente. Non des moindres! (И еще какой!). M. Olivier Damaisin. Il y a la qualité! (Один из лучших!) [<https://www.assemblee-nationale.fr/>].

Иллокутивная типология триггеров релевантности магистрального дискурса, вызывающих когнитивный резонанс, сводится к ассертивным и декларативным речевым актам. Значительно реже декларатив может принимать форму риторического вопроса. Иллокутивная аддитивность сводится к нагнетанию «иллокутивного вынуждения» [Баранов, Крейдлин, 1992] и усиления однонаправленной иллокутивной силы за счет экспрессивных и риторических средств выражения (риторических вопросов, восклицаний, умножения реплик и проч.).

– **когнитивный ассонанс:**

(112)

«**M. Fabien Gay.** ... il n'y a pas ici des gens qui sont responsables et d'autres qui sont irresponsables! Il n'y a que des gens en pleine responsabilité. Et nous sommes tous parlementaires. (...Среди нас нет людей безответственных..., мы все депутаты и несем полную ответственность...)

Mme Laurence Cohen. *À égalité!* (И в равной степени!)

M. Fabien Gay. *Oui, à égalité.* (Да, в равной степени).

Когнитивно-речевые интеракции характеризуются пропозициональной когерентностью и референциальной тождественностью (один и тот же референт), иллюкутивной согласованностью (вопрос-ответ, утверждение-согласие, утверждение-уточнение, добавление), аргументативной рациональностью (отсутствие *ad hominem /ad personam*) и со-направленностью аргументов, интересубъективной эмпатией (вежливостью, нормативностью речи, политкорректностью и т.д.) и дискурсивной когерентностью (в случае делиберативной парентезы – ad-hoc релевантностью);

– *когнитивный резонанс:*

(113)

« **M. Fabien Gay.** ... depuis le début de la crise...le Gouvernement a fait un choix: celui de gérer seul cette crise (С самого начала кризиса правительство решило в одиночку приступить к урегулированию).

Mme Cathy Apourceau-Poly. *Bien sûr!* (Конечно!)

M. Fabien Gay. Seul ! Nous considérons, nous, que le Parlement n'est pas un ralentisseur de la démocratie ; nous pensons qu'il est une des clés pour sortir de cette crise épidémique, sanitaire, sociale et économique (Мы полагаем, что Парламент – не тормоз в процессе урегулирования кризиса...).

M. Loïc Hervé. *Très bien!* (Очень хорошо!);

(114)

«**M. Stéphane Peu.** *Heureusement que le rapporteur est là,...* (...*К счастью, докладчик здесь...*).

Mme la présidente. *Non des moindres!* (*И еще какой!*).

M. Olivier Damaisin. *Il y a la qualité!* (*Один из лучших!*)
[<https://www.assemblee-nationale.fr/>].

Помимо междометных фразеорефлексов и оценочных прилагательных, средства выражения когнитивно-речевого резонанса многообразны и относятся к разным речевым уровням (ср. [Ирисханова, 2018]) вплоть до метадискурсивных высказываний, например:

(115)

«**M. Olivier Véran, ministre.** *Je bois littéralement les paroles de M. le rapporteur! Depuis le début de cette séance, je suis parfaitement en phase avec*

lui» (Я буквально впитывал слова докладчика..., с самой первой фразы я в высшей степени разделяю их!);

6.3.2. Репликативные маркеры полемики и когнитивного диссонанса (не- и иррелевантности)

Крайняя степень нерелевантности – иррелевантность – затрагивает все или большинство когнитивных модулей, вызывая в репликативном дискурсе экспрессивные манифестации когнитивного диссонанса в виде реплик несогласия (РН). Пропозициональная и аргументативная нерелевантность при этом дефокусируется, уступая фокус интерперсональной модальности (*ad hominem*), а иллокутивная сила РН перерастает в возмущение:

(116)

A. Les investisseurs internationaux fuient la France à cause des 35 heures. B. Ce n'est pas vrai!

C. Il faut assumer! M. le président. Mes chers collègues, je vous en prie, soyez tolérants! D. C'est le mot juste, monsieur le président! Il nous faut tolérer cela! [<https://www.assemblee-nationale.fr/>].

Пропозициональная нерелевантность, маркируемая в репликах, отличается от реализуемых в магистральном дискурсе различных проявлений стратегии возражения и контраргументации, строящейся по определенным аргументативным и риторико-персуазивным схемам, например, синтаксического параллелизма с последующим контраргументативным декларативом:

(117)

M. Christophe Castaner. ...Nous savons qu'il existe dans notre pays un commun, ce commun qui fait l'unité de la nation, qui fait la nation elle-même, et qui réside dans cette force que nous avons à nous dépasser, à cesser de nous opposer au moment où nous devons traquer notre ennemi.

Mme Valérie Rabault. Monsieur le Premier ministre, depuis quelques semaines, la cohésion de notre pays paraît fragilisée – fragilisée à cause de votre politique fiscale et sociale. ...Parmi vos propositions ne figure pas le rétablissement de l'ISF. Vous et votre majorité estimez que ce rétablissement nuirait à l'intérêt économique de la France. Nous, membres du groupe Socialistes et apparentés,

pensons au contraire qu'il est indispensable à la justice fiscale, donc à la cohésion nationale. [<https://www.assemblee-nationale.fr/>].

В этом примере контраргументация состоит в энталамировании (выведении) пропозиции [Единство нации пред лицом угрозы] и контрпропозиции [Единство нации обеспечивается социальной справедливостью]. Логическая релевантность магистрального контраргументативного дискурса относится к остенсивной (эксплицитной) речезыковой реализации пропозиции (ср. manifestness [Sperber, Wilson, 1995]), не требующей инферентного энталамирования (исчисления имплицитного смысла), характерного для репликативного дискурса.

Возникает когнитивная аргументативность особого рода – интерпретативная аргументация, построенная на извлечении инференций зачастую противоречащих интенции и смыслу дискурса «легитимного» выступающего («магистральный дискурс») [Попова, 2019а]. Приведем еще два примера, первый из которых иллюстрирует контраргументативную функцию интерпретирующей реплики, а второй проявляет асимметричность субъект-субъектных и субъект-объектных отношений в структуре речевой интеракции в ходе дебатов:

(118) *Mariage pour tous (О равенстве браков)*

M. le président. Allons ! Écoutons notre collègue ! (Председатель: Хватит! Послушаем нашего коллегу!)

M. Erwann Binet. Monsieur le Premier ministre, à l'approche de ce moment historique qui va enfin permettre à tous les couples de bénéficier des mêmes droits... (... исторический момент, который, наконец, позволит всем парам пользоваться равными правами...)

M. Philippe Meunier. *Et les droits des enfants ? (А права детей?)*

M. Erwann Binet. ...et donc de la même protection par la loi, quelle que soit leur orientation sexuelle... (... и защитой закона, несмотря на сексуальную ориентацию...);

(119)

M. Jean-Marc Ayrault. Par ce projet de loi... vous allez pouvoir renforcer les droits des parents et ceux des enfants ! (Этим законопроектом вы укреплете права родителей и детей!)

M. Jacques Myard. *C'est faux ! (Это ложь!)*

M. Jean-Marc Ayrault. Je voudrais, pour finir, m'adresser à Mmes et MM les députés de l'opposition. (Я бы хотел в заключение обратиться к господам из оппозиции.)

M. Julien Aubert. *Alors regardez-nous ! (Ну что ж, вот они – мы!)*
[Assemblée nationale 2013]/

Реплика в редуцированной эллиптической форме оспаривает концептуальную (пропозициональную, оценочную и аргументативную) релевантность «магистрального» дискурса (119), извлекая инференции, вносящие контраргументативную и эмоционально-оценочную асимметрию (116) в делиберативность парламентской интеракции. Функциональная и структурная классификация парентетического дискурса французского парламента отражает интерпретативные когнитивно-коммуникативные механизмы делиберативной интеракции, позволяет моделировать взаимодействие полемической и конструктивно-рациональной интенций (стратегий), выявлять триггеры пропозиционально-интеракциональной иррелевантности в политической дискуссии и дебатах.

Репликативный дискурс маркирует нерелевантность магистрального высказывания с ориентацией на тот или иной фокусный модуль когнитивно-коммуникативного взаимодействия. Качественные характеристики триггеров (не)релевантности, вызывающих комментарии со стороны оппонентов и сторонников разнообразны, но сводятся к нескольким типам, приводимым в порядке количественного доминирования:

– пропозициональная нерелевантность (нерелевантность предикативного признака):

(120)

Mme George Pau-Langevin. Je tiens à dire au nom du groupe Socialistes et apparentés que le retour systématique de toutes ces demandes d'aggravation des peines et de la politique menée est un peu fatigant. M. Mansour Kamardine. Ce qui est fatigant, c'est que l'on refuse d'appliquer les textes existants, pour des raisons

également idéologiques.(Exclamations sur les bancs du groupe LaREM.)
[<https://www.assemblee-nationale.fr/>].

– **интерперсональная нерелевантность:**

– *иллюкитивность похвалы с нарушением постулата скромности (ирония):*

(6) Mme Lise Magnier. Allez-vous, oui ou non, écouter la parole des parlementaires, qui répercutent celle des Français? M. Sébastien Jumel. Eh oui, il n'y a pas que des cons dans les oppositions, il y a parfois un peu d'intelligence aussi! [<https://www.assemblee-nationale.fr/>].

– *рефрейминг пропозиционального содержания с интерперсональной доминантой (ирония, сарказм):*

(121) M. le président. La parole est à M. le ministre d'État, ministre de la transition écologique et solidaire (Слово министру экологии и развития). M. Pierre Cordier. Et des gilets jaunes! (И желтых жилетов!) [<https://www.assemblee-nationale.fr/>].

Проведенный анализ показал наличие различных типов полемических концептуально-коммуникативных интеракций с парентетической репликой (большинство примеров из заседания Сената от 27 января 2021г. [<http://www.senat.fr/basile/visio>]):

– **диссонансные иронические реплики:**

(122)

M. Fabien Gay. Notre groupe, comme l'ensemble des groupes d'opposition, fait preuve, depuis neuf mois, d'une grande responsabilité. Et nous avons fait beaucoup de propositions,... (В течение 9 месяцев с большой ответственностью мы сделали много предложений...)

M. Olivier Véran, ministre. *Ah bon ?* (Ах так?);

(123)

«**M. Philippe Bas, rapporteur.** <...> ***Mais je respecte votre position, bien évidemment – cela va sans dire...*** (Я безусловно («без слов») уважаю вашу позицию)

Mme Laurence Cohen. *Cela va mieux en le disant!*» (А лучше бы это выразить словами!).

Диссонансные реплики – это прежде всего иронические замечания, возражения (аргументативный оператор ***mais*** (*но*)), по структуре

отличающиеся от ассонансных реплик знаком интенциональной оценки, возможны реплики *ad hominem circumstantiae* («просчеты в работе»), но не переход на личность оппонента (*ad personam*), в отличие от эристических реплик; диссонанс касается расхождений в референциальной соотнесенности пропозиций когнитивно-коммуникативных интеракций:

(124)

«**M. Philippe Bas, rapporteur.** ... Je considère néanmoins, comme je l'ai dit, qu'il n'est pas raisonnable aujourd'hui,... (...Я считаю, как я уже сказал, неосмотрительно ...)

M. Fabien Gay. « Responsable » et « raisonnable », ce n'est pas la même chose ! (Ответственность и осмотрительность не одно и то же!);

– *агональные реплики:*

(125)

Mme Lise Magnier. *Allez-vous, oui ou non, écouter la parole des parlementaires, qui répercutent celle des Français?*

M. Sébastien Jumel. *Eh oui, il n'y a pas que **des cons** dans les oppositions, il y a parfois un peu d'intelligence aussi!* [<https://www.assemblee-nationale.fr/>].

Агональные реплики отличаются речезыковой трансгрессией – сниженная лексика, прямые и косвенные оскорбления, ирония и сарказм и т.п. [Тамразова, 2021]

Исследование когнитивной природы (мотивации) спонтанных высказываний (реплик-рефлексов) сквозь призму прагма-когнитивной категории релевантности и интуитивной инференции [Mercier, Sperber, 2014] представляет интерес для дальнейшего интеракционного когнитивно-дискурсивного анализа не только парламентской, но и любой коммуникации, характеризующейся делиберативностью.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ VI

1. Парламентская коммуникация есть конгломерат двух дискурсивных формаций (ДФ) – политической и правовой (юридической). Статус коммуниканта в парламентской ДФ предполагает, помимо обычных

коммуникативных функций (обыденный диалог), *институциональный этос*, который статус включает в себя также систему дифференциации и отношений (разделение компетенции, иерархическое подчинение, функциональную дополнительную, затребование и передачу информации, обмен информацией) с другими индивидами или другими группами, обладающими своим собственным статусом (с политической властью и партиями, с судебной властью, с различными политическими акторами, парламентариями «своими» и «чужими», с избирателями и т.д.).

2. Первичной функцией любого институционального дискурса является установление определенного «понятийного порядка» как условия *sine qua non* успешного функционирования того или иного государственного или общественного института. Релевантность пропозиции лежит в основе консенсуса как прототипической основы делиберативной институциональности. Достижение консенсуса основано на когнитивно-прагматическом механизме установления релевантности пропозиций, взаимодействующих посредством высказываний в дискуссионном поле коллективного ментального пространства акторов парламентского делиберативного процесса. В когнитивной структуре политической коммуникации отмечается приоритет принципа релевантности над критерием истинности (максима качества).

3. Контекстуальные и речезыковые доминанты парламентской дискурсивной формации имеют событийно-фактуальный, риторико-аргументативный и конвенционально-конклюдивный аспекты. Релевантность определяется не столько ассонансом, резонансом и коориентацией когнитивных программ коммуникантов, сколько их **опровержением** или **устранением**. Предубежденность нарушает принцип оптимальной релевантности, заменяя его обратным принципом – принципом *минимальной нерелевантности*. Политический противник *априори* активизирует механизмы презумпции отрицательной релевантности.

Предубежденность имеет не только субъективные основания. В политической дискуссии на первый план выдвигается принцип лоббирования корпоративных интересов, политической агональностью сводя на нет идею делиберативного консенсуса, что в значительной степени ограничивает эффективность парламента в его функции конструктивного государственного законодательного и организационно-директивного института.

3. Под *внутренним консенсусом* понимается *осознание* и решение индивидуумом проблемной ситуации, и, как следствие, получение нового выводного (конклюдивного) *знания*, на основе которого им принимается и декларируется *решение* и осуществляется его дальнейшая деятельность. Под *внешним консенсусом* подразумевается когнитивно-аналитическая база, которая возникает в результате коллективного обсуждения и решения общей проблемной ситуации. Такая база, формируемая в ходе аргументативного обмена мнениями, и составляет основу конклюдивного декларативного текста, имеющего законодательный статус. Интерактивность и интеракциональность есть внутренние свойства релевантности актуализированного в речевом взаимодействии репликативного парламентского дискурса, его диалогическая напряженность и пропозициональная (аргументативная и т.д.) сопряженность. Процесс достижения внутреннего и внешнего консенсуса строится именно на основе когнитивно-прагматического механизма аргументативной релевантности.

4. *Делиберативное знание* связано с понятием консенсуса – внешней договоренности в институциональном коллективе на основе внутреннего согласия отдельных субъектов. *Волевое знание* связано с понятием институционального принуждения («когнитивного насилия») и представляет собой знание (осознание, признание) конвенциональной необходимости (партийная, групповая принадлежность и т.д.). Импликации, отражающие смысл и тональность институционального дискурса, формируются в результате определенной прагма-семантической конверсии, когда смысл

высказывания определяется прагматической релевантностью сказанного. Принцип корпоративной релевантности дискурса позволяет использовать имплицативный формат фактического знания.

5. За единицу анализа индивидуальной и коллективной когнитивной *консенсуальной среды* институциональной парламентской коммуникации принимается **пропозиция**, имеющая главным своим дискурсивным коррелятом высказывание-речевой акт, несущий аргументативно-смысловую интенциональность. Концептуализация в парламентском дискурсе отличается противонаправленными пропозиционально-аргументативными векторами, которые проходят три этапа – событийно-фактуальный, риторико-аргументативный и конвенционально-конклюдивный. Последний определяется механизмом корпоративной (партийной, групповой) релевантности и в условиях парламентских дебатов не достигает, как правило, статуса парламентского консенсуса.

6. Релевантность пропозиции лежит в основе консенсуса как прототипической основы делиберативной институциональности. Субъективность релевантности пропозиции объективизируется *интерсубъективностью* процесса обсуждения, получением совокупной и конклюдивной (выводной) релевантности. Для эффективности законодательного процесса декларативному решению предшествует экспертный анализ проблемы.

7. Принятие индивидуального решения отдельного парламентария (или группы) определяется **корпоративной релевантностью (пертинентностью)** – «логикой» экономической и политической борьбы, партийной принадлежностью, лоббистскими интересами, «коррупционной составляющей» и т.д. Интеракциональность французской парламентской коммуникации отличается наличием полемического дискурса, который реализуется в репликативных речевых актах, маркирующих когнитивно-коммуникативный ассонанс, консонанс и резонанс, с одной стороны, и, что

происходит значительно чаще, – **полемический диссонанс**, направленный на дискредитацию тезиса или самого оппонента.

8. Возникновение комментирующих реплик (парентетический дискурс) связано с двумя основными полярными когнитивными эффектами, вытекающими из релевантных свойств магистрального парентетического дискурса: 1) когнитивный резонанс (максимальная релевантность) и 2) когнитивный диссонанс (иррелевантность). Между двумя полюсами располагаются промежуточные степени, как то: относительная (частичная) релевантность – нулевая релевантность – не-релевантность – иррелевантность.

9. Репликативный дискурс маркирует нерелевантность магистрального высказывания с ориентацией на тот или иной фокусный модуль когнитивно-коммуникативного взаимодействия. Качественные характеристики триггеров (не)релевантности, вызывающих комментарии со стороны оппонентов и сторонников сводятся к нескольким типам, приводимым в работе в порядке количественного доминирования: **пропозициональная нерелевантность** (нерелевантность предикативного признака); **интерперсональная нерелевантность** (ирония и сарказм: иллюкутивность похвалы с нарушением постулата скромности, рефрейминг пропозиционального содержания с интерперсональной доминантой и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом исследования стало системное описание интеракциональности феномена релевантности как когнитивно-дискурсивной доминанты в её функциональных реализациях речевого взаимодействия в обыденном и профессиональном дискурсах. Были определены семиотическая и когнитивно-коммуникативная природа концепта релевантность; показан эвристический потенциал релевантности в мышлении и речевом полимодальном выражении, описаны манифестации релевантности как когнитивно-коммуникативной категории.

В результате исследования были получены следующие результаты.

В исследовании было показано, что ядром, определяющим релевантность речевого взаимодействия, являются не столько ЗНАНИЯ, сколько АКТУАЛЬНЫЙ СМЫСЛ, разделяемый собеседниками.

Динамика образования общего смыслового пространства собеседников учитывает динамику всех аспектов речевого взаимодействия. Актуализация общего смысла происходит посредством взаимодействия двух типов смысловой информации – актуальной и контекстуальной, участвующими в речевом обмене «здесь и сейчас», обусловленными ограничениями смысловых топосов (когнитивных ментальных моделей) как отражений дискурсивной формации и деятельностного пространства речевой интеракции.

Релевантность обусловлена *со-знанием коммуникантов*, в частности, совпадением – *резонансом* – когнитивных программ и интенциональностей отправителя и получателя (интерпретатора), которые в свою очередь зависят от ситуации общения, различных параметров речевого обмена, контекстуального эффекта, обусловленных условиями и предписаниями (ограничениями) речевого взаимодействия.

Интерпретативная релевантность отражается и закрепляется в языковом знаке – слове, высказывании и др. Релевантность *через интерпретанту* входит в самую концептуальную структуру знака и получает закрепление и воплощение в разноуровневых речезыковых субстанциях.

Релевантность речевого взаимодействия регламентируется как профессиональными нормами, так и индивидуальными интенциональными состояниями коммуникантов. Релевантность представлена в работе в трех коммуникативных ипостасях: как *категория лингвокогнитивная* (метаязыкового мышления) в преломлении к пониманию и передаче смысла в процессе межличностной коммуникации; как категория *когнитивно-дискурсивная* – в аспекте формирования смысла и взаимопонимания в речевом взаимодействии и в его жанровых реализациях; как *категория когнитивно-регулятивная* в преломлении к социально-политической коммуникативной системе в различных жанровых имплементациях (межличностное речевое поведение *в профессиональной* коммуникации).

Градуальность релевантности имеет скалярное воплощение в интерпретационных процедурах понимания.

В работе определяется лингвистический статус межпарадигмальной метакатегории релевантности в следующей дефиниции:

Релевантность – категория дискурсивной грамматики, динамическая и субъективно-компетентностная, отражающая степень успешности речевого взаимодействия с точки зрения участников речевой интеракции, процесса и результата взаимодействия, когнитивных и коммуникативных компетенций коммуникантов, имеющая разноуровневые средства реализации – регулирования и вербализации.

Релевантность рассматривается как одна из скрытых категорий дискурсивной грамматики, отражающей когнитивно-прагматическую компетенцию участников речевого взаимодействия.

В ходе исследования подтверждена основная гипотеза о взаимодействующих системах внутренней и внешней релевантности – инференциального механизма понимания и взаимопонимания, обусловленного социально-коммуникативной средой, особенностями деятельностной и дискурсивной формаций; разработан понятийный аппарат для моделирования и описания категории релевантности в речевой интеракции; представлены модели когнитивного картирования релевантных аспектов речевого взаимодействия; смоделирован способ иллюстрации и экспликации социокультурных контекстов релевантности; раскрыт семиотический механизм формирования полимодальных триггеров и маркеров (рефлексов и рефлексивов) релевантности в речевом взаимодействии.

Речевое взаимодействие как воплощение intersубъективной когнитивно-коммуникативной симметрии / асимметрии (ассонанс, консонанс, резонанс / диссонанс) представляется как процесс создания обоюдного смысла, проявляющегося в трёх полярных прототипических манифестациях: понимание / непонимание; вера / неверие; согласие / несогласие, функционирующих в интенциональных прагматических стратегиях как определенных когнитивных моделях и последовательностях речевых актов (стратегиях): аддитивных, направленных на *обеспечение успешной речезыковой интеракции в общении (диалоге) посредством уменьшения интерпретационного усилия собеседника*; неаддитивных, направленных на *обеспечение максимального когнитивного эффекта в общении (диалоге) посредством усложнения интерпретационного усилия собеседника*; адаптивных (консонансных), служащих *выработке консенсуса в обыденной и профессиональной делиберативной когнитивно-коммуникативной интеракции*, направленной на адаптацию когнитивных моделей и образование *общего смысла в рамках определенной дискурсивной ситуации*. Адаптивные стратегии реализуются на метакогнитивном и

метаречевом уровнях речевого взаимодействия. Релевантность взаимной адаптации субъект-объектной и субъект-субъектной когнитивных сред достигается и маркируется разноуровневыми мета-организаторами речевого контакта: паравербальными, лексико-грамматическими, речеактовыми, дискурсивно-интеракциональными. Таким образом, наряду с выделяемой *интерпретативной* макрофункцией языка по итогам исследования представляется возможным причислить к языковым макрофункциям – **адаптивную функцию языка** как функцию регуляции и гармонизации речевой интеракции, инструментом которой является описанные в работе механизмы релевантности.

Средствами реализации адаптивной стратегии (функции) в регулярных метакоммуникативных манифестациях консенсуальной когнитивно-коммуникативной среды являются **дискурсивные элементы** – лексические и лексико-фразеологические (речевые рефлексы) и полимодальные интеракционально-дискурсивные (мимика, жесты, реплики, ремарки), названные в работе *дискурсивными маркерами релевантности*.

Релевантность как фундамент intersубъективного смыслообразования и смыслообмена отличается *универсальностью, множественной типологией* и *градуальностью*, функционируя в пространстве речекогнитивной деятельности человека, речевого взаимодействия в социокультурных вариациях понятийного и языкового воплощения (дискурсивных формациях).

Степень релевантности зависит от: вовлеченности сознания в процесс взаимодействия (интерес, мотивированность), когнитивного резонанса в сознаниях субъектов-интеракторов (соответствие уровней когнитивной компетенции и интенциональностей), интерактивной гармонизации (ассонанса/консонанса/резонанса) intersубъективности с внешней социальной средой. Все три параметра контролируются рефлексивным (диалогичным intersубъективным) сознанием, отражаясь в обоюдно направленных метарепрезентациях коммуникантов.

Оценка релевантности происходит в контексте речевого взаимодействия (контекстуальных когнитивных моделей субъектов интеракции) в плане новизны (информативности) пропозиции, соответствия иллокутивной и аргументативной направленности и силы, интерсубъективной значимости (межличностный аспект), дискурсивной когерентности и деятельностной эффективности в рамках речевого взаимодействия и обоюдной когнитивной среды субъектов интеракции. Наивысшая форма релевантности – *пертинентность*, или персональная релевантность участника акта коммуникации, – рассматривается как соответствие информативной, иллокутивной, интерперсональной, аргументативной интенциональностей *адресанта* интенциональным потребностям *адресата*. Взаимная *пертинентность* коммуникативного акта рождает когнитивно-коммуникативный *резонанс* когнитивных моделей коммуникантов, коммуникативно-психологическое взаимопонимание.

В ходе *речевой (коммуникативной) интеракции* взаимное понимание проходит три стадии: эмерджентное *координирование (ассонанс)*, взаимная адаптация, *согласование (конкорданс и консонанс)* и интеграция – объединение, *совмещение (резонанс)* когнитивных систем обоих коммуникантов («взаимопонимание»). Взаимопонимание как взаимная релевантность когнитивных систем коммуникантов определяется: *актуальной тематической релевантностью* данного объекта (дискурса, текста) для коммуниканта; *интерпретационной релевантностью*, основанной на владении кодовой матрицей языковых знаний, когнитивной и кооперативной компетенцией, на «предзнании» и «предпонимании», т.е. энциклопедических и предметных знаниях, опосредующих процесс понимания в определенной дискурсивной формации или дискурсивном контексте. *Мотивационная релевантность* подчиняет процесс понимания целям речемыслительной и социально-коммуникативной деятельности.

Проведенный в ходе исследования эксперимент подтвердил гипотезу об алгоритме формирования актуального смысла высказывания в контексте речевой интеракции: *понимание (смысл) находится в разной степени зависимости от фоновых знаний реципиентов*. Тем самым, подтверждается, что кодовые, *конвенциональные знания* значительно облегчают понимание прецедентных феноменов, хотя определяющим (по частотности) параметром в стратегиях понимания является *интерпретация, обусловленная контекстуальной моделью* реципиента, учитывающая фоновые знания (эрудицию, опыт) и интеракционно-психологический контекст.

В работе были выявлены мультимодальные метакоммуникативные манифестации релевантности, осуществлено семиотическое моделирование системы маркеров дискурсивной релевантности, представлены их функциональные характеристики, осуществлено картирование полимодального когнитивно-интеракционного измерения релевантности в речевой интеракции. Выведенное в работе пространство речевого взаимодействия представляет собой пересечение функциональных когнитивных полей, активируемых симультанно и синкретично, либо в некой вариативной последовательности; это поле перцепции, поле инференции, поле рефлексии и поле смысловой агрегации.

Исследование показало перспективность разработки интегральной теории релевантности методом, основанном на дополнительности когнитивной, семиотической и интеракционной парадигм, дальнейшей разработки проблемы полимодальных манифестаций категории релевантности; в перспективе – более детальное исследование сопоставительного аспекта этнолингвистических особенностей культурологической релевантности; перспективным представляется углубление полижанровых проявлений релевантности в обыденном и институциональном и в других дискурсах и речевых практиках.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные аспекты интеракциональной теории языка: коллективная монография / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова и др. – Пятигорск, 2013. – 300 с.
2. Александрова, О.В. Семиотика неплавной речи. / О.В. Александрова. – М., 1987. – 138 с.
3. Алефиренко, Н.Ф., Корина, Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики / Н.Ф. Алефиренко, Н.Б. Корина. – Нитра, 2011. – 215 с.
4. Алисова, Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т.Б. Алисова // Вопросы языкознания. 1971. № 1. – С. 54–64.
5. Алферов, А.В. Интеракциональный дейксис / А.В. Алферов. – Пятигорск: ПГЛУ, 2001. – 296 с.
6. Алферов, А.В. Релевантность высказывания / А.В. Алферов // Вестник ПГЛУ. 2005. №1. – С 54–59.
7. Алферов, А.В. На пути к грамматике речи: интеракциональные категории высказывания / А.В. Алферов // Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. – М.: Ленанд–УРСС, 2007а. – С. 457–461.
8. Алферов, А.В. Когнитивное пространство интеракционального дискурса / А.В. Алферов // Вестник ПГЛУ. 2007б. № 3-4. – С. 106–108.
9. Алферов, А.В. Об особенностях интеракционализма во франкофонной лингвистике и имманентизме в лингвопрагматике / А.В. Алферов // Актуальные проблемы романистики. Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 30–35.
10. Алферов, А.В. Интеракциональная лингвистика и структура диалога / А.В. Алферов // Вестник ПГЛУ. 2011. № 4. – С. 135–137.
11. Алферов, А.В. Интеракциональное регулирование когнитивного пространства собеседников / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Вестник ПГЛУ. 2013. № 2. – С. 77–79.

12. Алферов, А.В. Косвенные адресаты протокольного парламентского дискурса: интеракциональный анализ / А.В. Алферов, Г.Е. Попова, Л.Г. Шамугия // Вестник ПГЛУ. 2015. № 3. – С. 135–138.
13. Алферов, А.В. Интеракциональная когнитивная семиотика: понятия составляющие метода (интерпретанта, релевантность, ad hoc-концепты) / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова // Вестник ПГУ. 2020. № 3. – С. 30–36.
14. Алферов, А.В., Кустова, Е.Ю. Прагма-семантическая конверсия как фактор динамики языковой системы (на материале русских и французских интеръективных форм) / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова // Вестник ПГЛУ. 2014а. № 1. – С. 59–62.
15. Алферов, А.В., Кустова, Е.Ю. Европейский парламентский дискурс: стратегия исследования / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова // Вестник ПГЛУ. 2014б. № 1. – С. 91–94.
16. Алфёров, А.В., Кустова, Е.Ю. Импликативная динамика языкового знака как механизм креативного семиозиса / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий: сб. ст. XV-го междунар. лингв. семинара. / Под ред. Л.Н. Ягуповой. – Донецк, 2017. – С. 8–15.
17. Алферов, А.В., Кустова, Е.Ю. Импликативная динамика языкового знака как механизм креативного семиозиса / А.В. Алфёров, Е.Ю. Кустова // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий 2017: сб. ст. XV-го междунар. лингв. семинара. – Донецк, 2017. – С. 8–15.
18. Алферов, А.В., Кустова, Е.Ю. Попова, Г.Е. Релевантность динамического семиозиса, или когнитивное измерение «сказывания» (О дополнительности лингвопрагматической и когнитивной парадигм) / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Разноуровневые черты языковых и

- речевых явлений: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 26. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – С. 15–20.
19. Алферов, А.В. Попова, Г.Е. Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода / А.В. Алферов, Г.Е. Попова // Вестник ПГЛУ. 2017. № 1. – С. 69–71.
20. Алферов, А.В., Шамугия, Л.Г. Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний французского парламента) / А.В. Алферов, Л.Г. Шамугия // Вестник ПГЛУ. 2013. № 3. – С. 109–112.
21. Алпатов, В.М. Категория эвиденциальности в японском языке / В.М. Алпатов // Междунар. конф. «Категории глагола и структура предложения»: тез. докл. 28-30 мая, 2001. – СПб., 2001. – С. 14–15.
22. Анохина, Н.В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания: на материале научно-популярного текста: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Анохина. – Уфа, 2010. – 195 с.
23. Антошина, Д.В. Понятие импликации и его аналоги в лексической семантике: в применении к описанию характерологических предикатов группы «отношение к собственности»: дис. ... канд. филол. наук / Д.В. Антошина. – Москва, 2019. – 262 с.
24. Апресян, Ю.Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 4. – С. 43–63.
25. Апресян, Ю.Д. Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике / Ю.Д. Апресян // Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В.С. Храковского. – М.: Знак, 2004. – С. 20–35.
26. Арамян, К.А. АСЕАН и страны Восточного Индокитая: от конфронтации к взаимопониманию, конец 1960-90-х гг.: дис. ... канд. ист. наук / К.А. Арамян. – М., 2001. – 145 с.
27. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторики / Пер. Н. Платоновой. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 358 с.

28. Арпентьева, М.Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений (на материале психологического консультирования): дис. ... д-ра психол. наук / М.Р. Арпентьева. – М., 2015. – 498 с.
29. Арустамян, Ж.Р. Имплицитность как интеракциональная категория и механизмы её реализации во французском языке: на материале малого фольклорного жанра анекдота: дис. ... канд. филол. наук / Ж.Р. Арустамян. – Пятигорск, 2011. – 153 с.
30. Арутюнова, Н.Д. Пропозиция / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 401.
31. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
32. Асмолов, А.Г. Неодетельностная парадигма в мышлении XXI века: деятельность как существование / А.Г. Асмолов // Мир психологии. 2003. № 2 (34). – С. 155–158.
33. Бабушкин, А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 86 с.
34. Бабушкин, А.П. Картина мира и концептосфера языка / А.П. Бабушкин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: тез. докл. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 12–13.
35. Баделина, М.В. Отношения согласия между репликами диалогических единств: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Баделина. – Иваново, 1997. – 174 с.
36. Базылев, В.Н. Политический дискурс: когнитивное моделирование / В.Н. Базылев // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 324–330.
37. Баранов, А.Н., Крейдлин, Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. 1992. № 2. – С. 84–99.

38. Баранов, А.Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Р.В. Рахилина – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.
39. Барель, В.А. Роль релевантности в интернет-рекламе / В.А. Барель // Научный Лидер. 2022. № 3 (48). – С. 60–61.
40. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. / Р. Барт – М.: Изд. группа Прогресс, 1994. – 616 с.
41. Батай, Ж. О Ницше / Ж. Батай. – М.: Культурная революция, 2010. – 336 с.
42. Батурич, Н.А., Матвеева, Л.Г. Социальный и эмоциональный интеллект: мифы и реальность / Н.А. Батурич, Л.Г. Матвеева // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2009. 42 (175). – С. 4–10.
43. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
44. Бахтин, М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
45. Бахтин, М.М. М. Бахтин (Под маской). / М.М. Бахтин. – М.: Лабиринт, 2000. – 640 с.
46. Береговская, Э.М. Стилистика однофразового текста: на материале русского, французского, английского и немецкого языков / Э.М. Береговская. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 334 с.
47. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн – М.: Специальная литература, 1996. – 398 с.
48. Блох, М.Я. Текст в динамике становления и его семь жизней / М.Я. Блох // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 3. – С. 5–9.
49. Богданова-Бегларян, Н.В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи / Н.В. Богданова-Бегларян // Мир русского слова. 2015. № 3 – С. 11–17.

50. Болдырев, Н.Н. Функционально–семиологический принцип исследования языковых единиц / Н.Н. Болдырев // Язык и культура: Факты и ценности: к 70–летию Ю.С. Степанова – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 383–394.
51. Болдырев, Н.Н. Интерпретирующая функция языка / Н.Н. Болдырев // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. Челябинск, 2011. № 33 (248). – С. 11–16.
52. Болдырев, Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (034). – С.5–13.
53. Болдырев, Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). – С. 10–20.
54. Болдырев, Н.Н. Конфликт обыденного и научного знания в научных исследованиях / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2017а. № 30. – С. 35–39.
55. Болдырев, Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017б. № 2. – С. 5–14.
57. Болдырев, Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. – С. 37–42.
58. Болдырев, Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н.Н. Болдырев. – М.: Издат. дом ЯСК, 2019. – 480 с.
59. Болдырев, Н.Н., Григорьева, В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия / Н.Н. Болдырев, В.С. Григорьева // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. – С. 15–24.

60. Болдырев, Н.Н., Дубровская, О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса / Н.Н. Болдырев, О.Г. Дубровская // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. №3 (044). – С. 14–25.
61. Болдырев, Н.Н., Дубровская, О.Г. Социокультурный контекст интерпретации мира и формирования дискурса / Н.Н. Болдырев, О.Г. Дубровская // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т.75. № 1. – С. 29–39.
62. Бондарко, А.В. О системно–языковой имплицитности / А.В. Бондаренко // Филологические этюды: сб. науч. ст. памяти Ю.А. Пупынина. – Новосибирск, 2006. – С. 8–21.
63. Борисова, И.Н. Нарратив как диалогический жанр / И.Н. Борисова // Жанры речи. 2002. №3. – С. 245–262.
64. Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова – М.: URSS, 2007. – 317 с.
65. Брюшинкин, В.Н. Аргументорика: исходная абстракция и методология / В.Н. Брюшинкин // Модели рассуждений-2: Аргументация и рациональность. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 7–19.
66. Бугрова, С.Е. Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в неофициальном англоязычном общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Е. Бугрова. – Нижний Новгород, 2013. – 24 с.
67. Быков, Д.В. Фразеорефлексы французского языка / Д.В. Быков // Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. – М.: Ленанд–УРСС, 2007. – С. 416–425.
68. Бюлер, К. Теория языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 2000. – 528 с.
69. Вепрева, И.Т. Метаязыковая рефлексия в функционально–типологическом освещении: дис. ... д-ра филол. наук / И.Т. Вепрева. – Екатеринбург, 2003. – 375 с.

70. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах / В.В. Виноградов // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53–87.
71. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
72. Витгенштейн, Л. Философские работы. Часть I, II / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.; – 207 с.
73. Водоватова, Т.Е. Инференциальный смысл высказываний с пониженной и повышенной информационной емкостью: автореф. ... д-ра филол. наук / Т.Е. Водоватова. – Волгоград, 2007. – 41 с.
74. Войшвилло, Е.К. Философско-методологические аспекты релевантной логики / Е.К. Войшвилло. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 139 с.
75. Волкова, В.Н. Теория информационных систем / В.Н. Волкова. – СПб.: 2014. – 300 с.
76. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
77. Воронина, Л.В. Вопросы релевантности референта и референтного выражения антецедентно-анафорического комплекса, реализующего семантику цели в политическом дискурсе / Л.В. Воронина // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2020. № 5. – С. 16–25.
78. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Психология мышления: хрестоматия; ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – С. 490–508.
79. Гадамер, Х.-Г. Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
80. Гак, В.Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании / В.Г. Гак // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. – Калинин: КГУ, 1980. – С. 41–51.

81. Гак, В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи / В.Г. Гак // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. – С. 11–17.
82. Гак, В.Г. О логическом исчислении семантических типов пропозициональных глаголов / В.Г. Гак // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. – М.: Наука, 1987. – С. 38–40.
83. Гак, В.Г. Речевые рефлексы с речевыми словами / В.Г. Гак // Язык речевых действий. Логический анализ языка. Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1994. – С. 6–10.
84. Гак, В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте / В.Г. Гак // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1995. № 4. – С. 47–55.
85. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
86. Галич, Т.С. Контекстуальное взаимодействие в дискурсе / Т.С. Галич // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. Т. 3. № 4 (64). – С. 188–192.
87. Гальперин, П.Я. К учению об интериоризации / П.Я. Гальперин // Вопросы психологии. 1966. № 6. – С. 25–32.
88. Ганеев, Б.Т. Противоречия в языке и речи: дис. ... д-ра филол. наук / Б.Т. Ганеев. – Уфа, 2005. – 689 с.
89. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
90. Герман, И.А., Пищальникова, В.А. Введение в лингвосинергетику / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 130 с.
91. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
92. Гладышев, Д.Е. Герменевтика понимания Другого и современное социальное знание: дис. ... канд. филос. наук / Д.Е. Гладышев. – М., 2013. – 122 с.
93. Гоготишвили, Л.А. Непрямое говорение / Л.А. Гоготишвили. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 720 с.

94. Гоготишвили, Л.А. Концепт «подразумевание» / Л.А. Гоготишвили // VOX. Философский журнал. 2017. № 23. – С. 249–364.
95. Голиков, А.А. Уместность информации как фактор повышения эффективности управленческих решений / А.А. Голиков, О.Г. Танашева, А.В. Селивестрова. – Челябинск: ЧГУ, 2002. – 55 с.
96. Гордон, Д., Лакофф, Дж. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 276–302.
97. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
98. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
99. Григонис, Ю.Э. Политическая коммуникация в контексте современной политической теории: дис. ... канд. полит. наук / Ю.Э. Григонис. – СПб., 2017. – 204 с.
100. Григорьева, В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография / В.С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
101. Григорьева, В.С. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе: на примере бытовых дискурсивных жанров: дис. ... д-ра филол. наук / В.С. Григорьева. – Тамбов, 2018. – 349 с.
102. Григорьева, В.С. Интерпретирующая функция языка и ее роль в осуществлении речевого взаимодействия / В.С. Григорьева // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. – С. 49–53.
103. Громыко, С.А. Язык Российского парламента: становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века / С.А. Громыко // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). – С. 82–91.

104. Громыко, С.А. Речевая стратегия дискредитации в русской парламентской дискуссии начала XX века / С.А. Громыко // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2012. № 3. Т. 2. – С. 97–100.
105. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
106. Гуревич, Л.С. Когнитивное пространство метакоммуникации: основы прагматического изучения: дис. ... д-ра филол. наук / Л.С. Гуревич. – М., 2011. – 400 с.
107. Гусаренко, С.В. Системное взаимодействие и энтропия когнитивно-семантических структур дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / С.В. Гусаренко. – Ставрополь, 2009. – 428 с.
108. Гусаренко, С.В. Прагматика релевантности высказываний в диалоге / С.В. Гусаренко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. – С. 323–326.
109. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль. – М.: Академический проект, 2009. – 486 с.
110. Гюрджян, Н.С. Речевые манифестации когнитивного конфликта в диалоге (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.С. Гюрджян. – Пятигорск, 2009. – 20 с.
111. Дейк, Т. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
112. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация и её жанры / В.В. Дементьев; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 248 с.
113. Дементьев, В.В. Основы теории непрямой коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Дементьев. – Саратов, 2001. – 425 с.
114. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.

115. Демьянков, В.З. Формализация и интерпретация в семантике и синтаксисе: По материалам американской и английской лингвистики / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979а. Т.38. № 3. – С. 261–269.
116. Демьянков, В.З. Интерпретация текста и стратегемы поведения / В.З. Демьянков // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования). – М.: Ин-т яз-ния АН СССР, 1979б. – С.109–116.
117. Демьянков, В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. 1983. № 6. – С.58–67.
118. Демьянков, В.З. Аргументативный дискурс в общении / В.З. Демьянков // Речевое общение: цели, мотивы, средства: сб. под ред. Уфимцевой Н.В. – М.: Ин-т яз-ния АН СССР, 1985а. – С. 114–131.
119. Демьянков, В.З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985б. – 76 с.
120. Демьянков, В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989а. – 172 с.
121. Демьянков, В.З. Стратегии достижения взаимопонимания в неконфронтующем диалоге / В.З. Демьянков // Возможности и перспективы развития международного общения, углубления взаимопонимания: Вып.2. Пути к пониманию. – М.: Внешторгизат, 1989б. – С.7–10.
122. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. 1994. № 4. – С. 17–33.
123. Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.

124. Демьянков, В.З. Когнитивная система // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996а. – С.74–76.
125. Демьянков, В.З. Совместное знание vs. общее или разделенное знание // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996б. – С.174–175.
126. Демьянков, В.З. Языковые следы трансфера знаний / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. 2015. № 23. – С. 17–29.
127. Демьянков, В.З. Языковые техники «трансфера знаний» / В.З. Демьянков // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 61–85.
128. Демьянков, В.З. Прагматика коммуникации и когниция / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. Вып. 29. Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 55–63.
129. Демьянков, В.З. Трансфер знания и перевод / В.З. Демьянков // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. Вып. 2. – М.: Изд-во: КДУ, Университетская книга, 2018. – С. 18–21.
130. Дзялошинский, И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии / И.М. Дзялошинский. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 571 с.
131. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К.Киселевой и Д. Пайара. – М.: Метатекст, 1998. – 447 с.

132. Дмитриев, А.В., Сычев, А.А. Смех: социофилософский анализ / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: Альфа-М, 2005. – 592 с.
133. Дмитровская, М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка. Знание и мнение: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1988. – С. 6–18.
134. Докторов, Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании / Б.З. Докторов. – Л.: Наука, 1979. – 127 с.
135. Доронина, С.В. «Насмешка» в зеркале обыденного метаязыкового сознания / С.В. Доронина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. Ч. 2. – С. 202–213.
136. Дроздова, Т.В. Научный текст и проблемы его понимания: На материале англоязычных экономических текстов: дис. ... д-ра филол. наук / Т.В. Дроздова. – М., 2003. – 390 с.
137. Дроздова, Т.В. Интерпретирующая функция языка в аспекте репрезентации научного знания / Т.В. Дроздова // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. – С. 446–454.
138. Дроздова, Т.В. Когнитивный диссонанс как лингвистическая проблема: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Дроздова. – Белгород, 2011. – 24 с.
139. Дубровская, О.Г. Когнитивно-коммуникативные основания теории контекста / О.Г. Дубровская // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. – С. 14–25.
140. Дубровская, О.Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О.Г. Дубровская. – Тамбов, 2015. – 42 с.
141. Еемеерен, Ф.Х. ван, Гроотендорст, Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях / Ф.Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: Нотабене, 1994. – 239 с.

142. Еемеерен, Ф.Х. ван, Гроотендорст, Р. Аргументация, коммуникация и ошибки / Ф.Х. ван Еемеерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 160 с.
143. Еемеерен, Ф.Х. ван, Хоотлоссер, П. Аргументация и разумность: о поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании / Ф.Х. ван Еемеерен, П. Хоотлоссер // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2006. Т. 6. №1. – С. 7–22.
144. Еельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Еельмслев. – М.: КомКнига, 2006. – 248 с.
145. Еерещенко, М.В. Теория релевантности и проблема связности дискурса / М.В. Еерещенко // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. – С. 563–566.
146. Еерохов, И.А. Кризис идеи легитимности в современных либерально–демократических теориях политики: дис. ... канд. полит. наук / И.А. Еерохов. – М., 2006. – 168 с.
147. Еермакова, Е.В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) / Е.В. Еермакова; под ред. М.Б. Борисовой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. – 200 с.
148. Еермакова, О.П., Земская, К.А. К построению типологии коммуникативных неудач / О.П. Еермакова, К.А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 30–64.
149. Еелтонова, Ю.А. Ценностно-смысловые детерминанты межличностного взаимопонимания: дис. ... канд. психол. наук / Ю.А. Еелтонова. – Ростов-на-Дону, 2000. – 180 с.
150. Еелтухина, М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук / М.Р. Еелтухина. – Москва, 2004. – 358 с.

151. Заботкина, В.И. О соотношении когнитивных и семиотических аспектов лингвистических исследований / В.И. Заботкина // Языкознание: взгляд в будущее; ред. проф. Г.И. Берестнев. – Калининград, 2002. – С. 155–163.
152. Заврумов, З.А. Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / З.А. Заврумов. – Махачкала, 2017. – 56 с.
153. Зайцев, Д.В. Обобщенная релевантная логика и модели рассуждений: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Д.В. Зайцев. – М., 2012. – 49 с.
154. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: РГГУ, 2000. – 382 с.
155. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
156. Залевская, А.А. Идентификация слова как включение во «внутренний контекст» / А.А. Залевская // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2012. № 10. Вып. 2. – С.44–49.
157. Залевская, А.А.: «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии / А.А. Залевская // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2015. 4. – С. 29–36.
158. Залевская, А.А. Вопросы естественного семиозиса / А.А. Залевская. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2018. – 160 с.
159. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 671 с.
160. Земская, Е.А. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. / Е.А. Земская и др. – М.: Наука, 1983. – 238 с.
161. Земская, Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е.А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.

162. Звягин, Л.С. Методы инфлюентного анализа и принятие решений / Л.С. Звягин // Технические науки: проблемы и перспективы: материалы IV междунар. науч. конф. – СПб.: Свое издательство, 2016. – С. 120–125.
163. Златев, Й. Когнитивная семиотика: новое междисциплинарное направление / Й. Златев // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV. – М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – С. 324–334.
164. Иваненко, Т.В. Актуализация основных положений теории релевантности при анализе текста рекрутинговой рекламы / Т.В. Иваненко // Известия Алтайского гос. ун-та. 2014. № 2-1 (82). – С. 156–159.
165. Иванников, Е.Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву / Е.Б. Иванников // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. №1. – С. 337–347.
166. Ивин, А.А. Современная философия науки / А.А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2005. – 592 с.
167. Ивин, А.А. Современная логика / А.А. Ивин. Фрязино: Век 2, 2009. – 384 с.
168. Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 200 с.
169. Инькова-Манзотти, О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование) / О.Ю. Инькова-Манзотти. – М.: МГУ, 2001. – 434 с.
170. Ирисханова, О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. – М.: Языки славянской культуры. 2014а. – 320 с.
171. Ирисханова, О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания / О.К. Ирисханова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014б. № 4. – С. 5–17.
172. Ирисханова, О.К. Интерсубъектность конструирования событий в

- полиmodalном дискурсе / О.К. Ирисханова // Вестник МГЛУ. 2014в. № 17. – С. 31.
173. Ирисханова, О.К. Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления / О.К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. – С. 334–344.
174. Ирисханова, О.К., Киосе, М.И. Технологии трансфера междисциплинарных терминов в лингвистику / О.К. Ирисханова, М.И. Киосе // Лингвистика и семиотика культурных трансферов методы, принципы, технологии: коллективная монография; отв. ред. В.В. Фещенко. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 151–180.
175. Иссакова, О.П. Элементы жестово-мимической системы как значимые компоненты анализа интонационно-стилистических вариантов высказывания: на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук / О.П. Иссакова. – М., 2003. – 167 с.
176. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О.С. Иссерс. – Омск: Омский гос. ун-т, 1999. – 285 с.
177. Йокояма, О. Коммуникативные неудачи в рамках транзакционной модели дискурса / О. Йокояма // Лики языка. – М.: Наследие, 1998. – С. 122–130.
178. Йокояма, О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / О. Йокояма. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 424 с.
179. Казак, Е.А. «Европейский парламентский дискурс: Прологомены к теории политической речевой интеракции. Прагмалингвистические очерки / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова, А.М. Червоный – М.: Московский политех, 2019. – 248 с.» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: реф. журн. 2020. № 4. – С. 120–126.
180. Калинин, К.Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / К.Е. Калинин. – Н.

- Новгород, 2009. – 187 с.
181. Каменский, М.В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров: дис. ... д-ра филол. наук / М.В. Каменский. – Майкоп, 2015. – 548 с.
182. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. – Москва: АСТ, 2021. – 653 с.
183. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
184. Карасик, В.И. Коммуникативная тональность / В.И. Карасик // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. 2008. №4. – С. 20–29.
185. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
186. Карасик, В.И. Семиотические типы концептов / В.И. Карасик // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. – С. 5–12.
187. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
188. Карцевский, С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85–90.
189. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
190. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 220 с.
191. Кварталова, Н.Л. Паранепротиворечивость и релевантность: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н.Л. Кварталова. – М., 2004. – 24 с.
192. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук / А.А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.

193. Кибрик, А.А. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. 2008. №4. – С. 51–77.
194. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2008. – 19 с.
195. Кибрик, А.А. Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / Сост.: А.А. Кибрик и др. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 843 с.
196. Кибрик, А.А., Молчанова, Н.Б. Каналы мультимодальной коммуникации: относительный вклад в понимание дискурса / А.А. Кибрик, Н.Б. Молчанова // О.В. Федорова, А.А. Кибрик (ред.). Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования: сб. ст. – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 99–114.
197. Кибрик, А.А., Федорова, О.В. О структуре мультиканального дискурса / А.А. Кибрик, О.В. Федорова // Образы языка и зигзаги дискурса: сб. науч. ст. к 70-летию В.З. Демьянкова. – М.: Культурная революция, 2018а. – С.180–191.
198. Кибрик, А.А. Русский мультиканальный дискурс. Ч. 1. Постановка проблемы / А.А. Кибрик // Психологический журнал. 2018б. Т. 39. № 1. – С. 70–80.
199. Кильмухаметова, Е.Ю. Основные понятия теории релевантности / Е.Ю. Кильмухаметова // Вестник Томского гос. ун-та. 2006. № 291. – С. 170–172.
200. Клепикова, Т.А. Лингвистические метарепрезентации / Т.А. Клепикова. – СПб.: Астерион, 2008. – 249 с.
201. Клепикова, Т.А. Предикаты с пропозициональным компонентом в современном английском языке: предетерминация структуры и семантики придаточной части: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.А. Клепикова. – СПб., 2009. – 35 с.
202. Клепикова, Т.А., Клепикова, И.В. Когнитивное варьирование в дискурсе: дискурсивные маркеры эпистемической бдительности в

- английском и русском языках / Т.А. Клепикова, И.В. Клепикова // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. – С. 366–369.
203. Ковалев, О.А., Корнеев, П.Г. Концептуализация литературного персонажа в свете коммуникативной структуры нарратива / О.А. Ковалев, П.Г. Корнеев // PR в изменяющемся мире: региональный аспект: сб. ст. / Под ред. М.В. Гундарина, Ю.В. Явинской. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 5. – С. 29–35.
204. Ковлер, А.И. Очерки по истории парламентаризма / А.И. Ковлер // Парламенты мира. – М., 1991. – С. 579–623.
205. Кожухова, И.В. Реализация принципа насмешки и ее соотнесение с теорией релевантности / И.В. Кожухова // Речевая коммуникация в современной России: материалы III междунар. конф.: в 2 томах. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2013. – С. 76–83.
206. Козаковская, В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый – ребенок» / В.В. Козаковская // Вопросы языкознания. 2004. № 2. – С. 89–111.
207. Кола, Д. Политическая социология / Д. Кола. – М.: Весь мир; ИНФРА-М, 2001. – 406 с.
208. Корди, Е.Е. О связи грамматических значений оценки достоверности и источника информации (на материале французского языка) / Е.Е. Корди // Теоретические проблемы функциональной грамматики. СПб.: Наука, 2001. – С. 203–206.
209. Кравцова, Т.А. Метаязыковая стратегия обеспечения эффективной текстовой коммуникации / Т.А. Кравцова // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4 (35). – С. 114–117.
210. Кравченко, А.В. Знак. Значение. Знание: Опыт когнитивной философии языка / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд. ОГУП, 2001. – 261 с.
211. Кравченко, А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода / А.В. Кравченко // Вопросы когнитивной

- лингвистики. 2004. № 1. – С. 37–52.
212. Кравченко, А.В. Когнитивный горизонт языкознания / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд. БГУЭП, 2008. – 320 с.
213. Кравченко, А.В. Об адекватности понятия грамматики в традиционном языкознании (взгляд с позиций биологии познания) / А.В. Кравченко // Fontańsky, H., Lubocha-Kruglik, J. (red.). Gramatyka a Tekst. Tom II. Katowice, 2009. – С. 7–48.
214. Кравченко, А.В. Что такое «когнитивная структура», или об одном распространенном заблуждении / А.В. Кравченко // Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – М.: ИЯ РАН; ТГУ им. Г.Р.Державина, 2011. – С. 96–104.
215. Крапивкина, О.А. Теоретическое моделирование судебных дискурсивных практик: дис. ... д-ра филол. наук / О.А. Крапивкина. – Иркутск, 2019. – 393 с.
216. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. Человек. Сознание. Коммуникация / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
217. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – 581 с.
218. Крестинский, С.В., Голубева, В.А. О релевантности молчания / С.В. Крестинский, В.А. Голубева // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. 2019. – С. 154–158.
219. Крылова, Н.С. Парламент: особенности эволюции и основные тенденции развития / Н.С. Крылова // Труды Института государства и права РАН. 2013. №3. – С. 86–108.
220. Куайн, У.О. Референция и модальность / У.О. Куайн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С.87–108.

221. Куайн, У.В.О. Слово и объект / У.В.О. Куайн // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. Вып. 18. – М.: Прогресс, 1986. – С. 24–98.
222. Кубрякова, Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный. – М.: Наука, 1991. – 239 с.
223. Кубрякова, Е.С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) / Е.С. Кубрякова // Язык и культура. Факты и ценности. К 70–летию Ю.С. Степанова; отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 283–291.
224. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
225. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова // Ин-т. языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
226. Кубрякова, Е.С., Александрова, О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста. Док. VII междунар. конф. – М., 1999. – С. 186–197.
227. Кудряшов, А.Л. Теории релевантности в анализе прагматической амбивалентности / А.Л. Кудряшов // Фундаментальные и прикладные научные исследования (МКФПНИ). 2021. Т. 0. № 4. – С. 70–85.
228. Кузнецова, Л.В. Прагматическая ситуация принятия решения в политической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Кузнецова. – Красноярск, 2016. – 25 с.
229. Кулик, О.В. Принцип ценностной релевантности в правотворчестве / О.В. Кулик // Юридическая техника. 2020. №14. – С. 456–458.
230. Кульмухаметова, Е.Ю. Основные понятия теории релевантности / Е.Ю.

- Кульмухаметова // Вестник Томского гос. ун-та. 2006. № 291. – С. 170–172.
231. Кустова, Е.Ю. Интеракциональная теория междометия (на материале французского языка) / Е.Ю. Кустова. – Пятигорск, 2009. – 360 с.
232. Кустова, Е.Ю. Интеракциональная релевантность парламентского дискурса / Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, Л.Г. Шамугия // Вестник ПГЛУ. 2015. № 2. – С. 203–206.
233. Кустова, Е.Ю., Попова, Г.Е. Прагматизация наречия как путь образования речевых маркеров французского языка / Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Вестник ПГУ. 2017. № 4. – С. 84–86.
234. Кустова, Е.Ю. Субъектность, тональность и релевантность французского парламентского дискурса / Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, А.М. Червоный // Вестник ПГЛУ. 2014. № 4. – С. 104–107.
235. Кустова, Е.Ю. Интеракциональная релевантность парламентского дискурса / Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, Л.Г. Шамугия // Вестник ПГЛУ. 2015. № 2. – С. 203–206.
236. Кънева, Н.К. Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.К. Кънева. – Тверь, 1999. – 19 с.
237. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации / Т.В. Ларина. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
238. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
239. Леонтьев, В.В. Грубость грубости рознь: к 20-летию исследований речевой невежливости в лингвистике / В.В. Леонтьев // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. – С. 26–39.
240. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 486 с.

241. Лисанюк, Е.Н. Три критерия оценки делиберативного аргумента / Е.Н. Лисанюк // Прагматика философского текста: материалы конф. – Симферополь: Крымский федер. ун-т им. В.И. Вернадского, 2019. – С. 143–146.
242. Лисанюк, Е.Н. Релевантность аргументов в логике аргументации / Е.Н. Лисанюк // Наука как общественное благо: сб. науч. ст. – М., 2020. – С. 221–225.
243. Лисанюк, Е.Н. Алгоритм поиска и отбора решений спора / Е.Н. Лисанюк // Проблемы комплексной безопасности каспийского макрорегиона: сб. тр. конф. – Астрахань, 2021. – С. 219–224.
244. Лисанюк, Ложный аргумент, три лжеца и эффективное завершение спора / Е.Н. Лисанюк, Д.И. Файзиходжаева // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 1. – С. 85–101.
245. Ломов, Б.Ф., Сурков, Е.Н. Антиципация в структуре деятельности / Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков. – М.: Наука, 1980. – 279 с.
246. Лосев, А.Ф. Языковая структура / А.Ф. Лосев – М.: МГПИ, 1983. – 375 с.
247. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия – М.: МГУ, 1998. – 336 с.
248. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
249. Матвеева, Т.В. Тональность / Т.В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 549–551.
250. Матько, И.Д. Коммуникативные функции дискурсивных модальных частиц во французском языке: монография / И.Д. Матько. – Гродно, 2008. Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы (ГрГУ), 2008. – 191 с.
251. Медведева, М.А. Морально-нравственные аспекты легитимации насилия / М.А. Медведева, Н.В. Воронкова // Идеи и идеалы. 2013. Т.1. №4 (18). – С. 137–145.

252. Мигунов, А.И. Важнейшие концепции теории аргументации / А.И. Мигунов. – СПб.: Изд-во Филолог. ф-та. СПбГУ, 2006. – 296 с.
253. Микиртумов, И.Б. Делиберация и действия, совершаемые при выдвижении аргументов / И.Б. Микиртумов // Ценности и смыслы. 2021. №1 (71). – С. 78–91.
254. Минеев, Т.А. Сопоставительный анализ английской и русской речи через иерархии релевантности / Т.А. Минеев // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2021. Т. 3. № 1. – С. 36–53.
255. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский / Пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
256. Моисеенко, Л.В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Моисеенко. – М., 2015. – 403 с.
257. Молчанова, Г.Г. Семантика художественного текста: имплицитивные аспекты коммуникацию / Г.Г. Молчанова; отв. ред. Д.Б. Буранов; Ташкентский гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Ф. Энгельса. – Ташкент: ФАН, 1988. – 162 с.
258. Молчанова, Г.Г. Когнитивный рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) / Г.Г. Молчанова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2017. – М.: Изд-во Моск. ун-та. 2017. № 3. – С. 7–15.
259. Молчанова, Г.Г. Когнитивная коммуникация и транзакционные подходы к устойчивым вербальным символам / Г.Г. Молчанова // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. Вып. 2. – М.: КДУ, Университетская книга, 2018. – С. 6–14.
260. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.

261. Мусийчук, М.В. Когнитивные механизмы структур комического: философско–методологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / М.В. Мусийчук. – Новосибирск, 2011. – 24 с.
262. Мустайоки, А. Причины коммуникативных неудач: попытка общей теории / А. Мустайоки // Русский язык за рубежом. 2011. № 4 (227). – С. 76–86.
263. Мустайоки, А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего / А. Мустайоки // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 553–559.
264. Нарьян, С.К. Факторы обыденного восприятия моральной релевантности социальных норм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 1. – С. 159–197.
265. Нефедова, Л.А. Когнитивно-типологический аспект имплицативной коммуникации. На материале французских текстов и их переводов на русский язык: дис. ... д-ра филол. наук / Л.А. Нефедова. – Челябинск, 2001. – 312 с.
266. Нефедова, Н.П. Коммуникативный конфликт во французском языке / Н.П. Нефедова. – Пятигорск, 2004. – 50 с.
267. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
268. Николаева, Ю.В. Структура устного дискурса: взгляд со стороны мультимодальной лингвистики / Ю.В. Николаева, А.А. Кибрик, О.В. Федорова // Сб. межд. конф. «ДИАЛОГ-2015». – М.: РГГУ, 2015. – С. 487–489.
269. Одинцова, А.Э. Модусные наречия в речевом взаимодействии (контрастивное прагматическое исследование на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Э. Одинцова. – Пятигорск, 2005. – 16 с.

270. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла / Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1993. – 286 с.
271. Павлов, С.А. Семантика с единственным денотатом истина и многозначные интерпретации / С.А. Павлов // Логико-философские исследования. Вып. 4. – М.: Наука, 2010. – С. 44–53.
272. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
273. Падучева, Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла / Е.В. Падучева // Семиотика и информатика. Вып. 35. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С.184–226.
274. Панкратова, А.А. Эмоциональный интеллект: примеры программы формирования [Электронный ресурс] / А.А. Панкратова // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 1 (9). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 16.04.2020).
275. Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – М.: МГУ, 1988. – 208 с.
276. Петров, В.В. Язык и логическая теория / В.В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 5–23.
277. Петров, В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы / В.В. Петров // Вопросы языкознания. 1988. №2. – С. 39–48.
278. Петрова, Н.Ю. Построение перспективы в тексте пьесы: монография / Н.Ю. Петрова. – М.: Культурная революция, 2017. – 344 с.
279. Петрова, Н.Ю. Междисциплинарное понятие «перспектива» как результат терминологической трансферизации / Н.Ю. Петрова // Критика и семиотика. 2019. № 1. – С. 275–284.
280. Петрякова, М.С. Тезаурусно-сетевое моделирование семантического поля термина *pragmatics* ‘лингвистическая прагматика’ / М.С. Петрякова // Вестник чувашского гос. пед. ун-та. 2014. 4 (84). – С. 142–151.

281. Пиз, А., Пиз, Б. Новый язык телодвижений. Расширенная версия / А. Пиз, Б. Пиз; пер. с англ. Т. Новиковой. – М.: Эксмо, 2007. – 411 с.
282. Пильщиков, И.А. Неполная переводимость как механизм познания и коммуникации / И.А. Пильщиков // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография; отв. ред. В.В. Фещенко. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 203–233.
283. Пирс, Ч.С. Логические основания теории знаков / Ч.С. Пирс. – СПб.: Алетейя, 2000. – 350 с.
284. Пищальникова, В.А. Актуальные проблемы этнопсихолингвистики / В.А. Пищальникова // Этнопсихолингвистика. – М.: ИНИОН РАН, 2018. № 1. – С. 9–25.
285. Плаус, С. Психология оценки и принятия решений / С. Плаус; пер. с англ. – М.: Информ.-изд. дом «Филинь», 1998. – 368 с.
286. Плотникова, С.Н., Кузнецова, Л.В. Коллективная когниция в парламентской коммуникации / С.Н. Плотникова, Л.В. Кузнецова // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). – С. 76–82.
287. Попова, Г.Е. Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия (на материале французского языка): дис. ... канд. филол. наук / Г.Е. Попова. – Пятигорск, 2004. – 142 с.
288. Попова, Г.Е. Релевантность речевой интеракции как условие успешной коммуникации / Г.Е. Попова // Материалы Всерос. межвуз. науч. конф. «Речь. Речевая деятельность. Текст», посвящ. памяти проф. Г.Г. Инфантовой. – Таганрог: ТГПИ, 2012. – С. 351–355.
289. Попова, Г.Е. Категория релевантности в речевой интеракции / Г.Е. Попова // Актуальные аспекты интеракционной теории языка: коллективная монография. Гл. 2. / Ред. А.В. Алферов и Е.Ю. Кустова. – Пятигорск, 2013. – С. 42–76.

290. Попова, Г.Е. Интеракциональная релевантность парламентского дискурса / Г.Е. Попова, Е.Ю. Кустова, Л.Г. Шамугия // Вестник ПГЛУ. 2015. № 2. – С. 203–206.
291. Попова, Г.Е. Концептосфера художественного текста и перевод / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова // Текст и дискурс: кодирование и декодирование: коллективная монография / Ред. А.А. Корниенко. – Пятигорск, 2017а. – С. 64–106.
292. Попова, Г.Е. Фразеорефлексы французского языка в речевом взаимодействии // Наука и практика – 2017: материалы Всерос. междисциплинар. науч. конф. / Под общ. ред. Н.Т. Берберовой, А.В. Котельникова. – Астрахань: АГТУ, 2017б. – С. 74–75.
293. Попова, Г.Е. Релевантность как категория парламентского дискурса / Г.Е. Попова // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Тр. и материалы междунар. конф. – Казань, 2018а. – С. 194–197.
294. Попова, Г.Е. Релевантность и эристичность в политической коммуникации: паремические малапропизмы / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова и др. // Вестник ПГУ. 2018б. №3. – С. 183–187.
295. Попова, Г.Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология: монография / Г.Е. Попова. – Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2019а. – 368 с.
296. Попова, Г.Е. Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской коммуникации / Г.Е. Попова // Политическая лингвистика. 2019б. №1 (73). – С. 81–89.
297. Попова, Г.Е. Европейский парламентский дискурс: пролегомены к теории политической речевой интеракции. Прагмалингвистические очерки: коллективная монография / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова и др.; Ред. А.В. Алферов, И.Г. Тамразова. – М.: Московский Политех, 2019в. – 248 с.

298. Попова, Г.Е. Когнитивный резонанс как функция интеракционального энтоламирания / Г.Е. Попова // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). – С. 285–290.
299. Попова, Г.Е. Теория релевантности: гордость и предубеждения / Г.Е. Попова // Когнитивные исследования языка». 2021а. № 4 (47). – С. 61–68.
300. Попова, Г.Е. Субъектность и объектность разделяемой когниции в коммуникативной интеракции / Г.Е. Попова // Когнитивные исследования языка. 2021б. № 3 (46). – С. 731–734.
301. Попова, Г.Е. Интеракциональная когниция: дискурсивная память и эффекты ожидания / Г.Е. Попова // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). – С. 549–553.
302. Попова, Г.Е., Кустова, Е.Ю. Прагматизация наречия как путь образования речевых маркеров французского языка / Г.Е. Попова, Е.Ю. Кустова // Вестник ПГУ. 2017. №4. – С.84–86.
303. Постовалова, В.И. Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках / В.И. Постовалова // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. – М.: Культурная революция, 2016а. – С. 36–60.
304. Постовалова, В.И. Проблема взаимопонимания в гуманитарном познании и общении в условиях «концептуального многоязычия» / В.И. Постовалова // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. – М.: Культурная революция, 2016б. – С. 86–123.
305. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
306. Правикова, Л.В. Релевантность как когнитивная и лингвистическая категория / Л.В. Правикова // Текст и дискурс: традиционный и

- когнитивно-функциональный аспекты исследования. – Рязань, 2002. – С.40–49.
307. Правикова, Л.В. Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в конгрессе США и Парламенте Великобритании): дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Правикова. – Пятигорск, 2005. – 425 с.
308. Правикова, Л.В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе / Л.В. Правикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. № 1 (79). Ч. 2. – С. 359–362.
309. Радбиль, Т.Б. Норма и аномальность в парадигме «реальность – текст» / Т.Б. Радбиль // Филологические науки. 2005. № 1. – С. 53–63.
310. Радбиль, Т.Б. Норма как аномалия / Т.Б. Радбиль // Вестник Нижегород. ун-та. 2007. №3. – С. 229–233.
311. Радбиль, Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте. Андрей Платонов и другие: монография / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта, 2012. – 322 с.
312. Ракитина, С.В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.В. Ракитина. – Волгоград, 2007. – 44 с.
313. Рансьер, Ж. Несогласие: Политика и философия / Ж. Рансьер. СПб.: Machina, 2013. – 192 с.
314. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье. – Н. Новгород: Деком, 2001. – 368 с.
315. Романов, А.К. Понятие релевантных составов преступления и их уголовно-правовое значение / А.К. Романов // Теория и практика современной юридической науки: сб. науч. тр. по итогам междунар. межвуз. науч.-практ. конф. Некоммерческое партнёрство «Инновационный центр развития образования и науки». 2014. – С. 25–27.

316. Россихина, М.Ю., Икатова, И.И. Теория релевантности: сравнительный анализ реквестивов в русской и английской лингвокультурах / М.Ю. Россихина, И.И. Икатова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (40). – С. 192–206.
317. Рузавин, Г.И. Логика и аргументация / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ, 1997. – 348 с.
318. Рябцева, Н.К. Коммуникативный модус и метаречь / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 82–92.
319. Рябцева, Н.К. Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании / Н.К. Рябцева // Научный диалог. 2017. №5. – С. 83–95.
320. Самигуллина, А.С. Когнитивная лингвистика и семиотика / А.С. Самигуллина // Вопросы языкознания. 2007. № 3. – С. 11–24.
321. Самигуллина, А.С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.С. Самигуллина. – Уфа, 2008. – 41 с.
322. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – 2-е изд. дополн. – М.: Языки славянских культур, 2002. – 552 с.
323. Седов, К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К.Ф. Седов. – М.: Изд. дом ЯСК, 2016. – 438 с.
324. Серль, Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195–222.
325. Серль, Дж., Вандервекен, Д. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.18. – М.: Прогресс, 1986. – С. 242–263.
326. Серль, Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серль. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
327. Сидоренко, Е.А. Релевантная логика (предпосылки, исчисления, семантика) / Е.А. Сидоренко. – М.: ИФ РАН, 2000. – 243 с.

328. Сквоиков, А.К. Власть и гражданское общество: диалог взаимодействия / А.К. Сквоиков // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 12-12. – С. 2668–2672.
329. Сквородников, А.П. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / А.П. Сквородников. – Красноярск, 2014. – 852 с.
330. Скрытые смыслы в языке и коммуникации: сб. ст. / Ред.-сост. И.А. Шаронов. – М.: Изд. центр Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 251 с.
331. Смирнова, М.Н. Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Н. Смирнова. – М., 2003. – 24 с.
332. Соковнин, В.М. Фасцинология: пролегомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека / В.М. Соковнин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 400 с.
333. Солнцева, Е.С. Релевантность элементов поликодового текста / Е.С. Солнцева // *Litera*. 2018. № 1. – С. 77–84.
334. Соломоник, А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
335. Солсо, Р. Когнитивная психология / Р. Солсо. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.
336. Сонин, А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект / А.Г. Сонин. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – 220 с.
337. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
338. Соссюр, Ф. Заметки по общей лингвистике / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1990. – 275 с.
339. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.

340. Стернин, И.А. Модели описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин. – Воронеж, 2000. – 27 с.
341. Стернин, И.А. Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2003. – 183 с.
342. Стернин, И.А., Куркина, А.С. Коммуникативное поведение и коммуникативная личность носителя языка / И.А. Стернин, А.С. Куркина // Науч. вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. Вып. 3 (39). – С. 112–127.
343. Стычинский, М.С. Философские основания межкультурных конфликтов в условиях глобализации культуры: дис. ... канд. филос. наук / М.С. Стычинский. – М., 2018. – 174 с.
344. Суворова, Е.В. К вопросу об истории исследований процесса инференции / Е.В. Суворова // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2016. № 5 (27). – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3207> (дата обращения: 16.04.2020).
345. Сусов, И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – М.: Восток-Запад, 2006. – 200 с.
346. Тамразова, И.Г. Метаязыковая рефлексия в языковой картине мира: коллективная монография / И.Г. Тамразова; ред. Э.Н. Шехтман. – Тамбов, 2014. – С. 102–107.
347. Тамразова, И.Г. Нормы речевого поведения и релевантность высказывания / И.Г. Тамразова // Общественные науки. 2017. № 2-1. – С. 362–366.
348. Тамразова, И.Г. Эристические речевые практики: опыт дискурсивной риторики. Кросс-культурное исследование речевой агональности и языковой трансгрессии / И.Г. Тамразова. – М.: Московский Политех, 2021. – 442 с.

349. Тарасова, А.Н. Этнос как когнитивно-дискурсивная категория (на материале французского языка) / А.Н. Тарасова // Вестник МГЛУ. 2013. № 10. – С. 201–209.
350. Терентий, Л.М. Интенциональная структура дипломатического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / Л.М. Терентий. – Москва, 2016. – 447 с.
351. Томаселло, М. Истоки человеческого общения / М. Томаселло. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 323 с.
352. Томская, М.В., Маслова, Л.Н. Институциональная коммуникация в лингвистических исследованиях / М.В. Томская, Л.Н. Маслова // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2010. № 597. – С. 17–27.
353. Трухаев, Р.И. Инфлюентный анализ и принятие решений / Р.И. Трухаев. – М.: Наука, 1984. – 237 с.
354. Тэлми, Л. Феномены внимания / Л. Тэлми // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. – С. 23–44.
355. Тюпа, В.И. Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике / В.И. Тюпа. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.
356. Уилсон, Л. Загадка доктора Хауса – человека и сериала / Л. Уилсон. – СПб: Питер, 2010. – 283 с.
357. Уолтон, Д. Аргументы ad hominem / Д. Уолтон. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2002. – 351 с.
358. Урмсон, Дж.О. Парентетические глаголы / Дж.О. Урмсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С.196–216.
359. Фанян, Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.Ю. Фанян. – Краснодар: КубГУ, 2000. – 49 с.

360. Федорова, О.В., Кибрик, А.А. Общее, индивидуальное и контекст в мультимедийной коммуникации / О.В. Федорова, А.А. Кибрик // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. – С. 637–645.
361. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – СПб.: Речь, 2000. – 320 с.
362. Фещенко, В.В. Autopoietica как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики / В.В. Фещенко // Семиотика и Авангард: антология. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 54–122.
363. Фещенко, В.В., Коваль, О.В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства / В.В. Фещенко, О.В. Коваль. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 640 с.
364. Фещенко, В.В., Бочавер, С.Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике / В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 5–35.
365. Фокина, О.В. Коммуникативные неудачи при цитировании / О.В. Фокина // Вестник НГУ. 2010. Т. 9. Вып.6. – С. 111–117.
366. Фреге, Г. Логика и логическая семантика / Г. Фреге. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
367. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.
368. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – М.: Университетская книга, 1997. – 319 с.
369. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
370. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 419 с.

371. Харитончик, З.А. Салиентность и релевантность знания как факторы деривационной активности лексических единиц / З.А. Харитончик // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. – С. 432–442.
372. Хахалова, А.А. Роль имплицитной интенциональной структуры в коллективном сознании / А.А. Хахалова // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2016. №. 3. – С. 140–154.
373. Хахалова, А.А. Телесно-аффективное основание самосознания: дис. ... канд. филос. наук / А.А. Хахалова. – Волгоград, 2017. – 154 с.
374. Хмылёв, В.Л., Кондрасюк, В.А. Коммуникативные стандарты интенсивности когнитивного резонанса / В.Л. Хмылёв, В.А. Кондрасюк // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 390. – С. 66–72.
375. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М.: МГУ, 1972. – 122 с.
376. Цветков, В.Я. Методы поддержки принятия решений в управлении / В.Я. Цветков. – М.: Минпромнауки, ВНТИЦ, 2001. – 75 с.
377. Цветков, В.Я. Рецепция информации / В.Я. Цветков // Образовательные ресурсы и технологии. 2016. №1 (13). – С. 121–129.
378. Цурикова, Л.В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике / Л.В. Цурикова // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. 2001. № 2. – С. 128–157.
379. Чейф, У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. – М.: Наука, 1982. – С. 277–317.
380. Червоный, А.М. Структура и функциональная динамика категории «Языковой субъект» (на материале французского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.М. Червоный. – Воронеж, 2014. – 41 с.
381. Черенков, А.С. Интеракционально-прагматические характеристики категории речевого противодействия во французском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.С. Черенков. – Воронеж, 2011. – 24 с.

382. Чудинов, А.П. Современная политическая коммуникация / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. – 292 с.
383. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.
384. Шамугия, Л.Г. Функционально-прагматические характеристики французского парентетического дискурса (на материале парламентских дебатов): дис. ... канд. филол. наук / Л.Г. Шамугия. – Пятигорск, 2006. – 208 с.
385. Шаронов, И.А. Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония / И.А. Шаронов // Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. / Под ред. И.А. Шаронова. – М.: РГГУ, 2004. – С. 38–53.
386. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
387. Шаховский, В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: монография / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 504 с.
388. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.
389. Шилихина, К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / К.М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 50 с.
390. Шпербер, Д., Уилсон, Д. Релевантность / Д. Шпербер, Д. Уилсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153–212.
391. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц; пер. с англ. Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. № 2. – С. 129–137.
392. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

393. Шюц, А. Некоторые структуры жизненного мира / А. Шюц // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1 (2). – С. 72–87.
394. Щедровицкий, Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П. Щедровицкий. – М.: Школа Культуры Политики, 1997. – 656 с.
395. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502 с.
396. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
397. Alba-Juez, L. Irony as inferred contradiction / L. Alba-Juez // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. Russian Journal of Linguistics. 2014. № 4. – С. 140–153.
398. Alba-Juez, L., Mackenzie, J.L. Pragmatics: Cognition, Context and Culture / L. Alba-Juez, J.L. Mackenzie. – Madrid: McGraw Hill, 2016. – 307 p.
399. Allport, G.W. Personality: A Psychological Interpretation / G.W. Allport. – New York: Henry Holt & Co., 1937. – xiv, 588 p.
400. Allport, G.W. The nature of prejudice / G.W. Allport. – New York: Doubleday Anchor Books, 1958. – 496 p.
401. Allott, N. Relevance Theory / N. Allott // Perspectives on Linguistic Pragmatics. – Berlin; New York: Springer, 2013. – P. 57–98.
402. Amossy, R. L'argumentation dans le discours / R. Amossy. – Paris: Nathan Université, 2000. – 247 p.
403. André-Larochebouvy, D. La conversation quotidienne / D. André-Larochebouvy. – Paris: Didier-Crédif, 1984. – 196 p.
404. Anscombe, J.C., Ducrot, O. L'argumentation dans la langue / J.C. Anscombe, O. Ducrot. – Bruxelles, 1983. – 184 p.
405. Apperly, I. Mind-reading and Psycholinguistic Approaches to Perspective Taking: Establishing Common Ground / I. Apperly // Topics in Cognitive Science. 2018. № 10 (1). – P. 133–139.

406. Astington, J.W., Baird, J.A. Why language matters for theory of mind / J.W. Astington, J.A. Baird. – New York: Oxford University Press, 2005. – 355 p.
407. Attardo, S. Irony as relevant inappropriateness / S. Attardo // Journal of Pragmatics. 2000. Vol. 32 (6). – P. 793–826.
408. Attardo, S. Multimodal markers of irony and sarcasm / S. Attardo, J. Eisterhold, J. Hay, I. Poggi // Humor. 2003. № 16 (2). – P. 243–260.
409. Baars, B.J. A cognitive theory of consciousness / B.J. Baars. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 484 p.
410. Baars, B.J. In the theater of consciousness: The workspace of the mind / B.J. Baars. – Oxford University Press, USA, 1997. – 196 p.
411. Bach, K. Context ex Machina / K. Bach; In Z.G. Szabo (Ed.) // Semantics versus Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 15–44.
412. Badouard, R. Le débat et ses arènes: A propos de la matérialité des espaces de discussion [Электронный ресурс] / R. Badouard, Cl. Mabi, L. Monnoyer // Questions de communication. 2016. № 30. – URL: <http://questionsdecommunication.revues.org/10700> (дата обращения: 16.04.2020)
413. Barlow, M. (Ed.) Usage-based models of language / In M. Barlow, S. Kemmer (Eds.). – Stanford, Calif.: CSLI Publications, 2000. – 432 p.
414. Barron, A. Acquisition in Interlanguage Pragmatics: Learning how to do things with words in a study abroad context / A. Barron // Pragmatics and Beyond New Series. Vol. 108. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. – xviii, 403 p.
415. Barsalou, L.W. Ad hoc categories / L.W. Barsalou // Memory and Cognition. 1983. Vol. 11 (3). – P. 211–227.
416. Baylon, C., Mignot, X. Langue et communication médicales / C. Baylon, X. Mignot // La communication. – Paris: Nathan Université, 1994. – P. 339–371.
417. Becker, T. Is Truth Relevant? On the Relevance of Relevance / T. Becker // Etica & Politica. 2014. XVI. № 2. – P. 595–618.

418. Berbeira Gardón, J.L. Relevance and modality / J.L. Berbeira Gardón // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. 1998. № 11. – P. 3–22.
419. Berrendonner, A. Attentes et insertions parenthétiques / A. Berrendonner // Langue française. 2016/4. № 192. – Paris: Armand Colin, 2016. – P. 37–52.
420. Blakemore, D. Semantic constraints on relevance / D. Blakemore. – Oxford: Blackwell, 1987. – 168 p.
421. Blakemore, D. Understanding utterances / D. Blakemore. – Oxford: Blackwell, 1992. – xi, 191 p.
422. Blakemore, D. Relevance and linguistic meaning: The semantics and pragmatics of discourse markers / D. Blakemore. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – viii, 200 p.
423. Blakemore, D. Discourse markers / D. Blakemore // The Handbook of Pragmatics; In L.R. Horn, G.L. Ward (Eds.). – Malden; Oxford; Victoria: Blackwell Publishing, 2006. – P. 221–240.
424. Blokpoel, M. Recipient design in human communication: simple heuristics or perspective taking? / M. Blokpoel, M. Kesteren, A. Stolk, P. Haselager, I. Toni, I. Rooij // Frontiers in Human Neuroscience. 2012. Vol. 6. – P. 1–13.
425. Bohman, J. The coming age of deliberative democracy / J. Bohman // The Journal of Political Philosophy 6(4).1998. – P. 400–425.
426. Boltanski, L., Thévenot, L. De la justification: Les économies de la grandeur / L. Boltanski, L. Thévenot. – Paris: Éditions Gallimard, 1991. – 496 p.
427. Bosch, P. Predicate Indexicality and Context Dependence / P. Bosch // Utterance Interpretation and Cognitive Models; In P. De Brabanter, M. Kissine (Eds.). Current Research in the Semantics/Pragmatics Interface. № 20. – Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, 2009. – P. 99–126.
428. Bourdieu, P. L'économie des échanges linguistiques. / P. Bourdieu // Langue française. Linguistique et sociolinguistique. № 34. – Paris: Larousse, 1977. – P. 17–34.

429. Bourdieu, P. Espace social et pouvoir symbolique / P. Bourdieu // Les choses dites. – Paris: Éditions de Minuit, 1987. – P. 147–166.
430. Bourdieu, P. Language and symbolic power / P. Bourdieu; In J.B. Thompson (Ed.); Trans. Gino Raymond and Matthew Adamson. – Cambridge: Polity Press, 1991. – vii, 303 p.
431. Brabanter, P. De, Kissine, M. (Eds.) Introduction: Utterance Interpretation in the Light of Cognitive Models / P. De Brabanter, M. Kissine (Eds.) // Utterance Interpretation and Cognitive Models; In P. De Brabanter, M. Kissine (Eds.). – Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, 2009. – P. xv–xxi.
432. Brown, P., Levinson, S. Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson; In E.N. Goody (Ed.) // Questions and politeness: strategies in social interaction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 56–311.
433. Buchi, É. Sur la trace de la pragmaticalisation de l'adverbe *toujours* («Voyons *toujours* l'apport de la linguistique historique») / É. Buchi // Langue française 2007/2. № 154. – Paris: Armand Colin, 2007. – P. 110–125.
434. Bybee, J.L., Beckner, C. Usage-Based Theory / J.L. Bybee, C. Beckner // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis; In B. Heine, H. Narrog (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 827–856.
435. Carston, R. Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication / R. Carston. – Oxford: Blackwell, 2002. – 418 p.
436. Carston, R. Metaphor: Ad hoc concepts, literal meaning and mental images / R. Carston // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 2010. Vol. 110 (3). – P. 295–321.
437. Casasanto, D., Lupyan, G. All Concepts are Ad Hoc Concepts / D. Casasanto, G. Lupyan // The Conceptual Mind: New directions in the study of concepts; In E. Margolis, S. Laurence (Eds.). – Cambridge: M.I.T. Press, 2015. – P. 543–566.

438. Charaudeau, P. A communicative conception of discourse [Электронный ресурс] / P. Charaudeau // Discourse studies. Vol.4. № 3. – London: SAGE Publications, 2002. – URL: <https://www.patrick-charaudeau.com/A-communicative-conception-of.html> (дата обращения: 16.04.2020).
439. Charaudeau, P (Ed.) Humour et engagement politique / In P. Charaudeau (Ed.). – Limoges: Lambert-Lucas, 2015. – 221 p.
440. Chomsky, N. Current issues in linguistique théorie / N. Chomsky. – The Hague: Mouton & Co., 1964. – 119 p.
441. Chomsky, N. New horizons in the study of language and mind / N. Chomsky. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – xvii, 230 p.
442. Chomsky, N. Language and Mind / N. Chomsky. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. – 190 p.
443. Chomsky, N. Opening remarks / N. Chomsky // Of Minds and Language: A Dialogue in the Basque Country; In M. Piatelli-Palmarini, J. Uriagereka, P. Salaburu (Eds.). – Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. – P. 13–43.
444. Cislaru, G., Nyckees, V. (Eds.) Le partage du sens. Approches linguistiques du sens commun / G. Cislaru, V. Nyckees (Eds.). – London: ISTE Editions, 2019. – 326 p.
445. Clark, H.H., Marshall, C.R. Definite knowledge and mutual knowledge / H.H. Clark, C.R. Marshall // Elements of Discourse Understanding; In A.K. Joshi, B.L. Webber, I.A. Sag (Eds.). – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981. – P. 10–63.
446. Clark, B. Relevance Theory / B. Clark. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2013. – xix, 398 p.
447. Cosnier, J., Vaysse, J. Sémiotique des gestes communicatifs / J. Cosnier, J. Vaysse // Nouveaux actes sémiotiques. № 52-53-54. Geste, cognition et communication. – Limoges: Université de Limoges, 1997. – P. 7–28.

448. Coulson, S. *Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction* / S. Coulson. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. – xiv, 304 p.
449. Cruz, P.M. Phatic utterances and the communication of social information / P.M. Cruz // *Studies in Intercultural, Cognitive and Social Pragmatics*; In P. Garcés-Conejos Blitvich, M.P. Cruz, R. Gómez Morón, L. Fernández-Amaya (Eds.). – Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2007a. – P. 114–131.
450. Cruz, M.P. Metarepresentations and phatic utterances: A pragmatic proposal about the generation of solidarity between interlocutors / P.M. Cruz // *Current Trends in Pragmatics*; In P. Cap, J. Nijakowska (Eds.). – Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2007b. – P. 110–128.
451. Cruz, M.P. Epistemic vigilance, cautious optimism and sophisticated understanding / P.M. Cruz // *Research in Language*. 2012. 10 (4). – P. 365–386.
452. Cruz, M.P. Introduction: Three decades of relevance theory / P.M. Cruz // *Relevance theory: recent developments, current challenges and future directions*; In M.P. Cruz (Ed.). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2016a. – P. 1–29.
453. Cruz, M.P. (Ed.) *Relevance Theory: Recent developments, current challenges and future directions* / In M.P. Cruz (Ed.). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2016b. – 327 p.
454. Cruz, M.P. Conceptual Competence Injustice and Relevance Theory, a Reply to Derek Anderson // *Social Epistemology Review and Reply Collective* 6. 2017. № 12. – P. 39–50.
455. Culpeper, J. *Impoliteness: Using language to cause offence* / J. Culpeper // *Series: Studies in Interactional Sociolinguistics. №. 28.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2011a. – xiv, 292 p.
456. Culpeper, J. Politeness and impoliteness / J. Culpeper; In K. Aijmer, G. Andersen // *Pragmatics of Society. Vol. 5: Handbooks of Pragmatics.* – Berlin: Mouton de Gruyter, 2012b. – P. 393–438.

457. Dijk, T.A. van. Text and context: explorations in the semantics and pragmatics of discourse / T.A. van Dijk. – London: Longman, 1977. – xx, 261 p.
458. Dijk, T.A. van. Discours de l'élite et racisme / T.A. van Dijk // Cahiers de praxématique. 1991. № 17. – P. 49–71.
459. Dijk, T.A. van. Knowledge in parliamentary debates / T.A. van Dijk // Journal of Language and Politics. 2003. № 2. – P. 93–129.
460. Dijk, T.A. van. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach / T.A. van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 282 p.
461. Dijk, T.A. van. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk / T.A. van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 298 p.
462. Dijk, T.A. van. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach / T.A. van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – viii, 407 p.
463. Dominicy, M. L'évocation discursive: Fondements et procédés d'une stratégie "opportuniste" / M. Dominicy // Semen. 2007. № 24. – P. 145–165.
464. Dominicy, M. Epideictic rhetoric and the representation of human decision and choice / M. Dominicy, K. Korta, J. Garmendia // Meaning, Intentions, and Argumentation. – Stanford: CSLI Publications, 2008. – P. 179–207.
465. Dominicy, M. Discourse Evocation: Its Cognitive Foundations and Its Role in Speech and Texts / M. Dominicy // Utterance Interpretation and Cognitive Models; In P. De Brabanter, M. Kissine (Eds.). – Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, 2009. – P. 179–209.
466. Dostie, G. Pragmaticalisation et marqueurs discursifs. Analyse sémantique et traitement lexicographique / G. Dostie. – Brussels: De Boeck/Duculot, 2004. – 294 p.
467. Doury, M. Argumentation. Analyser textes et discours / M. Doury. – Paris: Armand Colin, coll. Portail, 2016. – 192 p.

468. Dretske, F. Conclusive Reasons / F. Dretske // *Australasian Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 49. № 1. – P. 1–22.
469. Drew, P. Inferences and indirectness in interaction / P. Drew // *Open Linguistics*. 2018. Vol. 4. № 1. – P. 241–259.
470. Ducrot, O. *Le dire et le dit* / O. Ducrot. – Paris: Éditions de Minuit, 1984. – 237 p.
471. Ducrot, O. *Argumentation rhétorique et argumentation linguistique* / O. Ducrot // *Rhetoric and argumentation in the beginning of the XXI-st century: proceedings of the XXI-st century*. – Coimbra: Imprensa da Universidade de Coimbra, 2009. – P. 143–152.
472. Dynel, M. Linguistic approaches to (non)humorous irony / M. Dynel // *Humor*. 2014a. № 27 (4). – P. 537–550.
473. Dynel, M. Isn't it ironic? Defining the scope of humorous irony / M. Dynel // *Humor*. 2014b. № 27 (4). – P. 619–639.
474. Eemeren, F.H van, Grootendorst, R. Relevance reviewed: The case of *argumentum ad hominem* / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst // *Argumentation*. 1992. Vol. 6. № 2. – P. 141–159.
475. Eemeren, F.H van, Grootendorst, R. *A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach* / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 216 p.
476. Eemeren, F.H van. *Fallacies and judgments of reasonableness: Empirical research concerning the pragma-dialectical discussion rules* / F.H van Eemeren, B. Garssen, B. Meuffels. – Dordrecht: Springer, 2009. – x, 231 p.
477. Eemeren, F.H van. Strategic maneuvering in argumentative discourse in political deliberation / F.H van Eemeren. // *Journal of Argumentation in Context*; In M. Lewiński, D. Mohammed (Eds.). Vol. 2. № 1. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. – P. 10–31.

478. Eemeren, F.H van. Handbook of Argumentation Theory / F.H. van Eemeren, B. Garssen, E.C.W. Krabbe, A.F. Snoeck Henkemans, B. Verheij, J.H.M. Wagemans. – Dordrecht: Springer, 2014. – xii, 988 p.
479. Eluerd, R. La pragmatique linguistique / R. Eluerd. – Paris: Nathan, 1985. – 222 p.
480. Fauconnier, G. Mental spaces / G. Fauconnier. – Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1985. – 240 p.
481. Fauconnier, G. Mappings in Thought and Language / G. Fauconnier. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – xi, 205 p.
482. Fauconnier, G. Compression and Emergent Structure / G. Fauconnier // Language and Linguistics. 2005. Vol. 6 (4). – P. 523–538.
483. Fauconnier, G., Turner, M. Blending as a Central Process of Grammar / G. Fauconnier, M. Turner // Conceptual Structure, Discourse, and Language; In A. Goldberg (Ed.). – Stanford: CSLI, 1996. – P. 113–129.
484. Fauconnier, G., Turner, M. Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive science. 1998. Vol. 22. № 2. – P. 133–187.
485. Federal Rules of Evidence. Article IV. Relevance and its limits. [Электронный ресурс] // Judiciary and Judicial Procedure Appendix. Title 28. – URL: <https://law.justia.com/codes/us/2012/title-28/> (дата обращения: 16.04.2020)
486. Fernros, H., Schaffer, J.K. The Consensus Paradox: Does Deliberative Agreement Impede Rational Discourse? / H. Friberg-Fernros, J.K. Schaffer // Political Studies. Vol. 62. № 1_suppl. – SAGE Publications, 2014. – P. 99–116.
487. Ferrier, J.F. Institutes of metaphysic: the theory of knowing and being / J.F. Ferrier. – Edinburgh: W. Blackwood, 1854. – xxiii, [1], 530, 16 p.
488. Ferro, N. Introduction to the Special Issue on Reproducibility in Information Retrieval: Tools and Infrastructures / N. Ferro, N. Fuhr, A. Rauber // ACM Journal of Data and Information Quality. 2018. Vol. 10. № 4. Article 1. – P. 14:1–14:4.

489. Fodor, J.A. La modularité de l'esprit / J.A. Fodor. – Paris: Éditions de Minuit, 1986. – 234 p.
490. Fodor, J.A. Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong / J.A. Fodor. – Oxford University Press, 1998. – ix, 174 p.
491. Fodor, J.A., Pylyshyn, Z.W. Minds without meanings: An essay on the content of concepts / J.A. Fodor, Z.W. Pylyshyn. – Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 2015. – 193 p.
492. Foucault, M. L'Archéologie du savoir / M. Foucault. – Paris: Éditions Gallimard, 1969. – 288 p.
493. Foucault, M. Dits et Écrits: 1954–1988 / M. Foucault; In D. Defert, F. Ewald (Eds.), collab. J. Lagrange. – Paris: Éditions Gallimard, 1994. T. 2. – 1760 p.
494. François, J. (Ed.) La linguistique de la contradiction / J. François, P. Larrivée, D. Legallois, F. Neveu (Eds.). – Bruxelles: Peter Lang, 2013. – 319 p.
495. Fraser, B. Towards a theory of discourse markers / B. Fraser // Approaches to Discourse Particles; In K. Fischer (Ed.). – Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 189–204.
496. Fraser, B. The combining of Discourse Markers – A beginning / B. Fraser // Journal of Pragmatics. 2015. Vol. 86. – P. 48–53.
497. Gabbay, D.M., Woods, J. Relevance in the Law / D.M. Gabbay, J. Woods // Approaches to Legal Rationality. Logic, Epistemology, and the Unity of Science; In D.M. Gabbay, P. Canivez, S. Rahman, A. Thiercelin (Eds.). Vol. 20. – Dordrecht: Springer, 2010. – P. 239–261.
498. Gallagher, S., Zahavi, D. The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science / S. Gallagher, D. Zahavi. – New York: Routledge, 2008. – 244 p.
499. Geeraerts, D. Theories of lexical semantics / D. Geeraerts. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 341 p.
500. Geeraerts, D. Empathic Viewpoint and Intersubjective Ambiguity // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы междунар.

- науч. конф. (28-30 октября 2020 г.); отв. ред. О.К. Ирисханова. – М.: МГЛУ, 2020. – С. 12–13.
501. Geeraerts, D. Second order empathy and irony [Электронный ресурс] / D. Geeraerts. – URL: <https://sisu.ut.ee/sites/default/files/proovin/files/geeraerts.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).
502. Gibbs Jr., R.W. Speakers' intuitions and pragmatic theory / R.W. Gibbs Jr. // *Cognition*. 1999. Vol. 69 (3). – P. 355–359.
503. Gilsenan, M. Lying, honor and contradiction / M. Gilsenan; In B. Kapferer (Ed.) // *Transaction and Meaning: Directions in the Anthropology of Exchange and Symbolic Behavior*. – Philadelphia: Institute of the Study of Human Issues, 1976. – P. 191–219.
504. Giora, R. On irony and negation / R. Giora // *Discourse Processes*. 1995. Vol. 19 (2). – P. 239–264.
505. Goffman, E. Forms of talk / E. Goffman. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. – 335 p.
506. Goffman, E. Façons de parler / E. Goffman. – Paris: Éditions de Minuit, 1987. – 278 p.
507. González-Fuente, S. Gestural codas pave the way to the understanding of verbal irony / S. González-Fuente, V. Escandell-Vidal, P. Prieto // *Journal of Pragmatics*. 2015. Vol. 90. – P. 26–47.
508. Goodwin, C. Interactive footing / C. Goodwin // *Reporting Talk: Reported Speech in Interaction*; In E. Holt, R. Clift (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 16–46.
509. Gorayska, B., Lindsay, R. The Roots of Relevance / B. Gorayska, R. Lindsay // *Journal of Pragmatics*. 1993. Vol. 19 (4). – P. 301–323.
510. Grice, H.P. Meaning / H.P. Grice // *The Philosophical Review*. 1957. Vol. 66 (3). – P. 377–388. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2182440>
511. Grice, H.P. Intention and Uncertainty / H.P. Grice // *Proceedings of the British Academy*. 1971. Vol. 58. – P. 263–279.

512. Grice, H.P. *Logic and Conversation* / H.P. Grice // *Pragmatics: A reader*; In S. Davis (Ed.). – New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. – P. 305–315.
513. Grice, H.P. *Aspects of Reason* / H.P. Grice; In R. Warner (Ed.). – Oxford: Clarendon Press, 2001. – xxviii, 136 p.
514. Gumperz, J.J. *Discourse Strategies* / J.J. Gumperz. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – xii, 225 p.
515. Gumperz, J.J. (Ed.) *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication* / J.J. Gumperz; In J.J. Gumperz, D. Hymes (Eds.). – Wiley-Blackwell, 1991. – 612 p.
516. Gutt, E.-A. *Translation, Metarepresentation and Claims of Interpretive Resemblance* / E.-A. Gutt // *Similarity and difference in translation: proceedings of the International Conference on Similarity and Translation*; In S. Arduini, R. Hodgson (Eds.). – Rimini: Guaraldi, 2004. – P. 93–101.
517. Gutt, E.-A. *Translation and Relevance: Cognition and Context* / E.-A. Gutt. – London: Routledge, 2010. – 284 p.
518. Haider, H. *Implizites Wissen und Lernen. Ein Artefakt? [Implicit knowledge and learning. An artifact?]* / H. Haider // *Zeitschrift für Experimentelle und Angewandte Psychologie*. 1992. Vol. 39 (1). – P. 68–100.
519. Halliday, M.A.K. *Explorations in the functions of language*. / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold, 1973. – 143 p.
520. Halliday, M.A.K. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning* / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
521. Hamblin, C.L. *Fallacies* / C.L. Hamblin. – London: Methuen, 1970. – 326 p.
522. Hansen, M.B.M. *A dynamic polysemy approach to the lexical semantics of discourse markers (with an exemplary analysis of French ‘toujours’)* / M.B.M. Hansen // *Approaches to discourse particles*; In K. Fischer (Ed.). – Oxford: Elsevier BV, 2006. – P. 21–42.

523. Harnish, R.M. Logical form and implicature / R.M. Harnish // *An Integrated Theory of Linguistic Ability*; In T.G. Bever, J.J. Katz, D.T. Langedoen (Eds.). – New York: Crowell, 1976. – P. 313–391.
524. Haselton, M.G., Nettle, D. The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases / M.G. Haselton, D. Nettle // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10 (1). – P. 47–66.
525. Heinich, N. Des Valeurs. Une approche sociologique / N. Heinich. – Paris: Éditions Gallimard, 2017. – 416 p.
526. Heine, B. An Outline of Discourse Grammar / B. Heine, G. Kaltenböck, T. Kuteva, H. Long // *Functional Approaches to Language*; In S.T. Bischoff, C. Jany (Eds.). – Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2013. – P. 155–206.
527. Heine, B. Discourse Grammar, the dual process model, and brain lateralization: some correlations // B. Heine, T. Kuteva, G. Kaltenböck // *Language and Cognition*. 2014. Vol. 6 (1). – P. 146–180.
528. Heurtin, J.-P. L'espace public parlementaire: Essai sur les raisons du législateur / J.-P. Heurtin. – Paris: Presses Universitaires de France, 1999. – 288 p.
529. Hjørland, B. The foundation of the concept of relevance / B. Hjørland // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2010. Vol. 61 (2). – P. 217–237.
530. Horn, L.R., Ward, G. (Eds.). *The Handbook of Pragmatics* / L.R. Horn, G. Ward (Eds.). – Wiley-Blackwell, 2006. – 864 p.
531. House, J. *Misunderstanding in Social Life: Discourse Approaches to Problematic Talk* / J. House, G. Kasper, S. Ross. – London: Taylor & Francis Group, 2003. – 273 p.
532. Houser, N. Semiotic as cognitive science / N. Houser // *Essays in Honor of Thomas A. Sebeok*; In N. Tascia (Ed.). № 22/25. – Porto: Cruzeiro Semiotico, 1996. – P. 139–149.

533. Hymes, D.H. Models of the Interaction of Language and Social Life / D.H. Hymes // Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication; In J.J. Gumperz, D. Hymes (Eds.). Vol.10. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – P. 35–71.
534. Ifantidou, E. Pragmatic Competence and Relevance / E. Ifantidou. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. – x, 228 p.
535. Ilie, C. Parenthetically Speaking: Parliamentary Parentheticals as Rhetorical Strategies / C. Ilie // Dialogue Analysis, 2000: Selected Papers from the 10th IADA Anniversary Conference, Bologna 2000; In M. Bondi, S. Stati. – Boston: Mouton De Gruyter, 2003. – P. 253-264.
536. Jacques, F. Pragmatique / F. Jacques // Encyclopaedia Universalis. – Paris, 1984. – P. 6–10.
537. Jakobson, R. Poetics. Poetyka. Поэтика / R. Jakobson. – Warszawa: Polska Akademia Nauk, Institut Badan Literackich. Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. – P. 397–417.
538. Jacobson, R. Poetics. Poetyka. Поэтика / R. Jacobson. – Warszawa: Polska Akademia Nauk, Institut Badan Literackich. Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. P. 397–417.
539. Jacoby, H., Irwin, W. (Eds.). House and Philosophy: Everybody Lies / H. Jacoby, W. Irwin (Eds.). – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2009. – ix, 261 p.
540. Jary, M. Are explicit performatives assertions? / M. Jary // Linguistics and Philosophy. 2007. Vol. 30 (2). – P. 207–234.
541. Jary, M. Relevance, Assertion and Possible Worlds: A Cognitive Approach to the Spanish Subjunctive / M. Jary // Utterance Interpretation and Cognitive Models; In P. De Brabanter, M. Kissine (Eds.). – Bingley: Emerald Group Publishing, 2009. – P. 235–277.
542. Johnson, R.H. Manifest Rationality. A Pragmatic Theory of Argument / R.H. Johnson. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. – xiii, 391 p.

543. Johnson-Laird, P.N. Mental models and human reasoning / P.N. Johnson-Laird // Philosophy, Psychology: Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2010. Vol. 107 (43). – P. 18243–18250.
544. Kasher, A. Conversational maxims and rationality / A. Kasher // Language in focus: Foundations, methods and systems: Essays in memory of Yehoshua Bar-Hillel; In A. Kasher (Ed.). – Dordrecht; Boston: D. Reidel Publishing Company, 1976. – P. 197–216.
545. Kent, A. Machine literature searching VIII. Operational criteria for designing information retrieval systems // A. Kent, M.M. Berry, F.U. Luehrs, J.W. Perry // American Documentation. 1995. Vol. 6 (2). – P. 93–101.
546. Kerbrat-Orecchioni, C. L' implicite / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris: Armand Colin, 1986. – 404 p.
547. Kerbrat-Orecchioni, C. Les interactions verbales / C. Kerbrat-Orecchioni. T. 1. – Paris: Armand Colin, 1990. – 318 p.
548. Kerbrat-Orecchioni, C. Les interactions verbales / C. Kerbrat-Orecchioni. T. 2.– Paris: Armand Colin, 1992. – 368 p.
549. Kerbrat-Orecchioni, C. Les interactions verbales / C. Kerbrat-Orecchioni. – T. 3. – Paris: Armand Colin, 1994. – 347 p.
550. Kerbrat-Orecchioni, C. Le trilogie / C. Kerbrat-Orecchioni, Ch. Plantin. – Lyon: PUL, 1995. – 333 p.
551. Kerbrat-Orecchioni, C. Le discours en interaction / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris: Armand Colin, 2005. – 365 p.
552. Kerbrat-Orecchioni, C. L'impolitesse en interaction [Электронный ресурс] / C. Kerbrat-Orecchioni // Lexis. HS 2: Theoretical Approaches to Linguistic (Im)politeness; In D.Jamet, M. Jobert (Eds.). 2010. – URL: <http://journals.openedition.org/lexis/796> (дата обращения: 16.04.2020)
553. Kettner, M. Deliberative democracy: from Rational Discourse to Public Debate / M. Kettner // The IFIP International Federation for Information

- Processing. Vol. 233: The Information Society: Innovation, Legitimacy, Ethics and Democracy; In P. Goujon, S. Lavelle, P. Duquenoy, K. Kimppa, V. Laurent (Eds.). – Boston: Springer, 2007. – P. 57–66.
554. Laar, J.A. van. Argumentative Bluff in Eristic Discussion: An Analysis and Evaluation / J.A. van Laar // *Argumentation*. 2010. № 24 (3). – P. 383–398.
555. Lakoff, G., Johnson, M. *Philosophy in the Flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic Books, 1999. – xiv, 624 p.
556. Langacker, R.W. A usage-based model / R.W. Langacker // *Topics in Cognitive Linguistics*; In B. Rudzka-Ostyn. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – P. 127–161.
557. Langacker, R.W. Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise / R.W. Langacker // *Cognitive Linguistics Research*. Vol. 15: *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*; In T. Janssen, G. Redeker. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. – P. 13–59.
558. Langacker, R.W. Reference-Point Constructions / R.W. Langacker // *Mouton Classics: From Syntax to Cognition, From Phonology to Text*. Vol. 2. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002a. – P. 413–450.
559. Langacker, R.W. *Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar* / R.W. Langacker. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002b. – 405 p.
560. Langacker, R.W. Interactive cognition: toward a unified account of structure, processing and discourse / R.W. Langacker // *International Journal of Cognitive Linguistics*. 2013. Vol. 3 (2). – P. 95–125.
561. Lauerbach, G., Aijmer, K. Argumentation in dialogic media genres – Talk shows and interviews / G. Lauerbach, K. Aijmer // *Journal of Pragmatics*. 2007. Vol 39 (8). – P.1333–1341.
562. Leech, G. Metalanguage, pragmatics, and performatives / G. Leech // *Semantica: Theory and Application*, Georgetown University Round Table on

- Languages and Linguistics; In C. Rameh (Ed.). – Washington D.C.: Georgetown University Press, 1976. – P. 81–98.
563. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London; New York: Longman, 1983. – xiv, 250 p.
564. Leech, G. The Pragmatics of Politeness / G. Leech. – New York: Oxford University Press, 2014. – xvi, 343 p.
565. Lewiński, M., Mohammed, D. Argumentation in Political Deliberation / M. Lewiński, D. Mohammed // Argumentation in Political Deliberation; In M. Lewiński, D. Mohammed (Eds.). – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013 – P. 1–9.
566. Lewis, D.K. Index, context, and content / D.K. Lewis // Philosophy and Grammar; In S. Kanger, S. Öhman (Eds.). – Dordrecht: Reidel, 1980. – P. 79–100.
567. Lewis, D.K. Philosophical Papers. Vol. 1 / D.K. Lewis. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1983. – 304 p.
568. MacKenzie, I. Paradigms of Reading: Relevance Theory and Deconstruction / I. MacKenzie. – London: Palgrave Macmillan, 2002. – viii, 237 p.
569. Madgic, R.F. Relevance and the social studies; a conceptual analysis / R.F. Madgic. – London: Belmont: Calif., Fearon Publishers, 1973. – xi, 75 p.
570. Maingueneau, D. Problèmes d'ethos / D. Maingueneau // Pratiques: linguistique, littérature, didactique. 2002. № 113-114. – P. 55–68.
571. Mann, W.C., Thompson, S.A. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization / W.C. Mann, S.A. Thompson // Text. Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1988. T. 8. № 3. – P. 243–281.
572. Manning, C.D. Introduction to Information Retrieval / C.D. Manning, P. Raghavan, H. Schütze. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 506 p.

573. Martinez-Manrique, F., Vicente, A. On the Psychological Reality of Minimal Propositions / F. Martinez-Manrique, A. Vicente // Utterance Interpretation and Cognitive Models; In P. De Brabanter, M. Kissine (Eds.). – Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, 2009. – P. 1–26.
574. Matsui, T. Bridging and relevance / T. Matsui. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 247 p.
575. Maturana, H.R., Varela, F.J. The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding / H.R. Maturana, F.J. Varela; Trans. R. Paolucci. – Boston: Shambhala Publications, 1992. – 272 p.
576. Mercier, H., Sperber, D. Intuitive and reflective inferences / H. Mercier, D. Sperber // In two minds: dual processes and beyond; In J. Evans, K. Frankish (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 149–170.
577. Mercier, H., Sperber, D. The enigma of reason / H. Mercier, D. Sperber. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2017. – 408 p.
578. Michaux, C., Dominicy, M. Evocation and the organization of memory / C. Michaux, M. Dominicy // Paper delivered at the Workshop on The Pragmatics of Poetic Communication. University of London Institute in Paris, December 1-2, 2006. – P. 40–53.
579. Mises, L. von. Human Action: A Treatise on Economics: The Scholar's Edition / L. von Mises. – Auburn, AL: Ludwig von Mises Institute, 1998. – 912 p.
580. Mizzaro, S. Relevance: The whole history / S. Mizzaro // Journal of the American Society for Information Science. 1997. Vol. 48 (9). – P 810–832.
581. Moeschler, J. Argumentation et Conversation: Éléments pour une analyse pragmatique du discours / J. Moeschler. – Paris: Hatier-Crédif, 1985. – 203 p.
582. Moeschler, J. Pragmatique conversationnelle: aspects théoriques, descriptifs et didactiques / J. Moeschler // Études de Linguistique Appliquée. 1986. № 63. – P. 40–49.

583. Moeschler, J. Pragmatique conversationnelle et pragmatique de la pertinence / J. Moeschler // Cahiers de Linguistique Française. 1988. № 9. – P. 65–85.
584. Moeschler, J. Modalisation du dialogue. Représentation de l'inférence argumentative / J. Moeschler. – Paris: Hermès, 1989a. – 266 p .
585. Moeschler, J. Marques linguistiques, interprétation pragmatique et conversation / J. Moeschler // Cahiers de linguistique française. 1989b. № 10. – P. 43–76.
586. Moeschler, J. Relevance and conversation / J. Moeschler // Lingua. 1993. Vol. 90 (1-2). – P. 149–171.
587. Mölders, M. Irritation Expertise. Recipient design as instrument for strategic reasoning [Электронный ресурс] / M. Mölders // European Journal of Futures Research. 2014. Vol 2 (1). – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40309-013-0032-3> (дата обращения: 16.04.2020)
588. Morris, C. Signs, Language and Behavior / C. Morris. – New-York: Prentice-Hall, 1946. – xi, 365 p.
589. Murphy, K.M., Shleifer, A. Persuasion in Politics / K.M. Murphy, A. Shleifer // American Economic Review. 2004. Vol. 94 (2). – P. 435–39.
590. Muschard, J. Relevance Theory In Text And Discourse / J. Muschard // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно–функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр. / Под ред. Л.А. Манерко. – Рязань: РГПУ, 2002. – С. 35–40.
591. Mustajoki, A. Risks of miscommunication in various speech genres / A. Mustajoki // Understanding by Communication; In E. Borisova, O. Souleimanova (Eds.). – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 33–53.
592. Mustajoki, A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication / A. Mustajoki // Language and Dialogue. 2012. Vol. 2 (2). –P. 216–243.

593. Newcomb, T.M. An approach to the study of communicative acts / T.M. Newcomb // *Psychological Review*. 1953. Vol. 60 (6). – P. 393–404.
594. Newcomb, T.M. *Social psychology: the study of human interaction* / T.M. Newcomb, R.H. Turner, P.E. Converse. – London: Psychology Press, 1965. – 612 p.
595. Newman-Norlund, S.E. Recipient design in tacit communication / S.E. Newman-Norlund, M.L. Noordzij, R.D. Newman-Norlund, I.A.C. Volman, J.P. de Rooter, P. Hagoort, I. Toni // *Cognition*. 2009. Vol. 111 (1). – P. 46–54.
596. Nonaka, I., Krogh, G. von. Tacit knowledge and knowledge conversion: Controversy and advancement in organizational knowledge creation theory / I. Nonaka, G. von Krogh // *Organization Science*. 2009. Vol. 20 (3). – P. 635–652.
597. Oswald, S. Rhetoric and cognition: Pragmatic constraints on argument processing / S. Oswald // *Relevance Theory: Recent developments, current challenges and future directions*; In M.P. Cruz (Ed.). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2016. – P. 261–285.
598. Oswald, S. Pragmatique cognitive, argumentation et perlocution [Электронный ресурс] / S. Oswald // *Argumentation et Analyse du Discours*. 2020. № 25. – URL: [http:// journals.openedition.org/aad/4793](http://journals.openedition.org/aad/4793) (дата обращения: 16.04.2020).
599. Papafragou, A. The Acquisition of Modality: Implications for Theories of Semantic Representation / A. Papafragou // *Mind and Language*. 1998. Vol. 13 (3). – P. 370–399.
600. Peirce, C.S. *Ecrits sur le signe* / C.S. Peirce. – Paris: Éditions du Seuil, 1978. – 272 p.
601. Peleckis, K., Peleckienė, V. Persuasion in Business Negotiations: Strategic Orientations and Rhetorical Argumentation / K. Peleckis, V. Peleckienė // *Universal Journal of Management*. 2015. Vol. 3 (10). – P. 413–422.

602. Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. *Traité de l'argumentation: La nouvelle rhétorique* / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – Bruxelles: Éditions De l'Université de Bruxelles, 1988. – 734 p.
603. Pilkington, A. *Poetic Effects: A Relevance Theory Perspective* / A. Pilkington. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 209 p.
604. Pillière, L. «Dr. House» and the Language of Offence / L. Pillière // *Aspects of Linguistic Impoliteness*; In D. Jamet, M. Jobert (Eds.). – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 60–74.
605. Predelli, S. *The Contextualist Surprise* / S. Predelli // *Utterance Interpretation and Cognitive Models*; In P. De Brabanter, M. Kissine (Eds.). – Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, 2009. – P. 59–74.
606. Récanati, F. *La transparence et l'énonciation: Pour introduire à la pragmatique* / F. Récanati. – Paris: Éditions du Seuil, 1979. – 214 p.
607. Récanati, F. *Domains of discourse* / F. Récanati // *Linguistics and philosophy*. 1996. Vol.19 (5). – P. 445–475.
608. Récanati, F. *The Pragmatics of What is Said* / F. Récanati // *Mind & Language*. 1989. Vol. 4 (4). – P. 295–329.
609. Récanati, F. *Literal Meaning* / F. Récanati. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 188 p.
610. Récanati, F. *Philosophie du langage (et de l'esprit)* / F. Récanati. – Paris: Gallimard, Folio Essais, 2008. – 268 p.
611. Récanati, F. *Truth-Conditional Pragmatics* / F. Récanati. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – vii, 324 p.
612. Rey-Debove, J. *Le métalangage: Étude linguistique du discours sur le langage* / J. Rey-Debove. – Paris: Le Robert, 1978. – 318 p.
613. Richaudeau, P. *Le langage efficace: Psychologie, langage et société Broché* / P. Richaudeau. – Paris: Denoël-Gothier; Médiations édition, 1973. – 285 p.

614. Rosch, E. Principles of Categorization / E. Rosch // Cognition and Categorization; In E. Rey-Debove, B.B. Lloyd (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Ass., 1978. P. 27–48.
615. Roulet, E. L'articulation du discours en français contemporain / E. Roulet, A. Auchlin, J. Moeschler, C. Rubattel, M. Schelling. – Paris; Berne: Peter Lang, 1985. – vii, 272 p.
616. Sacks, H. A simplest systematic for the organization of turn-taking for conversation / H. Sacks, E.A. Schegloff, G. Jefferson // Language. 1974. Vol. 50 (4). Part 1. – P. 696–735.
617. Salins, G.-D. de. Une introduction à l'ethnographie de la communication / G.-D. de Salins. – Paris: Didier, 1992. – 224 p.
618. Santibàñez, C. The principle of relevance in the light of cooperation and trust: Discussing Sperber and Wilson's theory / C. Santibàñez // Pragmatics & Cognition. 2012. Vol. 20 (3). – P. 483–504.
619. Saracevic, T. Historical Footnote: A Reminder of How Relevance Came Into Being in Information Retrieval / T. Saracevic // 2007a. – P. 1917–1920.
620. Saracevic, T. Relevance: A review of the literature and a framework for thinking on the notion in information science. Part II: Nature and manifestations of relevance // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2007c. № 58 (13). – P. 1915–1933.
621. Saracevic, T. Relevance: A review of the literature and a framework for thinking on the notion in information science. Part III: Behavior and effects of relevance // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2007b. Vol. 58 (13). – P. 2126–2144.
622. Schegloff, F. Discourse as an interactional achievement: some use of 'ah huh' and other things that come between sentences / F. Schegloff // Analysing discourse: text and talk; In D. Tannen (Ed.). – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 1982. – P.71–93.
623. Schiffer, S. Meaning / S. Schiffer. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 217 p.

624. Schutz, A. Reflections on the Problem of Relevance / A. Schutz; In R.M. Zaner (Ed.). – New Haven: Yale University Press, 1970. – xxiv, 186 p.
625. Searle, J.R. Indirect Speech Acts / J.R. Searle // Syntax and Semantics III: Speech Acts; In P. Cole, J.L. Morgan (Eds.). – New York: Academic Press, 1975. – P. 59–82.
626. Searle, J.R. Sens et expression / J.R. Searle; Trad. et préf. J. Proust. – Paris: Éditions de Minuit, 1982. – 248 p.
627. Searle, J.R. L'Intentionnalité. Essai de philosophie des états mentaux / J.R. Searle; Trad. C. Pichevan. – Paris: Éditions de Minuit, 1985.– 292 p.
628. Simons, D.J., Chabris, C.F. Gorillas in our midst: sustained inattentional blindness for dynamic events / D.J. Simons, C.F. Chabris // Perception. 1999. Vol. 28 (9). – P. 1059–1074.
629. Sinclair, B. Senate Styles and Senate Decision-Making, 1955–1980 / B. Sinclair // Journal of Politics. 1986. Vol. 48 (4). – P. 877–908.
630. Sloterdijk, P. Critique of Cynical Reason / P. Sloterdijk; Trans. M. Eldred. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. – 600 p.
631. Snowden, D. Complex acts of knowing: paradox and descriptive self-awareness / D. Snowden // Journal of Knowledge Management. 2002. Vol. 6 (2). P. 100–111.
632. Sperber, D., Jacob, O. La communication et le sens / D. Sperber, O. Jacob // Qu'est-ce que l'humain? Université de tous les savoirs; In. Y. Michaud (Ed.). 2000. Vol. 2. – P. 119–128.
633. Sperber, D. Rudiments of Cognitive Rhetoric / D. Sperber // Rhetoric Society Quarterly. 2007. Vol. 37 (4). – P. 361– 400.
634. Sperber, D. Epistemic Vigilance / D. Sperber, F. Clément, C. Heintz, O. Mascaro, H. Mercier, G. Origgi, D. Wilson // Mind & Language. 2010. Vol. 25 (4). – P. 359–393.

635. Sperber, D., Mercier, H. Reasoning as a Social Competence / D. Sperber, H. Mercier // *Collective Wisdom: Principles and Mechanisms*; In H. Landemore, J. Elster (Eds.) – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 368–392.
636. Sperber, D. Speakers are honest because hearers are vigilant. Reply to Kourken Michaelian / D. Sperber // *Episteme*. 2013. Vol. 10 (1). – P. 61–71.
637. Sperber, D., Wilson, D. *Relevance: Communication and Cognition* / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 265 p. / 2nd Ed. – Oxford; Cambridge: MA, 1995. – 338 p.
638. Sperber, D., Wilson, D. *Précis of Relevance: Communication and Cognition* / D. Sperber, D. Wilson // *Behavioural and Brain Sciences*. 1987. Vol. 10. – Cambridge: Cambridge University Press. – P. 697–754.
639. Sperber, D., Wilson, D. *La pertinence. Communication et cognition* / D. Sperber, D. Wilson; Trad. A. Gerschenfeld, D. Sperber. – Paris: Éditions de Minuit, 1989. – 400 p.
640. Sperber, D., Wilson, D. Pragmatics, modularity and mind-reading / D. Sperber, D. Wilson // *Mind & Language*. 2002. Vol. 17 (1-2). – P. 3–23.
641. Sperber, D., Wilson, D. *Relevance Theory* / D. Sperber, D. Wilson // *The Handbook of Pragmatics*; In L.R. Horn, G. Ward (Eds.). – Oxford: Blackwell, 2004. – P. 607–632.
642. Sperber, D., Wilson, D. A deflationary account of metaphors / D. Sperber, D. Wilson // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*; In R.W. Gibbs, Jr. (Ed.) – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 84–105.
643. Sperber, D., Wilson, D. Beyond Speaker's Meaning / D. Sperber, D. Wilson // *Croatian Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 15 (44). – P. 117–149.
644. *Stratégies discursives. Actes du Colloque du centre de recherches Linguistique et Sémiologique de Lyon*. – Lyon: Presse Universitaires de Lyon, 2018. – 287 p.
645. Strawson, P.F. *Logico-linguistic papers* / P.F. Strawson. – London: Methuen, 1971. – viii, 251 p.

646. Talmy, L. Attention Phenomena / L. Talmy // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics; In D. Geeraerts, H. Cuyckens (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P.264–293.
647. Tendahl, M. A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics / M. Tendahl. – Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2009. – 282 p.
648. Terkourafi, M. What Use Is ‘What Is Said’? / M. Terkourafi // Utterance Interpretation and Cognitive Models; In P. De Brabanter, M. Kissine (Eds.). – Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, 2009. – P. 27–58.
649. Tiercelin, C. The Relevance of Peirce's Semiotic for Contemporary Issues in Cognitive Science / C. Tiercelin // Acta philosophica Fennica. Vol. 58: Mind and Cognition: Philosophical Perspectives on Cognitive Science and Artificial Intelligence. Acta Philosophica Fennica; In L. Haaparanta, S. Heinämaa (Eds.). – Helsinki: Philosophical Society of Finland, 1995. – P. 37–74.
650. Tokimoto, S. Relevance in Real-Time Interpretation of Utterances / S. Tokimoto // Open Journal of Modern Linguistics. 2015. Vol. 5 (6). – P. 511–517.
651. Tomasello, M. Constructing a Language. A usage-based Theory of Language Acquisition / M. Tomasello. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. – 388 p.
652. Tomasello, M. Why We Cooperate / M. Tomasello, C. Dweck, J. Silk, B. Skyrms, E. Spelke. – Boston, MA: M.I.T. Press, 2009. – 208 p.
653. Thompson, E. Empathy and human experience / E. Thompson // Science, Religion, and the Human Experience; In J.D. Proctor (Ed.). – New York, 2005. – P. 261–286.
654. Tonnard, Y. Comments on ‘Strategic Maneuvering in Political Argumentation’ / Y. Tonnard // Argumentation. 2008. Vol. 22 (3). – P. 331–334.

655. Turnbull, D., Berryman, J. *Relevant Search: With applications for Solr and Elasticsearch* / D. Turnbull, J. Berryman. – New York: Manning Publications, 2016. – 360 p.
656. Turner, M. *Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science* / M. Turner. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – 298 p.
657. Unger, C. *Genre, Relevance, and Global Coherence: The Pragmatics of Discourse Type* / C. Unger. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – 320 p.
658. Wałaszewska, E. *Relevance-theoretic Lexical Pragmatics* / E. Wałaszewska. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. – 214 p.
659. Wałaszewska, E., Piskorska, A. (Eds.) *Applications of Relevance Theory: From Discourse to Morphemes.* / E. Wałaszewska, A. Piskorska (Eds.). – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. – 345 p.
660. Waltereit, R. A propos de la genèse diachronique des combinaisons de marqueurs. L'exemple de bon ben et enfin bref / R. Waltereit // *Lingue française*. 2007/2. № 154. – P. 94–109.
661. Walton, D. *Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies* / D. Walton // *Argumentation Illuminated*; In F.H. van Eemeren, R. Grootendorst, J.A. Blair, C.A. Willard (Eds.). – Amsterdam: SICSAT, 1992. – P. 133–147.
662. Walton, D. *Commitment, types of dialogue, and fallacies* / D. Walton // *Informal Logic*. 1993. Vol. 14 (2-3). – P. 93–103.
663. Walton, D. *A Pragmatic Theory of Fallacy* / D. Walton. – London; Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1995. – 324 p.
664. Walton, D. *Relevance in Argumentation* / D. Walton. – New York: Routledge, 2004. – 328 p.
665. Walton, D., Fabrizio, M. *A Classification System for Argumentation Schemes* / D. Walton, M. Fabrizio // *Argument & Computation*. 2016. Vol. 6 (3). – P.1–29.
666. Watts, R.J. *Politeness* / R.J. Watts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 318 p.

667. Wearing, C. Autism, Metaphor and Relevance Theory / C. Wearing // *Mind and Language*. 2010. Vol. 25 (2). – P. 196–216.
668. Wilson, D. The pragmatics of verbal irony: Echo or pretence? / D. Wilson // *Lingua*. 2006. Vol. 116 (10). – P. 1722–1743.
669. Wilson, D. Metarepresentation in linguistic communication / D. Wilson // *UCL Working Papers in Linguistics*. 1999. Vol. 11. – P. 127–161.
670. Wilson, D. Understanding and believing / D. Wilson // Plenary talk delivered at the 4th International Conference Intercultural Pragmatics and Communication. 2010. – P. 15–17.
671. Wilson, D. Irony and metarepresentation / D. Wilson // *UCL Working Papers in Linguistics*. 2009. Vol. 21. – P. 183–226.
672. Wilson, D., Sperber, D. Explaining irony / D. Wilson, D. Sperber // *Meaning and Relevance*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 123–145.
673. Wilson, D. Irony comprehension: A developmental perspective / D. Wilson // *Journal of Pragmatics*; In D. Maillat, S. Oswald (Eds.). 2013. Vol. 59. Part A. – P. 40–56.
674. Wilson, D., Carston, R. A Unitary Approach to Lexical Pragmatics: Relevance, Inference and Ad Hoc Concepts / D. Wilson, R. Carston // *Advances in Pragmatics*; In N. Burton-Roberts (Ed.). – Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 230–260.
675. Wilson, D. On verbal irony / D. Wilson, D. Sperber // *Lingua*. 1992. Vol. 87 (1-2). – P. 53–76.
676. Wilson, D., Sperber, D. *Forme linguistique et pertinence* / D. Wilson, D. Sperber // *Cahiers de linguistique française*. Vol. 11: *Marquage linguistique, inférence et interprétation dans le discours*. 1990. – P. 13–35.
677. Wittgenstein, L. *Philosophical investigations* / L. Wittgenstein; Trans. G.E.M. Anscombe. – Oxford: Basil Blackwell, 1973. – 250 p.

678. Wodak, R., Meyer, M. (Eds.). *Methods of critical discourse analysis* / R. Wodak, M. Meyer (Eds.). – London; Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2009. – ix, 204 p.
679. Woods, J. *Relevance in the Law: A Logical Perspective* [Электронный ресурс] / J. Woods. 2008. – URL: https://www.researchgate.net/publication/228571643_Relevance_in_the_law_A_logical_perspective (дата обращения: 16.04.2020).
680. Woods, N. *Describing Discourse: A Practical Guide to Discourse Analysis* / N. Woods. – London; New York: Routledge, 2006. – 224 p.
681. Wright, S., Street, J. *Democracy, deliberation and design: The case of online discussion forums* / S. Wright, J. Street // *New Media and Society*. 2007. Vol. 9 (5). – P. 849–869.
682. Yuan, W. *Relevance theory, pragmatic inference and cognitive architecture* / W. Yuan, F.Y. Lin, R.P. Cooper // *Philosophical Psychology*. 2018. Vol. 32 (1). – P. 98–122.
683. Yus Ramos, F. *A decade of relevance theory* / F. Ramos Yus // *Journal of Pragmatics*. 1998. Vol. 30 (3). – P. 305–345.
684. Yus Ramos, F. *Humour and Relevance* / F. Ramos Yus. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. – 367 p.
685. Yus Ramos, F. *Relevance Theory. Online Bibliographic Service (Authors' Index)* [Электронный ресурс] / F. Yus Ramos // Created and updated by Francisco Yus (Last modified: 28 april 2022). – University of Alicante (Spain). URL: <https://personal.ua.es/francisco.yus/rt2.html> (дата обращения: 16.05.2022).
686. Zaefferer, D. *Understanding-misunderstanding: A proposal for an explanation of reading choices* / D. Zaefferer // *Journal of pragmatics*. 1977. Vol. 1 (4). – P. 329–346.

687. Zagzebski, L.T. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge / L.T. Zagzebski. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 384 p.
688. Zima, E., Brône, G. Cognitive Linguistics and interactional discourse: time to enter into dialogue / E. Zima, G. Brône // Language and Cognition. 2015. Vol. 7 (4). – P. 485–498.
689. Zlatev, J. Cognitive Semiotics: An emerging field for the transdisciplinary study of meaning / J. Zlatev // Public Journal of Semiotics. 2012. Vol. 4 (1). – P. 2–24.
690. Zlatev, J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality and language / J. Zlatev // The Social Origins of Language; In D. Dor, C. Knight, J. Lewis (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 249–266.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

691. Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – Москва: ИКАР, 2010. – 446 с.
692. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 607 с.
693. БРЭС — Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. – 1887 с.
694. Булыко, А.Н. Современный словарь иностранных слов / А.Н. Булыко. – М.: Мартин, 2005. – 848 с.
695. Епишкин, Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н.И. Епишкин. – Москва: ЭТС, 2010. – 5140 с.
696. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с.
697. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Изд. 4-е, испр. и доп. - Назрань: Пилигрим, 2005. - 376 с.

698. Ивин, А.А., Никифоров, А.Л. Словарь по логике / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М.: Гуманитар. изд. центр "ВЛАДОС", 1998. – 383 с.
699. КСКТ: Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
700. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
701. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683с.
702. МАС – Словарь русского языка (Малый академический словарь). В 4-х т. [Электронный ресурс] // РАН, Ин-т лингвистич. исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-russkogo-jazyka-v-4-tomah-malyj-akademicheskij-slovar/> (дата обращения: 16.05.2022).
703. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 16.05.2022).
704. НКРЯ/ПФР – Национальный корпус русского языка. Параллельный французский корпус [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 16.05.2022).
705. НСИС – Новый словарь иностранных слов. / Под ред. В.В. Адамчика. – Минск: Современный литератор, 2006. – 1088 с.
706. НФРС: Гак, В.Г., Ганшина, К.А. Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: «Русский язык», 1993. – 1194 с.
707. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
708. СЗФ – Современная западная философия: Словарь. – М.: ТОН-Остожье, 1998. – 544 с.

709. ФС – Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
710. СРЛФЯ – Гринева, Е.Ф., Громова, Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка / Е.Ф. Гринева, Т.Н. Громова. – М.: Русский язык, 1987. – 637 с.
711. СРЯ – Словарь русского языка / Ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.
712. Финам – Финансовый словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.finam.ru/dictionary/> (дата обращения: 16.05.2022).
713. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008. – 1164 с.
714. Cassell's French–English / English–French Dictionary. – London; NY: Cassell LTD, 1977. – 655 p.
715. Oxford Dictionary of English / 3-d Edition. – Oxford: Oxford Dictionaries: Oxford University Press, 2010. – 2112 p.
716. TLFi: Trésor de la langue Française informatisé (Corpus électronique) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.atilf.fr/tlfi>, ATILF - CNRS & Université de Lorraine (дата обращения: 16.05.2022).
717. WoordHunt [Электронный ресурс]. – URL: <https://woordhunt.ru/> (дата обращения: 16.05.2022).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

718. БМ: Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита. Рассказы / М.А. Булгаков. – М.: Художественная лит-ра, 1982. – 400 с.
719. ИПДС: Ильф, И.А., Петров, Е.П. 12 стульев / И.А. Ильф, Е.П. Петров. – М.: «Художественная литература», 1981. – 296 с.
720. КЗ: Кено, Р. Зази в метро / Р. Кено; Пер. с фр. Л. Цывьяна. – СПб., 2002. – 160 с.

721. НКРЯ ПКФ – Национальный корпус русского языка. Параллельный корпус (французский) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/old/search-para-fr.html> (дата обращения 12.12.2015).
722. СЗ: Стейнбек, Д. Зима тревоги нашей [Электронный ресурс] / Д. Стейнбек; Перевод Н. Волжиной, Е. Калашниковой. – URL: <http://bookz.ru> (дата обращения 12.12.2022).
723. AL: Andre-Larochebouvuy D. La conversation quotidienne / D. Andre-Larochebouvuy. – Paris: Didier-Credif, 1984. – 196 p.
724. AN| Assemblée Nationale. – Assemblée nationale. XVe – XVI législatures. Sessions ordinaires de 2018–2021. Compte rendu intégral [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/15/cr/90102.asp#P1561310> (дата обращения 12.12.2022).
725. ELICOP – Corpus: Etude Linguistique de la Communication Parlée (Corpus électronique) [Электронный ресурс]. – URL: <http://bach.arts.kuleuven.be/elicop/> (дата обращения 12.12.2022).
726. L'Express, 08/09/2017 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/emmanuel-macron_1941719.html (дата обращения 12.12.2022).
727. Figaro-2018 – Le Figaro. Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lefigaro.fr/>
728. FRANTEXT (Corpus électronique) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.frantext.fr> (дата обращения 12.12.2022).
729. HMD – House, MD – LiveJournal: House Transcripts [Электронный ресурс]. – URL: <https://clinic-duty.livejournal.com/17180.html> (дата обращения 12.12.2022).
730. MJM: Mallet-Joris, F. La maison de papier / F. Mallet-Joris. – Paris: Grasset, 1970.– 272 p.

731. Présidentielle 2022: Emmanuel Macron répond à vos questions. [Электронный ресурс]. – URL: [www. youtube.com/watch?v=jR-9OKP5tv4](http://www.youtube.com/watch?v=jR-9OKP5tv4) (дата обращения 12.12.2022).
732. QZ: Queneau, R. Zazie dans le métro / R. Queneau – Paris: Gallimard, 1967. – 181 p.
733. SW: Steinbeck, J. The Winter of Our Discontent / J. Steinbeck. – London: Pan Books Ltd., 1977. – 282 p.
734. TLFi: Trésor de la langue Française informatisé (Corpus électronique) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.atilf.fr/tlfi>, ATILF-CNRS & Université de Lorraine (дата обращения 12.12.2022).
735. TRJC: Rice, T. Jesus Christ Superstar: Rock Opera. Lyrics / T. Rice [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.blogrockology.ru/?p=34648> (дата обращения 12.12.2022).